

2025. Vol. 18. Is. 6

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ориентальные исследования (Елиста)

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2025. T. 18. № 6

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *И. Б. Манджиева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design: *Dz. Tatminov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *I. Mandzhieva*

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история	<i>Сарсенбаев Б. С., Кабульдинов З. Е., Сандыбаева Д. М., Оралова А. А.</i> Внутренняя и внешняя политика хана Тауке	1182
	<i>Тепкеев В. Т.</i> Джунгарско-казахско-калмыцкие отношения в «Годы великого бедствия»	1202
	<i>Мырзабеков М. С., Кокебаева Г. К., Мырзабекова Р. С.</i> Идеи джадидизма и проблемы модернизации казахского общества в конце XIX – начале XX в.	1214
	<i>Ширан Р. О., Доржу З. Ю., Монгуш И. И.</i> Сотрудничество монастыря Устуу-Хурээ с тибетским монастырем Лавран в начале XX в.	1227
Этнология и антропология	<i>Амаякян А. А., Микаелян Р. Т., Микаелян Т. Л.</i> «Хаттская» обувь с загнутыми вверх носками в иконографии бронзового века Южного Кавказа: иконографические данные и упоминания в текстах ритуального значения как свидетельство культурной трансформации	1239
	<i>Абдуманов Р. А.</i> Опыт исследования истории племенного подразделения бушман-бычман	1256
	<i>Яковлева К. М., Прокопьева А. Н., Иванова Л. Ф., Семенова С. А.</i> Нагрудное украшение <i>сурэх</i> : символы веры, статуса и памяти	1270
	<i>Аякова Ж. А.</i> Учение о драгоценности человеческого рождения Чже Цонкапы	1284
Источниковедение	<i>Атыгаев Н. А., Ахметжан К. С., Ибраева А. Г.</i> Связи Казахского ханства и Сефевидского Ирана (письменные источники и музейные материалы Казахстана)	1293
	<i>Музраева Д. Н., Тушинов Б. Л.</i> К проблеме установления авторства ойратских текстов параллельного корпуса (на материале стихотворного намтара Цонкапы)	1309
	<i>Базаров А. А.</i> Тибетоязычный рукописный Кангьюр из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН	1320
	<i>Мацакова Н. П., Амаева Д. В., Колдаева Ц. Ц.</i> Прошение представителей калмыцкого народа министру государственных имуществ М. Н. Островскому: проблемы улучшения положения калмыков . . .	1329
Литературоведение	<i>Бактыбаева А. Т.</i> Смеховое слово и его функции в романе Д. С. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение»	1341
Языкознание	<i>Малышева Н. В., Борисова В. С., Турантаева Н. В., Васильева А. П.</i> Фонетические и лексические особенности абыйского говора якутского языка (по полевым материалам)	1352

CONTENTS

National History	<i>Sarsenbayev B. S., Kabuldinov Z. E., Sandybayeva D. M., Oralova A. A.</i> Internal and External Policies of Khan Tauke	1182
	<i>Tepkeev V. T.</i> Dzungar-Kazakh-Kalmyk Relations in the Years of Great Disasters	1202
	<i>Myrzabekov M. S., Kokebayeva G. K., Myrzabekova R. S.</i> Ideas of Jadidism and Challenges of Modernizing Kazakh Society in the Late Eighteenth and Early Twentieth Century.	1214
	<i>Shirap R. O., Dorzhu Z. Yu., Mongush I. I.</i> Ustuu Khuree and Labrang Monastery: Early Twentieth-Century Partnership	1227
	<i>Hmayakyan H. A., Mikayelyan R. T., Mikayelyan T. L.</i> ‘Hattian’ Footwear with Upturned Toes in Bronze Age Iconography of the South Caucasus: Iconographic and Textual Evidence of Ritual Signification and Cultural Transmission.	1239
Ethnology & Anthropology	<i>Abdumanapov R. A.</i> Bushman / Bychman Tribal Unit: A Historical Insight	1256
	<i>Yakovleva K. M., Prokopeva A. N., Ivanova L. F., Semenova S. A.</i> Sürekh Pectoral Adornment: Symbols of Faith, Status and Memory . .	1270
	<i>Aiakova Zh. A.</i> Preciousness of Human Birth in Je Tsongkhapa’s Teachings	1284
	<i>Atygayev N. A., Ahmetzhan K. S., Ibrayeva A. G.</i> Relations between the Kazakh Khanate and Safavid Iran: Analyzing Written Sources and Museum Materials of Kazakhstan	1293
Sources Studies	<i>Muzraeva D. N., Tushinov B. L.</i> More on Establishing Authorship of Oirat Texts Included in the Parallel Corpus: Analyzing the Poetic Namtar of Je Tsongkhapa	1309
	<i>Bazarov A. A.</i> Tibetan Manuscript Kangyur at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS	1320
	<i>Matsakova N. P., Amaeva D. V., Koldaeva Ts. Ts.</i> A Petition of the Kalmyk People’s Delegates to Minister of State Property M. N. Ostrovsky: Problems of Improving Socioeconomic Conditions for Kalmyks	1329
	<i>Baktybayeva A. T.</i> <i>Metagame. Awakening</i> by D. Sugralinov: Laughing Word and Its Functions	1341
Literary Studies	<i>Malysheva N. V., Borisova V. S., Turantaeva N. V., Vasileva A. P.</i> Phonetic and Lexical Features of Abyisky Yakut: Analyzing Field Data	1352
Linguistics		

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1182–1201, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(574)16

Внутренняя и внешняя политика хана Тауке

*Булат Сергазиевич Сарсенбаев¹,
 Зиябек Ермуханович Кабульдинов^{2,3},
 Динара Маратовна Сандыбаева⁴,
 Акнур Амангельдыевна Оралова⁵*

Internal and External Policies of Khan Tauke

*Bulat S. Sarsenbayev¹,
 Ziyabek Y. Kabuldinov^{2,3},
 Dinara M. Sandybayeva⁴,
 Aknur A. Oralova⁵*

¹ Центр Н. Назарбаева по развитию межконфессионального и межкультурного диалога (д. 1а, ул. Бокейхана, 010000 Астана, Республика Казахстан)

¹ Nazarbayev Center for Interfaith and Cross-Civilizational Dialogue (1A, Bokeykhan St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

кандидат исторических наук, председатель Правления

Cand. Sc. (History), Chairman of Board

 0000-0001-5290-4958. E-mail: [bulatsar57\[at\]yahoo.com](mailto:bulatsar57[at]yahoo.com)

² Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

² Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

доктор исторических наук, директор

Dr. Sc. (History), Director

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

³ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

доктор исторических наук, профессор

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-9625-0535. E-mail: [kabulzia\[at\]rambler.ru](mailto:kabulzia[at]rambler.ru)

⁴ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

⁴ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

магистр истории, научный сотрудник

MA (History), Research Associate

 0009-0003-1881-0685. E-mail: [dinaaara_85\[at\]bk.ru](mailto:dinaaara_85[at]bk.ru)

⁵ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

⁵ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD докторант, научный сотрудник

PhD Student, Research Associate

0000-0003-4979-4203. E-mail: aknur.oralova[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Сарсенбаев Б. С., Кабульдинов З. Е.,
Сандыбаева Д. М., Оралова А. А., 2025© Sarsenbayev B. S., Kabuldinov Z. E.,
Sandybayeva D. M., Oralova A. A., 2025

Аннотация. *Введение.* На рубеже XVII–XVIII в. Казахское ханство оказалось в сложной ситуации: усиливалось давление со стороны Джунгарского ханства, необходимо было выстраивать отношения с Россией и соседними государствами Центральной Азии. В этих условиях особое значение приобрела фигура Тауке-хана, одного из самых авторитетных правителей казахской степи. Его деятельность была направлена на прекращение внутренних конфликтов, укрепление ханской власти и формирование правовых основ, которые должны были обеспечить стабильность внутри Казахского ханства. Ярким результатом его внутренней политики стал свод законов «Жети Жаргы», сыгравший ключевую роль в регулировании как общественных отношений, так и межэтнических контактов. Особое место во внешней политике занимали его усилия по формированию союзнических отношений с кыргызами, что позволило создать условия для совместного противостояния джунгарской угрозе. *Целью* исследования являются выявление особенностей внутренней и внешней политики Тауке-хана, а также анализ значения казахско-кыргызских союзов в системе противодействия джунгарам. *Материалы.* Источниковую базу исследования составили архивные документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и Российского государственного архива древних актов, а также опубликованные материалы («Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 гг.», труды А. И. Левшина, Л. Мейера и др.). *Результаты.* В исследовании сделан акцент на институциональном характере казахско-кыргызских отношений: союз не был эпизодическим, он приобрел устойчивые формы (участие кыргызских биев в курултаях, включение Кокум-бия в систему ханского управления, совместные военные действия против джунгар). Такой подход позволяет рассматривать эти связи не как ситуативный союз, а как политико-правовой механизм, укреплявший ханскую власть. Авторы статьи провели сопоставление разнородных источников и выявили противоречия в оценках личности и политики Тауке-хана в историографии. Результаты исследования показывают, что Тауке-хану удалось не только прекратить усобицы и укрепить власть биев, но и выстроить многовекторную дипломатию. С одной стороны, он искал компромиссы в отношениях с Россией и калмыками, с другой — консолидировал усилия с кыргызами и каракалпаками. Такое сочетание оборонительных и союзнических мер позволило ханству удержать позиции в условиях внешней угрозы.

Ключевые слова: Казахское ханство, Тауке-хан, Жети Жаргы, джунгары, кыргызско-казахские отношения, кыргызы, калмыки, курултай, бии и батыры

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана» (№ BR24993173).

Для цитирования: Сарсенбаев Б. С., Кабульдинов З. Е., Сандыбаева Д. М., Оралова А. А. Внутренняя и внешняя политика хана Тауке // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1182–1201. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1182-1201

Abstract. *Introduction.* At the turn of the eighteenth century, the Kazakh Khanate was under strong pressure from the Dzungar Khanate, took simultaneous diplomatic steps to establish relations with Russia and maintain contacts with neighboring Central Asian states. Khan Tauke (1680–1718) emerged as a most authoritative ruler of the period. His activities were aimed at strengthening khan's authority and power, ending internal conflicts, and shaping customary law through the introduction of the Zheti Zhargy code. A distinctive aspect of his foreign policy was the establishment of alliances with the Kyrgyz, which yielded a united front against the Dzungar aggression. *Goals.* The study attempts an analysis into some particulars of Khan Tauke's domestic and foreign policies, and

highlights the role of Kazakh–Kyrgyz cooperation in resisting the Dzungar pressure. *Materials and methods.* The work focuses on materials from St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN) and the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), as well as on published sources, including Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites, works by A. Levshin and L. Meyer, modern historiographical editions. The study employs the principles of historicism, objectivity, and systemic analysis in combination with a value-based approach that helps interpret Khan Tauke's policies in wider historical contexts of early modern Central Asia. *Results.* The paper shows that Khan Tauke succeeded in overcoming internal feuds, strengthened the authority of biys, and institutionalized legal norms through the Zheti Zhargy. His foreign policy combined defensive measures against the Dzungar, diplomatic contacts with Russia, and systematic cooperation with the Kyrgyz. The participation of Kyrgyz biys in joint assemblies and the integration of Kyrgyz elites, such as Kokum Biy, into the governance system of the Khanate reflected the institutionalized character of these alliances. At the same time, Khan Tauke was seeking to stabilize relations with the Kalmyk and temporarily reduced tensions on the western borders. These measures ensured relative stability within the Khanate and strengthened its international standing. The institutionalization of Kazakh–Kyrgyz cooperation under Khan Tauke thus seems a key episode of steppe diplomacy that offers new perspectives for understanding mechanisms of political survival in early modern Central Asia.

Keywords: Kazakh Khanate, Khan Tauke, Zheti Zhargy, Dzungar aggression, Kyrgyz–Kazakh relations, Kyrgyzes, Kalmyks, kurultai, biys and batyrs.

Acknowledgments. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. BR24993173 ‘Writing an Illustrated Biographical Encyclopedia on the History of Kazakhstan’.

For citation: Sarsenbayev B. S., Kabuldinov Z. E., Sandybayeva D. M., Oralova A. A. Internal and External Policies of Khan Tauke. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 15. Is. 6. Pp. 1182–1201. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1182-1201

1. Введение

Одним из влиятельных и авторитетных старших казахских правителей рубежа XVII–XVIII вв. был хан Тауке, которому удалось проводить взвешенную внутреннюю и внешнюю политику. Казахский правитель предпринял ряд мер, направленных на укрепление единства казахского народа, а также обеспечение защиты от внешних вторжений. При нем Казахское ханство стало признаваемым и уважаемым государством на международной арене.

При Тауке-хане правовые нормы, закрепившие власть и полномочия правителя, оформились в свод «Жети Жаргы». Этот кодекс воспринимался современниками как символ упорядоченности степной жизни и инструмент укрепления ханской власти. Исследователи отмечают, что в период Тауке-хана барымта перестала быть исключительно формой возмещения убытков. Она приобрела значение социального регулятора, обеспечивавшего баланс в обществе и укреплявшего авторитет ханской власти

[Useinova 2020: 3–8]. В условиях внешней угрозы со стороны Джунгарского ханства Тауке хан проводил политику объединения жузов и выстраивания союзов с соседними народами — кыргызами и каракалпаками. Эти меры позволяли укреплять внутреннюю стабильность ханства, а также обеспечивать оборону на южных и восточных рубежах.

Одним из важных направлений деятельности Тауке-хана стало взаимодействие с кыргызами, чьи бии и батыры принимали участие в совместных военных акциях и курултаях. В источниках фиксируется включение кыргызской элиты (Кокум-бий) в систему ханского управления, что отражало институционализацию союзнических отношений [Абдуманов 2025: 110–112]. В документах конца XVII в., хранящихся в российских архивах, зафиксировано участие казахов, кыргызов и каракалпаков в совместных военных действиях против джунгарской угрозы [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171об.; Басин 1971: 111; Галиев 2013: 15; Левшин 1832в: 289].

Деятельность Тауке-хана оставила глубокий след не только в истории казахов, но и в судьбах сопредельных народов Центральной Азии. Внешнеполитическая линия Тауке отличалась многовекторностью: с одной стороны, он укреплял оборону против джунгар, с другой — вел переговоры с Россией и выстраивал устойчивые союзы с кыргызами и каракалпаками [Галиев 2013: 13–15]. Наряду с этим Тауке-хан стремился урегулировать отношения с калмыками, что позволило временно снизить напряженность на западных границах и сосредоточить силы против джунгарской угрозы [Гиззатов, Отеуов 2023: 12–13].

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также опубликованные материалы: «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 гг.» [Эпистолярное наследие 2014], труды А. И. Левшина [Левшин 1832а; Левшин 1832б; Левшин 1832в; Левшин 1996] и Л. Мейера [Мейер 1865].

Методологическую основу работы составили такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность, историзм, системность и конкретность, а также применяемый в исторических исследованиях ценностный подход. Они предполагают всестороннее, объективное рассмотрение тех или иных исторических событий, учет целого спектра факторов, влиявших на деятельность исторической личности и его окружения, рассмотрение исторического события во взаимосвязи всех элементов

3. Обсуждение

В историографии правление Тауке-хана (1680–1718) традиционно рассматривается как переломный этап в истории Казахского ханства. При этом оценки его политики в разных исследовательских традициях неоднозначны.

В казахстанской историографии Тауке рассматривается как государственный дея-

тель, ориентированный на укрепление внутреннего единства и институционализацию ханской власти. В рамках внутренней политики он делал акцент на социальной сплоченности посредством принятия правового кода «Жеті Жарғы», который закрепил основные нормы обычного права и способствовал концентрации верховной власти в руках старшего хана [Куанбай 2024: 48, 56]. В этот период ханская власть приобрела более выраженные институциональные черты, а курултай стали устойчивым механизмом коллективного принятия политических решений. Внешняя политика Тауке, по мнению исследователей, была направлена на укрепление южных и восточных рубежей ханства, что проявилось в союзах с кыргызами и дипломатических контактах с Россией и калмыками [Басин 1971: 142–151; Гиззатов, Отеуов 2023: 8–21].

Кыргызские исследователи подчеркивают другой аспект. В работах, посвященных кыргызско-казахским отношениям XVII–XVIII вв., акцент делается на союзническом взаимодействии против джунгарской угрозы. Так, в «„Кыргызстан“ Улуттук энциклопедия» [Кыргызстан 2006: 553–554] отмечается тесное взаимодействие с кыргызами: их бии принимали участие в курултаях, а союзные отряды выступали в военных действиях против джунгар. Это показывает, что сотрудничество носило системный, а не эпизодический характер. Однако часть авторов указывает на напряженность, связанную с разделом пастбищ и пограничных территорий, что временами осложняло отношения между союзниками [Джуманалиев 2016: 270–272].

В трудах советского периода акцент делался на представлении Тауке-хана как объединителя, который сумел организовать противодействие джунгарской угрозе. При этом внутренняя сложность политической ситуации освещалась в меньшей степени [История 1979: 334–341]. При этом проблемные стороны, связанные с внутривнутриполитическими конфликтами и соперничеством жузов, зачастую оставались в тени.

В современной науке на первый план выходят вопросы интерпретации союзов Тауке-хана с кыргызами. Одни исследова-

тели подчеркивают институционализацию этих отношений: участие кыргызских биев в курултаях, включение представителей кыргызской знати (например, Кокум-бия) в систему ханского управления [Абдуманапов 2025: 106–107]. Другие видят в этих союзах временный военный альянс, обусловленный исключительно внешней угрозой со стороны Джунгарского ханства [Сапаралиев 2022: 86–96].

Таким образом, в историографии сохраняются противоречия: от образа Тауке-хана как мудрого законодателя и созидателя устойчивой государственности — до трактовки его как прагматичного политика, чья внешняя политика определялась ситуативными союзами и необходимостью выживания ханства в условиях внешнего давления. Дискуссионный характер этих оценок подчеркивает значимость дальнейшего изучения архивных материалов и сопоставления казахских, кыргызских и международных источников. В этой связи, на наш взгляд, представляется необходимым проведение всестороннего и скрупулезного изучения кыргызской фольклорной традиции как важнейшего источника историко-культурной информации. Особое внимание следует уделить систематическому анализу материалов шежира (родословных и генеалогических таблиц), в которых отражены социальные связи, происхождение и миграционные пути родов; айтысов — поэтических состязаний акынов, содержащих элементы исторической памяти и оценки событий прошлого; а также исторических рассказов, устных преданий, топонимики и антропонимики, способных пролить свет на этногенетические и культурные процессы в традиционном кыргызском обществе.

4. Происхождение и становление правителя

Будущий хан происходил из потомков Жангир-хана и Есима. Источники указывают, что его матерью была Бану-ханым, представительница знатного рода [Левшин 1996: 162], приходился внуком старшему хану Есиму. По своей генеалогической линии он состоит в прямом и непосредственном родстве с выдающимися казахскими

ханами Касымом и Есимом [Султанов 2001: 92–96; История 1979: 247–249], которые сыграли ключевую роль в укреплении государственности Казахского ханства, его политического единства и международного авторитета, оставив глубокий след не только в истории Казахстана, но и в развитии соседних регионов Центральной Азии и Восточной Европы. Он прожил долгую и наполненную яркими событиями жизнь, окончив ее в почтенном возрасте. Эпоху Тауке называют «золотым веком» в истории казахского народа [Ерофеева 1999: 53]. Тауке родился не позднее начала — середины 1830-х гг. [Абуев 2006: 45]. Матерью Тауке была джунгарка Бану-ханым из знатного рода [Ирмуханов 2006: 548; Мұхтар, Сыдыков 2015: 33]. В источниках и в материалах устного народного творчества хан известен под разными именами: Тауекель, аз (азиз) Тауке (святой Тауке) и др. [Әлімбай 2017: 504]. Его полное имя — Таввакул-Мухаммад-Бахадур-хан [Эпистолярное наследие 2014: 79].

В письменных источниках Тауке появляется с начала 1650-х гг., когда он, будучи в возрасте не более 20 лет, находился в составе посольства своего отца Жангир-хана к правителям чагатаидов Восточного Туркестана. Уже в молодые годы он проявил себя не только храбрым воином, но и мудрым дипломатом [Карибаев 2015: 52], что позволило ему сначала стать ханом Младшего жуза.

К началу 1670-х гг. Тауке преодолел междоусобные распри и одержал ряд побед над джунгарами. В 1680 г., спустя почти 30 лет после гибели своего отца, он пришел к власти во всем Казахском ханстве, *«присоединяя к себе большую часть народа из всех орд и сделав удачные над прочими победы, наименовал себя первым ханом всех трех орд»* [ИКРИ 2007: 70], которыми правил до своей смерти в 1715 г. [РГАДА. Ф. 248. Кн. 573. Л. 612об.; Ерофеева 1999: 32]. По народным преданиям, он получил ханский титул за *«героические подвиги»* в войнах с джунгарами, кыргызами, каракалпаками, за проявленное искусство *«примирять спорящихся и пленять ... сердца даром красноречия»* [Ерофеева 1997: 102]. Тауке обладал выдающимися

организаторскими, военными и дипломатическими способностями, а также умением примирять враждующие стороны. Современники отмечали его как знатока казахских обычаев и традиций, он лично разбирал наиболее сложные судебные процессы. Хан обладал изрядным умом и пользовался большим уважением своих подданных и современников. Российский дипломат А. И. Тевкелев давал такую характеристику: *«Тевке-хан был человек умной и у киргизцов в великом почтении»* [ИКРИ 2005: 302].

На рубеже XVII–XVIII вв. старшие ханы выполняли функции главнокомандующих казахским ополчением во время военных действий, руководили проведением общенациональных курултаев и др. [Избасарова 2022: 129]. Центром власти при Тауке стал Туркестан, крупнейший город региона, являвшийся одной из традиционных столиц Казахского ханства, который играл важную роль в системе политического управления и легитимации ханской власти. Наряду с этим г. Туркестан выступал как значимый религиозно-духовный центр тюркского мира, где концентрировались очаги исламского просвещения, культовые сооружения и святыни, служившие местом паломничества и духовного объединения народов Центральной Азии. Об этом упоминал и западный путешественник Н. Витсен, подчеркивая стратегическое значение города для ханской власти [ИКЗИ 2006: 67].

5. Внутренняя политика

В годы правления старшего хана Тауке Казахское ханство оставалось централизованным государством, на подвластных ему землях строго соблюдались законы, заметно уменьшились межплеменные и межродовые распри.

Тауке постарался, прежде всего, укрепить управленческие позиции представителей степной аристократии — биев, которые обладали значительным весом и полномочиями в казахском обществе. Был усилен политический вес Совета биев, превратившегося в постоянный государственный орган, чья роль в прежние времена носила зачастую формально-традиционный характер. Полномочия биев заметно расшири-

лись, их решения имели обязательную силу [История Казахстана 2010: 424].

Наиболее серьезные вопросы жизни степного социума разрешались теперь при посредничестве авторитетных биев всех трех жузов на ежегодных осенних курултаях вблизи гг. Туркестан, Сайрам и др. Наиболее известным местом собраний была ханская ставка на холме Культобе на левом берегу р. Ангрен в 40 верстах от Ташкента. На таких съездах обсуждались и разрешались злободневные вопросы в области хозяйственной деятельности (в том числе регулировались маршруты кочеваний), отношений между родами, войны и мира и т. д. Такие собрания выполняли и функции военных смотров: *«Существовало право, что человек невооруженный не имеет права голоса на народных сборищах»* [История 1979: 114; Мейер 1865: 61]. Таким образом, помимо биев, возросла роль еще одной значимой социальной группы — батыров.

Спорные ситуации, связанные с распределением земель, утверждением старшин, а также разработкой новых законов проходили с личным участием Тауке-хана. Об этом писал исследователь жизни и быта казахского общества Я. Гавердовский: *«Чтобы в каждой народной части с лучшим порядком управлять общественными делами, старики, по совету Тявки-хана, выбрали трех старейшин, препоруча им смотрение за правосудием биев, или судей, каждого аула и возложив при том на них непосредственную ответственность за все могущие случиться в родах беспорядки хану ... Для предупреждения споров в паствах, Тявка, по добровольному согласию, назначил каждому роду места зимних и летних кочевий, распределил аулы и начальствующих старейшин над оными, ограничил своевластие родоначальников постановлением кратких законов ... и повелел затверживать их детям с самого младенчества, дабы через то только могли сохранить их потомству, передавая изустно»* [Гавердовский 2007: 389].

Таким же образом устранялись разногласия и по поводу распределения водных источников. Каждый род получил свою отдельную тамгу [История 1979: 391].

Пытаясь прекратить некоторые междоусобицы, он нередко объединял разрозненные роды в один крупный род. Например, имеются сведения А. И. Левшина об истории создания жетыру на территории Младшего жуза: «*Меньшая орда прежде составлялась из сильного племени Алчин и семи малых родов, которые, не имея силы противостоять в междоусобицах и барантах многочисленным алчинцам, были соединены знаменитым в народе киргизским ханом Тявкою (Тауке. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.) в одно поколение, известное ныне под именем семиродского*» [Левшин 1832в: 289]. Такое объединение малочисленных и слабых родов в более крупные поколенные группы было необходимо для повышения боеспособности народного ополчения. В то время среди всех тюркских народов казахи занимали по численности второе место после турков-османов [Аристов 1897: 76]. Тауке способствовал тому, чтобы существенно повысить боеспособность конного ополчения, в случае необходимости он мог собрать 80-тысячное войско [Атыгаев 2015: 254].

Российский исследователь Л. Мейер отмечал, что «*могущество ханов киргизских, несмотря на междоусобия, возрастало до конца XVIII столетия... Особенно устроилось и развилось это вольное общество при хане Тявке ... он успел примирить их между собою, прекратив своею справедливостью и правосудием междоусобия родов и дав всему народу законы, основанные на его древних обычаях. Между прочим он определил каждому роду свою кочевку, дал им тамги — знаки для клеймения скота, поныне употребляемые киргизами. Кроме того, он установил, чтобы в один осенний месяц съезжались все старшины для совещания общественных дел. Для управления ордами, он посоветовал старикам в каждой выбрать по одному старейшине, что и исполнено: в большой орде выбран Тюлябий (Толе-би. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.), в средней — Казбек, в меньшей — Итка (Айтеке. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.). Здесь видна древность выборного начала у киргизов. Это время было эпохою наибольшей славы ханов киргизских, царствовавших в Туркестане*» [Мейер 1865: 4–5].

Личность Тауке-хана традиционно связывается с идеей консолидации казахского народа и укреплением централизации Казахского ханства. Именно достигнутая при нем внутренняя сплоченность обеспечивала возможность удерживать под властью старшего хана обширные территории — от Тобольска на севере до Ташкента на юге и от Едила (Волги) на западе до Обско-Иртышского междуречья на востоке.

К рубежу XVII столетия Тауке-хану удалось распространить свою власть далеко за пределы степных кочевий. Под его политическое руководство вошли не только кочевые районы, но и значительная часть городских и земледельческих центров средне- и нижнесырдарьинского региона. В этом поясе оазисов и торговых маршрутов казахские ханы контролировали около тридцати двух городов вместе с их ближайшими территориями, что свидетельствует о заметном укреплении центральной власти: Ташкент, Сайрам, Сыгнак, Отрар, Туркестан, Сузак, Аккорган, Нарнак, Икан и др., население которых выплачивало различные подати, сборы и пошлины [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 14. Л. 122об.; Эпистолярное наследие 2014: 80]. Например, в письме Тауке-хана жителям Сыгнака 1675 / 1676 г. сообщалось, что он назначил в город кази, накиба (*накиблык*) и шейх ал-ислама, который по сложившейся с древних времен практике занимал особое положение в городской среде; жители были обязаны демонстрировать ему уважение и оказывать знаки почтения, включая различные дары и подношения [Эпистолярное наследие 2014: 80].

В марте 1691 г. послы джунгарского Галдана Бошогту-хана к иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому так описывали устройство владений Тауке-хана: «...в Казачье де орде владелец Тююке-хан, а жили де они городками ... а городков де у них адинатцать, а где де владелец Тююке хан живет, и тот де город словоет Ясу (Туркестан. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.), а величиною де тот город средней, а посады де кругом городков великие... кроме де Ясу, другой город Сайрам, третьей Менкет, четвертой Харасман, пятой Чимыгэт, шестой Текек, седмой Бабан Елган, осмой Харамурол, девятой Ташкент,

десятой Чинак, а одинацатому де городу зов забыли, а стоит де на реке Цырцект ... А в городках де поставлены мечати великие, где збираютца на молбище, и судебные де избы в городех построены и сидят для росправы воеводы, и называютца де они беки и беи ... в Казачье де орде хлеба всякого паишут вблизи у городков, и отъезжая по селам много, а скота де всякого многое ж число, а скот де у них верблюды, и кони, и ишаки, и всякой рогатой скот, также де в городех и в селех многие сады, а в садах овощи, яблока и виноград, и вишни, и черносливы, и шебуга, и орехи болише волоские, также и иные многие овощи есть же ... с ханом де Казачьи орды силы на поле выезжает тысяч по десяти и больши» [РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 544. Л. 211–212]. О развитии земледелия у казахов Тауке-хана сообщал в это время и российский посол В. Кобяков, побывавший в 1692 г. в ставке хана: «А хлеб-де ... родится многое число, пшеница, и ячмень, и просо, а хлебы сего — озимые и яровые» [Басин 1971: 116; История 1979: 54].

Важнейшим направлением государственной деятельности Тауке-хана стала ревизия и частичная кодификация норм обычного права. Он инициировал разработку уникального для своего времени свода законов «Жеты Жаргы» («Семь установлений»), что окончательно оформило юридическую систему казахского общества. Принятие такого свода было продиктовано не только необходимостью укрепления внутреннего единства ханства, но и под влиянием того, что главный противник — джунгары — ранее также дополнили свои законы новыми положениями, направленными на усиление их государственности и военной мощи. Составителями свода законов принято считать влиятельных биев, представлявших все три жуза: Толе-би (Старший жуз), Казыбек-би (Средний жуз) и Айтеке-би (Младший жуз) [Султанов 2001: 233]. Как отмечает К. Усеинова, «во времена правления Тауке-хана барымта превратилась в законный способ защиты правопорядка... право на барымту возникало у потерпевшего, если ответчик не исполнял приговор или судебное решение» [Useinova 2020: 3–8]. Безусловно, введение

новой системы судопроизводства и судоустройства стало одним из важнейших факторов консолидации общества. Проведенные реформы способствовали укреплению внутреннего единства народа, повышению уровня правосознания и справедливости в управлении. Одновременно это привело к росту военного потенциала государства, укреплению дисциплины и порядка, а также создало предпосылки для формирования более благоприятного внешнеполитического климата, основанного на признании авторитета ханской власти и стабилизации отношений с соседними странами.

2. В народной памяти эпоха Тауке-хана воспринималась как время всеобщего благополучия и безопасности, что нашло отражение в устойчивом фольклорном выражении — «Қой ұстінде бозторғай жұмыртқалаған» ‘На спине овцы птицы яйца клали’. Следует подчеркнуть, что данное выражение относится к сфере устного народного творчества и отражает обобщенное представление о «золотом веке», закрепившееся в коллективной памяти казахского общества. По словам Г. И. Спасского, «во время Тявки-хана положения сии сохранились без нарушения, со всякою справедливостью, и в народе существовали тишина и спокойствие» [Спасский 2011: 40]. Другой российский исследователь XIX в., Н. И. Красовский, оценивая значение «Жеты Жаргы» для казахского общества, отмечал, что «ни до Тявки, ни после него, в степи не было такого правительства, которое, издав клонившаяся единству разноплеменного общества узаконения, сумело бы само подчиниться закону и охранять его, не допуская ни малейшего самоуправства...» [Красовский 2006: 15].

В результате реформ политическая ситуация в Казахском ханстве оставалась стабильной, возросли способности государства обороняться от внешних угроз [Кәрібаев 2015: 119]. Установления «Жеты Жаргы» закрепили исторически сложившиеся нормы обычного права во всех сферах жизни казахского общества и явились весомым вкладом в развитие юридической мысли последующих веков [Зинуров 2012: 36]. В своде законов «Жеты Жаргы» традиционные

обычаи казахского общества были органично соединены с элементами кочевого права и государственно-правовой традиции.

6. Внешняя политика

В конце XVII – начале XVIII в. положение Казахского ханства осложнялось наличием постоянных и серьезных угроз в пограничных районах: волжских калмыков и яицких казаков на западе, башкир на северо-западе, бухарцев, хивинцев на юге, кыргызов и джунгаров на востоке и юго-востоке. При Тауке-хане внешняя политика приобрела более динамичный и прагматичный характер. Хану удалось укрепить контроль над сопредельными территориями и сформировать военно-политические союзы с алатаускими кыргызами и каракалпаками Приаралья, что стало важным элементом его стратегии региональной безопасности. Русские документы конца XVII в. фиксируют союз казахов, кыргызов и каракалпаков против джунгарской угрозы [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171об.]. Объединенные казахско-кыргызско-каракалпакские войска наносили ощутимые удары по общему противнику — джунгарам. Такие меры позволили несколько приостановить их периодические вторжения в пределы Казахского ханства. Современные исследователи считают, что включение кыргызской элиты (Кокум-бий) в систему ханской власти было частью институционализированного союза, укреплявшего южные рубежи ханства [Абдуманов 2025: 110–112].

С Бухарой хан стремился поддерживать мирные отношения. Случаев жесткого военного противостояния с эмиратом при нем практически не было. Видимо, бухарские правители хорошо понимали, что в случае поражения казахов в противостоянии с джунгарами последние обратят свое внимание и в их сторону. Поэтому между двумя соседними государствами преимущественно развивались торговые отношения, имели место регулярные дипломатические контакты. По мнению В. З. Галиева, именно в годы Тауке-хана джунгарская угроза приобрела форму систематических конфликтов, что вынуждало казахскую знать к консолидации и поиску союзников [Галиев 2013: 11–18].

Бесспорно, что усиление внешней угрозы со стороны могущественных и воинственных джунгар привело к заметной консолидации казахов и некоторому прекращению междоусобных распр между различными кланами чингизидов, властвовавших в степи почти 600 лет.

7. Джунгарский фактор в политике Тауке-хана

Наиболее сложные отношения складывались с Джунгарией. Мирные периоды сосуществования сменялись затяжными военными конфликтами, взаимными набегами. В период правления Галдан Бошогту-хана (1670–1697) завоевательные походы джунгар усилились. В 1681–1685 гг. джунгары регулярно совершали походы на по районам Сырдарьинского региона и Туркестана [История 1979: 302–304; Левшин 18326: 165–168]. Постоянная острая внешняя угроза предопределила создание общего ополчения, и к концу XVII в. большинство казахских племен объединились в военном союзе вокруг хана Тауке. Летом 1687 г. посол Ф. А. Головин докладывал в Сибирский приказ о приезде в Тобольск посла казахского хана Тауке, который сообщил, что *«калмыцкой Бушухту-хан улусными своими людьми приходил войною под Тевки-хановы города и отступил без дела ... А Тевки-хан де собрал воинских людей з городов своих многое число ... И хотел де итти он, Тевки-хан, со своими и с присланными воинскими людьми воевать колмыцкого Бушухту-хана»* [СПбФ АРАН. Ф. Портфели Миллера. Оп. 4. Кн. 12. Д. 90. Л. 161об.]. В 1688 г. Тауке предпринял ряд походов против джунгар и нанес им ощутимые поражения, в том числе отвоевав Ташкент и его округу.

Поздней осенью 1691 г. посланцы джунгарского Галдана Бошогту-хана предлагали тобольскому воеводе С. И. Салтыкову вступить в военное противодействие силам, связанным с казахским Тауке-ханом, поскольку эти группы *«приезжают под ваши государские тобольские слободы воровски и те слободы разоряют и ваших государских людей побивают и в полон емлют. И будет де вы, великие государи,*

поволите, и он де, Бушухту-хан, тех Тевки-хановых людей от такова их воровства уймет войною» [СПбФ АРАН. Ф. Портфели Миллера. Оп. 4. Кн. 12. Д. 63. Л. 121]. О военных столкновениях с джунгарами в 1694 г. известно из сообщения ханского посла батыра Тайкомура Култабая в Тобольский приказ [СПбФ АРАН. Ф. 21 Оп. 4. Кн. 14. Д. 63. Л. 111].

В период следующего правителя Джунгарского хунства Цеван Рабдана (с 1697 г.) казахско-джунгарские отношения особенно осложнились. Общая инициатива в противостоянии в этот период была на стороне джунгар, и отдельные военные успехи Тауке не позволяли переломить ситуацию.

В 1698 г. Тауке-хан принял в своей ставке джунгарское посольство в сопровождении 500 вооруженных лиц. По приказу Тауке не позднее мая 1698 г. все послы и их свита были убиты, что вызвало новое обострение конфликта двух кочевых государств, в результате Цеван Рабдан вторгся в казахские кочевья [Груссе 2005: 297]. 29 мая 1698 г. в письме цинскому императору Канси Цеван Рабдан сообщал, что «все еще не может закончить войну с казахами» [Восточная дипломатия 2015: 45]. С этого времени ожесточенные казахско-джунгарские войны с небольшими перерывами продолжались все последующие годы вплоть до смерти Тауке (1698–1703, 1708, 1709–1710, 1712, 1714 гг.) [Эпистолярное наследие 2014: 81]. Убийство послов в традициях кочевого мира рассматривалось как тяжкое нарушение неписаных норм дипломатического и обычного права, поскольку статус посланника считался неприкосновенным, что делало подобные действия осуждаемыми с социальной и правовой точки зрения [Зиманов 2005: 287–289; Левшин 1832в: 146–148].

29 мая 1698 г. в письме цинскому императору Канси Цеван Рабдан сообщал, что «все еще не может закончить войну с казахами» [Восточная дипломатия 2015: 45]. В декабре 1698 г. джунгары совершили опустошительный поход в район Шу и Таласа, тогда было убито много людей, а также уведено в плен несколько тысяч казахов [Басин 1981: 118].

Джунгарская опасность подталкивала казахскую элиту к постепенному сближению с Российской империей [Абусейтова 2020: 160]. Как отмечает Д. Б. Сапаралиев, Ч. Ч. Валиханов одним из первых в отечественной историографии обратил внимание на казахско-кыргызские отношения XVII–XVIII вв., подчеркнув их противоречивый характер и роль джунгарского фактора, что стало первой попыткой целостного анализа этой проблемы [Сапаралиев 2022: 87–96].

Осенью 1710 г. в Каракумах по инициативе Тауке-хана состоялся съезд казахских биев, старшин и батыров всех трех жузов для определения дальнейших отношений с Джунгарским ханством. Разные группы казахской знати высказывали различные мнения — от полного подчинения до организации отпора. В итоге последняя позиция возобладали и было принято решение о сборе ополчения из всех трех жузов во главе с Богенбай-батыром. Это решение стало поворотным моментом в казахской дипломатии начала XVIII в., так как показало способность власти мобилизовать ресурсы и элиту для отражения внешней угрозы [Кабульдинов и др. 2022: 1202–1216]. В сложный период казахско-джунгарских отношений Тауке-хан проявил такие качества дипломатии, как осторожность, гибкость, политическая воля, которые позволили ему сохранить суверенитет и целостность Казахского ханства [Гиззатов, Отеуов 2023: 18].

8. Военно-дипломатические контакты с Россией

В первые годы правления Тауке-хана отношения с московскими царями складывались непросто. Казахский хан стремился к развитию казахско-русских отношений на началах равенства. Строительство линии новых крепостей не могло не настораживать степного правителя, чья власть также укреплялась. Он осуществлял упреждающие военные походы на пограничные гарнизоны и поселения. Так, в 1680–1682 гг. был предпринят ряд набегов в сторону Тарханского острога, на Утяцкую и Ялutorовскую слободы в Западной Сибири. Наряду с этим Тауке-хан стремился урегулировать отношения с Калмыцким ханством, что позво-

лило временно снизить напряженность на западных границах и сосредоточить силы против джунгарской угрозы [Гиззатов, Отеуов 2023: 12–13].

Вместе с тем дальнейшие военные действия в разных направлениях — джунгарском и к приграничным российским регионам — не входили в планы Тауке-хана. Он стремился перейти на мирный формат взаимодействия с Москвой на фоне обострения отношений с джунгарами [История 1979: 111]. Казахские кочевья и Московское государство отделяла протяженная граница, что делало приграничные территории зоной особой политической чувствительности. Осознавая стратегическую важность поддержания стабильности и торгово-дипломатических связей с северным соседом, хан стремился избежать возникновения любых форм напряжения или конфликтов на пограничье, поскольку это могло подорвать внутреннее равновесие ханства и нарушить сложившийся баланс сил в регионе.

В 1687 г. Тауке-хан направил в Тобольск посольство во главе с батыром Ташимом с целью восстановить прерванные из-за военного конфликта казахов с Джунгарским ханством отношения с Русским государством. Посольство также имело подарки и письмо в Москву к русским царям Ивану V, Петру I и царевне Софье Алексеевне. Тауке предлагал развивать дипломатические и торговые связи: «...надобно слава добрая меж нами; ныне подданным людям надобно покой, и послы и торговые люди меж нами ездили, добрая слава меж нами хорошая будет без смерти на свете» [Эпистолярное наследие 2014: 83]. Торговые связи в это время налаживались, известно, например, что в конце XVII в. у Ямышевского озера россияне покупали у казахов соль [История 1979: 228]. Следующие посольства последовали в 1690–1691 гг. Но они не имели значимых результатов, и взаимные нападения продолжались. Известно, например, что в 1690 г. казахско-каракалпакские войска razорили Тарханский острог, в 1691 г. — Царево Городище, Утяцкую, Куртамышевскую слободы и другие населенные пункты в Западной Сибири и на Южном Урале, имели место нападения на г. Тару и Тарский уезд [Ба-

син 1971: 107–110]. Столкнувшись с рейдами казахских групп, сибирские чиновники использовали дипломатическое давление, включая задержание направленных ханской властью посольств. Подобная практика затронула и Сары — одного из ключевых посланцев Тауке-хана и Кельдея, прибывшего для подписания договора о торговле с представителями тобольской администрации [История 1979: 297–298].

Обострение взаимных отношений побудило обе стороны искать дипломатические пути выхода из кризиса. В 1691 г. Тауке-хан предпринял шаги к нормализации ситуации, направив свои посольские миссии сначала в Тобольск, а затем в Москву. В письме царям Ивану V и Петру I в ноябре того года хан признавал, что ранее были конфликты, но виновные им наказаны, и надеялся на продолжение торговли: *«Промеж нами ссора прошлой зимы ... Бога не боясь, в украинских местах кашку с караванов пограбили, для того сколько мочи моей было, которые люди пограбили, гораздо наказание учинено ... А мы дурна никакова не ищем, вы и мы буде в совете учнем жить ... Только мы будем в совете, и ваши с торгом к нам будут, а наши же бедные к вам, такоже буде, будут ездить»*, а также просил отпустить захваченных послов: *«А от нас которые к вам поехали, к нам отпустите, а кои ваши люди у нас, и тех людей с караваном весною по пластам к вам отпустим, и иного ничего нет»* [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171об.].

В качестве дипломатического шага на встречу царская администрация, действовавшая через сибирских правителей, в июле 1692 г. отправила в Туркестан ответную миссию. Делегация включала Андрея Неприпасова, происходившего из боярских детей, казака Василия Кобякова и переводчика Юлуа Шаманаева. На переговорах обсуждались вопросы обмена пленными, прекращения набегов, но результатов не последовало. Российские посланники не смогли гарантировать освобождения Кельдея, и их взяли в плен, а набег продолжился [Басин 1971: 109–111].

В дальнейшем Тауке-хану продолжил прилагать значительные дипломатические

усилия для вызволения своего знатного батыра. Об этом Тауке неоднократно просил в письмах царям Ивану V и Петру I в ноябре 1692 г.: «...а того человека нашего с Карагызбаем отпустили, и то бы добро было; и буде одним человеком грады наполнятся, и вы его держите», «и вам бы его Кабая с мурзою Килдеем отпустить весною, а мы о том бьем челом, и мы о том любезно пишем» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 178об., 179об.]. В октябре 1693 г. хан предлагал освободить Кельдея в обмен на задержанных им тобольских посланцев: «И ведомо от Адама и по се время такова дела не слыхали, что за воровских людей держать посланца ... мурза Кильдея отпустите ... Мурзы Кильдеева сродичи к нашему величеству о нем бьют челом, чтобы не отпустить русских посланцев отсюда, и для чего мы тобольских посланцев задержали» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 178об., 179об.]. Тауке-хан согласился отпустить Андрея Неприпасова и Василия Кобякова, если сибирская сторона в свою очередь вернет мурзу Кельдея. Он также уведомил о готовности возобновить торгово-дипломатические отношения после проведения обмена. В письме хан особо подчеркнул, что порицает действия людей султана Казы и каракалпаков, совершивших нападения на сибирские остроги, и добавил: «я их за такое худое дело крепко бранил и в стыд привел и говорил я им, чтоб они здравствовали на своих государствах, а мы были здесь. И мы такому худому воровству и недоброму делу не рады, и не надобно, и не любим, что меж царствами такие дурости чинятся» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 187об.–188; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Л. 117, 117об.]. В это же время такая просьба содержалась и в письме тобольскому воеводе А. Ф. Нарышкину: «... я отправил в качестве посланцев [к вам] двух своих рабов. Один [из них] умер, а другой — мирза Келды — задержан. С каких это пор было, чтобы посланца задерживали как разбойника. А сейчас это в порядке вещей. Если мирза Келды жив, отправьте его назад вместе с вашими купцами. Тогда мы отправим вашего посланца восвояси вме-

сте с нашими купцами...» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 118–119]. Затем в новом письме Петру I в октябре 1694 г., увязывая решение этого вопроса с установлением дружеских отношений: «А как государская милость о кое время будет, и по вашей и по нашей милости посланцы и торговые люди будут ездить по-прежнему; и впредь бы вам и нам была добрая слава и меж нашими царствами по вашей и по нашей милости всякие люди во всяком добре покоились» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 117].

В 1694 г. Московское государство направило к хану новое посольство из Тобольска во главе с сибирским казаком Федором Скибиным, чтобы «сделать выговор казахскому хану о разбойном нападении его людей на русские поселения» [Княжецкая 1980: 66–67], договориться об освобождении послов Андрея Неприпасова и Василия Кобякова и прекращении взаимных набегов [Княжецкая 1980: 66–73; Каменецкий 2025: 18–29]. Но и это посольство оказалось неудачным. Федора Скибин по прибытии в Туркестан сам оказался задержан, только спустя два года ему удалось через Бухару вернуться в Сибирь.

Несмотря на неоднократные дипломатические реверансы, приграничные конфликты не прекращались: в источниках за 1693 г. сообщалось, что жители Ялуторовской слободы «от Казачьей Орды сидят в осаде»; с началом весны 1695 г. в казахских и башкирских сообществах сформировалось намерение организовать совместное выступление «собча под тобольския слободы войною» [Актовые источники 1993: 181–182]. В описываемое время Западная Сибирь испытывала значительное обострение военно-политической ситуации. В кочевых нападениях участвовали представители разных этнополитических групп (казахи, башкиры и джунгары). Источники фиксируют и их совместные действия, что свидетельствует о временных союзах и координации. По информации сибирского картографа и хрониста С. У. Ремезова, в 1700 г. «с Казачьей Орды приходили и воевали Тюкалинскую волость» [Ремезов 1882: 5]. По возвращении из казахского плена российские послы Василий Кобяков, Федор Скибин и другие, посланные к Тауке с целью убедить его остановить набе-

ги на русские города и слободы, сообщали, что многие старшины, окружавшие хана, являлись сторонниками продолжения набегов [Зиманов 2005: 245].

В сложившихся условиях, когда дипломатические приемы не помогали, царские власти были вынуждены принимать всевозможные меры, чтобы повлиять на казахского правителя. Одним из примеров может служить предписание, выданное 10 января 1694 г. В этот день российские монархи Иван V и Петр I направили стольнику А. Ф. Нарышкину официальный указ, в котором излагались необходимые распоряжения «*об отпуске мурзы (видимо, татарина. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.) к Тевки хану, об отправлении к нему же жалования против его подарков в полтора и о объявлении о нечинении от него разорений*» [Актывые источники 1993: 174].

Во второй половине 1700-х гг. Тауке-хан принимал участие в башкирском Алдар-Кусюмовском восстании. В сентябре 1708 г. уфимский воевода доносил о том, что «*от каракалтацкого хана Тевки к вора башкирцам, в начале к вору Алдару, пришли посланцы проводить что у башкирцев учинилось с русскими, а другие извещали в Уфе, что они пришли к сообщению воровства*» [Материалы по истории 1936: 250]. В этот год Тауке во главе отрядов казахов и каракалпаков подошел к Казани, но его намерения доподлинно не были известны [Избасарова 2016: 65].

Несмотря на обмен посольствами и доброжелательные письма хана в Москву, нападения продолжались, поскольку они приносили прибыль, многие трофеи с большой выгодой потом сбывались на базарах в городах Средней Азии. Исследователи считают, что в форме набегов на пограничные селения или на караваны и обозы, направлявшиеся в Яицк, Оренбург, Тобольск, Тюмень и другие крепости, казахи осуществляли посильное сопротивление продвижению России вглубь Степи [Хафизова 2019: 374].

9. Кончина Тауке и начало ослабления Казахского ханства

В последние годы правления хана на фоне ослабления центральной власти замет-

но усилилась джунгарская угроза. Позднее И. К. Кирилов так описывал сложившуюся в начале 1710-х гг. ситуацию: «*Все те киргиз-кайсацкие орды могли бы тех калмыков одолеть, ежели б обще согласились. А у них один хан войною пойдет, а другой оставляет, и так свое влияние у калмыков теряют*» [История 1979: 16].

В последние годы жизни Тауке-хан лично не принимал участия в военных походах, сказывались преклонный возраст и слабое здоровье. В 1715 г. хан умер в своей столице г. Туркестане, где и был похоронен [Касымбаев 1999: 14].

Смена правителей обострила внутренние противоречия: те султанские группировки, которые оказались лишены политического участия, выразили открытое недовольство. Это спровоцировало борьбу за верховную власть и ввело казахскую степь в состояние глубокого социально-политического кризиса. Традиционная система отношений между родами, племенами и жузами начала разрушаться, что выразилось в ослаблении внутриплеменных связей и возобновлении старых междоусобных конфликтов. По мере углубления кризиса в каждом жузе стали возникать самостоятельные центры власти — так называемые келте-ханы («малые ханы»), что свидетельствовало о тенденции к политической децентрализации степи. Об упадке былого могущества Казахского ханства наиболее ярко написал А. И. Левшин: «*Только что восстановленная Тявкою тишина недолго существовала между киргиз-казаками. Вскоре начались опять междоусобия, и соседственные народы не замедлили воспользоваться оными. С запада стали нападать волжские калмыки, с севера — башкиры и сибирские казаки. Страшнее всех были с востока зюнгары, которыми владел тогда сильный хонтайдзи Галдан Цырен (Черен), не только заставивший трепетать всех кочующих соседей своих, но и возбудивший внимание даже России и Китая... Волжские калмыки, башкиры, сибирские казаки более, нежели когда-нибудь, начали нападать на них (казахов. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.). Галдан Черен не мог быть равнодушным свидетелем гибели древних непри-*

ятелей своего народа, не мог не оплатить им беспокойств и обид, от них претерпленных предками его в течение с лишком ста лет» [Левшин 1832б: 165–166].

Ослаблением хана и его кончиной воспользовались не только Джунгарское государство. После смерти Тауке-хана российская администрация, контролировавшая западносибирские территории, стала проводить более энергичную политику на границах с казахскими землями. Основной акцент был сделан на расширение военной разведки и укрепление влияния путем фортификационного строительства. На правобережье Иртыша в 1716–1720 гг. возникла целая линия крепостей — от Омской и Черлакской до Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской. Между этими опорными пунктами размещались малые оборонительные сооружения — редуты и форпосты, образовавшие единую систему контроля пограничного пространства [Катанаев 2007: 163]. Возведению крепостей благоприятствовало противостояние двух кочевых государств. Это подтверждается историком сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаевым: «На взаимном ослаблении и истреблении враждовавших народов Гагарин¹ строил успех задуманного им движения в верховья Иртыша» [Катанаев 2007: 163].

Тауке содействовал временной консолидации казахов трех жузов и правил Казахским ханством на протяжении почти 35 лет. Он был одним из последних ханов, власть которого распространялась во всей казахской степи. Хан проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Главными задачами внутри государства являлись усиление личной власти и укрепление единства казахского общества. На международной арене его правление ознаменовано продолжительными и многочисленными войнами с джунгарами, а также попытками военно-дипломатическими методами ослабить влияние Российского государства в северной части Степи. Кончина хана Тауке привела к политической раздробленности, появлению самостоятельных ханов во всех

трех жузах [Кәрібаев 2019: 121]. История централизованного казахского государства завершилась. Центробежные тенденции оставили степной социум разобщенным и раздробленным, не позволили объединить необходимые силы для отражения последующих волн джунгарской угрозы. Среди потомков Тауке-хана были такие известные правители, как его сыновья Болат и Самеке, внуки — Абулмамбет и Есим [Султанов 2001: 250–252].

10. Заключение

Правление Тауке-хана стало переломным этапом в истории Казахского ханства. В условиях нарастающей внешней угрозы со стороны Джунгарского государства и сохранявшихся внутренних противоречий ему удалось выстроить систему управления, обеспечившую относительное единство и стабильность ханства. Существенную роль в этом сыграло принятие свода законов «Жеті Жарғы», который придал нормам обычного права институциональную форму и укрепил авторитет ханской власти и совета биев.

Во внешней политике Тауке-хан сочетал оборонительные меры с активным использованием дипломатических инструментов. Он стремился наладить контакты с Россией, рассчитывая на укрепление северных рубежей и получение дипломатической поддержки, а также выстраивал союзнические отношения с кыргызами, которые, как и казахи, подвергались давлению со стороны джунгар. Участие кыргызских биев в казахских курултаях и включение отдельных представителей кыргызской знати в политическую систему ханства свидетельствуют о том, что это сотрудничество носило устойчивый и институциональный характер. Подобные союзы усиливали позиции Казахского ханства и позволяли организовать коллективное сопротивление внешней угрозе.

Материалы архивов и опубликованные источники показывают, что политика Тауке-хана не сводилась исключительно к военным действиям. Он последовательно стремился сочетать силовые меры с дипломатическими шагами, пытаясь снизить на-

¹ М. П. Гагарин — первый губернатор Сибирской губернии в 1711–1719 гг.

пряженность в отношениях с калмыками и выстраивать осторожную линию взаимодействия с Россией. Такой подход позволял выигрывать время и поддерживать стратегический баланс в регионе.

В историографии оценки личности и деятельности Тауке-хана остаются неоднозначными. Одни исследователи рассматривают его прежде всего как мудрого законодателя и создателя государственной системы, другие как прагматичного политика, чьи решения определялись внешнеполитической обстановкой. Представляется, что эти подходы не исключают друг друга: Тауке-хан сумел соединить традиционные ме-

ханизмы власти с гибкой дипломатией, что обеспечило относительную устойчивость Казахского ханства в сложный исторический период.

Таким образом, эпоха Тауке-хана может быть охарактеризована как время консолидации и многовекторной дипломатии, когда правовые реформы и устойчивые союзы стали ключевыми факторами сохранения государственности. Это позволяет рассматривать его деятельность не только в контексте национальной истории, но и как часть более широких процессов политического и культурного взаимодействия в Центральной Азии конца XVII – начала XVIII вв.

Источники

- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Sources

- Russian State Archive of Ancient Acts.
Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.

Литература

- Абдуманов 2025 — *Абдуманов Р. А.* Кокум-бий и кыргызско-казахские отношения XVII–XVIII вв. // *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. № 1. С. 105–121. DOI: 10.65076/3105-0042.2025.1.105.121
Абуев 2006 — *Абуев К.* Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
Абусейтова 1981 — *Абусейтова М. Х.* Казахско-среднеазиатские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1981. 240 с.
Абусейтова 2020 — *Абусейтова М. Х.* Казахское ханство. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 344 с.
Актовые источники 1993 — Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Т. 1. История Сибири. Первоисточники / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 250 с.
Аристов 1897 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1897. 176 с.
Атыгаев 2015 — *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в потоке истории. Очерки. Алматы: Елтаным, 2015. 384 с.

References

- Abdumanapov R. A. Kokum-biy is a representative of the ruling elite of the Kazakh Khanate. *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 105–121. (In Russ.)
Abuev K. Khan Abylai and His Era. Astana: Elorda, 2006. 304 p. (In Russ.)
Abuseitova M. Kh. Kazakhs and Central Asia: Sixteenth to Eighteenth Century Relations. Alma-Ata: Nauka, 1981. 240 p. (In Russ.)
Abuseitova M. Kh. Kazakh Khanate. Almaty: Shygys Pen Batys, 2020. 344 p. (In Russ.)
Pokrovsky N. N. (ed.) Acts and Documents on the History of Sixteenth to Eighteenth Century Russia and Siberia in G. F. Müller's Archives: Inventories of Copies. In 2 vols. Vol. 1: History of Siberia. Primary Sources. Novosibirsk, 1993. 250 p. (In Russ.)
Aristov N. A. Notes on Ethnic Structures of Turkic Tribes and Peoples, and Their Population Numbers. St. Petersburg: S. Khudekov, 1897. 176 p. (In Russ.)
Atygaev N. A. Kazakh Khanate in History's Stream. Essays. Almaty: Eltanym, 2015. 384 p. (In Russ.)

- Басин 1971 — *Басин В. Я.* Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
- Восточная дипломатия 2015 — Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV – 70 годы XIX вв.). Сборник документов и материалов / отв. ред. К. Ш. Хафизова, Д. К. Кыдырали. Астана: Ғылым, 2015. 400 с.
- Гавердовский 2007 — *Гавердовский Я. П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 389–391.
- Галиев 2013 — *Галиев В. З.* Усиление борьбы казахского народа против джунгарской агрессии в начале XVIII века // Отан тарихы. 2013. № 1. С. 11–26.
- Гиззатов, Отеуов 2023 — *Гиззатов К. А., Отеуов К. К.* Роль Тауке-хана в урегулировании казахско-калмыцких отношений в конце XVII – начале XVIII вв. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 1. С. 8–21.
- Груссе 2005 — *Груссе Р.* Империя степей. Атилл. Чингисхан. Тамерлан. Т. II / пер. с фр. Х. К. Хамраева; сост. Б. М. Сужиков. Алматы: Санат, 2005. 336 с.
- Джуманалиев 2016 — *Джуманалиев А.* Кыргызстандын тарыхы: Байыркы мезгилден бүгүнкү күнгө чейин (= История Кыргызстана: от древних времен до наших дней). Т. II. Бишкек: Билим, 2016. 640 с.
- Древний мир права 2005 — Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования в десяти томах / ред. С. З. Зиманов. Т. 4. Алматы: Жеті жарғы, 2005. 552 с.
- Ерофеева 1997 — *Ерофеева И. В.* Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд Сороса – Казахстан, 1997. С. 46–144.
- Ерофеева 1999 — *Ерофеева И. В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.
- Зиманов 2005 — *Зиманов С. З.* Древний мир права казахов. Алматы: Жеті жарғы, 2005. 676 с.
- Basin V. Ya. Russia and Kazakh Khanates, Sixteenth–Eighteenth Centuries: Kazakhstan in the Russian Empire’s Foreign Policy System. Alma-Ata: Nauka, 1971. 275 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh., Kydyrali D. K. (eds.) Eastern Diplomacy at Civilizational Crossroads, Late Fourteenth to Late Nineteenth Centuries (1870s). Collected documents and materials. Astana: Gylym, 2015. 400 p. (In Russ.)
- Gavardovsky Ya. P. Review of Kirghiz-Kaisak Steppe (Pt. 2), or Description of Kirghiz-Kaisak Land and People. In: History of Kazakhstan from Sixteenth to Twentieth Century Russian Sources. Vol. 5. Almaty: Daik-Press, 2007. Pp. 389–391. (In Russ.)
- Galiev V. Z. Intensification of the Kazakh people’s struggle against the early nineteenth century Dzungar aggression. *Otan Tarikhy*. 2013. No. 1 (61). Pp. 11–26. (In Russ.)
- Gizatov K. A., Oteuov K. K. The role of Tauke-Khan in the settlement of Kazakh-Kalmyk relations in the late 17th – early 18th centuries. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*. 2023. No. 4(16). Pp. 8–21. (In Russ.)
- Grousset R. The Empire of the Steppes: Attila, Genghis Khan, Tamerlane. Vol. 2. Kh. Khamraev (transl.); B. Suzhikov (comp.). Almaty: Sanat, 2005. 336 p. (In Russ.)
- Dzhumanaliev A. History of Kyrgyzstan: From Ancient Times to Present Days. Vol. 2. Bishkek: Bilim, 2016. 640 p. (In Kyrg.)
- Zimanov S. Z. (ed.) The Ancient World of Kazakh Law: Materials, Documents and Studies. In 10 vols. Vol. 4. Almaty: Zheti Zhargy, 2005. 552 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Kazakh Khans and royal dynasties, eighteenth – mid-nineteenth centuries. In: Culture and History of Central Asia and Kazakhstan. Research Problems and Prospects. Almaty: Soros Kazakhstan Foundation, 1997. Pp. 46–144. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Khan Abulkhair: Warlord, Ruler, and Politician. Almaty: Sanat, 1999. 336 p. (In Russ.)
- Zimanov S. Z. The Ancient World of Kazakh Law. Almaty: Zheti Zhargy, 2005. 676 p. (In Russ.)

- Зинуров 2012 — *Зинуров Р. Н.* «Жети жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // Проблемы востоковедения. 2012. № 4(58). С. 32–37.
- Избасарова 2016 — *Избасарова Г. Б.* Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5(2). С. 63–68.
- Избасарова 2022 — *Избасарова Г. Б.* Западный Казахстан в региональной политике Российской империи (XVIII – начало XIX вв.). Актобе: ПринтА, 2022. 358 с.
- ИКЗИ 2006 — История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 6. Ч. 2. Немецкие исследователи в Казахстане / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. 312 с.
- ИКРИ 2005 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / сост. и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
- ИКРИ 2007 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. / сост.: И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 620 с.
- Ирмуханов 2006 — *Ирмуханов Б.* Прошлое Казахстана в письменных источниках. V в. до н. э. – XV в. н. э. Алматы: Өлке, 2006. 552 с.
- История 1943 — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 670 с.
- История 1979 — История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): в 5 тт. / ред. колл.: С. Б. Баишев, Г. М. Мусрепов, А. Н. Нусупбеков и др. Т. 2. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 544 с.
- История Казахстана 2010 — История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в пяти томах. Т. 2: Казахстан в эпоху позднего средневековья / ред. К. М. Байпаков. Алматы: Атамұра, 2010. 624 с.
- Zinurov R. N. “Zheti Zhargy” (“Seven Charters”) by Tauke Khan as a great legal document: Legal custom, legal procedure and penalty. *The Problems of Oriental Studies*. 2012. No. 4(58). Pp. 32–37. (In Russ.)
- Izbasarova G. B. The Russian factor in the Kazakh-Bashkir relations in the 1st quarter of the XVIII century. *Historical and Social Educational Ideas*. 2016. Vol. 8. No. 5(2). Pp. 63–68. (In Russ.)
- Izbasarova G. B. Western Kazakhstan in the Russian Empire’s Regional Policy, Eighteenth – Early Nineteenth Centuries. Aktope: PrintA, 2022. 358 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan from Twelfth to Twentieth Century Western Sources. Vol. 6. Pt. 2: German Researchers in Kazakhstan. Almaty: Sanat, 2006. 312 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan from Sixteenth to Twentieth Century Russian Sources. Vol. 3: Records and Service Notes by Diplomat A. I. Tevkelev on Kazakhstan’s History and Ethnography, 1731–1759. by. Almaty: Daik-Press, 2005. 484 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) History of Kazakhstan from Sixteenth to Twentieth Century Russian Sources. Vol. 5: Earliest Historical and Ethnographic Descriptions of Kazakh-Inhabited Lands, Early-to-Mid Nineteenth Century. Almaty: Daik-Press, 2007. 620 p. (In Russ.)
- Irmukhanov B. Kazakhstan’s Past in Written Sources, Fifth Century BCE – Fifteenth Century CE. Almaty: Өлке, 2006. 552 p. (In Russ.)
- Abdykalykov M., Pankratova A. (eds.) History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to Present Days. Alma-Ata: KazOGIZ, 1943. 670 p. (In Russ.)
- Baishev S. B. et al. (eds.) History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to Present Days. In 5 vols. Vol. 3. Alma-Ata: Nauka, 1979. 544 p. (In Russ.)
- Baypakov K. M. (ed.) History of Kazakhstan: From Ancient Times to Present Days. In 5 vols. Vol. 2: Late Medieval Kazakhstan. Almaty: Atamura, 2010. 624 p. (In Russ.)

- Кабульдинов и др. 2022 — Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р., Абиля Е. А., Тылахметова А. С. Некоторые аспекты из истории взаимоотношений ханов Абылая и Уали с Цинской империей (на основе архивных источников) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1202–1216. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216
- Каменецкий 2025 — Каменецкий И. П. Посольская миссия сибирского казака Федора Скибина в Казахскую Орду в 1694–1696 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «История. Регионоведение. Международные отношения». 2025. Т. 30. № 1. С. 18–29.
- Карибаев 2015 — Карибаев Б. Тауке хан // Маслихат и акимат. 2015. № 3. С. 49–61.
- Касымбаев 1999 — Касымбаев Ж. К. Государственные деятели Казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Катанаев 2007 — Катанаев Г. Е. Прииртышские казахи и казаки: история, хозяйство и быт. Астана: Алтын кітап, 2007. 223 с.
- Княжецкая 1980 — Княжецкая Е. А. Путешествие тобольского казака Федора Скибина в Казахскую орду в 1694–1696 гг. // Страны и народы Востока / под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. 22. М.: Наука, 1980. С. 66–73.
- Красовский 2006 — Красовский Н. И. Образ жизни казахов степных округов // Библиотека казахской этнографии. Т. 12. Павлодар: ЭКО, 2006. 285 с.
- Куанбай 2024 — Куанбай О. Б. Foreign and internal policies of Tauke khan and the significance of the “Zheti zhargy” law // *Otan тарихы*. 2024. Т. 27. № 1. С. 48–64. DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_1_48-64
- Кыргызстан 2006 — «Кыргызстан» Улуттук энциклопедия (= Национальная энциклопедия «Кыргызстан») / под общ. ред. У. А. Асанова. Т. I. Бишкек: Мамлекеттик тил жана энциклопедия борбору, 2006. 688 с.
- Левшин 1832а — Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 1. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. X, 334 с.
- Kabuldinov Z. E., Beisembayeva A. R., Abil Ye. A., Tylakhmetova A. S. Kazakh Khans Abylai, Uali — and the Qing Empire: Analyzing archival sources for some historical aspects of relations. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1202–1216. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216
- Kamenetskii I. P. Ambassador’s mission of the Siberian Cossack Fyodor Skibin to the Kazakh Horde in 1694–1696. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2025. Vol. 30. No. 1. Pp. 18–29. (In Russ.)
- Karibayev B. Tauke Khan. *Maslikhat i akimat*. 2015. No. 3. Pp. 49–61. (In Russ.)
- Kasymbayev Zh. K. Statesmen of Eighteenth-Century Kazakh Khanates. Almaty: Bilim, 1999. 288 p. (In Russ.)
- Katanaev G. E. Irtysh Kazakhs and Cossacks: History, Economy, and Everyday Life. Astana: Altyn Kitap, 2007. 223 p. (In Russ.)
- Knyazhetskaya E. A. Tobolsk Cossack Fyodor Skibin and his 1694–1696 journey to the Kazakh Horde. In: *Countries and Peoples of the East*. Vol. 22. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 66–73. (In Russ.)
- Krasovsky N. I. Kazakhs of Steppe Districts and Their Lifestyles. (The Library of Kazakh Ethnography 12). Pavlodar: EKO, 2006. 285 p. (In Russ.)
- Kuanbay O. B. Foreign and internal policies of Tauke khan and the significance of the “Zheti zhargy” law. *Otan Tarikhy*. 2024. Vol. 27. No. 1. Pp. 48–64. (In Eng.) DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_1_48-64
- Asanov U. A. (ed.) *Kyrgyzstan: The National Encyclopedia*. Vol. 1. Bishkek: State Language and Encyclopedia Center, 2006. 688 p. (In Kyrg.)
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppe. Pt. 1. St. Petersburg: K. Kray, 1832. X, 334 p. (In Russ.)

- Левшин 1832б — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. [6], 304 с.
- Левшин 1832в — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. XII, [2], 264 с.
- Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Материалы по истории 1936 — Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1 / отв. ред. А. Чулошников. М.; Л.: АН СССР, 1936. 631 с.
- Мейер 1865 — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства / сост. Л. Мейер. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 414 с.
- Ремезов 1882 — *Ремезов С.* Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Тип. А. М. Котомина и Ко., 1882. 76 с.
- Сапаралиев 2022 — *Сапаралиев Д. Б.* Об отражении кыргызско-казахских взаимоотношений XVII–XVIII вв. в научных трудах Ч. Валиханова // Чыгыш таануунун маселелери (= Вопросы востоковедения). 2022. № 1. С. 86–96.
- Спасский 2011 — *Спасский Г. И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: LEM, 2011. С. 12–71.
- Султанов 2001 — *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
- Хафизова 2019 — *Хафизова К. Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- Эпистолярное наследие 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 гг. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppe. Pt. 2. St. Petersburg: K. Kray, 1832. [6], 304 p. (In Russ.)
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppe. Pt. 3. St. Petersburg: K. Kray, 1832. XII, [2], 264 p. (In Russ.)
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppes. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.)
- Chuloshnikov A. (ed.) Bashkir ASSR: Historical Materials. Pt. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 631 p. (In Russ.)
- Meyer L. Materials for Russia's Geography and Statistics Collected by Officers of the General Staff. Kirghiz Steppe of Orenburg Governorate. St. Petersburg: E. Weimar & F. Person, 1865. 414 p. (In Russ.)
- Remezov S. A Book of Drawings and Schemes Compiled by the Tobolsk Boyar Son Semyon Remezov in 1701. St. Petersburg: A. Kotomin & Co., 1882. 76 p. (In Russ.)
- Saparaliev D. B. The reflection of the Kyrgyz-Kazakh relations in XVII–XVIII centuries in the scientific works of Chokan Valikhanov. *Issues of Oriental Studies*. 2022. No. 1. Pp. 86–96. (In Russ.)
- Spassky G. I. Kirghiz-Kaisaks of the Senior, Middle and Junior Hordes. In: History of Kazakhstan in Documents and Materials: Almanac. Vol. 1. Almaty: LEM, 2011. Pp. 12–71. (In Russ.)
- Sultanov T. I. The Ones Raised on White Felt. Descendants of Genghis Khan. Almaty: Daik-Press, 2001. 276 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. Steppe Rulers and Their Diplomacies, Eighteenth–Nineteenth Centuries. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2019. 476 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites, 1675–1821. Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Almaty: ABDI Company, 2014. 696 p. (In Russ.)

- Әлімбай 2017 — *Әлімбай Н. Жеті Жарғы* // Қазақтың этнографиялық категориялар ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Т. 2. Ғ–З. Алматы: Алем Даму-Интеграция, 2017. 848 б.
- Кәрібаев 2015 — *Кәрібаев Б. Қазақ хандары = Казахские ханы = Kazakh khans*. Алматы: Сардар, 2015. 128 б.
- Мұхтар, Сыдыков 2015 — *Мұхтар Ә., Сыдыков Е. XVII–XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы (= Казахское ханство в XVII–XIX веках)*. Алматы: «Мереке баспалар үйі» ЖШС, 2015. 688 б.
- Useinova 2020 — *Useinova K. Barymta — as an institution of the legal system* // BTSES-2020. Web of Conferences. 2020. Vol. 159. Pp. 3–8. DOI: 10.1051/e3sconf/202015905005
- Älimbai N. Zhety Zhargy. In: Traditional System of Kazakh Ethnic Categories, Concepts and Terms. Encyclopedia. Vol. 2. Ғ–З. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. P. 848. (In Kaz.)
- Karibayev B. Kazakh Khans. Almaty: Sardar, 2015. 128 p. (In Kaz.)
- Mukhtar A., Sydykov E. Kazakh Khanate, Seventeenth–Nineteenth Centuries. Almaty: Mereke Baspalar Uyi, 2015. 688 p. (In Kaz.)
- Useinova K., Toktybaev A., Isabekov A., Sartayev S., Zhainak A. Barymta — as an institution of the legal system. In: Ziyadin S. et al. (eds.) BTSES–2020. Conference proceedings (E3S Web of Conferences 159). Almaty, 2020. Pp. 3–8. (In Eng.) DOI: 10.1051/e3sconf/202015905005

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1202–1213, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

Джунгарско-казахско-калмыц- кие отношения в «Годы велико- го бедствия»

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

Dzungar-Kazakh-Kalmyk Relations in the Years of Great Disasters

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025
 © Тепкеев В. Т., 2025

© KalmSC RAS, 2025
 © Tepkeev V. T., 2025

Аннотация. *Введение.* История складывавшихся в XVIII в. джунгарско-казахско-калмыцких отношений требует более тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. Непростые взаимоотношения кочевых народов затрагивали разные политические проблемы, в решении которых в первую очередь принимало участие Российское государство. *Цель* статьи — с учетом введения в научный оборот новых архивных сведений проанализировать и дать объективную оценку джунгарско-казахско-калмыцким отношениям в 1720-е гг. *Источниковой базой* послужили материалы Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия, а также опубликованные документы. *Результаты.* На основе источников построена довольно подробная хронология событий джунгарско-казахско-калмыцких отношений в «Годы великого бедствия», что дает возможность для дальнейшего исследования этой темы. *Выводы.* «Годы великого бедствия» имели самые отрицательные последствия для казахского общества. Массовое передвижение казахов в западном направлении привело и к тому, что начались земельные конфликты с соседними народами — волжскими калмыками и башкирами. Военные действия в двух направлениях — против джунгар и калмыков — несколько ослабили казахскую сторону. Небольшие локальные военные успехи волжских калмыков не могли остановить дальнейшую экспансию казахов в западном направлении. Под давлением джунгарских войск казахские правители искали пути возможного отступления в степи Северного Прикаспия и через столкновения выстраивали отношения с волжскими калмыками на договорной основе. Однако отсутствие политического единства в Калмыцком ханстве делало его достаточно уязвимым ко внешней агрессии со стороны соседних кочевых народов.

Ключевые слова: Годы великого бедствия, джунгары, казахи, калмыки, башкиры, джунгарско-казахско-калмыцкие отношения, XVIII в.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации государственной субсидии — проекта «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (№ госрегистрации: 122022700134-6) и проекта ИРН AP23488522 «Новые страницы из истории казахско-джунгарских отношений во второй половине XVII – 50-х гг. XVIII вв.» при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан.

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Джунгарско-казахско-калмыцкие отношения в «Годы великого бедствия» // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1202–1213. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1202-1213

Abstract. Introduction. Eighteenth-century Dzungar-Kazakh-Kalmyk relations need further comprehensive and careful historical insights that would involve newly discovered archival data. The complicated relations between the specified nomadic peoples did affect various political problems that would be primarily tackled by the Russian government. *Goals.* The article attempts an analysis and gives an objective assessment of the 1720s Dzungar-Kazakh-Kalmyk relations with due regard of the to-be-introduced archival messages. *Materials.* The work focuses on materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Russian State Archive of Military History, and Kalmykia's National Archive. Particular attention is paid to a number of published documents. *Results.* The involved sources prove instrumental in reconstructing a fairly detailed chronology of Dzungar-Kazakh-Kalmyk relations in the Years of Great Disaster, which secures opportunities for further research into the topic. *Conclusions.* The Years of Great Disasters had most negative consequences for Kazakh society. The mass westward migration of Kazakhs also led to land conflicts with neighboring populations — Volga Kalmyks and Bashkirs. The two-front military operations — against Dzungars and Kalmyks — somewhat weakened Kazakhs. The minor local military successes of the Volga Kalmyks could not stop the further westward Kazakh expansion. Under the pressure of Dzungar troops, the Kazakh rulers were seeking for paths of possible retreat into the Northern Caspian steppes, and through clashes would shape relations with the Volga Kalmyks on a contractual basis. However, the lack of political unity in the Kalmyk Khanate made it quite vulnerable to external aggression from neighboring nomadic groups.

Keywords: Years of Great Disasters, Dzungars, Kazakhs, Kalmyks, Bashkirs, Dzungar-Kazakh-Kalmyk relations, eighteenth century

Acknowledgements. The reported study was funded by Russia's government subsidy (project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups') and the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (project no. AP23488522 'Kazakh-Dzungar Relations, Mid-Seventeenth to Mid-Eighteenth Centuries: New Pages of History').

For citation: Tepkeev V. T. Dzungar-Kazakh-Kalmyk Relations in the Years of Great Disasters. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1202–1213. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1202-1213

1. Введение

История джунгарско-казахско-калмыцких отношений, складывавшихся в XVIII в., требует более тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. В этот период непростые взаимоотношения кочевых народов затрагивали разные политические проблемы, в решении которых участие главным образом принимало и Российское государство.

В 1635 г. к юго-востоку от границ Казахского ханства возникло могущественное

Джунгарское государство во главе с Эрдэни-Батуром хунтайджи. Принятый в 1640 г. свод военных и гражданских законов, известный как «Степное уложение», способствовал консолидации джунгар, укреплению военной дисциплины и росту боеспособности армии. Джунгарское ханство располагало мобильным конным войском численностью до 100 тыс. воинов, вооруженных не только холодным, но и огнестрельным оружием. Джунгары сами изготавливали порох из селитры и серы, ковали сабли, военные

доспехи из металла, им удалось наладить производство пушек при помощи шведского пленника Иогана Густава Рената [Златкин 1983: 237, 238].

Казахские земли с давних пор привлекали внимание джунгарских правителей. Завоеватели стремились захватить обширные пастбищные пространства и торгово-ремесленные центры в южной и юго-восточной их частях, установить контроль над ключевыми торговыми маршрутами, регулярно получать доходы с покоренного населения в виде налогов, а также обеспечить беспрепятственное сообщение со своими соплеменниками, кочевавшими в междуречье Яика и Волги. Усиливала мотивацию к агрессии и процветавшая в то время работоторговля: возможность захвата пленных во время войн и набегов являлась одной из побудительных причин к развязыванию вооруженных конфликтов.

С приходом к власти в 1697 г. энергичного правителя Цэван-Рабдана (1670–1723) Джунгарское ханство значительно усилило свои военно-политические позиции. И уже через год 40-тысячное джунгарское войско совершило разорительный набег на кочевья Старшего жуза [Моисеев 1991: 62]. В последующее время походы джунгар на казахские земли имели продолжение. Особо масштабные вторжения произошли в 1710 и 1717 гг., когда, обладая численным и техническим преимуществом, джунгарские войска захватили часть территории Жетысу [Моисеев 1991: 68–70]. К этому времени Джунгарское ханство, став мощным государством, представляло собой серьезного противника не только для Казахского ханства, но и для всего региона Центральной Азии, угрожая интересам таких держав, как Российская империя и Китай.

К началу 1720-х гг. противостояние между казахскими и джунгарскими правителями продолжалось уже более ста лет, и в казахском народном сознании джунгары прочно закрепились как «ата жау» — враги предков. Очередной виток казахско-джунгарской войны начался в 1720 г. О напряженности ситуации свидетельствует письмо Цэван-Рабдана калмыцкому хану Аюке от октября 1723 г., в котором сообщалось,

что он уже третий год ведет войну с казахами и каракалпаками и намерен весной следующего года направить свои войска к Жайыку и Волге [Аполлова 1948: 174]. Началу новой войны предшествовал поход казахов на Джунгарию в 1720 г., когда были взяты в плен около 3 тыс. человек [Моисеев 1991: 70–71].

2. Материалы и методы

Источниковой базой послужили материалы Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия. Отдельные документы о джунгарско-казахско-калмыцких контактах в рассматриваемый период были опубликованы в сборнике «История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана», составленных И. В. Ерофеевой [История 2005]. Достоверность представленных архивных сведений проверялось путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию.

3. «Актабан шубырынды, алкакол сулама» («Годы великого бедствия»)

В начале 20-х гг. XVIII в. у джунгар сложилась благоприятная ситуация для осуществления крупного похода на запад. В 1722 г. умер китайский император (богдыхан) Канси, долгое время воевавший с Джунгарским ханством. Правителям Джунгарии удалось прийти к мирному соглашению с Китаем, тем самым обезопасив свои восточные границы. К хану волжских калмыков Аюке джунгары отправили послов с предложением установления военно-политического союза посредством заключения династических браков. Но внутренние конфликты, возникшие у волжских калмыков в 1723 г., и возможная опасность прихода джунгарского войска на Волгу с целью их увода в Джунгарию, остановили калмыцких тайшей от такого шага.

Россия в это время была занята укреплением недавно возведенной Иртышской

военной линии (1716–1720) на территории Среднего жуза, и в борьбе двух кочевых государств она придерживалась нейтральной выжидательной позиции, надеясь на ослабление как Казахского, так и Джунгарского ханств, больше думая об укреплении Старо-ишимской и Иртышской военных линий.

В феврале-марте 1723 г. Цеван-Рабдан двинул на земли казахов свое 70-тысячное войско, которое действовало в семи направлениях. Первый удар джунгар приняли на себя казахи Жетысу и Прииртышья. Большую роль на начальном этапе вторжения сыграл полководец Лузан-Шоно (Шуно-Даба) — младший сын джунгарского хунтайджи. Нашествие джунгар было внезапным, поэтому казахам пришлось отступать, бросая все свое имущество, скот и жилища. Под ударами джунгарских войск пали такие города, как Ташкент, Сайрам и главный политический центр Казахского ханства — Туркестан. Около пяти тысяч казахских семей было захвачено в плен, еще около тысячи уведено на территорию Джунгарии [Посланник 1986: 126; Посольство 1887: 193]. Также в плену у джунгар оказались старшая жена Абулхайра, мачеха и жены его братьев [Ерофеева 2007: 163].

Война для казахов приняла всенародный характер. Отступая, воины сражались в оборонительных боях, давая возможность оторваться уходящим от преследования врага казахским аулам. Так, жители Ташкента вместе с казахским войском почти месяц держали оборону города. В результате военных действий джунгарами была захвачена значительная часть казахских земель, исключая пустынные и горные местности. Относительно недосыгаемыми для них оказались отдаленные районы на западе Казахского ханства [Моисеев 1991: 73, 74].

Этот период (1723–1727 гг.) в истории казахов получил название «Ақтабан шубырынды» — «Годы великого бедствия». К этому выражению в Младшем жузе прибавляют «Сауран айналған» — «обхождение города Саурана», казахи Старшего и Среднего жузов прибавляют другое выражение — «Алкаколь сулама» — когда «в полном изнеможении залегли у озера Алка-коль» [Тынышпаев 1993: 163–164; Тынышпаев 1927:

60–62]. Год также назывался «Қайың сауған ақ тышқан жылы» («Год белой мыши, когда были вынуждены доить (пить сок) березы») [Тынышпаев 1993: 163–164; Тынышпаев 1927: 60–62].

Часть казахов вынуждена была перекочевать на территории государств Средней Азии, которые впоследствии также были разорены джунгарами. Переправившись через Сырдарью, часть родов Среднего жуза ушла к Самарканду, а Младшего — в пределы Хивы и Бухары. Массы казахских беженцев вынуждены были откочевать в Приаралье, а оттуда продвигаться в северном и северо-западном направлениях — в районы южной части Приуралья и Западной Сибири. Другая часть казахских родов Младшего жуза двинулась к Жайыку, некоторые роды Среднего жуза направились к рекам Тобол, Ор, Уй и Илек, где потеснили башкир Ногайской и Сибирской дорог [Ерофеева 2007: 165].

Джунгары планировали полностью изгнать казахов с их земель. Об этом можно узнать из донесения астраханского губернатора А. П. Волынского в Коллегию иностранных дел от 3 октября 1723 г., в котором говорится, что Билютка, посланец калмыцкого владельца Дасанга, секретно доносил: *«Хонтайжи писал к нему, хану Аюке, и словесно приказывал, что он имеет войну с киргиз-казаки и с каракалпаки тому уже третьей год и збивает их с места, где они кочуют для того, чтоб ему, хонтайже, и с улусы своими притти кочевать к Яику и к Волге рекам конечно предудущею весною... хонтайжи, соединясь, с ними, калмыки, хана Аюку и протчих их владелец побьет, а сам-де их, калмык, всех учинит своими подданными и будет кочевать на местах, где кочуют киргиз-казаки и каракалпаки»* [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Л. 28–28об.].

4. Причины и последствия поражения казахов

Поражение казахов в начальный период так называемых «Годов великого бедствия» («Ақтабан шубырынды, Алқакөл сулама») объяснялось совокупностью факторов. Во-первых, на тот момент среди казахских жузов наблюдались внутренняя

разобщенность и отсутствие политического единства у кочевой правящей знати. При номинальном правлении маловлиятельных ханов — сначала Каипа, а затем Болата — территория Казахского ханства фактически распалась на несколько самостоятельных владений. Одновременно обострилась борьба Абулхаира с преемниками Тауке-хана за верховную власть в ханстве [Аполлова 1948: 177]. Во-вторых, джунгары тщательно готовились к новому военному походу. Время нападения было выбрано с определенным расчетом: весной, когда казахские аулы готовились к перекочевке на летние пастбища («жайляу») и находились на значительном удалении друг от друга, что затрудняло быструю мобилизацию. В-третьих, весной 1723 г. разразился сильный джунгарский джунт (бескормица), вызвавший повальный падеж лошадей, что серьезно подорвало боеспособность казахского ополчения. В-четвертых, джунгары умело использовали изменившуюся геополитическую ситуацию: заключение мира с Китаем давало им возможность освободить силы для ведения войны с казахами, а Россия, ослабленная после завершения Северной войны со Швецией, сохраняла нейтралитет в казахско-джунгарском конфликте. Немаловажным фактором стал и элемент внезапности. Джунгарские войска были хорошо вооружены, имели значительный артиллерийский арсенал и обладали богатым военным опытом [Аполлова 1948: 176–177].

Несмотря на то, что последствия джунгарского нашествия затронули и другие народы региона, основной удар пришелся на население Казахского ханства. Кочевники лишились плодородных пастбищ, значительно сократилось поголовье скота, была нарушена торговля с сопредельными государствами, многие города оказались разрушенными. Захваченные в плен казахи увозились на территорию Джунгарии, в запустение пришли земледельческие оазисы, начался голод. По народным преданиям, чтобы выжить, людям нередко приходилось питаться березовым соком («кайын сауған»). В результате за этот период погибло почти две трети степного населения. Уцелевшая его часть была вынуждена нести тяжелое бремя

налогов. Часть плененного казахского населения была продана в рабство.

5. События 1724–1727 гг.

Казахи вели военные действия как против джунгаров, так и против родственных им волжских калмыков. В начале 1720-х гг. калмыцкие кочевья, особенно на правобережье Волги, вновь подверглись опасности со стороны восточных соседей. Так, в 1723 г. калмыцкие улусы уже находились в зоне военного внимания казахов и каракалпаков, расположившихся кочевьями в верховьях реки Эмба. В марте этого года восточные владения Дорджи Назарова подверглись нападению 13-тысячного казахского войска под началом хана Абулхаира [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 11. Л. 102]. Потери с калмыцкой стороны, как сообщал Дорджи Назаров, составили 450 человек пленными, 1 100 верблюдов, 3 тыс. голов крупного скота и 18 тыс. овец [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 102, 102об.].

Калмыцкие тайши не были готовы к полномасштабной войне и пытались дипломатическим путем урегулировать начавшийся конфликт. Летом 1723 г. такие попытки с калмыцкой стороны последовали, но хан Абулхаир практически выдвинул ультиматум калмыкам, что со своим войском продолжит наступление. Свои угрозы он подтвердил убийством трех и пленением семерых калмыцких посланников [История 2005: 308].

В сентябре 1723 г. был совершен очередной набег объединившихся казахов и каракалпаков численностью около 6 тыс. воинов под предводительством Абулхаира. В результате этого похода значительный урон был нанесен улусу Лекбея, который лишился около 30 тыс. лошадей, 10 тыс. верблюдов и практически всего поголовья рогатого скота. Дорджи Назаров с 7-тысячным войском выступил им навстречу, но битва так и не состоялась. Абулхаир прислал к тайше послов с разъяснением своих действий, и выяснилось, что казахско-каракалпакский поход был направлен только против Лекбея, чьи люди в прошлые годы отогнали у него несколько тысяч лошадей. С целью окончательного урегулирования конфлик-

та Дорджи Назаров пригласил Абулхаира к себе в лагерь для переговоров. Стороны еще раз подтвердили прежний мирный договор и обменялись пленными [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1923 г. Д. 5. Л. 26].

Боевые действия продолжились летом 1724 г. Казахи знали о разгоревшейся в этот период внутрикалмыцкой усобице. Собрав большое войско, они двинулись на калмыков, чтобы окончательно разгромить улус Дорджи Назарова. Теснимые с востока джунгарами, казахи и каракалпаки вынуждены были компенсировать свои материальные потери за счет волжских калмыков [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 80об.].

Улусу Дорджи Назарова угрожала несомненная опасность, его владельцу предстояло возглавить улусное войско и подготовиться к отражению наступления [Пальмов 1929: 220]. Учитывая обстановку, Дорджи Назаров распорядился отвести улусы к р. Волге, одновременно собрав 18-тысячную конницу, которую разделил на три колонны и направил навстречу врагу. В случае активного продвижения казахско-каракалпакского войска он намеревался отступить к Саратову, рассчитывая на поддержку местного гарнизона [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 80об.].

5 августа Дорджи Назаров письменно известил астраханского губернатора в Саратов о движении казахов и каракалпаков за Жайыком. На этот раз он получил от своей разведки сведения о том, что казахские отряды идут вниз по р. Якшибай и собираются перейти Яик ниже Яицкого городка. Два небольших казахских отряда уже совершали набеги на калмыцкие улусы, уводя в плен несколько людей и немного скота, но это, по всей видимости, были только разведывательные отряды. Дорджи Назаров с войском находился на границе и внимательно наблюдал за передвижениями казахов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 112]. По показаниям пленных каракалпаков, захваченных еще при первом боестолкновении, общая численность войска казахов и каракалпаков, участвовавших в походе на калмыков, составляло 10 тыс. человек [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 19. Л. 73, 73об.].

В ночь на 21 августа казахи на р. Узень вторглись в улус Лубжи, сына калмыцкого владельца. Дорджи Назаров, запросив у астраханского губернатора военной помощи, во главе войска спешно выдвинулся в этот район, находившийся в Волго-Яицком междуречье [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 19. Л. 89]. Но в Саратове находились только две роты драгун и 200 казаков, а полковых пушек не было ни одной [Бакунин 1995: 43].

Дорджи Назарову пришлось надеяться только на свои собственные силы. Ему удалось на Узени настичь отряд казахов и каракалпаков. Исход боя во многом решила привезенная калмыками артиллерия, в результате казахский отряд вынужден был отступить [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 84об.–85].

Астраханский губернатор А. П. Волынский в докладе в Сенат систематизировал разрозненные сведения, полученных от калмыков и пленных, о том сражении: *«Августа 21-го числа на улусы ево, Дорджи Назарова, напали кайсаки и каракалпаки, с ними же были и башикурцы, а всех было 757 человек. Объехав караулы их (калмыков), напали на них сонных и въехали в улусы сына Дорджи-на, Лубжи, который и сам с трудом спасся и ушел. Каракалпаки и прочие, побрав немалое число людей и скота, пошли назад. Лубжа, собрав войска и догнав неприятелей, разбил их в урочище Узени, оттуда в верстах в двухстах; [ушло только] три человека, а прочих калмыки всех побили и в полон побрали»* [История 2005: 317].

По показаниям пленного каракалпака Апана Байсарова, набег на улус Лубжи совершил казахско-каракалпакский отряд под командованием Есета Кулубая. В районе р. Кунчулук, на правом берегу Яика, они разгромили одно из калмыцких поселений [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 19. Л. 102].

Несмотря на численное превосходство в отряде Кулубая каракалпакских воинов, командование было возложено на казахских военачальников, поскольку в рассматриваемый период каракалпаки занимали подчиненное положение по отношению к казахским правителям, которые часто привлекали их для своих военных мероприятий. Есет Кулубай, которому на тот момент

было 57 лет, являлся старшиной рода *тама* поколения *жетыру*, он входил в число ближайших сподвижников хана Абулхаира. Это был опытный военачальник, неоднократно водивший казахские войска в военные походы. Судя по плану военных действий, он собирался повторить успешные военные походы казахов 1723 – весны 1724 гг., разгромить улус Лубджи и отступить в степь [Бобров 2013: 12–13].

Сражение в урочище Узени имело важные военные и политические последствия. Вероятно, оно повлияло на решение Абулхаира перенести острие грядущей военной кампании 1725 г. с «калмыцкого» на «джунгарский» театр военных действий. События 1723–1724 гг. в Волго-Яицком междуречье не смогли предотвратить ни угрозу заключения джунгаро-калмыцкого союза, ни опасность калмыцкого вторжения в казахские владения. Напротив, после летней кампании 1724 г. казахи были вынуждены временно перейти к обороне, а калмыцкая стратегия в 1725–1726 гг. была синхронизирована с действиями джунгарских армий и носила преимущественно наступательный характер [История 2005: 348, 349].

В 1724 г. джунгарами в количестве 40 тыс. воинов были разгромлены многие кочевья казахов Среднего жуза и взят Туркестан: *«Да в прошлом-де 724 году приехали в оную казацкую землю черные калмаки, что называют кайтазы, тысяч с сорок. И их-де кыргыз-казаков, Среднею сотню, повоевали и много-де их, кыргыз-казаков порубили. И город главной, Туркустан, взяли. И в полон-де взяли триста человек. И во оной-де кыргыз-казацкой земле зимовали. И оные-де кыргыз-казаки, оставшие от притужения, бежали з женами и з детьми. А слышно, что к бухарской стороне для житья [...] в разговорах от кыргыз-казаков слышал, что-де кантазинцы намереваются их, кыргыз-казаков, всех разорять без остатку. И в юртах их хотят у них жить сами»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 477. Д. 17. Л. 43–47об.].

В 1725 г. среднеазиатские и казахские земли подверглись очередному нашествию джунгарских войск хунтайджи Цэван-Рабдана. Наибольшие потери понесли каракалпаки и казахи, чьи кочевья были разорены.

Около 2 тыс. семей оказались в плену, еще около 8 тыс. были вынуждены откочевать в район Бухары. Основная часть казахского населения направилась на запад, в сторону калмыцких кочевий [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 356об.].

По данным калмыцкого владельца Дорджи Назарова, хан Абулхаир с 50-тысячным войском противостоял джунгарскому Цэван-Рабдану. Джунгарам удалось разорить 10 тыс. хозяйств казахов и каракалпаков, остальные вынуждены были отступить на северо-запад, в район р. Жем, угрожая тем самым уже волжским калмыкам [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 356об., 357].

Летом 1725 г. 30-тысячное калмыцкое войско под началом владельцев Дорджи Назарова и Ямана расположилось на восточной границе своих кочевий, где они ждали прихода казахских и каракалпакских войск. С целью установления истинных намерений казахов ими были отправлены за Жайык три разведывательных группы калмыков по 30 человек [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 364].

10 июля астраханский губернатор А. П. Волынский письменно информировал правительство о казахской угрозе и делился своими планами относительно этой проблемы. Он планировал отправить к хану Абулхаиру письмо с предупреждением, чтобы тот отказался от своих намерений, напоминая, что калмыки — российские подданные [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 364об.].

Калмыцкие владельцы в начале июля сообщали в Саратов о продвижении казахского войска на улусы. Они просили срочно прислать им пороха, свинца, пушек, а также российский отряд на подмогу. Осведомитель калмыков Токто подтвердил появление около 10 тыс. казахских кибиток у Яика [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 366, 366об.].

Однако из-за джунгарского вторжения казахи находились в довольно тяжелом положении. Они и не собирались нападать на волжских калмыков, наоборот, сами калмыцкие владельцы во главе с Церен-Дондуком и Дорджи Назаровым предлагали атаковать казахские улусы. С этой целью ими были отправлены разведывательные от-

ряды за Яик [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 66об.].

После того как хан Абулхаир был извещен калмыцким послом Сокур-Менке о массовом присутствии калмыцких улусов на левом берегу Волги, казахи и каракалпаки остановились у Яика. Но Церен-Дондук, собрав 20-тысячное войско, намеревался все-таки нанести удар по восточным соседям [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 367об.–368].

Калмыцкое войско, преодолев расстояние от Яика до реки Эмба за девять дней, достигло первых казахских кочевий. В ходе сражения одно из них, насчитывавшее около тысячи юрт, было полностью разорено, в другом были захвачены домашний скот и табуны лошадей. Узнав о приближении нескольких тысяч казахских воинов, преследовавших врага, Дорджи Назаров принял решение остаться с основными силами у Яика, а навстречу наступающим отрядам выслал разведывательную группу [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 404].

Казахский фронт продолжал оставаться тревожным для калмыков, поскольку недавний поход не принес ощутимых результатов. Калмыцкие владельцы признавались астраханскому губернатору, что войска вернулись в улусы, что они *«от каракалпаков и от касиков в великом страхе и походом своим много ничего не сделали, только что оных на себя паче возбудили и озлобили»* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 425об.]. Поэтому калмыкам пришлось оставить значительную часть своего войска на Жайыке.

В августе 1725 г. на пограничный калмыцкий улус совершил нападение отряд каракалпаков, им удалось захватить немного лошадей и пленить людей. В том же месяце на сторону калмыков перебежал казах, у которого жена, дети и другие родственники находились в калмыцком плену. Он сообщил о готовящемся нападении многотысячного казахского войска, двигавшегося со стороны р. Эмба. Целью их были калмыцкие улусы, кочующие между Черным Яром и Астраханью [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 441].

Астраханский губернатор А. П. Волынский, сославшись на *«позднее время и на*

дальность», отказал калмыцким владельцам в поддержке войсками против казахов, но предложил их улусам отступить к Дмитриевску (Камышин), под защиту его гарнизона. На просьбу зайсангов выделить им хотя бы пушки, пороха и свинца, А. П. Волынский ответил, что по указу он не имеет права выдавать артиллерию без прислуги, а 20 пудов пороха и 10 пудов свинца калмыкам были выделены ранее [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 441об.].

Докладывая в правительство, губернатор подчеркивал, что концентрация казахских и каракалпакских улусов на р. Яик ставит под угрозу безопасность территории Казанской и Астраханской губерний. По его данным, казахско-каракалпакское войско насчитывало около 30 тыс. человек, а башкиры могли бы выставить более 60 тыс. воинов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 445об.–446].

Подробности об осеннем 1725 г. набеге каракалпаков на калмыцкие улусы коменданту Саратова В. П. Беклемишеву в феврале следующего года сообщил Шакур-лама. У каракалпаков насчитывался 10-тысячный отряд, который совершил нападение на улус сына Дорджи Назарова — Лубджи. Захватив некоторое количество кибиток и скота, они повернули обратно, но были настигнуты войсками калмыцких владельцев. Оказавшись в осаде, каракалпаки не смогли долго сопротивляться, поскольку у калмыков имелась малая полевая артиллерия, которая доставлялась к месту боя, она и решила исход противостояния. Каракалпаки *«принуждены»* были вступить в мирные переговоры с калмыцкой стороной и дать ей 13 аманатов из числа знатных людей, включая и духовенство. По словам каракалпаков, их потери якобы составили около тысячи человек, хотя калмыки считали, что погибло намного больше [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1726 г. Д. 6. Л. 13].

Осенью 1725 г. военные действия объединенных войск казахов и каракалпаков с калмыками также имели место, что подтверждает донесение астраханского губернатора А. П. Волынского в Военную коллегию от 18 ноября 1725 г.: *«Прошедшаго октября 30 дня получил он, Кушников, ведомости, что каракалпаки и киргис-касаки,*

собрався в семнатцати тысячах, пришли близ Яицкого казачья городка в урочище Каракул (до которого от того Яицкого городка езды десять дней). И будто намерение имеют оной Яицкой казачей городок брать, а потом разорять калмыцкие улусы. И перебрався реку Волгу, итить з женами и з детьми на Кубань» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 17. Л. 4–4об.].

Весной 1726 г. от бежавшего из казахско-го плена яицкого казака М. Бородина стало известно, что Абулхаир двинулся с войском на Бухару и «*по дороге воевал и разорял деревни*» неприятеля. Вместо себя на прежнем месте, на р. Эмба, он оставил хана Самеке [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 17. Л. 19].

О ситуации в Средней Азии и новом джунгарском вторжении становится известно из показаний калмыцкого осведомителя Токто. Бухарцы, оказавшись под властью казахов, которым они вынуждены были платить дань, обратились за военной помощью к джунгарскому хунтайджи. Цэван-Рабдан откликнулся на этот призыв и привел свою армию в Бухару, откуда бухарцы и джунгары собирались нанести совместный удар по казахским улусам [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 317].

В это же время башкиры обратились к калмыцким владельцам с предложением совместно ударить по казахам, чтобы окончательно разгромить их. Но наместник Церен-Дондук отказался, мотивируя это тем, что он «*будет жить при Волге на том месте, которым от государя были дед ево и отец иво; и войною де ему на касак идти не для чего, что после прошлогодашнего с ними миру от них никаких задоров не бывало*» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 317, 317об.]. Наместника поддержали Дорджи Назаров с сыновьями, Лекбей, Дондук-Даши и Шакур-лама. Однако казахским посланникам, прибывшим к калмыцким владельцам, в возвращении их аманатов, взятых в прошлом году при заключении мирного договора, было отказано.

Тогда же приезжавшему в калмыцкие улусы саратовскому дворянину Родиону Рокотову стало известно, что с башкирами уехал калмыцкий представитель Сохор-Менке, который должен был дать знать калмыц-

ким владельцам о готовности башкирского войска для совместного выступления на казахов примерно в июле 1726 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 320об.].

Р. Рокотов в улусе Дондук-Омбо неожиданно встретил казахских представителей. Как потом он выяснил, весной 1726 г. практически все казахские аманаты в результате переговоров были отпущены, кроме одного казаха. В это же время у казахов в заложниках находился приезжавший к нам в качестве посла родственник Галдан-Данджина, и калмыцкая сторона обещала отпустить казаха, как только отпустят их человека [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 320об.].

5 июня 1726 г. в Петербург прибыли калмыцкие послы и представили императрице письма наместника Церен-Дондука и Дарма-Балы. В своем письме наместник сообщал о приходе 55-тысячной джунгарской конницы на зимовку к р. Шир, в урочище Красного Яра, вместе с лошадьми и продовольственным запасом на три года. Это привело к тому, что 50 тыс. казахов с юртами подошли к р. Яик. Несмотря на заключенный в 1725 г. мирный договор, между калмыками и казахами сохранялось недоверие. Казахская сторона обратилась к калмыцким владельцам с просьбой сопровождать их посланников на Кубань и в Крым, со своей стороны предлагая сопровождение калмыцких посланников в Джунгарию и обратно. Однако калмыцкие владельцы отказались от такого предложения, считая, что казахи планируют напасть на российские территории на Волге и тайно отправить на Кубань и в Крым посланников [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 499–500].

В документах за 1726 г. встречаются сведения о желании некоторых калмыцких владельцев кочевать совместно с казахами. Например, летом 1726 г. было известно, что владелец Дондук-Омбо собирался откочевать по реке Иргиз до ее верховьев и выйти к Яику, чтобы соединиться с казахами, но он серьезно опасался, что наместник и другие владельцы, узнав об этом, совместно с яицкими казаками будут ему в этом препятствовать [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 413]. Однако В. П. Беклемишев в донесении в Коллегию иностранных дел ставил

это сообщение под сомнение, поскольку считал, что Дондук-Омбо вряд ли бы соединился с казахами: «оба народа непостоянные и ужитца вместе не могут и друг другу не поверят» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 437–437об.].

Тогда же к наместнику Церен-Дондуку прибыл калмыцкий посланник Сохор-Менке, который вернулся из поездки в сопровождении 16 представителей казахских улусов, намеревавшихся кочевать по р. Яику. Для мирного сосуществования казахи выдвинули калмыкам несколько условий: вернуть им конские табуны, угнанные людьми Лекбея, отпустить казахских аманатов, взятых осенью 1725 г., и препроводить четырех или пятерых их человек к месту, где они «по своей вере богу молитца», снабдив подводами и кормом. Также в течение 25 дней калмыки должны были выдать им джунгарского царевича Лузан-Шоно. В противном случае они угрожали калмыкам начать против них военные действия [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 516об.].

В донесении от 29 июля 1726 г. губернатор А. П. Волынский так охарактеризовал калмыцко-казахские отношения: «...когда проводили (казахи) калмыцкое между собою несогласие и домашние контры, собрались в 30000 своих войск и хотят уже их, калмык, самих завоевать и подданными себе учинить и калмыцкими местами овладеть. И будто уже пришли оные касики к реке Эмбе, которая за Яиком верстах только в 300. И ежели де то правда, он, губернатор, не надеется, чтоб калмыки против касиков и каракалпаков могли устоять» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 17. Л. 50об.].

В октябре 1726 г. войска под командованием Дондук-Омбо и Дорджи Назарова совершили нападение на владение хана Абулхаира и разгромили улус в 4 тыс. юрт, а 1 тыс. юрт захватили. Развивая успех, калмыцкие войска двинулись далее — на владения хана Среднего жуза Самеке [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 628об.].

Находясь в калмыцких улусах, русские посланники пытались выяснить результаты этого похода. Многие калмыки говорили им о большом разгроме казахов, хотя сами пленные казахи утверждали, что был разбит

только один аул Младшего жуза в 300 юрт из владения Абулхаира [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 707об.].

По словам наместника Церен-Дондука, прошлогодний мирный договор нарушила казахская сторона, разорив более 70 кибиток калмыцких туркмен, напав на калмыцких рыболовов на р. Яике и заняв там кочевья калмыков. Церен-Дондук указывал, что в результате боя с казахами в плен были взяты 5 тыс. человек, а кочевья отбиты [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 357–358].

По данным Дорджи Назарова, в 1726 г. боестолкновения происходили дважды — летом и осенью. В первый раз напало 10-тысячное казахское войско, которое разорило пограничные калмыцкие улусы. В ходе преследования их калмыками произошла «немалая баталия», в которой «что у нас они, касики, взяли в полон, то всех мы отбили назад» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 357–358]. Второе столкновение произошло уже в октябре месяце в урочище Зем [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 357–358].

Военное противостояние казахов с джунгарами привело к тому, что у них начались боестолкновения с бухарцами. Об этом свидетельствует сообщение станичного атамана С. Пудовки генерал-лейтенанту Ф. Г. Чекину от 23 мая 1726 г.: «Також тех киргис-казаков хан Абулгаир с великим собранием киргис-казаков пошел в Бухары в апреле месяце. И не доходя Бухар, по дороге воевал и разорял деревни» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 447. Д. 17. Л. 19–19об.].

В 1727 г. казахско-калмыцкие отношения ознаменовались началом переговорного процесса, результаты которого были не совсем ясны. Стало известно только то, что казахские посланники, задержанные в прошлом году по приказу ханши Дарма-Балы и наместника, были отправлены обратно вместе с калмыцким представителем Сокур-Менке. Другие казахские посланники, задержанные Дондук-Омбо, продолжали оставаться у калмыков [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 75, 75об.].

В начале октября 1727 г. калмыцкие владельцы заключили с башкирами оборонительный союз против казахов, приняв взаимные обязательства: «ежели касики у

них будут просить войск, и они б башкирцы войск не давали, а будет де они, касак, придут на них войною, и они б башкирцы их, калмык, о том уведомили» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 268об.].

Известие о смерти джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана дошло и до калмыцких владельцев [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 161]. 26 октября 1727 г. черноморский дворянин С. Казанцев, находясь в калмыцких улусах, узнал, что младшую жену джунгарского хунтайджи убили, а двух ее сыновей «отдали в Бухары», также джунгары «побили» калмыцких послов Церен-Дондука [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 282об.]. С этого момента казахи стали возвращаться на прежние свои кочевья и совершать набеги на джунгарские земли [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 282об.].

6. Заключение

«Годы великого бедствия» имели самые отрицательные последствия для казахского общества. Были существенно нарушены традиционные маршруты кочевков степняков, казахи лишились плодородных пастбищ. Некогда цветущие земледельческие оазисы Семиречья и южной части казахских земель пришли в полное запустение. Прекратилась торговля с сопредельными

государствами, ослабили политические связи между казахскими жузами, а население было рассеянно по разным уголкам степи и даже соседним странам. Массовые перекочевки казахов в западном направлении приводили к земельным конфликтам с соседствующими народами — волжскими калмыками и башкирами. Однако, несмотря на лишения, порожденные разобщенностью степной элиты, казахский народ сумел выжить и дать отпор неприятелям. Военные действия в двух направлениях — против джунгар и калмыков — несколько ослабили казахскую сторону, после чего ослабевшее Казахское ханство уже не смогло противостоять началу процесса его колонизации Российской империей. Небольшие локальные военные успехи волжских калмыков не могли остановить дальнейшую экспансию казахов в западном направлении. Возобновившееся наступление джунгарских войск в 1725 г. заставило казахских правителей искать пути возможного отступления в степи Северного Прикаспия и по возможности выстраивать отношения с калмыками на договорной основе. Однако отсутствие политического единства в Калмыцком ханстве делало его достаточно уязвимым ко внешней агрессии со стороны соседних кочевых народов.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Литература

Аполлова 1948 — Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: АН КазССР, 1948. 255 с.
Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 154 с.

Sources

Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Military History.

References

Apollova N. G. The 1830s Russian Incorporation of Kazakhstan. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1948. 255 p. (In Russ.)
Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Second ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 154 p. (In Russ.)

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. В 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Бобров 2013 — *Бобров Л. А.* Узенинская битва (1724 г.): предпосылки, ход, результаты // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 5–17.
- Ерофеева 2007 — *Ерофеева И. В.* Хан Абул-хаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 332 с.
- История 2005 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 448 с.
- Моисеев 1991 — *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Калм. Обл. Исп. Комитет, 1929. 391 с.
- Посланник 1986 — Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Боневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. М.: Наука, 1986. 159 с.
- Посольство 1887 — Посольство к джунгарскому хунтайджи Цэван Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. 276 с.
- Тынышпаев 1927 — *Тынышпаев М.* Ак-табан-шубрынды (= Великие бедствия и великие победы казахов) // В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели / ред. А. Э. Шмидт, Е. К. Бетгер. Ташкент: КазГиз, 1927. С. 57–68.
- Тынышпаев 1993 — *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. 244 с.
- Batmaev M. M. The Kalmyks, Seventeenth–Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. In 2 pts. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Battle of Uzeni (1724): Prerequisites, course, results. *Nauchnyi Tatarstan*. 2013. No. 2. Pp. 5–17. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Khan Abul Khair: Chieftain, Ruler, Politician. Almaty: Daik-Press, 2007. 456 p. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate, 1635–1758. Second ed. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan from Russian Sources, Sixteenth to Twentieth Centuries. Vol. 2: Russian Chronicles and Documents about Peoples of Kazakhstan, Sixteenth to Early Eighteenth Centuries. Almaty: Daik-Press, 2005. 448 p. (In Russ.)
- Moiseev V. A. Dzungar Khanate and Kazakhs, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Almaty: Gylym, 1991. 238 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyk: Historical Essays. Pts. 3–4. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- [Beneveni F.] Peter the Great's Ambassador to the East: Florio Beneveni and His Embassies to Persia and Bukhara, 1718–1725. Moscow: Nauka, 1986. 159 p. (In Russ.)
- [Unkovsky I.] The Embassy of Artillery Captain Ivan Unkovsky to [the Court of] Hong Tayiji Tsewang Rabtan of Dzungaria. Travel Notes of 1722–1724. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1887. 276 p. (In Russ.)
- Tynyshpaev M. Barefooted Flight: Great miseries and great victories of the Kazakh. In: Schmidt A. E., Betger E. K. (eds.) *Turkestani Friends, Students and Followers — to Vasily V. Bartold*. Tashkent: KazGiz, 1927. Pp. 57–68. (In Russ.)
- Tynyshpaev M. Kazakh National History. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 1993. 244 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1214–1226, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47): 008:39-057.66

Ideas of Jadidism and Challenges of Modernizing Kazakh Society in the Late Eighteenth and Early Twentieth Century

*Moldahmet S. Myrzabekov*¹,
*Gulzhaukhar K. Kokebayeva*²,
*Ryskeldy S. Myrzabekova*³

¹ Kazakh National Women's Teacher Training University (99, Aйтеке-би St., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-7322-7738. E-mail: [myrzabekovmoldahmet\[at\]gmail.com](mailto:myrzabekovmoldahmet[at]gmail.com)

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-6638-4663. E-mail: [kokebayeva\[at\]gmail.com](mailto:kokebayeva[at]gmail.com)

³ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Professor

 0000-0001-8479-1505. E-mail: [myrzabekovaryskeldy\[at\]gmail.com](mailto:myrzabekovaryskeldy[at]gmail.com)

© KalmSC RAS, 2025

© Myrzabekov M. S., Kokebayeva G. K., Myrzabekova R. S., 2025

Идеи джадидизма и проблемы модернизации казахского общества в конце XIX – начале XX в.

*Молдахмет Сейдахметович Мырзабеков*¹,
*Гулжаухар Какеновна Кокебаева*²,
*Рыскелды Саламатовна Мырзабекова*³

¹ Казахский национальный женский педагогический университет (д. 99, ул. Айтеке би, 050000 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, доцент

² Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. аль-Фараби, 050040 Алматы, Казахстан)

кандидат исторических наук, профессор

© КалмНЦ РАН, 2025

© Мырзабеков М. С., Кокебаева Г. К., Мырзабекова Р. С., 2025

Abstract. Introduction. In the mid-nineteenth to early twentieth centuries, the educational movement of Jadidism spread across the Kazakh steppes. The Jadids were modernists, progressives, it was a movement for the renewal and reformation of society. In the Kazakh steppe, Jadidism emerged as a significant phenomenon that shaped national culture, ideology, and the popular enlightenment move-

ment. *Goals.* The study primarily aims to analyze narratives on the development of Kazakh society in the mid-nineteenth to early twentieth centuries containing attempts of Jadids to modernize the sociocultural, educational and political life of Kazakhstan. *Materials and methods.* The sources for this study include documents of the Chancellery of the Steppe Governor-General and Inspectors of Public Schools from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Additionally, published documentary materials and periodicals have been used as sources. In writing the article, the authors adhered to the principle of historicism. *Results.* Jadidism was a sociopolitical movement aimed at renewing Islamic culture and society, restructuring the Muslim school system, and implementing reforms that radically altered the content and structure of primary education. The incorporation into different territorial administrative units, on the one hand, slowed the involvement of Kazakhs into the orbit of Jadidist reforms; on the other hand, it opened opportunities for the development of independent actions by Kazakh Jadidist, whose active activities would primarily unfold in the territory of the Steppe Governorate-General. *Conclusions.* The reform in the field of public education undertaken by the Jadids in a European spirit at the turn of the nineteenth and twentieth centuries had a most noticeable impact on the sociopolitical and spiritual life of the Kazakh people.

Keywords: Jadids, Jadidism, reforms, Turkestan, Chancellery of the Steppe Governor-General, mektep, madrasah, national idea, Muslim educational institutions

For citation: Myrzabekov M. S., Kokebayeva G. K., Myrzabekova R. S. Ideas of Jadidism and Challenges of Modernizing Kazakh Society in the Late Eighteenth and Early Twentieth Century. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1214–1226. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1214-1226

Аннотация. *Введение.* Во второй половине XIX – начале XX в. в казахских степях распространилось просветительское движение джадидизма. Джадиды были модернистами, прогрессистами, это было движение за обновление и реформирование общества. В казахской степи джадидизм стал значительным явлением, повлиявшим на национальную культуру, идеологию и народное просветительское движение. Основной целью исследования является анализ нарративов развития казахского общества во второй половине XIX – начале XX в., где наблюдаются попытки джадидистов модернизировать социокультурную, образовательную и политическую жизнь Казахстана. *Материалы и методы.* Источниками для данного исследования послужили документы Канцелярии степного генерал-губернатора и инспекторов народных училищ Центрального государственного архива Республики Казахстан. Кроме того, в качестве источников использовались опубликованные документальные материалы и периодические издания. При написании статьи авторы придерживались принципа историзма. *Результаты.* Джадидизм — общественно-политическое движение, направленное на обновление исламской культуры и общества, перестройку системы мусульманской школы, проведение реформ, кардинально изменивших содержание и структуру начального образования. Включение в состав различных территориально-административных единиц, с одной стороны, замедляло вовлечение казахов в орбиту джадидистских реформ, с другой — открывало возможности для развития самостоятельных действий казахских джадидистов, активная деятельность которых разворачивалась преимущественно на территории Степного генерал-губернаторства. *Выводы.* Реформа в области народного образования, проведенная джадидами в европейском духе на рубеже XIX и XX вв., оказала наиболее заметное влияние на общественно-политическую и духовную жизнь казахского народа.

Ключевые слова: Джадиды, джадидизм, реформы, Туркестан, Степное генерал-губернаторство, мектеп, медресе, национальная идея, мусульманские учебные заведения

Для цитирования: Мырзабеков М.С., Кокебаева Г.К., Мырзабекова Р.С. Идеи джадидизма и проблемы модернизации казахского общества в конце XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1214–1226. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1214-1226

1. Introduction

In the late 19th and early 20th centuries, certain events occurred in the semi-colonized

and dependent countries of Asia that marked the “awakening of Asia”. The driving force behind this awakening was the desire for societal

renewal manifested in different forms across various regions: in Turkey — through the Tanzimat reforms, in Japan — through the Meiji Restoration, and in Central Asia — through the Jadidist movement. By the late 19th century, the Jadids emerged as reformers in the Turkestan region, which was a controlled territory of the Russian Empire.

The terms “jadids”, “jadidism”, and “kadimism” do not have universally accepted definitions in academic literature. According to James H. Meyer, “*While „jadidism“ and „jadids“ are terms that are used to describe Muslims who supported cultural, and especially educational, reforms, the opponents of these reforms are usually described as „kadims“.* „Kadimism“ is generally presented as if it were a coherent intellectual ideology or „camp“, like the jadids” [Meyer 2014: 111]. The term “kadims” was applied to members of a group that supported traditional Muslim education based on Sharia.

Jadidism derives its name from the Arabic *jaded* “new”. The ideas of Jadidism were mainly supported by members of the national intellectual elite, the progressive segment of the Muslim clergy, and forward-thinking representatives of the wealthy classes. The Jadidist movement originated among the Tatar intelligentsia and spread to Bukhara, Khiva, and Turkestan in the late 19th and early 20th centuries. The Jadids integrated teaching, learning, and upbringing in the madrasahs where they studied and proposed optimizing education to meet the needs of the local population. They wrote educational materials essential for the proper organization of the school curriculum. “*The leading national intelligentsia, influenced by Russian and European educational systems, opposed the medieval schools that focused on rote memorization and interpretation of religious principles. The Jadids proposed a new, practical approach to education, advocating that, in addition to religious instruction, schools should also teach the native language and literature, mathematics, history, geography, and other secular sciences*” [Madrasah 2012: 45].

Widespread poverty and destitution, the crisis of scholastic religious schools, the ignorance of the masses, stagnation of public thought, and cultural decline in Turkestan all

contributed to the rise of the Jadid movement. The Jadids — Muslim educators — identified the path out of darkness and powerlessness through fundamental reforms in the educational system and the enlightenment of the masses. Supporters of Jadidism aimed to adapt Islam to new conditions through reforms, preserving the core tenets of the faith while drawing on and utilizing the achievements of European culture to address national issues.

2. Materials and Methods

The sources for this study include documents from the Chancellery of the Steppe Governor-General and Inspectors of Public Schools from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Additionally, published documentary materials and periodicals have been used as sources.

The conceptual framework of the research is grounded in modernization theory. Modernization refers to the process through which traditional societies are transformed into industrial ones. It is characterized as a comprehensive process involving numerous simultaneous changes at various levels of society. The primary drivers of modernization are typically the most progressive members of society, and the Jadids are examined in this role. The work follows the principle of historicism. Historicism is employed here as a method for understanding historical phenomena in their formation and development. Based on this principle, the influence of Jadidist ideas on the development of Kazakhstan at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries is analyzed within both temporal and spatial contexts.

3. Literature Review

The historical perspective on Jadidism is extensively covered in the works of foreign scholars. Geoffrey Wheeler characterizes the Turkestan Jadids as “*a muslim reformist movement with pan-Turkic overtones, which aimed at modernizing the Muslim system of education and also at introducing a uniform Turkic language for use by all the Turkic peoples in Russia*” [Wheeler 1964: 41]. Seymour Becker discussed the activities of the Jadids in Bukhara, evaluating it as an independent movement born out of the unique situation in the Russian Em-

pire's protectorate [Becker 1968: 205–240]. A comprehensive and detailed analysis of Central Asian Jadidism can be found in the works of Adeeb Khalid. Using sources in Uzbek and Tajik, as well as archival materials, Khalid describes the Jadids as influential Muslim intellectuals who sought to preserve indigenous Islamic culture while adapting it to the modern state. He explores the debates among intellectuals, thus broadening scholarly perspectives on Jadidism. As Khalid writes: “*The Jadids were successful in garnering considerable support for their project, but their call for reform also evoked vigorous opposition from established elites (the qadimchi) in their society. It was through the debate over the meaning of Central Asian culture that Central Asians came to imagine the modern world and their place in it*” [Khalid 1999: 82]. Ingeborg Baldauf examines the origins of Central Asian Jadidism within the broader context of the reformist movement in the Muslim world [Baldauf 2001]. Yu Akchura viewed Jadidism as a movement for cultural, sociopolitical, and religious reforms, equating it with the European Reformation [Akçura 2008]. Ibrahim Maraş, through comparative research, concludes that the founders of Jadidism in the Muslim regions of the Russian Empire were the Turkic Bulgars and Kazan Tatars [Maraş 2008: 87–96]. Studying the ideas of the Tatar Jadids of the Volga region, Allen J. Frank identifies the crisis of traditional Islamic ideas in the context of Russia's modernization as a precursor to the emergence of Jadidism [Frank 2016]. Mustafa Özgür Tuna provides a thorough analysis of the relationship between Islamic scholars and Muslim intellectuals [Tuna 2017].

Steven Sabol's book is significant for the study of the reformist movement in Kazakhstan, focusing on the sociopolitical and nationalist views of three influential figures of early 20th-century Kazakh intelligentsia: Alikhan Bukeikhanov, Ahmet Baytursynov, and Mukhamedzhan Seralin. The resulting discourse on literature, education, and politics shaped the Kazakh movement up to 1920 [Sabol 2003]. Emin Özdemir also highlights the positive impact of the Tatars on the cultural and religious life of the Kazakh people and the contribution of Jadidism to the progressive devel-

opment of Kazakh society [Özdemir 2009]. Uyama Tomohiko notes that Tatar mullahs and the Orenburg Muslim Spiritual Assembly played a significant role in advancing education in the Kazakh steppe, particularly in the Volga-Ural region, with Kazakh intellectuals being oriented towards Western cultural achievements and providing substantial support to Jadidism [Uyama 2012].

The assessment of Jadidism in Soviet historiography changed in accordance with the evolution of Soviet policies on national and religious issues. During the first decade of Soviet rule, Jadidism was considered a distinct form of intellectual and cultural movement or a type of religious reformism. During this period, the history of Jadidism was predominantly written by the Jadids themselves. Central Asian modernists Sadridin Ayni and Faizulla Khodzhayev demonstrated in their works that Jadidism was initially a cultural and educational movement and later took on a political character. Sadridin Ayni's book provided a detailed and objective account of the history of Jadidism in Bukhara, including the establishment of new schools by the Jadids and the emergence of periodicals [Ayni 1926]. Faizulla Khodzhayev analyzed in detail the historical conditions for the emergence and development of the Bukhara Jadidist movement, to which he belonged [Khodzhayev 1926]. During this period, Jadidism was presented as a progressive phenomenon in the development of the Muslim peoples of Russia.

In the late 1920s and early 1930s, with the onset of socialist modernization (industrialization and collectivization of agriculture), repression in Soviet republics began. Historical science was tasked with criticizing Jadidism and exposing its reactionary, religious essence. Soviet researchers attempted to find political motives in the activities of the Jadids. Faizulla Khodzhayev's book faced sharp criticism from historian Piotr G. Galuzo, who wrote under the pseudonym Turkestansky. Denying the progressive nature of Jadid views, Turkestansky argued that Jadidism represented the interests of the industrial bourgeoisie. Faizulla Khodzhayev was accused of “idealizing Jadidism”. During this period, Khodzhayev and

Ayni had to abandon their positions characterizing Jadidism as a progressive phenomenon. From then on, Jadidism ceased to be the subject of major research. However, the study of the history of Enlightenment and the development of the educational system continued.

Active study of the history of the Kazakh national intelligentsia began in the post-Soviet period. Nazira Nurtazina explored the characteristics of Jadidism in Turkic-Muslim regions of Russia, believing that Jadidism in Kazakhstan manifested itself in a bourgeois-reformist character, with the main goal being the modernization of society and its liberation from Tsarist oppression [Nurtazina 2008]. Gulmira Sultangalieva examined the Muslim problem in the ideology of the Russian Empire and the manifestation of Jadidism in the Kazakh land within the system of ethnocultural relations in Western Kazakhstan. She explored the activities of the Tatar intelligentsia, which initiated the historical beginnings of Jadidism, and the Muslim communities that brought enlightenment to the western regions of Kazakh land [Sultangalieva 2002]. Dikhan Kamzabekuly considers Jadidism to be the foundation of national spiritual growth, representing a synthesis of tradition and innovation characteristic of the Muslim regions of the Russian Empire. According to the scholar, Jadidism is not a movement of a single political nature but a concept with an ideological basis encompassing education and spirituality as a whole. Later, the movement became a symbol of national ideology aimed at awakening the people's consciousness while preserving traditional values, focusing on science and education [Kamzabekuly 2008: 29–37].

The main conclusion in the studies of Kazakh scholars is that the development of Jadidism in the northwestern part of the Kazakh steppe was connected to Jadidism in the Volga-Ural region, while in the southern and southeastern parts it was linked to Central Asian Jadidism. Thus, Kazakh researchers generally view the ideas of Kazakh Jadidists as secondary and derivative. This has motivated the research question in our article — to consider Jadidism in the Kazakh steppe as a factor in shaping Kazakh national ideology, contributing to the development of the popu-

lar enlightenment movement, forming Kazakh national consciousness, and serving as a link to Turkic civilization.

4. Kazakh Jadidists as Enlighteners

Jadidism was a sociopolitical movement aimed at renewing Islamic culture and society, restructuring the Muslim school system, and implementing reforms that radically altered the content and structure of primary education. The essence of the reform lay in introducing a new phonetic teaching method, a classroom-lesson system, secular subjects, and teaching in the native language. The founder of Jadidism is considered to be the Crimean Tatar enlightener Ismail Gasprinskiy, who in 1884 opened the first reformed school in Bakhchisarai, where new teaching methods were used. Gasprinskiy believed that “*Muslims themselves should begin working to improve their educational system and teaching methods*” [Gasprinskiy 2016: 274]. By the turn of 20th centuries, Jadidist schools were already operating in the Volga region and the Urals, in Kazan, Ufa, Orenburg, Samara, Astrakhan, and other provinces, where the majority of the population adhered to Islam. One of the prominent figures of the Turkestan Jadidist movement, Munavvar Kari, organized a similar school in Tashkent in 1901. In addition to opening new-method schools, the Turkestan Jadidists organized charitable societies, established publishing houses, released newspapers and magazines in the national language, compiled and published textbooks and teaching aids, produced literary and journalistic works, opened public libraries, and engaged in theatrical creativity.

In this period, Kazakhstan's territory was separated: the southern and southeastern parts were included in Turkestan Governorate-General, the northern, eastern, and central regions were part of the Steppe Governorate-General, and the remaining areas were directly managed by imperial agencies. The incorporation into different territorial administrative units, on the one hand, slowed the involvement of Kazakhs into the orbit of Jadidist reforms; on the other hand, it opened opportunities for the development of independent actions by Kazakh Jadidists, whose active activities primarily unfolded in the territory of the Steppe Govern-

rate-General. Abay Kunanbaev, Mashhur-Jusip Kopeyev, Akhmet Birimzhanov, Mirzhakip Dulatov, Akhmet Baitursynov and others were familiar with the achievements of European science and sociopolitical life and believed that introducing modernized education in the Kazakh steppe would become a prerequisite for the formation of a new progressive Kazakh society.

The activities of Kazakh reformers unfolded in three key areas: first, the reform of the education system; second, the organization of the national press; and third, the renewal of the sociopolitical life of the Kazakh people. Despite their nomadic lifestyle, every Kazakh aul (village) had its own local schools, where mullahs served as teachers. Young people who received education from a mullah would later continue their studies in a madrasah. Adeeb Khalid notes that Kazakhs did not have a tradition of studying in madrasahs, and Kazakh children were sent to Russian schools starting from the early 19th century [Khalid 1999: 106]. However, in the 19th century, Muslim educational institutions, primarily mekteps and madrasahs, operated in the Kazakh steppe. A mektep was a primary educational institution where children were taught to read and memorize the Quran. After completing their studies, the children of wealthy Kazakhs would continue their education in a madrasah. A madrasah was considered a secondary and higher educational institution, preparing students to become spiritually developed experts in Muslim law, based on religious and moral principles. Moreover, madrasahs served as “higher educational institutions” for training teachers.

However, there was a significant gap between the development levels of Russian educational institutions and Muslim madrasahs in the Kazakh steppe. In Russian educational institutions, religious studies were taught twice a week, while the remaining time was dedicated to foreign languages, history, algebra, geometry, geography, and other secular subjects. In this situation, Muslim educational institutions could not compete with the Russian education system. Therefore, the Jadids sought to change the traditional education system in the Kazakh steppe and introduce new teaching methods, which were necessary for people of the new

era to meet the demands of the emerging capitalist society. Under the direct guidance of the Jadids, schools with new teaching methods were established. The secular religious education system of Jadidism, as a cultural and educational phenomenon, was divided into “primary”, “secondary” and “higher” schools. Progressive educators rallied around the idea of Jadidism and employed the “phonetic method”, a method where each letter of the alphabet was assigned a specific sound.

In the Kazakh steppe, Muslim educational institutions were opened with special permission from the Imperial Ministry of Public Education and were under the jurisdiction of the regional governors-general. According to the Provisional Regulations of 21 October 1868, mullahs were required to obtain permission from the district chief to teach literacy to residents and establish schools attached to mosques. The Regulations of 16 March 1870 established complete control over Muslim educational institutions, making the study of the Russian language mandatory for all Muslim mekteps. In 1877, the Ministry of Public Education approved a project related to the work of inspectors assigned to Kazakh, Bashkir, and Tatar schools. According to the project, inspectors were tasked with monitoring the progress of education in all Muslim mekteps and madrasahs [Gramenitskiy 1896: 68]. The Regulations of 1891 “On the Administration of the Akmola, Semipalatinsk, Semirechensk, Ural, and Turgai Regions” fully integrated Kazakh nomads into the administrative governance of the Russian Empire, with all socioeconomic and cultural, educational matters being resolved by the authorities [From the history 1905: 36]. According to the Regulations of 14 January 1906, the general supervision over private madrasahs, as well as the issuance of permits for opening them, was entrusted to the Inspectors of Public Schools. Most of the Kazakh population were to do with small aul mekteps only, where the curriculum consisted solely of studying the Quran and the Arabic alphabet.

In 1905, several petitions were submitted to the Steppe Governor-General by Kazakhs, outlining the need for reforms in the legal status, administrative structure, spiritual and religious life, and public education of the local

population in the Steppe region. Due to the Russian Revolution of 1905–1907, these issues were discussed two years later. A commission was established to review these petitions. On 20 May 1907, a meeting of the Commission was convened in Omsk, where two Kazakh representatives from each district of the Akmo-la and Semipalatinsk regions were invited. The Governor-General announced that the decisions of this meeting would not be binding and would not result in immediate changes to the existing structure of Kazakh society, but could serve as material for future government legislative proposals [Muslim maktab 1907: 50].

One of the main points in these petitions was the request for permission to open madrasahs — Muslim religious teacher training schools with a well-defined curriculum. According to this curriculum, Kazakh youth would study not only Muslim religious texts but also secular sciences, as well as Persian, Tatar, and Turkish languages. During the discussion on public education, the Kazakh representatives, citing the Manifesto of 17 October 1905, argued that their request was both justified and feasible. As is well known, this Manifesto proclaimed “the granting to the population of unshakable foundations of civil liberty based on the principles of real inviolability of the person, freedom of conscience, speech, assembly, and association” [CSA RK. F. 44. I. 1. F. 24236. L. 235].

The issue of opening madrasahs did not provoke strong objections, but the Russian members of the Commission opposed funding madrasahs with state resources and were also against the proposed curriculum, which did not include the mandatory study of the Russian language. After lengthy discussions, the meeting acknowledged the possibility of opening Muslim madrasahs with private Kazakh funds, provided they were subordinate to the Ministry of Public Education and included the mandatory study of the Russian language in their curriculum.

The Kazakh petitions also included a request for permission to introduce instruction in the Kazakh language. This issue was met with significant resistance from the imperial authorities, as education in madrasahs had previously been based on textbooks published in Rus-

sia, with other materials allowed only with the approval of the Inspector of Native Schools. The Commission deemed it necessary that madrasahs and mekteps could be opened by private individuals or communities only with the permission of the Ministry of Public Education, as the imperial authorities feared that these Kazakh educational institutions might become “hotbeds of Pan-Islamic ideas”, centers of “anti-state propaganda” like the “Tatar schools” [Ostroumov 1895: 108]. Therefore, the Commission stipulated that a mandatory condition for opening Muslim schools in Kazakh lands was that only Kazakhs could serve as teachers.

French historian Helene Carrere d’Encausse noted that “the Russian authorities grew uneasy about the influence of Pan-Turkic and Pan-Islamic ideas brought to Kazakh lands by the Tatars of the Volga, ideas which helped precipitate the formation of an awareness of nationality” [Carrere d’Encausse 1994: 96]. Thus, in discussing the petitions of Kazakh Jadids, the Commission sought to prevent their cooperation with Jadids from other Muslim peoples of the Russian Empire.

Despite these obstacles, private madrasahs that applied new teaching methods were established in the Steppe Governor-General’s territories inhabited by Kazakhs. The opinion of Zholseitova and Sembiyeva that new-method schools were primarily opened in southern Kazakhstan and that there were few such schools in Kazakh territories under the Steppe Governor-General is inaccurate [Zholseitova, Sembiyeva 2021: 31].

By the early 20th century, the following madrasahs were operating in Kazakh lands, funded by private donations from the wealthy: madrasah Baba Ata in Sozak, madrasah Myrzabai Akhun in Kyzylorda, madrasah Mamaniya in Zhetysay, madrasah Tuz in Torgai, madrasahs Muttigiyah and Rahibiyah in the Bukey Horde, madrasah Buzuov in the Ural region, four madrasahs — Orda, Akhmet Riza, Ayagoz, and Sary Khismat — in Semipalatinsk, madrasah Duligaly in Zhezkazgan, and madrasahs Ak Is-han, Khalfe, Shamukhamet Ishan, and Molda Khashir in South Kazakhstan. In these madrasahs across the Kazakh steppe, lectures were delivered by teachers from Bukhara, Istanbul,

Kazan, Ufa, Orenburg, Troitsk, Omsk, and other major cities with Muslim populations [CSA RK. F. 64. I. 1. F. 938. L. 135]. In addition to Arabic and religious studies, natural sciences were also taught in these madrasahs.

In the early 20th century, with the growing number of people seeking education, new schools and madrasahs were established and expanded. For instance, madrasah Kalzhan Akhun opened in Kyzylorda, madrasah Koram in the Almaty region, and madrasah Abdikadyr in Taraz. Information published in the press about schools opening in specific areas confirms that educational institutions existed in all corners of Kazakh lands. Among the traditional educational institutions established by authorities in the Kazakh steppe, the new-method schools and madrasahs gained higher prestige among the people. A textbook was necessary for teaching at new-method schools. I. Gasprinskiy wrote an educational guide based on the new method titled “Khavadzhe-i-Subyan” [Gankevich 2000: 59]. While studying at the Sorbonne, I. Gasprinskiy became acquainted with new methods of teaching the alphabet and conceived of reforming the Muslim education system based on this method.

Starting in 1900, the number of new-method schools in cities increased, and old-method schools gradually transitioned to the new-method system. In 1903, new-method schools appeared in Kazaly, and in 1905 in Perovsk. In 1904, the male school in Verny named after Gabdulvaliyev was reorganized into a new-method school. The April issue of *Terdzhi-man* noted that the quality of education at the new-method school built in Verny with funds from a local merchant was satisfactory, and the people were grateful. Between 1904 and 1905, schools in Akmola, Semipalatinsk, Karkaraly, Verny, and Kapal transitioned to the new system. By 1909, there were 39 schools in the Syr Darya region and 18 in the Zhetysay region [CSA RK. F. 44. I. 1. F. 24236. L. 235]. In 1913, Petropavlovsk had five madrasahs and eight schools with 15 teachers. Among the madrasahs operating in Petropavlovsk, madrasah no. 1 stood out for its innovative teaching methods. One of the graduates of this school was the poet and leader of the Alash movement

Magzhan Zhumabayev [Makhmutov 2012: 611–612].

On 11 July 1911, at a meeting of district leaders within the Turkestan Governor-General’s jurisdiction, the Inspector of Education presented the “Regulations on New-Method Schools” which came into effect in January 1912. According to this project, the opening of new-method schools was placed under the jurisdiction of the Ministry of Public Education, and Russian language lessons were mandated in these newly established institutions [CSA RK. F. 44. I. 1. F. 24236. L. 235]. As a result, strict control was imposed over the activities of new-method schools.

Kazakh intellectuals, convinced of the effectiveness of the textbooks used in Gasprinskiy’s new-method schools, created new-style textbooks in the Kazakh language. The author of the first such book was Aqmet Baytursynuly, a prominent Kazakh scholar and educator. He modified the Arabic script by replacing Arabic letters not used in the Kazakh language with those commonly used by Kazakhs and developed a Kazakh alphabet titled “New Orthography”. Baytursynuly wrote a textbook in a modern style and introduced a new teaching method in the Kazakh steppe.

Edward Allworth considers the implementation of Jadidist ideas in the Kazakh steppe through the work of Baytursynuly: “*Some Jadids from outside the old cities were equally effective and energetic in putting the new program across. Aqmet Baytursynuli, a Kazakh from Sartubek in the Turgay uezd north-northeast of the Aral Sea, received some tutoring from Tatar mullahs in his village, and then finished the Russian-Kazakh school at the provincial town of Turgay, after which he went to Orenburg and completed the four-year Kazakh teachers’ institute in 1895. He immediately began to teach in various Kazakh villages and larger towns like Aktyubinsk, Kustanay, and Karkaralinsk*” [Allworth 1994: 349–396].

5. Jadids and the Challenges of Modernizing Kazakh Society

The Jadids laid the foundations for the national press, highlighting the country’s achievements in social, cultural, economic, and political spheres. Articles in the press had a profound

impact on people's thinking and worldview, and Kazakh intellectuals used newspapers and magazines to advocate against religious fanaticism. The education reform of the early 20th century was central to the spiritual culture of the Kazakhs. The activities of Kazakhs aimed at comprehensive engagement with various scientific fields were published in periodicals [Ibragim et al. 2002]. Kazakh Jadids viewed periodicals not only as a means of information dissemination but also as a tool for addressing societal deficiencies. Jadidist periodicals such as "Serke", "Kazakhstan", "Kazakh", and the magazine "Aikap" significantly influenced the expansion of the public's horizons and ideological awakening. The early issues of "Aikap" reflected the problems of the Kazakh people concerning land and religion. They advocated for providing desired lands, building cities, mosques, schools, and madrasahs. The magazine also addressed educational and linguistic issues, suggesting that urbanization and settlement could advance education, preserve the language, and elevate civilization and modernization. Materials from newspapers like "Dala Ulayaty" (1888–1902), "Serke" (1907), and "Kazakh" (1913–1918), published in the Kazakh steppe, reveal the Jadids' positions. Kazakh intellectuals wrote about the political and social situation in Kazakh lands, as well as religious issues and the education of children by mullahs.

M. Seralin, editor of "Aikap", continued the traditions of 20th-century Kazakh enlightenment and provided concrete recommendations for opening schools and educating children. M. Seralin wrote: *"If we do not study, in the future, we will have no other place but to serve for educated people. If the society do not support the pursuit of education, we will not be able to increase the number of educated Kazakhs"* [Mukhametzhanova 2014: 60].

Contributors to the magazine, such as S. Toraygirov, S. Seyfullin, B. Maylin, S. Donentaev, and M. Seralin played a significant role in awakening Kazakh public opinion and developing national culture. Their works called for breaking away from outdated traditions, embracing innovation, and creating a new Kazakh culture, literature, and language modeled after European culture. M. Seralin emphasized

the importance of education in Kazakh and Russian languages, focusing more on social and religious issues than on politics. Alongside M. Seralin, Sh. Kudayberdiev, and M. Kopeev, who adhered to Jadidist ideas, made bold attempts to modernize religious schools and incorporate secular subjects into the curriculum. Helene Carrere d'Encausse offers a valuable perspective on the role of the national press in developing national consciousness: *"It removed them from the dominant Tatar influence which they had been experiencing until then and gave their effort a proper direction: the struggle for a transformation of Central Asia and the rallying of a Turkistan nationality"* [Carrere d'Encausse 1994: 193]. This assessment reflects the significance of Kazakh national press in modernizing traditional Kazakh society.

In the late 19th and early 20th centuries, the libraries of new-method schools and madrasahs were enriched with Kirghiz (Kazakh) language books. From the collection of books published in the early 20th century, it is evident that Kazakh intellectuals possessed a broad worldview, deep knowledge, and compassion for their people. Their books compiled and published the millennium-long history, traditions, legends, heroic songs, epics, and poems of the Kazakh people.

According to the renowned scholar of Jadidism, Adeeb Khalid, *"the key concepts in Jadidism were 'civilization' (madaniyat) and 'progress' (taraqqiy), which the Jadids assimilated into their understanding of Islam to produce a vigorously modernist interpretation of Islam, in which the achievement of 'civilization' (always in the singular) came to be seen as the religious obligation of all Muslims"* [Khalid 1999: 127]. However, Kazakh intellectuals did not perceive Islam as a universal civilizational concept; instead, they emphasized Kazakh national identity. For example, Akhmet Baytursinuli believed that Kazakhs should preserve their national cultural roots, traditions, and language while assimilating modern values, which led him to modernize the Kazakh language. Consequently, he supported modernism (the new method) and was the first ethnic Kazakh to propose phonetic instruction instead of the traditional method of teaching letters. His article advocating modernism titled "From

the Kazakh Educational Institution” argued for a new approach to training teachers for primary schools.

Another notable Kazakh modernist was the eminent thinker, ethnographer, historian, and poet Mashhur Zhusip Kopeev. His pamphlets were deemed subversive by Soviet authorities, who accused him of inciting religious fanaticism. In his pamphlet, Kopeev described the brutal actions of officials and the corrupt courts under the Tsarist administration, as well as the oppression of innocent people despite the proclaimed manifesto of equality. Kopeev called for Muslim peoples, including Kazakhs and Tatars, to unite against injustice within the framework of Islam. His advocacy for enlightenment is a remarkable aspect of his biography. He actively promoted the new teaching methods and the new alphabet “Usuli Jadid” created based on old Arabic script with adaptations for the Kazakh language. His articles and essays were regularly published in “Dala Ualayaty” and “Aikap”, and he keenly responded to contemporary events. His notable works include “Korogly”, “Er Kokche”, and “Er Sain” [Kopeiuly 2006: 540].

Mirzhakyp Dulatuly was a prominent educator, public figure, and journalist. His poetry collection “Wake Up, Kazakh!” published in St. Petersburg in 1909 faced repression from the Tsarist administration. The poems address awakening from ignorance, with the only way out being the fight against ignorance and injustice. Dulatuly urged Kazakh youth to study, stating that art and science do not come to an uneducated person. The secret decree limiting the distribution of Dulatuly’s “Wake Up, Kazakh!” continued even after his arrest. The book was confiscated in 1911 by the Press Department, reflecting its impact on the Kazakh people. Despite the ban, Kazakh society continued to read his work, prompting officials to accuse the population of inciting resistance against oppression and advocating for the rights of Kirghiz (Kazakh) people. Dulatuli also addressed gender equality in his works. His novel “Bakytzy Zhamal”, first published in Kazan in 1910, is a literary work addressing the unequal status of women in Kazakh society [Dulatuly 2013: 344].

Kazakh intellectuals, while adhering to Islamic beliefs, did not reject Western-born con-

cepts of modernism but sought to adapt these ideas to the development of Kazakh society. The definition of Muslim intellectuals formulated by Mustafa Özgür Tuna appears to be the most fitting for Kazakh intellectuals: “*The Russian Muslim intelligentsia was born around 1905 when we can first document secularly educated progressive Russian Muslim intellectuals conceiving themselves as a distinct intelligentsia. Gasprinskiy’s over two decades of preparatory work was crucial in this conception and he ended up coining the Turkic word „ziyâlılar“ to correspond to „intelligentsia“ in the Russian language too. Gasprinskiy and the Muslim intellectuals who gave birth to the Russian Muslim intelligentsia at the turn of the twentieth century followed the example of the Russian, Polish, as well as other intelligentsias in the Tsarist empire in fashioning themselves as a Muslim intelligentsia. A patriotic sense of social responsibility, or commitment to improving the lives of their coreligionists by reforming what they perceived to be the secular aspects of life such as education, industry, agricultural production, and ability to interact in non-Muslim contexts, was the defining core of the Muslim intelligentsia’s self-definition*” [Tuna 2017: 45–46].

In the late 19th and early 20th centuries, Kazakh intellectuals, using the ideas of the Jadids, sought to reform the education system, prepare qualified specialists, change the social structure of society and ultimately achieve independence through progressive transformations. The activities of the Kazakh modernist intelligentsia in the direction of spiritual awakening and education of society bore fruit during the national liberation movement. Unlike Central Asian Jadidism, a significant part of the Kazakh Jadids consisted of intellectuals who received a secular education, as well as representatives of the creative intelligentsia.

6. Conclusion

The leaders of the Jadidist movement — the Kazakh intelligentsia — sought to implement changes for the development of the social and cultural sphere of the Kazakh steppe in a new direction. They called on people to reassess and improve their views, beliefs, and manners un-

der the needs of the time, to correct the status of women in society, to address rights and health issues, and to fight for the future and independence of the country. As a result, thanks to the initiatives of educated Kazakh intellectuals, Jadidism on Kazakh soil began to transform into a sociocultural movement. The main goal of this movement was to elevate the socio-cultural level of the people.

The reform in the field of public education, undertaken by the Jadids in a European spirit at the turn of the 20th century, had the most noticeable impact on the sociopolitical and spiritual life of the Kazakh people. The opening of many schools and madrasahs in the Kazakh steppe at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries not only provided education to the vast majority of the population but also increased national self-consciousness. As a result of the political events of the 20th century, the question of creating national autonomy shows that Kazakh youth at the beginning of the 20th century were taking form as political elites with mature political views. This was only possible due to the long-term sociopolitical work of the Jadids.

Overall, the radical part of the Jadids, representing the “progressive” movement, put forward an extensive range of political demands. For the Kazakh national intelligentsia, the modernization of the spiritual sphere was a priority. In this regard, historical parallels can be drawn with Turkestani Jadidism, which emerged as a cultural and educational movement advocating for the reform of the Muslim school and the introduction of elements of European education. The distinctive features of Kazakh Jadidism from Central Asian Jadidism consist in the Western orientation of Kazakh intelligentsia, aligning with the political platform of liberal democracy, although the methods used were undeniably Jadidist. If one were to choose between Muslim liberalism, democratic enlightenment, and religious reformism to characterize Kazakh Jadids, the most fitting would be democratic enlightenment. The Kazakh intellectual community called on the people to preserve and respect their national culture and traditions while understanding and appreciating the national characteristics of both Western and Eastern peoples, enriching their spiritual world.

Sources

CSA RK – Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

From the history 1905 — From the history of education among the Kirghiz of Akmola and Semipalatinsk regions. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1905. No. XII. P. 36. (In Russ.)

Gramenitskiy 1896 — *Gramenitskiy S.* Essay on the development of public education in the Turkestan Region. S. Gramenitskiy (comp.). Tashkent: F. and G. Kamensky Brothers, 1896. 75 p. (In Russ.)

Madrasah 2012 — Madrasah of Kazan Province in the second third of the nineteenth – early twentieth centuries. Collected documents and materials. L. Gorokhova, R. Gimazova, O. Fedotova, N. Sharangina (comps.). Kazan: Main Archival Directorate (Cabinet of Ministers of Tatarstan), 2012. 288 p. (In Russ.)

Muslim maktab 1907 — Muslim maktab and Russian-native schools in the Turkestan region. *Turkestan Collection*. 1907. Vol. 418. P. 50. (In Russ.)

References

Akçura 2008 — *Akçura Y.* Three Types of Politics: Early-to-Mid Twentieth Century Tatar-Turkish Relations in the Sphere of Culture, Sociopolitical and Spiritual Life. Kazan: Inter-Grafika, 2008. 315 p. (In Russ.)

Allworth 1994 — *Allworth E.* The changing intellectual and literary community. In: Allworth E. (ed.) Central Asia. 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview. Durham; London: Duke University Press, 1994. Pp. 349–396. (In Eng.)

Ayni 1926 — *Ayni S.* Bukharan Revolution: Historical Materials. Moscow: USSR Peoples' Central Publishing House, 1926. 251 p. (In Russ.)

- Baldauf 2001 — *Baldauf J.* Jadidism in Central Asia within Reformism and Modernism in the Muslim world. *Die Welt des Islams*. 2001. Vol. 41. No. 1. Pp. 72–88. (In Eng.)
- Becker 1968 — *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London; New York: Routledge Curzon, 1968. 370 p. (In Eng.)
- Carrere d'Encausse 1994 — *Carrere d'Encausse H.* Social and political reform. In: Allworth E. (ed.) Central Asia. 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview. Durham; London: Duke University Press, 1994. Pp. 89–206. (In Eng.)
- Dulatuly 2013 — *Dulatuly M.* Collected Works. In 6 vols. Almaty: School, 2013. Vol. 1: Poems, Novels, Plays, Stories. 368 p. Vol. 4: Enlightenment-Oriented Works. 344 p. (In Kaz.)
- Frank 2016 — *Frank A. J.* Muslim cultural decline in Imperial Russia: A manufactured crisis. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2016. No. 59. Pp. 166–192. (In Eng.)
- Gankevich 2000 — *Gankevich V. Yu.* In the Service of Truth and Education: A Brief Biographical Essay on Ismail Gasprinskiy (1851–1914). Simferopol: Dolya, 2000. 328 p. (In Russ.)
- Gasprinskiy 2016 — *Gasprinskiy I.* Complete Works. Vol. 1: Literary and Artistic Works. R. Khakimov (ed.). Simferopol: Forma, 2016. 384 p. (In Russ.)
- Ibragim et al. 2002 — *Ibragim T. K., Sultanov F. M., Yuzeyev A. N.* Tatar Religious and Philosophical Thought in the General Muslim Context. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2002. 239 p. (In Russ.)
- Kamzabekuly 2008 — *Kamzabekuly D.* Traditionalism — the basis of national spiritual growth. *Aқиқat*. 2008. No. 1 (January). Pp. 29–37. (In Kaz.)
- Khalid 1999 — *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press. 1999. 336 p. (In Eng.)
- Khodzhayev 1926 — *Khodzhayev F.* History of the Revolution in Bukhara. Tashkent: Uzbek SSR State Publishing House, 1926. 78 p. (In Russ.)
- Kopeiuly 2006 — *Kopeiuly M. Zh.* Selected Works. In 4 vol. Vol. 1. Pavlodar, 2006. 540 p. (In Kaz.)
- Makhmutov 2012 — *Makhmutov Z. A.* Islam in the life of the Tatar diaspora of the North Kazakhstan Region of the Republic of Kazakhstan: Past and present. In: Eskeeva M., Amanzholova D. (eds.) Turkological Collection. Astana: Saryarka, 2012. Pp. 607–619. (In Russ.)
- Maraş 2008 — *Maraş I.* A Critique of method in religious education in the post-Bolshevik Revolution Tatar madrasas: Tradition or modern? *Journal of Islamic Research*. 2008. Vol. 1. No. 2. Pp. 87–96. (In Eng.)
- Meyer 2014 — *Meyer J. H.* Turks across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. 224 p. (In Eng.)
- Mukhametzhanova 2014 — *Mukhametzhanova N.* 'Alash' activists on pages of the Aikap magazine. *Shakarim*. 2014. Vol. 24. No. 3. Pp. 59–61. (In Kaz.)
- Nurtazina 2008 — *Nurtazina N.* The Peoples of Turkestan: Problems of Islam, Integration, Modernization and Decolonization (At the Turn of Twentieth Century). Almaty: Kazakh National University, 2008. 166 p. (In Russ.)
- Ostroumov 1895 — *Ostroumov N. P.* On the History of Public Education in the Turkestan Region: Personal Memories. Tashkent. 1895. 118 p. (In Russ.)
- Özdemir 2009 — *Özdemir E.* The influence of Tatars on Kazakh cultural life and the development of Kazakh Jadidism. *Bilig*. 2009. Vol. 48 (winter). Pp. 157–176. (In Turk.)
- Sabol 2003 — *Sabol S.* Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. London: Palgrave Macmillan, 2003. 243 p. (In Eng.)
- Sultangalieva 2002 — *Sultangalieva G. S.* Western Kazakhstan in the System of Ethnocultural Contacts, Eighteenth – Early Twentieth Centuries. Monograph. Ufa: Bashkortostan Teacher Resource Center (Regional Science and Education Committee), 2002. 262 p. (In Russ.)
- Tuna 2017 — *Tuna M. Ö.* 'Pillars of the nation': The making of a Russian Muslim intelligentsia and the origins of Jadidism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. No. 2. Pp. 257–281. (In Eng.)

- Uyama 2012 — *Uyama T.* The Alash Orda's relations with Siberia, the Urals, and Turkestan. The Kazakh national movement and the Russian imperial legacy. In: Uyama T. (ed.) *Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts*. London; New York: Routledge, 2012. Pp. 271–287. (In Eng.)
- Wheeler 1964 — *Wheeler G.* The Modern History of Soviet Central Asia. London; New York: F. A. Praeger, 1964. 272 p. (In Eng.)
- Zholseitova, Sembiyeva 2021 — *Zholseitova M. A., Sembiyeva Sh. B.* Kazakh intelligentsia in Kazakhstan's Jadid movement, late nineteenth – early twentieth centuries: Some aspects of activities. *Bulletin of History*. 2021. Vol. 100. No. 1. Pp. 28–38. (In Kaz.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1227–1238, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321

Сотрудничество монастыря Устуу-Хурээ с тибетским монас- тырем Лавран в начале XX в.

Регина Олеговна Ширав¹
 Зоя Юрьевна Доржу²
 Игорь Иванович Монгуш³

Ustuu Khuree and Labrang Mon- astery: Early Twentieth-Century Partnership

Regina O. Shirap¹
 Zoya Yu. Dorzhu²
 Igor I. Mongush³

¹ Тувинский государственный университет
 (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская
 Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

0000-0002-6060-2308. E-mail: reggylook[at]yandex.ru

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000
 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

² Тувинский государственный университет
 (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская
 Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведую-
 щий кафедрой

0000-0002-6409-3248. E-mail: zoyadorzhu[at]yandex.ru

² Tuvan State University (36, Lenin St., 667000
 Kyzyl, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

³ Тувинский государственный университет
 (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская
 Федерация)

соискатель

0009-0006-4150-2797. E-mail: choephel[at]mail.ru

³ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000
 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. Degree Applicant

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Ширав Р. О., Доржу З. Ю., Монгуш И. И.,
 2025

© Shirap R. O., Dorzhu Z. Yu., Mongush I. I., 2025

Аннотация. Введение. Монастырь Устуу-Хурээ по праву занимает особое место в истории Тувы. Будучи крупнейшим монастырем западного Урянхая, он стал центром духовного просвещения начала XX в., откуда вышли видные государственные и общественные деятели периода Тувинской народной республики. Структура монастыря, система буддийского образования, история его духовенства на сегодняшний день получили достаточно подробное освещение в трудах историков, религиоведов. Однако слабо изученными до настоящего времени оставались вопросы взаимодействия духовенства Устуу-Хурээ с ламами Монголии и Тибета. Лишь введе-

ние в научный оборот ранее неизвестных исторических источников позволило установить, что между монастырем Устуу-Хурээ и тибетским монастырем Лавран имелись тесные духовные связи. *Цель* статьи заключается в детальной характеристике тувинско-тибетских связей на примере сотрудничества монастыря Устуу-Хурээ с тибетским Лавраном. Для достижения обозначенной цели необходимо уточнить даты приездов тибетских лам в Туву, рассмотреть формы, методы и результаты их деятельности на территории Тувы. *Материалы и методы.* Основными историческими источниками стали уникальные материалы допросов тувинских лам, которые в разные годы обвинялись в преступлениях контрреволюционного характера. Из этих допросов извлечены сведения о дате приезда в Туву по приглашению правителя Даа-хошуна Хайдыпа и верхушки буддийского духовенства двух тибетских лам из монастыря Лавран — Ньендак-Сана IV и Денбии Ньимы Кунтанга Ринпоче V, которые имели высокий статус наставников-перерожденцев в буддийской иерархии. Использовались как общие научные подходы, так и специфические исторические методы. Сравнительно-исторический метод применялся для анализа архивных документов, что позволило реконструировать реальные исторические процессы, установить связь Устуу-Хурээ с монастырем Лавран и сопоставить информацию из различных источников. Проблемно-хронологический метод дал возможность проследить качественные трансформации монастыря и его интеграцию в тибетскую форму буддизма в хронологическом порядке через деятельность тувинского буддийского духовенства и приглашенных духовных наставников из Тибета. *Результаты.* Выявлены основные направления деятельности тибетских лам по развитию и укреплению буддизма в Туве в начале XX в. Они принимали участие в открытии храмов Устуу-Хурээ — главного глиняного храма и цанит дацана. Ньендак-Сан был организатором образовательного процесса по основам тибетской медицины. Денбии Ньима Кунтанг Ринпоче V по просьбе тувинского духовенства составил священный текст на тибетском языке для освящения местности, гор, рек «Ритуал подношения „Сан“ хозяевам местности Тангды», который по сей день используется буддийскими священнослужителями для отправления таких обрядов. Кроме того, тибетскими ламами были даны подробные наставления для дальнейшего развития буддизма на территории Тувы — строительство новых храмов, отправка на учебу тувинских послушников в крупные монастыри Тибета и Монголии.

Ключевые слова: буддизм, история буддизма, монастырь, Устуу-Хурээ, Лавран, Урянхайский край, тувинское духовенство

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям «Международные связи монастырского комплекса Устуу-Хурээ с тибетским монастырем Лавран в начале XX в.».

Для цитирования: Ширав Р. О., Доржу З. Ю., Монгуш И. И. Сотрудничество монастыря Устуу-Хурээ с тибетским монастырем Лавран в начале XX в. // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 6. С. 1227–1238. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1227-1238

Abstract. Introduction. Ustuu-Khuree Monastery rightfully holds a special place in the history of Tuva. As the largest monastery in Western Uriankhai, in the early twentieth century it became a spiritual enlightenment center to serve as starting point for a number of prominent state and public figures of the Tuvan People's Republic. The monastery's structure, Buddhist education system and clergy have been described in fairly great detail by historians and religion scholars. However, the interaction between Ustuu-Khuree-based clergy and priests of Mongolia and Tibet remains somewhat understudied to date. Only the introduction of previously unknown historical sources into scientific circulation makes it possible to establish that there had been close spiritual ties between Ustuu-Khuree and Labrang Monastery (Tibet). *Goals.* The article attempts a detailed description of Tuvan-Tibetan spiritual ties through the example of cooperation between Ustuu-Khuree and Labrang. To facilitate this, the paper shall clarify the dates of Tibetan clerics' visits to Tuva, consider forms, methods and results of their activities in the region. *Materials and methods.* The main historical sources are unique interrogation records of Tuvan priests who would be charged with counterrevolutionary crimes over the years. So, the latter specify the date when two Tibetan Lamas from Labrang — Fourth Nyendak San and Fifth Denbiy Nyima Kuntang Rinpoche characterized as revered reincarnate spiritual masters — arrived in Tuva at the invitation of Daa Khoshun's ruler Khaidip and local Buddhist hierarchs. Both general scientific and specific historical research methods and approaches have been employed. The comparative historical method has proved instrumental in analyzing archival documents to reconstruct actual historical processes, identify the ties

between Ustuu-Khuree and Labrang as such, and correlate messages from different sources. The chronological method shows some essential transformations of the monastery and its integration into Tibetan Buddhism's agenda in order of time through the Tuvan clergy's efforts and those of invited masters from Tibet. *Results.* The work identifies some key directions of activity endeavored by the Tibetan Lamas for the development and strengthening of Buddhism in early twentieth century Tuva. They took part in the opening of Ustuu-Khuree's temples — the main clay temple and Tsanit Datsan. Rev. Nyendak San would organize the educational process on foundations of Tibetan medicine. The Tuvan clergy requested Rev. Denbiy Nyima Kuntang Rinpoche to compile a Tibetan-language text to deliver blessings upon certain territories, mountains and rivers. The Ritual [Text] of San-Offering to Tandy's Master Spirits is still being used by local Buddhist priests. In addition, the Tibetan hierarchs gave detailed instructions for further development of Buddhism in Tuva — the construction of temples, sending of Tuvan novices to large monastic universities in Tibet and Mongolia.

Keywords: Buddhism, history of Buddhism, monastery, Ustuu Khuree, Labrang, Uriankhai Krai, Tuvan clergy.

Acknowledgments. The reported study was funded by Buddhist Education and Research Foundation, project name 'Ustuu Khuree and Labrang Monastery: Early Twentieth-Century International Relations' (grant agreement no. 32 of 30 May 2025).

For citation: Shirap R. O., Dorzhu Z. Yu., Mongush I. I. Ustuu Khuree and Labrang Monastery: Early Twentieth-Century Partnership. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1227–1238. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1227-1238

1. Введение

Рубеж XX–XXI вв. справедливо вошел в отечественную историю как период возрождения религий. Этот процесс был действительно масштабным явлением, поскольку параллельно с ростом духовности российского общества, зарождением интереса к религиозным догмам и ценностям у населения, активно начал возрождаться научный интерес к изучению религии. Новые научные смыслы обретает изучение истории религии, в частности истории развития буддизма в Туве, буддийских монастырей и духовенства, определение их места и роли на различных этапах исторического развития тувинского народа.

Специфика тувинского буддизма во многом определяется геополитическим статусом территории Тувы. Располагаясь на границе двух крупных государств России и Китая, с середины XVIII в. и вплоть до начала XX в. (1911 г.) Тува входила в состав Цинской империи под названием Урянхайский край и управлялась монгольскими властями. Укрепление буддизма на территории Тувы в качестве официальной религии, как правило, большинство историков связывают именно с периодом маньч-

журского владычества [Монгуш 2001: 154]. Поскольку территория Тувы и ее население воспринимались китайскими и монгольскими властями исключительно как отдаленная колония, функции которой сводились лишь к ежегодной уплате дани, попытки научного осмысления процессов, происходивших в Урянхае, со стороны ученых Китая и Монголии не предпринимались.

Наиболее ранние сведения о буддизме можно почерпнуть из материалов и сообщений российских и иностранных путешественников, которые посещали территорию Тувы в начале XX в. Отметим работы Е. К. Яковлева [Яковлев 1900], В. Л. Попова [Попов 1905], Д. Каррутерса [Каррутерс 1914], С. Р. Минцлова [Минцлов 1915]. В обозначенных работах история буддизма не изучалась комплексно, тем не менее ценность представляют сведения об обрядовой практике тувинцев, которая к началу XX в. уже содержала в себе синкретизм шаманизма и буддизма; материалы о хозяйстве, экономическом положении буддийской церкви в Туве в начале XX в.

В период Тувинской народной республики (далее — ТНР) в 1921–1944 гг. наблюдалась определенная идеологическая

борьба с буддизмом, поскольку религия рассматривалась с точки зрения культурной революции и представляла собой чуждый классовый элемент социалистического общества. Некоторым аспектам буддизма посвящены труды Р. Кабо [Кабо 1934]. Интересное видение о встрече с тувинскими ламами периода ТНР, состоянии монастырей встречается в путевой книге деятеля Коминтерна грузинского происхождения В. Мачавариани «В Танну-Туву» [Мачавариани 1931: 88–97].

Слабая разработанность истории буддизма в советский период объясняется политической конъюнктурой, которая формировала негативное отношение не только к буддизму, но и к любой другой религии как к элементу невежества и мракобесия. В основном данные исследования несут идеологическо-атеистическую направленность [Дулов 1956; Аранчын 1982].

Первые комплексные исследования истории буддизма в Туве предприняты М. В. Монгуш, которая попыталась дать общую характеристику истории буддизма в Туве, проследить его эволюцию на протяжении XIII – начала XX вв. Важным событием стал выход в свет 2001 г. монографии М. В. Монгуш «История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.)», в которой освещение получили вопросы проникновения и развития буддийского учения на территории Тувы, охарактеризована роль буддийских монастырей, вопросы взаимодействия сангхи и государства [Монгуш 2001].

В исследованиях доктора философских наук О. М. Хомушку впервые предпринята попытка всестороннего освещения сложного и многоступенчатого процесса формирования религиозной традиции в Туве на материалах шаманизма, буддизма, православия и других конфессий [Хомушку 2005; Хомушку 2024]. Автором на основе архивных материалов и данных социологических опросов показано уникальное явление религиозного синкретизма и проанализирована современная этноконфессиональная ситуация в регионе.

В работе У. П. Бичелдей, П. К. Дашковского, А. В. Монгуш поднимается широкий

спектр вопросов, связанных с развитием буддизма в период Тувинской народной республики и Тувинской автономной области [Дашковский и др. 2024], также отмечается синкретизм в представлениях тувинского общества на основе буддизма и тенгрианства. В статьях З. Ю. Доржу и И. И. Монгуш особое внимание уделено истории буддийских монастырей [Монгуш 2025], ламскому вопросу в период ТНР (1921–1944 гг.) [Доржу, Монгуш 2023], а также роли личностей в буддизме Тувы [Доржу и др. 2024].

Отметим, что, несмотря на имеющийся научный задел по истории буддизма в Туве, специальных исследований, посвященных истории монастыря Устуу-Хурээ и его сотрудничеству с тибетским монастырем Лавран, не предпринималось. Этим и определяется научная новизна обозначенной темы.

Цель статьи — дать детальную характеристику тувинско-тибетским связям на примере сотрудничества духовенства Верхне-чаданского хурээ и тибетских лам монастыря Лавран в первой четверти XX в. Авторы подробно рассматривают такие вопросы, как место и роль Устуу-Хурээ для духовного развития тувинского народа, уточняют годы приездов тибетских лам в Туву, рассматривают формы, методы и результаты их деятельности.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено на широкой источниковой базе материалов Национального архива Республики Тыва, Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, которые позволили охарактеризовать особенности хозяйственно-экономического развития монастырского комплекса Устуу-Хурээ в первой четверти, составить социально-демографический портрет его духовенства и определить основные векторы сотрудничества монастыря Устуу-Хурээ с тибетским монастырем Лавран, оценить вклад тибетских учителей в духовное развитие тувинского народа.

Одним из главных источников, которые позволили впервые пролить свет на основные направления деятельности лам из монастыря Лавран в Туве, стали материалы

допросов тувинских лам, обвиняемых в разные годы в преступлениях контрреволюционного характера. Эти документы хранятся в Национальном архиве Республики Тыва (в фонде Министерства внутренних дел ТНР) [НА РТ. Ф. 734]. Были проанализированы данные допросов 5 лам монастыря Устуу-Хурээ, которые проводились в период 1939–1941 гг. Протокол допроса начинался с заполнения исходных данных опрашиваемого, где содержалась информация об имени, возрасте, месте рождения и жительства, монашеских обетах, ученой степени, храме (месте служения), предъявляемом обвинении, лишенном имуществе и званиях, имевшейся на момент допроса собственности, наличии судимости. Поскольку предметом исследования является вопрос установления и развития тувинско-тибетских связей через призму деятельности Устуу-Хурээ и Лаврана, за рамками нашего исследования остались моменты, касающиеся обвинений лам, отсутствует оценка их деятельности, которая в этих документах расценивалась как «контрреволюционная».

Сведения по учету ламства, хозяйственно-экономическом положении монастырей, текст бесед с ламами об истории буддизма в Туве, об их отношении к обновленческому движению содержатся в разрозненных документах на старомонгольском языке личного фонда Г.-Д. Нацова в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Г.-Д. Нацов — бурятский этнограф, собиратель и музейный работник. В юности был послушником в буддийском монастыре, впоследствии под влиянием революционных идей сменил род деятельности. В 1926–1929 гг. Г.-Д. Нацов приезжал в Туву вместе со своим братом, сотрудником Коминтерна Сереном Нацовым. У каждого из братьев были свои цели приезда в ТНР, Г.-Д. Нацов занимался сбором информации о состоянии буддийской сангхи [ЦВРК. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20].

Еще одним источником, заслуживающим особого внимания, стал текст «Ритуала подношения санг хозяевам местности Тангды», так называемого «Источника всех сидх и благ» на тибетском языке. Текст был

составлен приглашенным в Туву Денбием Ньима Кунтангом Ринпоче V в начале XX в. Отметим, что данный текст на сегодняшний день активно используется в обрядовой практике тувинских лам по освящению местностей¹.

При написании статьи авторы использовали как общие научные подходы, так и специфические исторические методы. Сравнительно-исторический метод применялся для анализа архивных документов, что позволило реконструировать исторические процессы, установить связь Устуу-Хурээ с монастырем Лавран и сопоставить информацию из различных источников. Проблемно-хронологический метод в свою очередь дал возможность проследить качественные трансформации монастыря и его интеграцию в тибетскую форму буддизма в хронологическом порядке через деятельность тувинского буддийского духовенства и приглашенных духовных наставников из Тибета.

3. Устуу-Хурээ — центр духовного развития Тувы

Особое место в истории Тувы принадлежит монастырскому комплексу Устуу-Хурээ, который был построен по инициативе правителя Даа-хошуна Монгуша Хайдыпа в местечке Чайлаг-алаак в западной Туве. По оценкам тувинских историков, основание монастыря произошло в период с конца XIX — начала XX в. [Монгуш 2001: 65; Доржу и др. 2024: 520]. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии о дате возникновения Устуу-Хурээ, отметим, что в тувинской историографии существует две точки зрения. В трудах М. В. Монгуш содержатся сведения, что строительство Верхнечаданского хурээ по тибетскому образцу велось в период 1905–1907 гг. под руководством Кунтана Ринпоче [Монгуш 2001: 65]. Другие авторы приводят доводы о более раннем возникновении монастыря, называя датой основания 1890–1891 гг. при участии Алак Ньендак-Сана Гегена, освятившего глав-

¹ Авторы выражают благодарность священнослужителям буддийского храма «Цеченлинг», которые предоставили возможность научному коллективу ознакомиться с этим текстом.

ный Цогчен-храм монастырского комплекса [Доржу и др. 2024: 520].

Авторитет и влияние инициатора строительства Верхнечаданского хурээ правителя Даа-хошуна¹ Монгуша Хайдыпа способствовали быстрому развитию монастыря. Устуу-Хурээ, в отличие от других храмов, не только стал местом отправления различных религиозных обрядов, но и превратился в центр духовного образования всей Тувы. Послушники монастыря после нескольких лет обучения основам буддийской философии, тибетского и монгольского языков, как правило, продолжали обучение в крупных монастырях Монголии и Тибета, что свидетельствует о наличии тесных духовных связей духовенства Тувы, Монголии и Тибета.

Буддийские монастыри Тувы традиционно разделялись на два типа: сумонные и кожунные. Сумонные монастыри представляли собой одиночные здания, куда стекались ламы из близлежащих мест для отправления разовых религиозных обрядов по случаю знаковых событий. Кожунные монастыри были крупными архитектурными комплексами. Они возводились под покровительством правящей верхушки и функционировали как центры религиозной, просветительской и экономической жизни. Английский ученый и путешественник Дуглас Каррутерс при виде Верхнечаданского хурээ заметил, что внушительные размеры этого буддийского храма ясно говорили о том, что «место это служит важным центром в урянхайской жизни» [Каррутерс 1914: 196].

Численность духовенства, объединенного вокруг Устуу-Хурээ, по сообщению Д. Каррутерса, насчитывала около 300 лам [Каррутерс 1914: 204]. В донесении Г.-Д. Нацова с грифом «совершенно секретно» о «поездке в 1927 г. в Йеке-Чаданский монастырь, о состоянии хурээ, о хамбинской жасе и пр.» указано, что чаданский монастырь был основан в 1890 г. и управлялся Даа нойоном Хайдыпом и его старшим братом «нынешним халииг хамбо Лопсаном Чамзы» [ЦВРК. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20. Л. 59]. К 1927 г., по сведениям

Г.-Д. Нацова, в монастыре насчитывалось более 300 лам [ЦВРК. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20. Л. 59]. Сравнивая монастырское хозяйство с крупным кооперативом, Г.-Д. Нацов указывает, что в ведении Верхнечаданского хурээ находилось почти 2,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 2–3 водяные мельницы, монастырь также активно занимался торговой деятельностью и земледелием. Всего в хозяйстве Устуу-Хурээ насчитывалось 7 джас²: дзогченская, цанитская, дуйнхор, джуд, мамба, пуг-ун, молон-ун. Среди хемчикских 5 хурээ Верхнечаданский экономически был наиболее мощным, что видно из сводной таблицы, составленной Г.-Д. Нацовым после посещения этих монастырских хозяйств (табл. 1) [ЦВРК. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20. Л. 63].

Более подробную структуру монастыря можно представить благодаря сохранившимся документам: «Списку лам Дзун-Хемчикского хошуна» и «Списку и сведениям о ламах и чызаа двух чаданских хурээ» из фондов Национального архива Республики Тыва [НА РТ. Ф. 144. Оп. 14. Д. 110, 111]. Оба списка датированы 1929 г. В этих документах содержится информация, из какого хошуна и сумона родом служители храма, их имена, возраст, возраст на момент принятия монашества, должности при храмах, монашеские саны, уровень образования, дополнительные занятия.

Общая численность представителей духовенства монастыря составляла 170 человек. Это были люди самого различного возраста, от юношей 10 лет до монахов, старшему из которых было 73 года. Так, средний возраст буддийского духовенства составлял 33 года, что говорит о достаточно молодом составе священнослужителей. Около половины лам (44 %) было в возрасте 10–18 лет, ламы от 40 до 70 лет составляли всего 13,5 % от общего числа лам [НА РТ. Ф. 144. Оп. 14. Д. 110. Л. 111]. Данные о преобладании юношей в возрасте 10–18 лет свидетельствуют о том, что одной из главных функций Устуу-Хурээ было именно духовное просвещение.

² Джаса — монастырская казна, хозяйство.

¹ Даа хошун — западная наиболее густонаселенная часть Тувы.

Таблица 1. Сводная таблица экономического положения пяти монастырей на 31 мая 1927 г.

[Table 1. Economic conditions of five monasteries as of 31 May 1927. Summary table]

	Верхнечаданский (Устуу-Хурээ)	Чадаанский Нижний	Барулга	Хубсуг	Ананда	Итого
Лам	300	200	30	220	30	780
Скота	2 500	1 000	80	350	300	4 130
Денежных средств	30 000	15 000	1 850	—	3 050	53 900

Таким образом, исторические источники свидетельствуют о том, что Устуу-Хурээ был не только важным центром духовного просвещения долины Хемчика, но и экономически мощным монастырским хозяйством, владея поголовьем скота, занимаясь торговлей и земледелием.

4. Ньендак-Сан — первый лама из Лаврана в Устуу-Хурээ

Первым посетившим Туву в 1900–1902 гг. тибетским ламой из монастыря Лавран был Ньендак-Сан Геген IV. Он был инициатором строительства главного глиняного храма в Устуу-Хурээ и начал обучение местных лам тибетской медицине [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 560. Л. 16]. Им были также даны важные наставления для развития буддийского учения в Туве путем строительства новых храмов и обучения тувинских лам в Монголии и Тибете.

Со стороны Хайдыпа и его преемника Буяна-Бадьргы предпринимались значительные усилия для институционализации и развития буддийского учения в долине р. Хемчик. Формировались устойчивые и длительные духовные связи с монгольскими и тибетскими ламами, которым предоставлялась возможность осуществлять наставническую деятельность на территории Тувы. Наиболее способные и одаренные юноши для продолжения образования направлялись в Монголию и Тибет [Монгуш 2001: 70].

Из материалов допроса буддийского ламы, языковеда, одного из создателей тувинской письменности на латинице Монгуша Лопсана-Чинмита известно, что в 1900 г. в стенах монастыря Устуу-Хурээ состоялось собрание с участием правителя Даа-хошу-

на Хайдыпа, монгольского ламы Эринчина хамбо, чиновника Номзурана, настоятеля монастыря Устуу-Хурээ Лопсана-Чамзы, Тактанмай хамбо, 18-летнего Лопсана-Чинмита. В ходе обсуждения вопроса о развитии буддизма в Туве было принято решение отправить ламу Оппай-Ловуна для приглашения тибетского ламы из монастыря Лавран гегена Ньендак-Сана. Пребывание Ньендак-Сана на территории Тувы датируется периодом 1900–1902 гг. [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 224. Л. 59–61].

Для дальнейшего распространения буддийского учения в Туве Ньендак-Саном были даны наставления Хайдыпу, его свите и тувинским ламам. Во-первых, Ньендак-Сан советовал строить новые храмы, для этого скупать буддийскую атрибутику из Китая при посредничестве монголов, обменивая эти товары на золото, серебро, пушнину, овчину и скот. Во-вторых, стратегически важным с учетом давних духовных связей была отправка наиболее способных послушников на обучение в монастыри Улан-Батора и Тибета. В заключение своих наставлений Ньендак-Сан сообщил, что не исключает возможность своего повторного визита в Туву для дальнейшего содействия распространению буддизма [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 224. Л. 59–61]. В благодарность населением Тувы был организован сбор подношений: по свидетельствам очевидцев Ньендак-Сан уехал из Тувы с табуном из 1 000 лошадей [НА РТ. Д. 734. Оп. 1. Д. 560. Л. 15–25].

Интересно, что в документах Г.-Д. Нацова приводится текст (на старомонгольском языке) беседы с нирба (казначеем) джасы Ньендак-Сана с Лосол-ламой, которая состоялась 14 марта 1927 г. Лосол-лама был

монголом. Он поведал, что его духовный наставник был одним из 500 гегенов Лаврана. Часть подношений от населения Хемчика, которая была собрана во время его визита, Ньендак-Сан оставил в Туве для развития монастырского хозяйства. При жизни он много ездил по Халха-Монголии, Внутренней Монголии, Бурят-Монголии и по Туве. Во время своих разъездов Ньендак-Сан собирал большие пожертвования и поддерживал Лавран. Однако сообщалось, что к 1927 г. Ньендак-Сан скончался, следующее его рождение было найдено и уже приглашено в Лавран [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20. Л. 65–67]. По сообщению Лосол-ламы, в Халхе джаса Ньендак-Сана насчитывала около 7–8 тыс. голов крупного рогатого скота. В Туве осталось к тому времени 200 голов скота. Темпы увеличения поголовья скота были замедлены в виду отсутствия регулярных пожертвований мирян, расходов на содержание хозяйства и оплату труда. Тем не менее мысли о продаже джасы и возвращении домой в Монголию у Лосол-ламы не возникало в силу его убеждений о важности не прерывать связи между ламой и учеником [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. Г.-Д. Нацов. Оп. 12. Д. 20. Л. 65–67].

5. Наследие Кунтанга Ринпоче V: священный текст «Тангды Саны»

Об активности международных отношений тувинского духовенства, а также прямых связях Тувы с Тибетом свидетельствует также тот факт, что в 1906 г. состоялась встреча Хайдыпа, чиновника Номзурана, Тамба, Эринчин хамбо во главе делегации

из 30 человек с Его Святейшеством Далай-ламой XIII в Урге [НА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 192. Л. 117–138]. Главным итогом этой встречи стало решение о развитии буддизма в тибетской традиции при широкой поддержке и личном участии Далай-ламы XIII, после чего властями и духовенством Тувы начали предприниматься решительные шаги в этом направлении [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 560. Л. 17].

В 1907 г. в юрте правителя Хайдыпа Лопсан-Чамзы хамбо, Тактанмай хамбо, Эринчин хамбо, ламы Йондан, Лопсан-Чинмит, чиновники Хайдып, Нимажап, Соржу, Шир-Санаа для укрепления и развития буддийского учения решили пригласить из монастыря Лавран Кунтанга Денбии Ныма Ринпоче V. С целью приглашения достопочтимого учителя была отправлена делегация в составе монгольского ламы Эринчин хамбо и Тубтена-хунду [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 224. Л. 60].

Известно, что в ходе визита Кунтанга Ринпоче состоялось открытие еще одного храма Устуу-Хурээ, где изучали цанит — фундаментальные основы буддийской философии, причинно-следственные связи, законы кармы и биографии выдающихся учителей буддизма [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 224. Л. 60]. Большой вклад Кунтанг Ринпоче внес в составление буддийских религиозно-обрядовых текстов. По просьбе Лопсана-Чамзы хамбо и чиновника Хертека Ананды он составил священный текст «Тангды Санг» («Ритуал подношения санг хозяевам местности Тангды, так называемый „Источник всех сидх и благ“»).

༄༅། རྒྱལ་ལྷོ་ཡུལ་གྱི་བཀའ་མཆོད་དངོས་ལྷན་གྱི་འབྲུང་ཞེས་བྱ་བ་བཞུགས་སོ།།	Ритуал подношения санг хозяевам местности Тангды, так называемый «Источник всех сидх и благ»
ཀྱི་ཆོས་དབྱིངས་བདེ་བ་ཆེན་པོའི་ཕྱ་བྱང་ནས། ཁྱེ་མ་ཡི་དམ་སངས་རྒྱལ་བྱང་མཆོས་དང་། ཆོས་སྣང་སྤང་མ་དཔལ་ལོ་མཁའ་འགྲོའི་ཆོག་གས། ལྷན་འདྲེན་འདིར་གཤེགས་མདུན་གྱི་གནས་འདིར་གཤེགས།	Из дворца Дхармадхату Великого блаженства, Мой Гуру, Идамы, Будды, Бодхисаттвы и Защитники учения, герои и даки, приглашаю вас снизойти передо мною.
རབ་ཡངས་འཛམ་གླིང་བྱང་གི་ཡུལ་ལྗོངས་སྤྱ། རབ་མཐོ་ལྷན་པོའི་ཕྱེ་མ་དགྲང་བྱ་བ་སྟེགས། རབ་མཛོལ་ནགས་ཆལ་བྱ་མས་ཡོངས་སྤྱ་བསྟོར། རབ་རྒྱས་རི་བོ་ལ་གནས་བྱ་གྱི་རྩལ་ཅན།	На севере нашей обширной большой планеты есть пре- красное место, где Горные хребты с очень высокими вершинами упираются в небо. Прекрасный зеленый лес окружает это место, Недаром всемогущее Божество восседает в тайге.

མང་ནུ་ཞེས་གྲགས་མོར་འཛིན་ལ་གནས་པའི། བ་ཡན་མས་ཀ་མུན་གེན་མས་ཀ་དང་། ཀ་ཙམ་མས་ཀ་དང་ནི་ཞོན་དག་གན། ཇི་ཏ་ན་དང་ལྷག་པག་མས་ཀ་སོགས།	Так в известном месте Тангды Бай-Тайге, Монгун-Тайге и Кызыл-Тайге, а также Шындазыне Чадане и Сукпак-Тайге и так далее,
ལུང་ཁུལ་མག་ཤང་ཁུལ་དང་ཀ་ར་ཁུལ། ཤེང་ཏྲག་ཏྲ་ཁུལ་ཅ་ཁུལ་ཁེམ་ཅེག་ཀླུ། འཡང་ཀ་ཏ་གནས་གཞིའི་བདག་པོ་རྩམས། ཐོགས་མེད་རྩེ་འབྲུལ་གྲགས་ཀྱིས་གནས་འདིར་གཤེགས།	Озере Сут-Хол, Мешпин-Хол и Кара-Хол Хиндиктиг-Хол, Чаа-Хол, реке Хемчик Аянгаты и так далее, Хозяева этих мест, озер и рек, Благодаря беспрепятственной чудесной силе да прибудь- те в это место.
གཞན་ཡང་ཕྱགས་འདིའི་དག་ལྷ་རྩྭ་རྩྭ་དང་། ལྷ་ལྷ་གནོད་སྤྱོད་མ་མོ་འབྱུང་པའི་ཆོགས། ལྷས་པའི་ཡིད་ཀྱིས་གནས་འདིར་སྤྱོད་འདྲེན་ན། རང་རང་དབྱེད་པའི་གདན་ལ་བཞུགས་སུ་གསོལ།	А также Бог войны и Бог богатства, Наги, Якши, Духи этой местности, всех Вас Я с глубоким уважением приглашаю сюда, Пожалуйста, располагайтесь, где Вам удобно.
དངོས་བཤམས་ཡིད་སྤྲུལ་མཆོད་ཡོན་ཆེ་མཆོ་འབྱུལ། འི་ཞེས་མེ་ཏྲག་སྤྱོད་ཆོགས་དྲད་པའི་ཤིན། ལྷང་གསལ་སྤྱོད་མེ་དྲི་ཆབ་རོ་བརྩམས། འདྲོད་ཡོན་ལྷ་དང་རྩེ་ལྷ་སྤྱོད་སྤྱོད་འབྱུལ།	Явные подношения и подношения в моем сознании, словно море, Ароматные разноцветные цветы, как облака, Светильник, чистый священный источник, самую луч- шую еду, Пять удовольствий и семь сокровищ царей я подношу вам.
རྩྭ་ལྷ་མཆོན་ལྷ་རྩྭ་རིན་ཆེན་ཆེན། རྩྭ་ལྷ་རྩྭ་མོང་སྤྱོད་གཞིགས་ཆོགས་རྩམས་དང་། ཤིང་སྤྱོད་འབྲུལ་དྲད་སྤྱོད་སོགས་བསྟེགས་པའི། རྩྭ་སྤྱོད་ནམ་མཁའི་བར་སྤྱོད་གང་དེ་འབྱུལ།	Алмазные доспехи и украшения богов с драгоценностями- ми, Лошади, овцы, верблюды — образы всех пяти видов жи- вотных, Дрова, зерно, ткани приношу в качестве подношений огню. Дарую дым моего Санга (ритуального костра), словно это облака, способные заполнить всю Вселенную.
བདག་ཅག་རྩམས་ཀྱིས་མ་རིག་དབང་གྱུར་ནས། ལས་རྒྱ་རྩྭ་ཤིང་གཉན་བཅད་ལ་སོགས། རྩྭས་དང་འགལ་བའི་སྤྱོད་ལམ་ཅི་མཆོས་པ། རྩྭ་ལྷ་ལྷ་རྩམས་བཅོད་པར་མཛད་དུ་གསོལ།	Все мы от невежества копаем землю, передвигаем лежащий камень, рубим деревья, Ведем себя бесчеловечно и губим священный Ваш мир, Из-за чего просим прощения и терпения!
ལུང་པར་ཕྱགས་འདིར་མཉམ་མེད་ཙོང་ཁ་པའི། རྩྭ་བསྟན་དར་ཞིང་ལུན་རིང་གནས་པ་དང་། རྩྭ་འབྲུན་སྤྱོད་རྩམས་མཉམ་མེད་ཞིང་གཙང་ཞིང་། ཆོས་སྤྱོད་ཡར་ཆོས་སྤྱོད་འཕེལ་བར་མཛད།	Помогите распространить в этой местности несравнен- ное учение Цонкапы Дабы желтая вера распространилась и задержалась здесь надолго. Чтобы у монахов-послушников не было разногласий, обеты были чистыми, Словно чистое полнолуние. Помогите умножить и раз- вить это!
བཀྲ་ཤིས་པར་གྱུར་ཅིག	Да преумножатся Ваши заслуги!
ཁྱེས་མང་ནུ་ཞེས་གྲགས་པའི་ལྷ་རྩམས་ལ་བསང་མཆོད་བྱེད་ པར་འདྲོད་པས་ཚུལ་འདི་ལྷ་ལྷ་དགོས་ཞེས་སྤྱོད་པའི་བདག་ པོ་དྲ་དཔོན་པོ་མཁས་ལྷག་དང་མཁན་པོ་རྩེ་མཆོ་ལྷ་ཞེས་མེད་ སྤྱོད་མེད་མོང་ནས་བསྟན་པ་ལ་བརྟེན་ནས་ལ་བཅུན་ གཞུགས་འཇམ་དབྱངས་བསྟན་པའི་ཉི་མས་ཡར་ངོའི་བརྩེད་ ལ་སྤྱོད་པའི།	Если Вы хотите совершить ритуалы подношения горам и местности Тангды, то следует читать этот текст, кото- рый составлен по многочисленным просьбам правителя Даа хошуна Хайдыпа и Чамзы Хамбо, чиновников и лам мною хелином (гелунгом) Денбии Ньимой в восьмой Лунный день
	Перевод И. И. Монгуша

Вдохновением для написания данного текста стали горы вдоль реки Хемчик на западе Тувы. Важно отметить, что и по сей день тувинскими ламами ритуалы, связанные с освящением местности западной части Тувы, отправляются именно по правилам текста «Тангды Санг». Во время пребывания в Туве ламами Ньендак-Саном и Кунтангом Ринпоче были дарованы посвящения долгой жизни Белой Тары «Цеванг». Кунтанг Ринпоче акцентировал свое внимание в наставлениях о важности не прерывать линию преемственности, поддерживать связь «лама – ученик» [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 224. Л. 60].

Кунтанг Ринпоче также сообщил, что из Лаврана по поручению руководства монастыря в лице Кунчу-ламы выехало 3 человека: геген Лопсан Чымбазан направился в сторону Бурятии, Нясан Хутухту в Монголию, Денбии Ньима (Кунтанг Ринпоче) — в Алтай, в землю дербетов — этнической группы ойратов, проживающих на западе Монголии в аймаках Увс и Ховд, и в Туву. Главная цель визита Денбии Ньимы заключалась в распространении буддийского учения в этих землях, по возвращении в Лавран он намеревался доложить о результатах своей поездки, об установленных связях руководству монастыря. Денбии Ньима также отметил, что лично Далай-лама XIII, Панчен-Богдо и Кунчу-лама прикладывают много усилий для развития буддийского учения в северных землях. В благодарность за его деятельность и наставления в качестве подношений от имени Алды-Хурээ (Нижнечаданский храм), Устуу-Хурээ (Верхнечаданский храм) и населения двух хемчикских хошунов (Даа и Бээзи) собрали 10 тыс. серебряных лан и около 1 тыс. голов крупного рогатого скота [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 560. Л. 16].

Для сопровождения достопочтимого Кунтанга Ринпоче до Тибета и с целью дальнейшего получения образования в монастыре Лавран из Тувы были отправлены 6 лам: Чулдум Хелин, Чалзап Шунлайпа, Опай Ловун, Чадамба Кумзат, Самдан Кумзат, Лопсан Кешпи. Впоследствии выяснилось, что они прибыли в Лавран через 3 месяца и 20 дней. Известно, что после письменного обращения наследника Хайдыпа — Буяна-Бадыргы в

адрес Кунтанг-гегена (Денбии Ньима) после четырехлетнего обучения 5 из 6 отправленных на учебу хуураков (учеников) были отозваны из Лаврана в Туву [НА РТ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 560. Л. 16]. Текст обращения неизвестен, возможно, на ситуацию повлияла смена геополитической обстановки в связи с Синьхайской революцией в Китае.

Шестым ламой, который продолжил свое обучение в Лавране, был Ооржак Лопсан Салбакай оглу или Лопсан кешпи. После завершения десятилетнего обучения Ооржак Лопсан успешно защитил ученую степень геше и начал подготовку для возвращения в Туву. Перед отъездом в родные края он получил следующие наставления от Денбии Ньимы. Во-первых, приложить усилия для развития буддийского учения на территории Тувы именно по тибетскому образцу. Во-вторых, попросить Лопсана-Чамзы хамбо, Эренчин хамбо, Тактанмай хамбо, Йондан-Соржу хамбо регулярно отправлять письма Кунтангу Ринпоче о сложившейся ситуации, обо всех изменениях, которые происходят на политической арене Тувы.

Подтверждением тесных контактов Устуу-Хурээ и тибетского Лаврана служит и то обстоятельство, что настоятель монастыря Устуу-Хурээ Лопсан-Чамзы-хамбо был напрямую назначен Келзаном Тупте-ном Ванчуком, являвшимся четвертым перерождением основателя монастыря Лавран Кунчена Джамьянга Шетпы [Доржу и др. 2024: 520]. Возможно, такое высокое назначение было связано с тем, что приезжавшие в Устуу-Хурээ Ньендак-Сан, Кунтанг Денбии Ньима, убедившись в достоинстве и мудрости Лопсана-Чамзы, просили об этом Келзана Туптена Ванчука.

6. Заключение

Введение в научный оборот данных из ранее неизвестных исторических источников, преимущественно материалов допросов тувинских лам, позволило всесторонне осветить особенности взаимодействия тувинского монастыря Устуу-Хурээ и тибетского монастыря Лавран в начале XX в.

Было установлено, что по приглашению правителя Даа-хошуна Хайдыпа и верхуш-

ки тувинского духовенства состоялись два визита тибетских лам в монастырь Устуу-Хурээ — Четвертого Ньендак-Сана Лопсана-Лундока и Пятого Кунтанга Денбии Ньима Ринпоче. Деятельность Ньендак-Сана в Устуу-Хурээ была ознаменована открытием главного глиняного храма монастырского комплекса Устуу-Хурээ, началом обучения тувинских лам основам тибетской медицины в стенах храма.

Кунтанг Ринпоче Денбии Ньима V, являясь перерожденцем и наставником высокого уровня, прибыл в северные земли с миссией способствовать развитию буддизма по поручению руководства монастыря Лавран. Отметим, что главным наследием его пребывания на территории Тувы является священный текст «Тангды Санг», который по сей день используется тувинским духовенством для отправления ритуалов освящения местностей, гор и рек западной части Тувы. Текст этот хранится в действующем буддийском храме Цеченлинг. Кунтанг Ринпоче также участвовал в открытии одного из хра-

мов Устуу-Хурээ и забрал с собой в Лавран шестерых лам Устуу-Хурээ для продолжения обучения в Тибете.

Наставления Ньендак-Сана и Кунтанга Ринпоче касались дальнейшего развития буддизма на территории Тувы. Важным, по их мнению, было, во-первых, постоянное поддержание связей и своевременное доведение информации до тибетских лам в Лавране о состоянии текущих дел в Туве. Во-вторых, они считали залогом успешного развития буддизма получение тувинскими ламами образования в крупных монастырях Тибета и Монголии, всячески оказывали содействие в этом деле. В-третьих, они видели необходимость в увеличении количества буддийских храмов по всей территории Тувы. В благодарность за свою деятельность по духовному просвещению и развитию буддизма тибетские учителя уезжали с щедрыми подношениями от местного населения, властей и духовенства, которые оформлялись в виде самостоятельных монастырских хозяйств — джас при Устуу-Хурээ.

Источники

НА РТ — Национальный архив Республики Тыва.

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Литература

Аранчын 1982 — Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.

Дашковский и др. 2024 — Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 4. С. 211–233. DOI: 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–11

Доржу, Монгуш 2023 — Доржу З. Ю., Монгуш И. И. Трагическая судьба ученого ламы Лопсан-Чинмита // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4(30). С. 137–147. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-137-147

Sources

National Archive of the Tyva Republic.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs.

References

Aranchyn Yu. L. The Tuva Historical Path to Socialism. Novosibirsk: Nauka, 1982. 337 p. (In Russ.)

Dashkovskiy P. K., Bicheldey U. P., Mongush A. V. The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No. 4. Pp. 211–233. (In Russ.). DOI: 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–11

Dorzhu Z. Yu., Mongush I. I. The tragic fate of the learned Lama Lopsan-Chinmit. *Socio-Economic and Humanitarian Journal*. 2023. No. 4. Pp. 137–147. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-137-147

- Доржу и др. 2024 — *Доржу З. Ю., Монгуш И. И., Ширап Р. О.* Роль Пандито Камбы-Ламы Лопсана-Чамзы в развитии духовности тувинского народа // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 512–524. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-512-524
- Дулов 1956 — *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX века). М.: АН СССР, 1956. 608 с.
- Кабо 1934 — *Кабо Р.* Очерки истории и экономики Тувы. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 1934. 202 с.
- Каррутерс 1914 — *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Петроград: Издание Переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия, 1914. 341 с.
- Мачавариани 1931 — *Мачавариани В.* В Танну-Туву: очерк с 18 фотографиями. М.: ОГИЗ, Молодая гвардия, 1931. 110 с.
- Минцлов 1915 — *Минцлов С. Р.* Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига: Сибирское кн. изд-во, 1915. 276 с.
- Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Монгуш 2025 — *Монгуш И. И.* Первые монастыри в Туве по тибетским источникам // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 3(37). С. 206–214.
- Попов 1905 — *Попов В. Л.* Через Саяны в Монголию. Очерк путешествия. Омск: Тип. Штаба Сиб. воен. округа, 1905. 175 с.
- Хомушку 2005 — *Хомушку О. М.* Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М.: РАГС, 2005. 227 с.
- Хомушку 2024 — *Хомушку О. М.* Религии в Туве: история и современность. Новосибирск: Наука, 2024. 176 с.
- Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- Dorzhu Z. Yu., Mongush I. I., Shirap R. O. Pandito Kamby-Lama Lopsan-Chamzy and his role in spiritual development of the Tuva people. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 512–524. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-512-524
- Dulov V. I. Socioeconomic History of Tuva, Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 608 p. (In Russ.)
- Kabo R. Essays on Tuva's History and Economy. Moscow: Sotsekgiz, 1934. 202 p. (In Russ.)
- Carruthers D. Unknown Mongolia. Petrograd: Main Directorate of Land and Agriculture (Resettlement Dept.), 1914. 341 p. (In Russ.)
- Machavariani V. In Tannu-Tuva: An Essay [Supplemented] with 18 Photographs. Moscow: OGIZ, Molodaya Gvardiya, 1931. 110 p. (In Russ.)
- Mintslov S. R. The Secret Mission: A Journey to Uriankhai. Riga: Sibirskoe Knigoizdatelstvo, 1915. 276 p. (In Russ.)
- Mongush M. V. History of Buddhism in Tuva, Mid-Sixth to Late Twentieth Centuries CE. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Mongush I. I. The first monasteries in Tuva under Tibetan sources. *Socio-Economic and Humanitarian Journal*. 2025. No. 3. Pp. 206–214. (In Russ.) DOI: 10.36718/2500-1825-2025-3-206-214.
- Popov V. L. Through the Sayan to Mongolia: A Travel Essay. Omsk: Siberian Military District Headquarters, 1905. 175 p. (In Russ.)
- Khomushku O. M. Religion in Sayan-Altai Cultures. Moscow: Presidential Academy, 2005. 227 p. (In Russ.)
- Khomushku O. M. Religions in Tuva: Past and Present. Novosibirsk: Nauka, 2024. 176 p. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley: An Ethnographic Review and an Explanatory Catalogue of the Museum's Ethnographic Department. Minusinsk: V. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1239–1255, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC / УДК 939.2(479.25)

‘Hattian’ Footwear with Up- turned Toes in Bronze Age Ico- nography of the South Caucasus: Iconographic and Textual Evi- dence of Ritual Signification and Cultural Transmission

*Hasmik A. Hmayakyan¹,
 Ruzanna T. Mikayelyan²,
 Tigran L. Mikayelyan³*

¹ Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Armenia (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-2486-9937. Email: [hmayakyan\[at\]yahoo.com](mailto:hmayakyan[at]yahoo.com)

² Institute of Arts of the National Academy of Sciences of Armenia (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (Arts), Junior Research Associate

 0000-0003-1185-8419. Email: [ruzik9612\[at\]gmail.com](mailto:ruzik9612[at]gmail.com)

³ Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Armenia (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Research Associate

 0009-0000-3270-2259. Email: [mtigran2002\[at\]yahoo.com](mailto:mtigran2002[at]yahoo.com)

«Хаттская» обувь с загнутыми вверх носками в иконографии бронзового века Южного Кав- каза: иконографические дан- ные и упоминания в текстах ритуального значения как сви- детельство культурной транс- формации

*Асмик Арутюновна Амаякян¹,
 Рузанна Тиграновна Микаелян²,
 Тигран Леонидович Микаелян³*

¹ Институт востоковедения Национальной академии наук Армении (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Армения)

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

² Институт искусств Национальной академии наук Армении (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Армения)

кандидат искусствоведения, младший научный сотрудник

³ Институт востоковедения Национальной академии наук Армении (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Армения)

научный сотрудник

© Hmayakyan H. A., Mikayelyan R. T.,
Mikayelyan T. L., 2025

© Амаякян А. А., Микаелян Р. Т., Микаелян Т. Л.,
2025

Abstract. *Goals.* The article seeks to examine the symbolic and sociocultural significance of shoes with upturned toes referred to as ‘Hattian’ in the iconography of Bronze and Iron Age artifacts discovered in the territory of modern Armenia. To facilitate this, the paper shall investigate references and features of footwear with upturned toes in textual and visual sources from Anatolia of the Hittite period; identify and analyze similar images in archaeological materials excavated in Armenia and neighboring regions; assess the symbolic meaning of this shoe type in the context of religion, social relations and politics; consider the role of the shoes in question as an example of transmission and local adaptation of cultural motifs from Anatolia in the South Caucasus during the Bronze and Iron Ages. *Materials.* The study relies on mentions in Hittite cuneiform texts and images of these shoes in archaeological materials, primarily on goblets, belts, figurines and scabbards, in order to trace their distribution and local features of their adaptation. Often associated with gods, kings, and priests, this shoe type reflects ideological notions of power and mediation between the mortal world and that of the gods. Despite the fact such shoes originate from the cultural traditions of ancient Anatolia, the presence of such shoes in the territory of Armenia indicates a complex process of transformation of symbols at the local level. Furthermore, the study examines archaeological and iconographic data in a broader Middle Eastern context, compares elements of ritual clothing as part of material culture to those of Anatolia, Mesopotamia and the South Caucasus. *Results.* Artifacts from the South Caucasus show vivid iconographic parallels with the Anatolian samples. A most important artifact discovered in Armenia is the Karashamb Goblet (22nd–21st centuries BC) with all the depicted figures to wear shoes with toes turned up. The iconography of the goblet reflects the style common in Mesopotamia and Anatolia, especially with regard to clothing and symbolic poses. Similar motifs are present on the Trialeti Goblet from Georgia. Images of such shoes are also found on bronze belts of the late Bronze Age, for example, on the belt from Lchashen, Armenia (12th–11th centuries BC) where the depicted charioteer wears boots with elongated tops and upturned toes. A fragment of the belt from Khojaly (Azerbaijan) also depicts a hunter in a helmet and shoes with upturned toes, presumably a deity or demigod, with a dagger in one hand and the paw of an attacking beast in the other. Another important example is the standard sculpture from Shirakavan, Armenia (15th–14th centuries BC) with a central figure of some mythological hero hunter wearing half-boots with upturned toes. The composition of the standard with individual figures of man, lion and bird demonstrates a high level of craft and symbol synthesis. This tradition continues into the early Iron Age, as evidenced by the bronze scabbard from Lori Berd, Armenia (7th–6th centuries BC) with an engraving of a man in shoes with upturned toes in front of a winged lion and a long-necked bird.

Keywords: Hattian footwear, upturned toes, Hittite ritual, Bronze Age iconography, South Caucasus, cultural transmission, ceremonial attire

Acknowledgments. The reported study was funded by the Ministry of Education, Science, Culture and Sports of the Republic of Armenia (Committee for Higher Education and Science) as part of 2025 Grant Program for Enhancing Scientific Efficiency, project no. 25RG-6A052 ‘Cultural Connections between the Armenian Highlands and Asia Minor in the 2nd Millennium BCE’.

For citation: Hmayakyan H. A., Mikayelyan R. T., Mikayelyan T. L. ‘Hattian’ Footwear with Upturned Toes in Bronze Age Iconography of the South Caucasus: Iconographic and Textual Evidence of Ritual Signification and Cultural Transmission. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1239–1255. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1239-1255

Аннотация. *Введение.* Цель данной статьи — рассмотреть символическое и социально-культурное значение обуви с загнутыми вверх носками, известной как «хаттская обувь», в иконографии артефактов бронзового и железного веков, обнаруженных на территории современной Армении. Целью данной статьи определены задачи: 1) изучение упоминаний и особенностей обуви с загнутыми вверх носками в текстовых и визуальных источниках из Анатолии хеттского времени; 2) выявление и анализ аналогичных изображений в археологических материалах, раскопанных на территории Армении и соседних регионов; 3) оценка символического значения данной обуви в контексте религии, социальных отношений и политики; 4) рассмотрение роли рассматриваемой обуви, как одного из примеров передачи и местной адаптации культурных мотивов из Анатолии на Южном Кавказе в эпоху бронзы и железа. *Материалы.* Исследо-

вание опирается на упоминания в хеттских клинописных текстах и изображения этой обуви в археологических материалах, прежде всего на кубках, поясах, статуэтках и ножнах, чтобы проследить ее распространение и локальные особенности ее адаптации. Часто ассоциируемый с персонажами богов, царей и жрецов, этот тип обуви отражает идеологические представления о власти и посредничестве между миром смертных и богов. Несмотря на то, что происхождение такой обуви берет начало из культурных традиций древней Анатолии, наличие подобной обуви на территории Армении указывает на имевший место сложный процесс трансформации символов на местном уровне. Кроме того, в исследовании рассматриваются археологические и иконографические данные в более широком ближневосточном контексте, в сопоставлении элементов ритуальной одежды как части материальной культуры с таковыми Анатолии, Месопотамии и Южного Кавказа. **Результаты.** Артефакты из Южного Кавказа демонстрируют яркие иконографические параллели с анатолийскими образцами. Одним из важнейших артефактов, найденных в Армении, является чаша из Карашамба (XXII–XXI вв. до н. э.), на которой все фигуры изображены в обуви с загнутыми вверх носками. Иконография чаши отражает стиль, распространенный в Месопотамии и Анатолии, особенно это касается одежды и символических поз. Подобные мотивы присутствуют и на Триалетской чаше из Грузии. Изображения такой обуви встречаются и на бронзовых поясах позднего бронзового века, например, на поясе из Лчашена, Армения (XII–XI вв. до н. э.), где колесничий изображен в сапогах с удлиненными голенищами и загнутыми вверх носами. Фрагмент пояса из Ходжалы (Азербайджан) также изображает охотника в шлеме и обуви с загнутыми вверх носками, предположительно божество или полубога, с кинжалом в одной руке и лапой нападающего зверя — во второй. Другой важный пример — штандарт-скульптура из Ширакавана, Армения (XV–XIV вв. до н. э.), где центральная фигура — мифологический герой-охотник, обутой в полусапоги с загнутыми вверх носками. Композиция штандарта с отдельными фигурами человека, льва и птицы демонстрирует высокий уровень ремесла и синтеза символов. Эта традиция продолжается и в раннем железном веке, о чем свидетельствуют бронзовые ножны из Лори Берда, Армения (VII–VI вв. до н. э.), на которых есть гравировка человека в обуви с загнутыми носками, стоящего перед крылатым львом и длинношеей птицей.

Ключевые слова: хаттская обувь, загнутые носки, хеттский ритуал, иконография бронзового века, Южный Кавказ, культурная трансформация, церемониальная одежда

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Культурные связи между Армянским Нагорьем и Малой Азией во II тысячелетии до н. э.» (25RG-6A052) «Грантовой программы 2025 года по повышению научной эффективности», финансируемой Комитетом по высшему образованию и науке Министерства образования, науки, культуры и спорта Республики Армения.

Для цитирования: Амаякян А. А., Микаелян Р. Т., Микаелян Т. Л. «Хаттская» обувь с загнутыми вверх носками в иконографии бронзового века Южного Кавказа: иконографические данные и упоминания в текстах ритуального значения как свидетельство культурной трансформации // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1239–1255. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1239-1255

1. Introduction

The study of the rich iconographic material preserved from the period of the Hittite Kingdom provides valuable insight into ancient sartorial practices, particularly regarding distinctive footwear types. Among these, footwear with upturned toes, commonly referred to as ‘Hattian’ shoes, occupies a notable place in both textual and visual traditions. It should be noted that researchers, among other similarities, also point to details of clothing, including shoes with upturned toes, as an expression

of the connection between the culture of the South Caucasus and the culture of the Hittites [Diakonoff 1968: 38]. This seemingly small but highly characteristic element of attire has therefore become a key index in the discussion of cultural contacts, as it reflects both the practical requirements of footwear in ritual and daily life as well as the symbolic value ascribed to shoes in ceremonial contexts. References to this type of footwear appear frequently in Hittite sources, indicating their ritual and symbolic significance and showing that the shoes were

not casual or everyday objects but carefully codified items associated with specific social and religious functions. They formed an integral part of ceremonial attire and are found in various textual genres, including myths, ritual texts, inventories, and legal documents [Puhvel 2017: 177–179; Singer 1984: 9–10]. The fact that they appear in such a wide spectrum of documents strongly suggests that their significance was broadly understood within Hittite society and that they held a recognizable and perhaps standardized form known to scribes, artisans, and worshippers alike.

In Hittite cuneiform texts, the term for footwear is represented by the ideogram *KUŠE.SIR* [Goetze 1947: 184], often paired with the verb *sarkuya*, *sarku(wa)e*, or *sarku-*, meaning “to put on” or “tighten” [Puhvel 2017: 177–179]. The wording shows that the focus was both on the shoes and on the act of putting them on, an action that in ritual ceremonies may have been understood as more than practical, carrying a deeper symbolic role. Several types of footwear are attested, such as *KUŠE.SIR BABBAR TI* (“white”) and *KUŠE.SIR GE6* (“black”) [Puhvel 2017: 177–179; Nakamura 1995: 111–112], including those made of gold or silver and other materials [Gambashidze 2013: 115–116]. The mention of white and black shoes already points to the symbolic role of color in ritual attire, since white is typically associated with purity, divinity, or renewal, while black may relate to chthonic powers, night, or fertility [Tropina 2022: 30; Turner 1983: 71–103]. Even more striking are the luxurious examples of footwear said to be fashioned from gold or silver, which could not have been intended for practical use but instead functioned as ceremonial objects emphasizing the wealth, status, and sacred role of their wearer. However, the most prominent and visually distinctive form is the upturned-toe footwear, known as *KUŠE.SIR ḫa-at-ti-liš* or ‘Hattian’ footwear [Camarosano 2018: 276–277; Gambashidze 2013: 116]. This form of shoes appears in both textual references and iconography and was typically worn by deities of both genders [Bryce 2002: 160], kings, and priests [Turgut 2017: 5; Hoffner 2003: 104]. The association with gods and rulers emphasizes its liminal function: when worn, these shoes elevated the individual, both

physically and symbolically, into a space between the human and divine spheres.

Depictions of this footwear are well-attested in ritual and royal reliefs. At the rock sanctuary of Yazılıkaya (dating to the 13th BCE), approximately twenty figures are depicted wearing upturned-toe shoes. The frequency of their appearance in this sacred site indicates that they were a normal attribute of divinity, comparable in importance to headdresses, robes, or sacred weapons. Similar depictions are found in the reliefs of Alaca Höyük (the Hittite period spans from 1800 to 1200 BCE) (fig. 1) (especially on the southern gate), and on Bor and Warpalawa steles, where kings are shown in ceremonial attire including this distinctive footwear. The choice of monumental public display for these depictions demonstrates that footwear was part of the visual vocabulary through which authority was communicated to both insiders and outsiders of the Hittite realm. Other examples occur in reliefs from Boğazköy, İvriz, and on the İnandık Vase. These widespread attestations, covering both central and peripheral Hittite sites, suggest that the motif of the upturned shoe was not limited to one artistic school or one local cult but was a widely recognized emblem integrated into the state’s religious and political imagery.

Textual records further confirm its ceremonial importance. During the *Nuntarriyasha* festival, Hittite kings were described as donning ritual garments that included black ‘Hattian’ shoes [Ardzinba 1982: 54–55]. The explicit mention of color and style here points to strict ritual prescriptions, where deviations could potentially compromise the efficacy of the ceremony. The *KILLAM* festival texts detail morning rituals in which the king dresses in sacred regalia, including shoes with upturned toes, to perform priestly functions. His attire — long robe, golden earrings, headdress, and ritual footwear — transforms him into a quasi-divine figure, indistinguishable from the Sun God, reinforcing his mediatory role between the human and divine spheres [Moore 2018: 19]. Such descriptions remind us that clothing in ancient ritual was never a matter of personal preference but a codified system in which every item had symbolic meaning [Gaskill 2013: 137]. Shoes, being the point of contact between

*Fig. 1. Teshub, weather god with priests. Relief from Alaca Höyük. Source: <https://artofwayfaring.com/app/uploads/2018/09/%C3%87orum-Sept-2018-03778.jpg>
[Рис. 1. Бог грозы Тешуб со жрецами. Рельеф из Аладжа-Хююка]*

the human body and the earth, may have carried a particularly strong symbolic charge, connecting the sacred body of the king with the terrestrial world while at the same time lifting him onto a different, sanctified sphere through their unusual shape.

Scholars generally agree that such footwear was widespread across ancient Anatolia from the Early Bronze Age onward [Cammorosano 2018]. Archaeological finds of miniature shoes, ornaments, and depictions in glyptic art corroborate this distribution and suggest that the type had already become traditional long before the height of the Hittite Empire. Notably, similar types of footwear also appear in the iconography of various artifacts discovered on the territory of modern Armenia, suggesting a significant degree of cultural transmission and adaptation. The presence of this motif in the South Caucasus points to long-standing channels of interaction, whether through trade, migration, or shared ritual practices, in which items of dress played a role as easily recognizable symbols of identity. In this sense, the 'Hattian' shoe may have served as both a practical object and a cultural signifier, marking those who wore it as participants in a common symbolic universe

stretching across Anatolia and into the Caucasus. The fact that such a small and functional element of dress was represented so consistently underscores its cultural weight. For the peoples of both Anatolia and the South Caucasus, footwear with upturned toes was not only a garment but also a bearer of meaning, capable of expressing affiliation, sanctity, and continuity with tradition.

This article aims to:

- Examine the occurrence and characteristics of footwear with upturned toes in both textual and visual sources from Hittite Anatolia;
- Identify and analyze corresponding representations in archaeological materials excavated from Armenia and neighboring regions;
- Evaluate the symbolic meaning of this footwear in religious and sociopolitical contexts;
- Consider its role in the transmission and localization of cultural motifs between Anatolia and the South Caucasus during the Bronze and Iron Ages.

2. Literature Review

Although Hattian footwear has been addressed primarily in the context of Hittite re-

ligion, kingship, and ceremonial attire, broader regional studies have been limited. Foundational analyses of Hittite ritual costume and iconography include the works of Akurgal [Akurgal 1961], Goetze [Goetze 1947], and Singer [Singer 1984], while more recent scholarship has examined these items through the lens of divine kingship and elite identity [Moore 2018; Cammarosano 2018].

In the South Caucasus, relevant artifacts have been studied by scholars such as Gambashidze [Gambashidze 2010; Gambashidze 2013], with particular attention to the Trialeti Goblet and other symbolic materials. In the Armenian academic tradition, Oganessian [Oganessian 1988], Avetisyan and Piliposyan [Avetisyan, Piliposyan 2007] have documented the iconographic parallels seen in objects like the Karashamb Goblet, emphasizing their significance in local Bronze Age culture. The article authored by Grigoryan, Mkrtchyan, Haroutunian [Grigoryan et al. 2010] explores such an important find as Lchashen belt. Another important contribution was made by Israyelyan [Israyelyan 1966] who studied the Khojaly belt's iconography. Similar studies on the standard from Shirakavan were conducted by Torosyan, Khnikyan, and Petrosyan [Torosyan et al. 2002], while Devejian and Hobosyan [Devejian, Hobosyan 2015] focused on the scabbard from Lori.

The introduction of the 'Hattian' shoe with upturned toes among Etruscan women was studied in detail by Ağtürk [Ağtürk 2023]. Avagyan [Avagyan 1983] examined the use of *trekhs* (rustic shoes) among Armenians that inhabited parts of modern Turkey and various provinces of modern Armenia.

By studying 9th-century BCE Syro-Anatolian clothing in Assyrian art, Degrado [Degrado 2021] highlights the diversity of clothing styles depicted in Assyrian reliefs, including the upturned-toe shoes worn by representatives of specific regions, which are of particular interest to us.

Despite these contributions, a comprehensive comparative analysis integrating Hittite textual evidence with South Caucasian material culture has remained largely underexplored. This article addresses that gap by drawing on both philological and archaeological data to il-

luminate the ideological functions and symbolic continuity of upturned-toe footwear within the broader context of Near Eastern ceremonial practices.

3. Methodology

The study employs an interdisciplinary approach that integrates philological analysis of Hittite cuneiform texts with iconographic examination of Bronze and Iron Age artifacts from both Anatolia and the South Caucasus. The research is grounded in the following methods:

- Philological analysis: Key Hittite texts referencing ceremonial attire and footwear, particularly the *Nuntarriyasha* and *KI.LAM* festival descriptions, are examined to understand the terminology, symbolic meaning, and ritual context of 'Hattian' footwear [Puhvel 2017: 177–179; Goetze 1947: 184; Singer 1984: 9–10]:

- Iconographic study: A comparative visual analysis is conducted on a wide range of artifacts, including goblets, bronze belts, statuettes, ceremonial standards, and scabbards, focusing on the representation and stylistic attributes of upturned-toe footwear [Akurgal 1961: 81; Cammarosano 2018: 276–277].

- Cross-cultural interpretation: The findings are contextualized within broader cultural and symbolic systems of the ancient Near East, assessing possible influences from Anatolia, Mesopotamia, and the South Caucasus [Bryce 2002: 160; Gambashidze 2013: 116].

The artifacts examined in this study span a wide chronological range, from the Early Bronze Age (22nd–21st centuries BCE) to the early Iron Age (7th–6th centuries BCE), and geographically encompass sites in present-day Armenia, Georgia, Azerbaijan, and eastern Turkey.

4. Results

4.1. Hittite Iconographic and Textual Evidence

The ritual and symbolic function of upturned-toe footwear is prominently illustrated in Hittite royal and religious iconography. Reliefs from Yazılıkaya and Alaca Höyük feature numerous figures both divine and royal wearing this type of shoe [Akurgal 1961: 81]. Similar

representations are also observed in Boğazköy, İvriz, and on the İnandık Vase [Turgut 2017: 5].

In Hittite religious texts, this footwear is explicitly mentioned as part of the ceremonial dress worn by the king during key festivals. The *Nuntarriyasha* festival, for instance, describes the king dressing in white garments, adorning silver earrings, and donning black ‘Hattian’ shoes [Singer 1984: 9–10]. Similarly, the *KILAM* festival texts specify that the king appears at dawn in a sacred robe, wearing shoes with upturned toes — ritual attire that reinforces his divine persona and hierarchical authority [Hoffner 2003: 95–118].

4.2. Iconographic Parallels in South Caucasus

Artifacts from the South Caucasus display striking iconographic parallels to their Anatolian counterparts. The *Karashamb Goblet* (22nd–21st centuries BCE), one of the most significant archaeological finds in Armenia (fig. 2, 3), depicts all its figures wearing upturned-toe footwear. The goblet’s iconography also reveals stylistic influences from Mesopotamian and Anatolian traditions, particularly in its depiction of clothing and symbolic posture [Avetisyan, Piliposyan 2007: 92; Oganessian 1988: 161]. Similar motifs are present on the *Trialeti goblet* from Georgia [Gambashidze 2010: 117] (fig. 4).

Depictions of this footwear also appear on *Late Bronze Age bronze belts*, such as the *Lchashen belt* (12th–11th centuries BCE), which shows a giant charioteer wearing boots with elongated uppers and upturned toes, along with a lion mask (fig. 5) [Grigoryan et al. 2010: 120 (no. 86)].

A *Khojaly belt fragment* from Azerbaijan features a hunter fully equipped with a helmet and wide belt, his feet in shoes with upturned toes. Representing a deity or semi-god, the hunter holds a dagger in his right hand and the leg of an attacking animal in his left; the head of the animal has not been preserved, however, judging by the position of the animal’s body during the attack, it is a ferocious beast (fig. 6) [Israyelyan 1966: 243]. This further reinforces the motif’s symbolic continuity across the region [Gambashidze 2013: 103–118].

Another notable example is the *sculptural standard from Shirakavan* (15th–14th centuries

BCE) [Torosyan et al. 2002: 46] which features a central mythological hero-hunter wearing half-boots with upturned toes. The standard’s composite design with separately cast human, lion, and bird figures highlights the high level of craftsmanship and symbolic synthesis achieved in the region (fig. 7) [Piliposyan 2022: 40; Vardanyan 2021: 239].

This tradition persists into the early Iron Age, as evidenced by a *bronze scabbard from Lori Berd* (7th–6th centuries BCE), discovered in one of the largest burials at the site. The engraved image depicts a man arm raised, eyes wide open wearing upturned-toe shoes, standing before a winged lion and a long-necked bird [Devedjian, Hobosyan 2015: 174] (fig. 8).

5. Discussion

The consistent appearance of upturned-toe footwear in both Hittite and South Caucasus material culture reflects a shared symbolic lexicon associated with divine or elevated status. In Hittite ritual and ceremonial contexts, this type of footwear signified the transformation of the wearer into a quasi-divine figure, capable of mediating between the sacred and the secular. The king, through the ritual donning of these shoes, was visually and ideologically aligned with the solar deity [Moore 2018: 19].

In the South Caucasus, the adoption and contextual adaptation of this footwear in visual culture suggests a parallel symbolic function. The figures depicted wearing these shoes, whether charioteers, hunters, or mythical heroes are portrayed with markers of exceptional or supernatural identity. These individuals are often shown in association with wild animals, weaponry, or elaborate ceremonial garb, suggesting their role as divine intermediaries, heroic ancestors, or elite functionaries. Such iconographic and material correspondences are not merely imitative but reflect deeper processes of cultural negotiation and symbolic integration. The transmission of this footwear motif from Anatolia to the South Caucasus does not represent simple diffusion; rather, it constitutes a dynamic dialogue of forms and meanings. Local artisans and elites incorporated Anatolian motifs into their own ideological frameworks, thereby embedding foreign symbolism within regional traditions [Bryce 2002: 160; Cam-

Fig. 2. Karashamb Goblet, Armenia. Source: [Boehmer, Kossack 2000, 41, Abb. 4]
[Рис. 2. Кубок из Карашамба, Армения]

marosano 2018: 276–277]. Moreover, the sustained presence of these motifs across multiple centuries and diverse object types — goblets, belts, standards, and scabbards — underscores their durability as symbols of authority, divinity, and identity. These findings affirm that the material culture of the South Caucasus functioned as a conduit for complex interregional exchanges during the Bronze and Iron Ages.

According to one researcher, there is a notable aspect that Etruscan women adopted West Anatolian pointed shoes, that were traditionally worn by men in Anatolia. These shoes (short, lace-up boots with upturned toes, made from leather or fabric and often in red or black) were introduced around 550 BCE and initially worn by both genders, gradually became associated exclusively with female figures both mortal and divine in Etruscan art of the early 5th century BCE. This can be seen in depictions, such as the goddesses on plaques from the Bocca-nera Tomb in Caere/Cerveteri, a veiled priestess or elite woman in the Tomb of the Baron in Tarquinia, and a dancer in the Tomb of the Lionesses, also in Tarquinia [Steingraber 2006: 83; Aġtürk 2023: 310]. Although despite these

shoes faded from fashion by the end of the 5th century BCE, they continued to appear on representations of goddesses, most notably Juno Sospita well into the 1st century BCE. This suggests that the shoes carried symbolic significance and conveyed a sense of status [Bonfante 1986; Hermans 2012; Aġtürk 2023: 310]. The fact that such footwear was adapted specifically for women may reflect the more prominent public roles of Etruscan women compared to their Greek counterparts [Bonfante 1986: 254; c. on: Aġtürk 2023: 310]. In Greek art, pointed shoes and a similar soft, pointed turban-like headdress also appear on women, but typically mark them as exotic figures, such as *hetairai* [Fischer 2013: 224–225; c. on: Aġtürk 2023: 310].

According to the Turkish researcher, as a modern one can look at the example of the so-called *çarık* from western Turkey. A leather “pointed shoe usually with straps”, the *çarık* was very popular in Turkey up until the mid-20th century. Now, these shoes are usually used as ornamental dress item for performers of traditional Anatolian folk dances. In some villages in western Turkey today “pointed shoes”

Fig. 3. Shoes worn by figures. Karashamb Goblet frieze, fragment. Source: [Boemer, Kossack 2000, 41, Abb. E]
[Рис. 3. Обувь на образах, фриз на кубке из Карашамба, фрагмент]

Fig. 4. Trialeti Goblet, Georgia. Source: https://ka.wikipedia.org/wiki/თრიალეთის_ვერცხლის_თასი
[Рис. 4. Кубок из Тriaлети, Грузия]

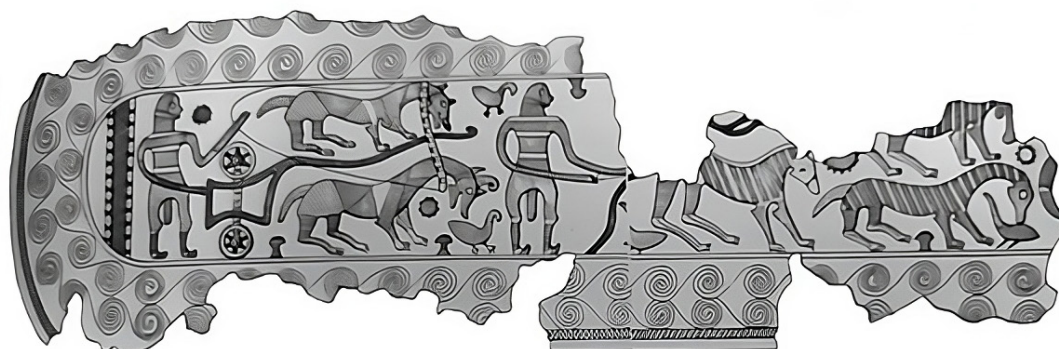

Fig. 5. Bronze belt from Lchashen, Armenia, 12th-11th centuries BC. Source: [Grigoryan et al. 2010: 95]
[Рис. 5. Бронзовый пояс из Лчашена, Армения, XII-XI до н. э.]

Fig. 6. Belt from Khojaly, Azerbaijan. Source: [Israyelyan 1966: 242]
[Рис. 6. Фрагмент пояса из Ходжали, Азербайджан]

Fig. 7. Figurine of a mythological hero hunter and a lion from Shirakavan, Armenia.
Source: [Piliposyan 2022: 39]
[Рис. 7. Статуэтка мифического героя-охотника и льва из Ширакавана, Армения]

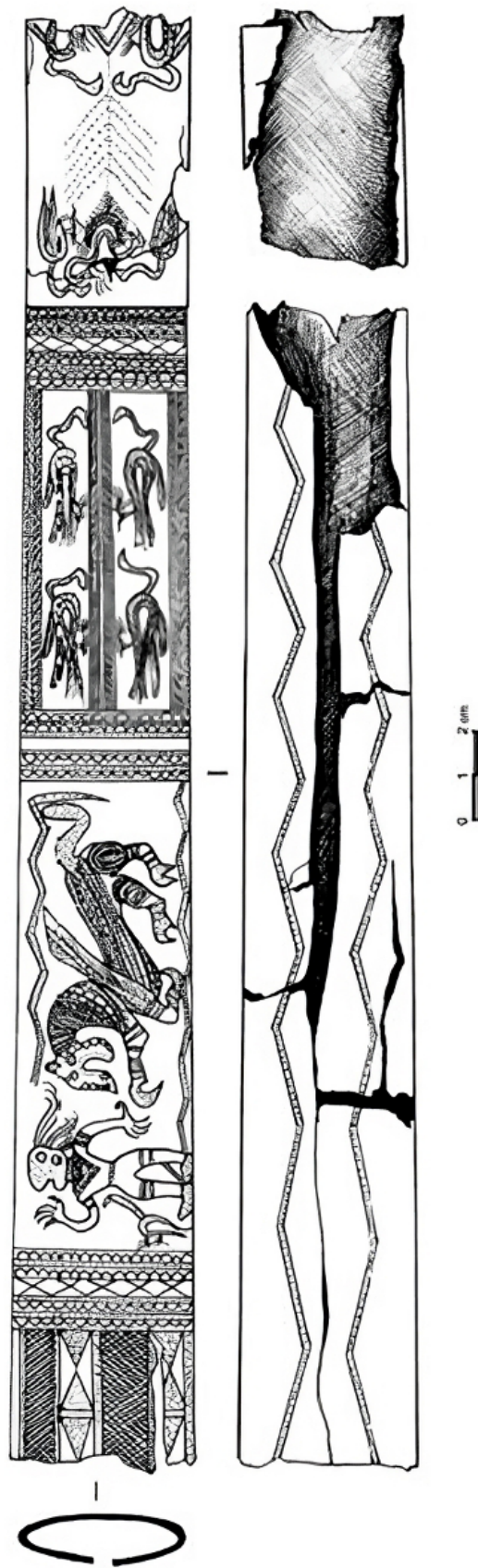

Fig. 8. Iconography on scabbard from Lori-Berd, Armenia. A giant winged-lion, a man and a long-necked bird. Source: [Devedjian, Hobosyan 2015: 174]
 [Рис. 8. Иконография на ножне из Лори Берда. Гигантский крылатый лев, человек и птица с длинной шеей]

are part of a bride's dowry. According to Ottoman tradition, the colors and lengths of these pointed shoes identify the marital status of the wearer: maidens wear yellow, married women red, and widows green *çarık* [Kuru, Paksoy 2011: 825; c. on: Ağtürk 2023: 314–315].

On the Assyrian Black Obelisk, Phoenicians and figures from the central and southern Levant (reaching as far south as Samaria) are shown wearing slouchy-peaked caps and footwear with upturned toes [Degrado 2021: 483]. Likewise, the Israelite tributaries shown alongside their king wear ankle-high boots with distinctively upturned toes and slouchy-peaked caps secured by a cloth band [Degrado 2021: 483], in contrast to those from Tyre and Sidon, who wear shoes with less dramatically upturned toes [Degrado 2021: 484]. In other panels prisoners from Hatti are depicted wearing sandals or walk bare foot. However, by contrast prisoners from the same wear shoes with upturned toes [Degrado 2021: 484]. According to the researcher's observations, various sartorial elements appear in Assyrian visual representations, including footwear styles. Notably, figures such as deities and deceased ancestors are often portrayed wearing shoes characterized by "prominently upturned toes". This distinctive feature highlights the symbolic or cultural significance attributed to such footwear in the context of Assyrian art and iconography [Degrado 2021: 489]. Thus, a key feature of Syro-Anatolian attire, including among Hittite-descended states, such as Carchemish and Patina, is the frequent depiction of people wearing shoes or boots with upturned, sometimes sharply pointed toes. These shoes are seen in both indigenous monuments (e.g., Zincirli, Carchemish) and Assyrian depictions of tribute bearers. The pointed-toe shoe frequently appears in scenes depicting ritual activities, tribute presentations, or indicators of social rank, and it is often associated with divine or elite status, especially within the earlier Hittite and Neo-Hittite traditions [Degrado 2021: 489].

Georgian researcher who discussed the depiction of Hattian-style footwear with characteristically upturned toes as represented on the Trialeti silver goblet, proceeds to note that similar types of footwear, particularly shoes with pointed and upturned toes also appear in

the iconographic tradition of Georgia during the medieval and later periods [Gambashidze 2010: 117]. She specifically refers to the southern façade of the *Dzveli Shuamta Church*, a 10th-century ecclesiastical structure in Georgia, where the biblical figure of Samson is depicted in the act of confronting a lion while wearing what the author describes as "clogs" with distinctly upturned toes [Gambashidze 2010: 117]. A comparable example is found in the relief sculpture of the *Opiza Temple*, located in the historical region of Klarjeti (Turkey), where the 9th-century Georgian ruler, King Ashot Kuropalati, is portrayed wearing high boots whose pointed toes are clearly turned upward, once again underscoring the continuity or symbolic persistence of this footwear style in Georgian monumental art.

It should be noted that in Armenia as well, from ancient times up to the 20th century, among the variety of traditional footwear, pointed-toe *trekhs* were widespread. Generally, *trekhs* were made from processed leather of oxen, cows, or buffalos, undergoing multiple stages of treatment. For example, pointed *trekhs* were common among Armenian of Sebastia (Turkey) and in Syunik province of Armenia, they were part of women's clothing green *trekhs* with pointed and upturned toes [Avagyan 1983: 89].

Armenian museums also display pointed, upturned-toe shoes made entirely of leather. The edges are stitched with woolen threads. The central part of these shoes is woven with a red lace. E.g. such *charookhs* (also word in colloquial Armenian for soft leather shoes) worn by women dating to the first half of the 20th century are exhibited in History Museum of Armenia (object number A8717 a, b) (fig. 9).

Another sample of shoes with upturned toes is exhibited in Yeghegnadzor Regional Museum, Vayots Dzor Province of the Republic of Armenia (item no. GG 113). They date to the second half of the 19th century. They are woven of leather and two edges of shoes are laced together with brown wool lace.

Images of shoes with pointed, upturned toes also appear in medieval Armenian miniature painting. For example, in the Gospel dating 1304, folio 170a, manuscript no. 3722 (kept in Matenadaran — Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts, there is a depiction of a shepherd playing the *zurna*, a traditional Arme-

Fig. 9. Trekhs. History Museum of Armenia. Item no. A8717 a, b. Source: Historical Museum of Armenia/ Исторический музей Армении
[*Рис. 9. Трехи. Исторический музей Армении, инвентарный № А8717 а, б*]

Fig. 10. Manuscript no. 3722. Shepherd wearing shoes with upturned toes. Mesrop Mashtots Matenadaran Research Institute of Ancient Manuscripts, Armenia
[*Рис. 10. Рукопись № 3722. Пастух в обуви с загнутыми вверх носками. Матенадаран Научно-исследовательский институт древних рукописей имени Месропа Маштоца, Армения*]

nian wind instrument), who is wearing a pointed hat and shoes with pointed, upturned toes (fig. 10). Similar shoes are worn, for instance, by the Archangel Gabriel in folio 14a of the Bible dating 1445, manuscript no. 534 (kept in Matenadaran). Other such examples can also be found in Armenian miniature art.

6. Conclusion

The study has demonstrated that footwear with upturned toes designated in Hittite texts as ‘Hattian’ served as a powerful visual and ritual device in the symbolic languages of both Anatolian and South Caucasus cultures. In Hittite contexts, these shoes were worn by kings and deities, signifying their liminal status between the earthly and the divine. This footwear became emblematic of ceremonial authority and divine kingship.

The presence of the same footwear type in the iconography of the South Caucasus on goblets, belts, statuettes, and scabbards confirms its adoption and recontextualization within local artistic and ritual traditions. These representations suggest that regional elites and artisans were not only aware of Anatolian symbols but actively engaged in their reinterpretation.

By examining both textual and visual sources, this article argues that the upturned-toe footwear was not merely a stylistic feature but a carrier of ideological meaning. Its diffusion reflects a broader cultural process in which ritual imagery, royal symbolism, and sacred dress

circulated throughout the ancient Near East.

Future research should extend this comparative framework to include neighboring cultural spheres, such as Mesopotamia and the Iranian Plateau, thereby further illuminating the mobility of ritual symbols and their role in shaping ancient identity and power structures.

The recurrence of pointed and upturned-toe footwear across a wide temporal and geographic span from the Bronze Age imagery on *the Trialeti and Karashamb goblets* to medieval Georgian reliefs and Armenian miniature paintings attests to the deep-rooted cultural significance and continuity of this stylistic feature also in the South Caucasus. The iconographic evidence from Georgia, including depictions of both biblical and royal figures in such footwear, underscores its symbolic value, possibly linked to status, ritual, or identity. Parallel examples from Armenia, preserved in both museum collections and manuscript illustrations, demonstrate that this tradition was not only long-standing but also widespread across different social strata and functional contexts. From the 14th- and 15th-century illuminated Armenian manuscripts to leather *charookhs* of the 19th and 20th centuries, the persistence of upturned-toe shoes reflects a shared visual and material heritage. This suggests a complex interplay of cultural transmission, local adaptation, and symbolic meaning associated with this distinctive form of footwear in the artistic and ethnographic traditions of the region.

References

- Ağtürk 2023 — Ağtürk T. Ş. Anatolian fashion in Etruscan clothing: The case of pointed shoes. Etruria and Anatolia. In: Baughan E. P., Pieraccini L. C. (eds.) *Material Connections and Artistic Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. Pp. 303–317. (In Eng.)
- Akurgal 1961 — Akurgal E. *Die Kunst der Hethiter*. München: Hirmer, 1961. 123 p. (In Germ.)
- Avagyan 1983 — Avagyan N. *Armenian Folk Costume, Nineteenth – Early Twentieth Centuries*. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences, 1983. 109 p. (In Arm.)
- Avetisyan, Piliposyan 2007 — Avetisyan P., Piliposyan A. *Karashamb: The Gold of Ancient Armenia (3rd millennium BC – 14th century AD)*. Yerevan: Gitutyun, 2007. 418 p. (In Arm.)
- Ardzinba 1982 — Ardzinba V. *Rites and Legends of Ancient Anatolia*. Moscow: Nauka, 1982. 252 p. (In Russ.)
- Boehmer, Kossack 2000 — Boehmer R., Kossack G. Der figürlich verzierte Becher von Karaşamb. In: Cereti C. G. et al. (eds.) *Variatio Delectat: Iran und der Westen (Alter Orient und Altes Testament 272)*. Münster: Ugarit-Verlag, 2000. Pp. 9–71. (In Germ.)

- Bonfante 1986 — *Bonfante L.* Etruscan Life and Afterlife: A Handbook of Etruscan Studies. Detroit: Wayne State University Press, 1986. 320 p. (In Eng.)
- Bryce 2002 — *Bryce T.* Life and Society in the Hittite World. Oxford: Oxford University Press, 2002. 328 p. (In Eng.)
- Cammarosano 2018 — *Cammarosano M.* Hittite Local Cults. Atlanta: SBL Press, 2018. 538 p. (In Eng.)
- Degrado 2021 — *Degrado J.* Syrian fashion, Assyrian style: Clothing Syro-Anatolia in ninth-century BCE Assyrian art. *American Journal of Archaeology*. 2021. Vol. 125. No. 4. Pp. 479–504. (In Eng.) DOI:10.3764/aja.125.4.0479
- Devedjian, Hobosyan 2015 — *Devedjian S., Hobosyan S.* Reflections of cosmological perceptions on archaeological finds from Lori Berd. *Historical and Philological Journal*. 2015. No 3. Pp. 168–181. (In Arm.)
- Diakonoff 1968 — *Diakonoff M.* Prehistory of the Armenian People: History of the Armenian Highland from 1500 through 500 BC (Hurrians, Luwians, Proto-Armenians). S. Yeremyan (ed.). Yerevan: Institute of History (Armenian SSR Academy of Sciences), 1968. 264 p. (In Russ.)
- Fischer 2013 — *Fischer M.* Ancient Greek prostitutes and the textile industry in Attic vase-painting ca. 550–450 B.C.E. *Classical World*. 2013. No.106. Pp. 219–259. (In Eng.)
- Gambashidze 2010 — *Gambashidze M.* Ancient Anatolian type of footwear on a Trialeti silver goblet. *Archaeology, Ethnography and Folklore of Caucasus*. 2010. Pp. 117–119. (In Russ.)
- Gambashidze 2013 — *Gambashidze M.* The shoe arts according to the Hittite sources. *Oriental Studies*. 2013. No. 2. Pp. 103–118. (In Geo.)
- Gaskill 2013 — *Gaskill A. L.* The “ceremony of the shoe”: A ritual of God’s ancient covenant people. In: Belnap D. L. (ed.) *By Our Rites of Worship: Latter-Day Saint Views on Ritual in History, Scripture, and Practice*. Provo: Brigham Young University. 2013. Pp. 133–150. (In Eng.)
- Goetze 1947 — *Goetze A.* The priestly dress of the Hittite King. *Journal of Cuneiform Studies*. 1947. No. 2. Pp. 176–185. (In Eng.)
- Grigoryan et al. 2010 — *Grigoryan A., Mkrtchyan I., Haroutunian S.* Findings from the Bronze Age Burial Mounds in Armenia Fourth–First Millennia BC: Insights into Collections of the History Museum of Armenia. Yerevan: Printinfo, 2010. 123 p. (In Arm. and Eng)
- Hermans 2012 — *Hermans R.* Juno Sospita: A foreign goddess through Roman eyes. In: Roselaar S. T. (ed.) *Processes of Integration and Identity Formation in the Roman Republic*. Leiden: Brill, 2012. Pp. 327–336. (In Eng.)
- Hoffner 2003 — *Hoffner H.* Daily life among the Hittites. In: Averbeck R., Chavalas M., Weisberg D. (eds.) *Life and Culture in the Ancient Near East*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. Pp. 95–118. (In Eng.)
- Israyelyan 1966 — *Israyelyan A.* Hunting scenes from Bronze belts of Armenia. *Historical and Philological Journal*. 1966. No. 2. Pp. 239–248. (In Arm.)
- Kuru, Paksoy 2011 — *Kuru S., Paksoy C.* Anadolu’da Ayakkabı ve Cumhuriyet Dönemi Ayakkabı Kültürü. In: ICANAS 38. Congress proceedings. Ankara, 2011. Pp. 821–837. (In Turk.)
- Moore 2018 — *Moore M.* Hittite Queenship: Women and Power in Late Bronze Age Anatolia. Doctoral dissertation. Los Angeles: University of California, 2018. 188 p. (In Eng.)
- Nakamura 1995 — *Nakamura M.* Some remarks on the priestly dress of the Hittite King. *The Sanyo Review*. 1995. No. 2. Pp. 111–118. (In Eng.)
- Oganesyan 1988 — *Oganesyan V.* Silver goblet from Karashamb. *Historical and Philological Journal*. 1988. No. 4. Pp. 156–160. (In Russ.)
- Piliposyan 2022 — *Piliposyan A.* Late Bronze Age standard at Shirakavan. *Heritage and Modern Times*. 2022. No. 1. Pp. 37–47. (In Russ.) DOI: 10.52883/2619-0214-2022-5-1-37-47
- Puhvel 2017 — *Puhvel J.* Hittite Etymological Dictionary. Vol. 10: Words Beginning with SA. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2017. 225 p. (In Hit. and Eng.)

- Steingraber 2006 — *Steingraber S.* Abundance of Life: Etruscan Wall Painting. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2006. 320 p. (In Eng.)
- Singer 1984 — *Singer I.* The Hittite KILLAM Festival. Pt. 2. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1984. 179 p. (In Eng.)
- Torosyan et al. 2002 — *Torosyan R., Khnkikyan O., Petrosyan L.* Ancient Shirakavan: Results of 1977–1981 excavations. *Archaeological Excavations in Armenia*. 2002. No. 23. Pp. 139–143. (In Arm)
- Tropina 2022 — *Tropina T. N.* Symbolism of colors in ancient cultures. *Modern Tendencies of Fine, Decorative and Applied Arts and Design*. 2022. No. 1. Pp. 29–32. (In Russ.)
- Turner 1983 — *Turner V.* Color classification in Ndembu's rite: The problem of indigenous classification. In: *Symbol and Ritual*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 71–103. (In Russ.)
- Turgut 2017 — *Turgut M.* Dress and culture in the Hittite Empire and during the Late Hittite period according to rock reliefs. In: *Motta G., Biagini A. (eds.) Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2017. Pp. 3–13. (In Eng.)
- Vardanyan 2021 — *Vardanyan B.* Shoulder straps in the Bronze and Iron Age in the Kura-Araxes interfluvium. *Herald of Social Sciences*. 2021. No. 3 (663). Pp. 225–246. (In Arm.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1256–1269, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47).031

UDC 94(47).031

Опыт исследования истории племенного подразделения буш- ман-бычман

Рустам Абдубаитович Абдумананов¹

Bushman/Bychman Tribal Unit: A Historical Insight

Rustam A. Abdumanapov¹

¹ Национальный исследовательский Томский го-
 сударственный университет (д. 36, пр. Ленина,
 634050 Томск, Российская Федерация)

¹ National Research Tomsk State University (36,
 Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation)

кандидат исторических наук, доцент

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-4628-622X. E-mail: [manap\[at\]mail.ru](mailto:manap[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Абдумананов Р. А., 2025

© Abdumanapov R. A., 2025

Аннотация. *Введение.* В 30-х гг. XIII в. в рамках Кипчакской кампании монгольский воен-
 ный корпус во главе с царевичем Мунке осуществил покорение кипчаков, кочевавших в при-
 волжских степях. Здесь монголы столкнулись с ожесточенным сопротивлением кипчаков из
 племени эльбури во главе с вождем Бачманом. Кипчакское племенное объединение *эльбури*
 было уничтожено и рассеяно. Впоследствии осколки этого объединения оказались в составе
 башкирского, киргизского и татарского народов. *Целью* настоящей работы является иссле-
 дование процессов распада средневекового кипчакского племенного объединения во главе с
 Бачманом, а также последующего вхождения этих кипчаков в состав башкирского, киргиз-
 ского и татарского народов. *Материалы и методы.* В исследовании используется широкий
 круг письменных источников — «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-Ди-
 на Хамадани, «Юань ши» («Истории Юань»), «Хэй-да шилуэ» («Краткие сведения о черных
 татарах») Пэн Да-я и Сюй Тина, «Цзы чжу тун цзянь ганму» («Помогающее в управлении
 всепронизывающее зеркало») под редакцией Чжу Си, «Тарих-и Джахангушай» («История
 завоевателя мира») Ата Мелика Джувейни, анонимное сочинение «Дафтар-и Чингиз-нама»,
 русские летописи, башкирские, татарские, казахские и киргизские генеалогические списки,
 легенды и предания. В качестве методологической основы в исследовании применяется ме-
 тодика компонентного анализа этнического состава башкирского, киргизского и татарского
 народов, позволяющая определить пути и временные рамки включения кипчаков *эльбури*
 в их состав. *Результаты.* В настоящей статье впервые проводится исследование процесса
 распада племенной группировки *эльбури* во главе с Бачманом и последующего включения
 ее представителей в состав башкирского, киргизского, татарского и, возможно, казахского
 народов. Показано, что кипчаки во главе с Бачманом, несмотря на ожесточенное сопротив-
 ление, все же были покорены монголами. Часть кипчаков эльбури оказалась под властью но-

вых хозяев волжских степей, другая их часть бежала на север вдоль реки Волги и оказалась в составе башкирского и татарского народов. Одна из групп кипчаков эльбури проникла на Тянь-Шань и попала в состав киргизского народа, приняв имя Бачман в качестве этнонима, а также сохранив предания о происхождении от кипчаков.

Ключевые слова: Бачман, бушман, бычман, ольбери, ильбари, эльбури, бушман, азык, кипчаки, башкиры, казахи, киргизы, татары

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана (BR24993173).

Для цитирования: Абдуманапов Р. А. Опыт исследования истории племенного подразделения бушман-бычман // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1256–1269. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1256-1269

Abstract. Introduction. In the 1230s, as part of the Kipchak Campaign, a Mongol military corps led by Prince Möngke conquered Kipchak nomads of the Volga steppes. The Mongols encountered fierce resistance from Elburi Kipchaks under their leader Bachman. The Elburi Kipchak tribal union was destroyed and dispersed — only to be further incorporated into the Bashkir, Kyrgyz and Tatar peoples. **Goals.** The study attempts an insight into how the medieval Kipchak tribal union led by Bachman was disintegrated and further included into Bashkir, Kyrgyz, and Tatar communities. **Materials and methods.** The work involves a wide range of written sources, such as Rashid al-Din's *Jami' al-Tawarikh* (Compendium of Chronicles), Yuan Shi (Histories of Yuan), Heida Shilue (Brief Notes on the Black Tatar) by Peng Daya and Xu Ting, Zizhi Tongjian Gangmu (Outline and Details of the Comprehensive Mirror in Aid of Government) edited by Zhu Xi, Ata-Malik Juvayni's *Tarikh-i Jahangushay* (History of the World Conqueror), anonymous *Daftar-i Čingiz-nāma*, Russian chronicles, Bashkir, Tatar, Kazakh and Kyrgyz genealogical tables, legends and tales. The study attempts a component analysis into ethnic structures of the Bashkir, Kyrgyz and Tatar peoples to determine how and when Elburi Kipchaks were incorporated into the specified groups. **Results.** The article is first to secure a special study of how Bachman-led Elburi tribal group was disintegrated and later assimilated into the Bashkir, Kyrgyz, Tatar, and, possibly, Kazakh populations. It is shown that despite the immense resistance Bachman's Kipchaks were defeated by Mongols, which led to that some of them became subordinate to new elites of the Volga steppes, while others fled northwards to become part of the Bashkir and Tatar peoples. One group of Elburi Kipchaks would finally penetrate into the Tian Shan to form part of the Kyrgyz with Bachman as their ethnonym and folk memories of Kipchak origins.

Keywords: Bachman, Bushman, Bychman, Olberi, Ilbari, Elburi, Bushman, Azyk, Kipchaks, Bashkirs, Kazakhs, Kyrgyz, Tatars.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. BR24993173 'Writing an Illustrated Biographical Encyclopedia on the History of Kazakhstan'.

For citation: Abdumanapov R. A. Bushman/Bychman Tribal Unit: A Historical Insight. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1256–1269. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1256-1269

1. Введение

Монгольская экспансия XIII в. оказала влияние на историю всего Евразийского континента. Под ударами монгольской армии оказались различные государственные образования и кочевые объединения на огромных пространствах от Китая до Европы. В этих землях был сформирован Великий монгольский улус (*Yeke Mongyol ulus*), в рамках которого происходило кардиналь-

ное переформатирование этнических сообществ. По мнению М. Биран, монголы осуществили глобальную этническую реконфигурацию, которая затронула людей, а не территории, и в результате которой исчезли одни народы (кидани, тангуты, кипчаки и др.) и появились другие (узбеки, казахи, татары) [Biran 20216: 248]. Многочисленные кипчацкие племена, кочевавшие на территориях от Иртыша до Дуная, также ока-

зывались под ударом монгольской армии. Кипчаки признавались главными степными врагами монголов, и для их покорения были организованы специальные кампании. Необходимо отметить, что кипчакские племена были неоднородными по составу и различными по происхождению. Возможно, именно этим, а также огромными ареалами их кочевания объясняется их политическая разрозненность, отсутствие объединения и стремления к созданию единой власти. Гетерогенность и большая разобщенность кипчаков послужила причиной того, что часть племен добровольно подчинилась монголам и стала элементами их грандиозной военной машины, при этом другие группы оказали завоевателям ожесточенное сопротивление, были уничтожены или изгнаны в пределы имперской периферии. Несмотря на кардинальное реформатирование кочевых объединений в рамках империи, кипчаки в дальнейшем сохранили свою родоплеменную идентичность. Группы кипчаков оказались в составе монгольских улусов, и впоследствии, когда на основе этих улусов стало проходить формирование новых этнических общностей, кипчакский этнический компонент стал значимой их частью.

Изучение генезиса кипчакского этнического компонента в составе различных народов Евразийского континента невозможно без исследования истории отдельных объединений кипчакских племен. В связи с этим изучение истории кипчакского объединения *эльбури* во главе с Бачманом актуально для понимания истории многих народов Евразии, в частности башкиров, киргизов и татар. Судьба этих кипчаков оказалось различной, часть признала власть монголов, другим группам удалось скрыться в северных землях. По мнению Ч. Гальперина, завоевание «сердца» кипчакских владений — причерноморских и каспийских степей, оказывает «глубокое и, в конечном счете, решающее влияние на последующую судьбу кипчаков. Монголы изменяют прежний ход кипчакской истории» [Гальперин 2008: 390]. Настоящая статья посвящена исследованию процессов распада средневекового кипчакского племенного объединения во главе с Бачманом, а также последующего

вхождения этих кипчаков в состав башкирского, киргизского и татарского народов.

2. Материалы и методы

Для достижения основной задачи исследования привлекаются данные различных источников. В первую очередь это данные исторических летописей: «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-Дина Хамадани [Рашид ад-Дин 1960], «Юань ши» («Истории Юань») [Бретшнейдер 2018; Кычанов 2002], «Хэй-да шилуэ» («Краткие сведения о черных татарах») Пэн Да-я и Сюй Тина [Храпачевский 2011], «Цзы чжу тун цзянь ганму» («Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало») под редакцией Чжу Си [История первых 1829], «Тарих-и Джахангушай» («История завоевателя мира») Ата Мелика Джувейни [Джувейни 2004], анонимного сочинения «Дафтар-и Чингиз-нама» [Ivanics 2023], русских летописей. В рамках методики компонентного анализа этнического состава также используются фольклорные материалы, генеалогические списки, легенды и предания [Абрамзон 1960; Эхмэтжанов 1995; Башкирские шежере 1960; БНТ 1987; Востров, Муканов 1968; Госманов 1994; Исмаилов 2012; Казак руларының 1991; Муканов 1974; Материалы 1956; Рычков 1896; Солтоноев 1993; Тоголок Молдо 1993]. В исследовании применяется сравнительно-исторический метод, который определяет генетически сходные компоненты в культурах различных народов евразийского континента. При этом учитывается тот факт, что в кочевнических культурах принадлежность к этническим общностям является чаще политической, чем биологической, в то же время политическая лояльность неизменно выражается как узы родства, т. е. в биологических терминах [Golden 2011: 19]. При этом декларация общности происхождения служит идеологическим обоснованием общественной интеграции [Хазанов 2002: 245].

3. Обсуждение

История кипчакского племенного объединения *эльбури* во главе с Бачманом косвенно рассматривается в исследованиях,

которые посвящены общим вопросам формирования, расширения Великого монгольского улуса [Pelliot 1920: 165–166; Кузеев 1974: 179; Golden 1986: 28–29; Плетнева 1990: 176–179; Vásáry 2005: 10; Храпачевский 2005: 373–375; Оллсен 2008: 357; Закирова 2011: 279–283; Сабитов 2011: 63–69; Исхаков 2012: 319–321; Кузембаев 2013: 481–488; Тимохин, Тишин 2016: 34; Хаутала 2020: 655; Favereau 2021: 77–78; May 2022: 156]. В то же время нет специальных исследований, которые бы изучали генезис кипчакского объединения *эльбури* во главе с Бачманом, за исключением ряда работ, в которых с именем Бачмана связывается ряд одноименных родоплеменных подразделений. Р. Г. Кузеев одним из первых соотносит башкирские и киргизские этнонимы *бушман*, *бычман* с именем вождя Бачмана [Кузеев 1974: 179]. С. М. Абрамзон также обращает внимание на тождественность киргизского этнонима *бычман* и башкирских топонима «Сянкин-Бушман-Кипчакская дача» и этнонимов *бушман-кыпсак*, *кузгун-катай* [Абрамзон 1990: 427 (прим. 83)]. Вопросы связей родоплеменного подразделения *бычман* с кипчаками Бачмана были также рассмотрены в рамках исследования истории киргизского племени *азык* [Абдуманапов 2002: 153–157].

4. Кипчакская кампания

Весной 633 года хиджры, т. е. в 1236 г. [Орбели 1941: 131] объединенное монгольское войско во главе с царевичами-чингизидами устремляется на завоевание «*Кипчакской степи, Булгара, Руси, Мокии, Алании, Маджара, Булара и Башгирда*» [Рашид ад-Дин 1960: 37]. После завоевания земель «буларов и башгирдов» царевичи разделяются и идут «*каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшие им по пути области*» [Рашид ад-Дин 1960: 37]. Главной задачей этого похода является приведение к покорности многочисленных кипчакских племен, что находит отражение в имперских указах того периода, именующих эти рейды «Кипчакской кампанией» [Оллсен 2008: 360]. В этот период кипчакские племена являются основными степными врагами монголов,

их потенциал был практически полностью идентичен монгольским военно-кочевым ресурсам. Приоритетная задача по уничтожению и приведению к покорности кипчакских племен описывается авторами «Хэйда шилюз» Пэн Да-я и Сюй Тинем. Они перечисляют различные владения, которые предстоит покорить монголам, и в их числе они упоминают излишне воинственное владение «кэбишао», т. е. кипчак, с которыми «*татары непременно будут вести борьбу*» [Храпачевский 2011: 202]. В числе немаловажных задач, которые ставились в рамках «Кипчакской кампании», было уничтожение объединения кипчакского племени *эльбури* во главе с Бачманом, которое, объединившись с асами, выступило против монголов. По мнению Т. Мэя, для организации сопротивления монгольской экспансии в Поволжье была сформирована коалиция групп, в число которых входили кипчакские племена [May 2022: 156]. По утверждению М. Фаверо, эту коалицию противников монголов возглавлял Бачман, и его действия в ключевом для монголов регионе Нижней Волги препятствовали прямому сухопутному сообщению между Каракорумом и западной степью [Favereau 2021: 78]. О важности этой задачи говорит факт того, что в 1235 г. Угэдэй-каан издает специальный указ, согласно которому ключевая задача по покорению этого объединения возлагается на опытного военачальника Субэдэй-баатура [Оллсен 2008: 358]. По данным Р. Хауталы, военные действия против Бачмана велись Субэдэй-баатуром при поддержке джучидских принцев, при общем руководстве этой армией царевичем Бату [Хаутала 2020: 655].

Объединение кипчаков и асов оказывает монголам ожесточенное сопротивление. Одним из первых эти события описывает Ата Мелик Джувейни в сочинении «Тарих-и Джахангушай». Он пишет о том, что предводитель кипчаков Бачман «*из-за своей собачьей натуры он, подобно волку, нападал на всех и каждого и уходил с награбленным*», против него царевичами Менгу и Бочеком на берегах Итиля была устроена облава («нерге»), в результате которой монголы настигли Бачмана на одном из островов и уничтожили его [Джувейни

2004: 399–400]. Этот же сюжет повторяется в сочинении «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина, который сообщает о том, что «Менгу-каан с левого крыла шел облавой по берегу моря [Каспийского]. Бачмана, одного из бесстыднейших тамошних эмиров, из народа кипчаков, из племени олбурлик, и Качир-укулэ, из племени асов, обоих забрал [в плен]» [Рашид ад-Дин 1960: 38]. Он также уточняет, что мятежники укрылись на одном из островов Волги, но внезапный ветер позволил монголам переправиться на него, где кипчаки и асы потерпели поражение, самого Бачмана надвое разрубил царевич Бучек [Рашид ад-Дин 1960: 38]. Сюжет о противостоянии монголов и кипчаков Бачмана приводится также в китайской летописи «Юань ши»: «В 3-м месяце 1237 года Мэнькэ напал на циньча и подошел к морю Куаньдинцзисы. Предводитель циньча по имени Бачимань бежал со своей семьей на остров в море. Когда Мэнькэ узнал об этом, то сразу же бросился со своим войском в погоню за ним. К счастью, началась буря, которая разогнала воду на реке, и монголы смогли перейти ее вброд. Мэнькэ тогда сказал: „Небо открыло нам дорогу“. Отряд Бачиманя был разбит, а сам он взят в плен. Мэнькэ приказал ему встать на колени, но тот ответил: „Я сам был царем и не боюсь смерти, я не верблюд, чтобы стоять на коленях“» [Бретшнейдер 2018: 78]. В переводе «Юань ши» Е. И. Кычанова, в 63 цзюане на странице 486 говорится о том, что Бачман сохраняет себе жизнь, подчиняется монголам, участвует в походе на русских, позже управляет русскими и аланами [Кычанов 2002: 79–80]. По словам П. Пеллио, слава Бачмана в истории монгольской династии, очевидно, связана с его чудесным пленением, которое ознаменовало божественное вмешательство в пользу будущего императора Менгу [Pelliot 1920: 166].

Информацию «Юань ши» повторяет китайская летопись «Тун цзянь ган му», написанная в конце XII в. авторским коллективом под руководством Чжу Си и дополненная в 1476 г. историями династий Сун и Юань: «Мункэ с армией пришел к морю Кхуань-тхянь-ги-сы. Неожиданно поднялся сильный ветер, и воды морские пересох-

ли. После сего он пошел далее, и вырубил народ, а старейшину Ба-чи-мань живаго взял в плен» [История первых 1829: 274]. Р. П. Храпачевский справедливо отмечает факт того, что против Бачмана были отправлены лучшие монгольские силы — тумены Менгу и Субэдэя, причем эти действия по приведению к покорности этого кипчакского объединения были настолько важны, что сведения о них оказались сохранены у Джувейни, Рашид-ад Дина и в летописи «Юань ши» [Храпачевский 2005: 374]. По предположению Т. Оллсена, заслуга победы над Бачманом принадлежала Субэдэй-баатуру, а царевичу Менгу было поручено руководить «почетным сражением [coup de grace]» [Оллсен 2008: 359].

Подробные сведения о личности Бачмана отсутствуют, известно лишь то, что он возглавлял кипчакское племенное объединение эльбури, которое кочевало в Волжском регионе. С. А. Плетнева уточняет, что Бачман был внуком или правнуком известного кипчакского хана Боняка, вождя племени эльбури, которое в русских источниках выступает под именем бурчевичей [Плетнева 1990: 178]. По предположению С. М. Ахинджанова, Бычман был последним представителем кипчакской династии эльбури [Ахинджанов 1995: 285].

Происхождение кипчакского племени эльбури описывается в хронике «Юань ши», в разделе, содержащем биографию известного юаньского полководца Тутухи: «Предки циньча сначала жили к северу от Упина на реке Цзелянь, вблизи горы Аньдахань. Цюйчу переселился на северо-запад, в гору Юйлиболи, и ее название стало названием правящей династии» (цит. по: [Бретшнейдер 2018: 109]). По мнению П. Голдена, упоминаемая в рассказе местность Упин тождественна региону Жехол, который находится в юго-восточной части Внутренней Монголии. Он также считает, что именно из Жехола между 1115 г. и 1150 г. последовала миграция предков Тутухи, конечным пунктом которой стала местность, где возвышалась гора Юйлиболи, по имени которой была названа династия их правителей, т. е. олберли / ильбари [Golden 1986: 12]. Китайские комментаторы сочинения «Юань ши

цыдянь» полагают, что река Цзелянь и гора Аньдахань находились на северо-востоке аймака Джирэм уезда Тунляо на территории, относящейся к современному Автономному району Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики [Храпачевский 2013: 20 (прим. 5)]. Важно отметить, что у китайских комментаторов «Юань ши цыдянь» и П. Голдена речь идет об одном и том же регионе, так как уезд Тунляо до 1956 г. входил в состав провинции Жэхэ 熱河省, т. е. Жехол [全国人民代表大会 1955: 4]. Таким образом, местность исхода эльбури определяется на юго-востоке современного Автономного района Внутренняя Монголия. В своем движении на запад эльбури достигают пределов реки Волги. Об этом сообщается в биографии Тутухи, написанной Янь Фу, в которой упоминается о том, что гора Юйлиболи располагалась между реками Я-и и Йесте-ли, т. е. Яиком и Итилем, соответственно между Уралом и Волгой [Оллсен 2008: 353].

Племена эльбури / ольбери посвящает отдельное исследование П. Голден, который поддерживает мнение Й. Маркварта [Marquart 1914: 136–137] о том, что причиной миграции предков Тутуха на запад были события, связанные с падением империи Ляо [Golden 1986: 15]. Он также приводит варианты наименований этого племени в различных источниках: у Мубарекшаха — كِيلِرْ 'lb(y)rlyk = Ölberlig, в латинском письме монгольского хана Хулагу: reges uilperitorum (король уйлперов), у Джунджани: اُولْبُرْ 'lbry = ölberi, у Абу Хайана, Нувайри и Ибн Халдуна: اُولْبُرْ 'lbrly = ölberli, у Рашид ад-Дина كِيلِرْ 'wlbrlyk = ölberlig [Golden 1986: 15]. Резюмируя данные источников, П. Голден считает, что есть большая вероятность того, что эльбури были выходцами из монголизированного народа кай, известного в источниках под именем си — 奚 [Golden 1986: 15–22]. Весьма интересным является факт того, что представители орды Бачмана вместе с другими кипчаками впоследствии могли оказаться в Китае и войти в состав будущих военных контингентов империи Юань. По данным М. Биран, кипчаки, аланы и русские, покоренные монголами в результате кампании 1237–1241 гг., были переданы под управление будущего каана Менгу, а затем

они оказались в армии Хубилай-каана [Biran 2021a: 81]. Впоследствии все кипчацкие воинские контингенты империи Юань были отданы под руководство семьи Тутухи. Это означает то, что покоренные монголами кипчаки племени эльбури из орды Бачмана оказываются под командованием представителей покорившегося монголам кипчацкого клана эльбури во главе с Тутухой.

4.1. Кипчаки орды Бачмана в составе башкир

Рейд монголов по уничтожению орды Бачмана, возможно, не решил все задачи по захвату кипчаков эльбури. По предположению Р. Г. Кузеева, часть соплеменников Бачмана бежала на север вдоль Волги, и к концу первой половины XIII в., или во времена Золотой Орды, она присоединилась к башкирам под именем племени бушман [Кузеев 1974: 179]. В составе башкир фиксируется родоплеменное подразделение бушман-кыпсак, которое, по данным племенных родословных, населяет лесостепную часть южной Башкирии [Башкирские шежере 1960: 204]. Предположение Р. Г. Кузеева подтверждается тем, что в южной Башкирии известны легенды и предания о приходе кипчаков из-за Волги именно в период монгольского нашествия [Башкирские шежере 1960: 203]. В записях поверенных башкир Ногайской дороги под 1764 г. упоминается Бушмас-Кипчакская, т. е. Бушман-Кипчакская, волость [Материалы 1956: 279]. В числе башкирских дач, по данным межевых комиссий Кипчатской волости, записаны Сянкин-Бушман-Кипчакская и Бушман-Суун-Кара-Кипчакская дачи [Руденко 1955: 53, 55]. Более того, у башкир зафиксировано отдельное предание о Басман-хане, которое было записано в рапорте генерал-майора Штокмана со слов старшины службы ногайской дороги Кадряса Мулакаева: «...В малой татарии, то есть близь Крыма... был нагайской хан именем Басман... которой по бывшем там великом моровом поветрии, оставя прежнее свое жительство, в семнадцати тысячах кибитокъ перешел к реке Яику, и близ Сакмарского устья на горе, в расстоянии от Оренбурга шесть верст, где ныне поставлен маякъ, построил город,

и именовал Актюба...» [Рычков 1896: 69]. Другая башкирская легенда повествует о нашествии большой черной ханской рати, опустошавшей земли катайцев, тамьянцев, кыпсаков, бурзян, телявлинцев, юрматинцев: «Так как кыпсаков было много, они оказались более стойкими. От Кыпсака пошли Гирей-Кыпсак, Бошман-Кыпсак и еще неизвестно сколько родов, отличавшихся воинственностью... Бошман-Кыпсак батыр не повиновался...» [БНТ 1987: 167]. В итоге Бошман-Кыпсак попадает в руки врагов, его велят казнить. На предложение повиноваться батыр отвечает: «Верблюду не сгибает колен, сокол не умирает, склоняя голову» [БНТ 1987: 167]. Очень важно отметить то, что в этой башкирской легенде сентенция про верблюда полностью повторяет слова Бачмана из сюжета «Юаньши» — «я не верблюд, чтобы стоять на коленях» (цит. по: [Бретшнейдер 2018: 77]). Все это, вне сомнений, подтверждает безусловную историческую связь башкирских бошман-кыпсаков с кипчаками племени эльбури во главе с Бачманом.

4.2. Кипчаки орды Бачмана в составе казахов

По данным Р. Г. Кузеева, который ссылается на сведения А. И. Левшина, в составе казахского племени *кынырат* упоминается подразделение *бочман* [Кузеев 1974: 179]. При переиздании труда А. И. Левшина в 1996 г. в Алма-Ате редакционная коллегия во главе с академиком М. К. Козыбаевым уточнила точное написание этого этнонима — божбан [Левшин 1996: 516]. Подразделение *божбан* племени *конрат* упоминается во всех основных генеалогических схемах казахов [Востров, Муканов 1968: 77; Муканов 1974: 64; Казак руларының 1991: 27–28, 88]. Трансформация этнонима *бачман* > *бочман* > *божман* > *божбан* возможна, однако предположительная связь *бушман* / *бычман* с казахскими божбанами требует отдельного исследования.

4.3. Кипчаки орды Бачмана в составе татар

Сведения о Бачман-хане встречаются в анонимной татарской хронике XVII в. «Дафтар-и Чингиз-нама». В «Главе о местах обитания и землях» указывается, что «Ак

Тюбе было местом обитания Бачман-хана» [Ivanics 2023: 132]. По мнению М. А. Усманова, в хронике речь идет именно о том самом Бачмане, который был схвачен монголами в местности между Волгой и ее рукавом Ахтубой, а значит «в XVI–XVII веках татарская литература еще помнила об этой весьма замечательной исторической личности» [Усманов 1972: 116]. Стоит отметить, что мы имеем дело не только с литературной традицией. В татарских генеалогиях *шаджара* встречаются несколько родословных списков Кара-бека, который в конце XIV в. переселился в Булгар из Рума или земель Крыма и Кавказа [Әхмәтжанов 1995: 12–15]. Во втором варианте генеалогического списка Кара-бека, обнаруженном в ауле *Түбән Оры*, где проживают потомки Кара-бека, во втором и третьем поколениях упоминается Пачман солтан [Әхмәтжанов 1995: 16]. Бачман упоминается также в третьем варианте родословной Кара-бека [Әхмәтжанов 1995: 18]. В шаджара Кара-бека от Саида Вахида говорится о том, что Пачман-хан был потомком Александра Македонского и прибыл к устью реки Сакмара из города Эрзурума. В этой версии приводятся потомки Пачман-хана — Балым-султан, Калдар-бек, Канбар-бек, Кара-бек и другие [Әхмәтжанов 1995: 22]. По мнению Д. М. Исхакова, Кара-бек и его родичи входили в состав «Арских князей», которые были представителями клана *кипчак* [Исхаков 1998: 38]. Само административно-политическое устройство Казанского ханства опиралось на военные силы основных татарских кланов *ширин*, *барын*, *аргын*, *мангыт* и *кипчак*, которые образовывали отдельные княжества. Клан кипчаков в лице «Арских князей» генеалогически восходил к Бачману, и «Арская дорога» или «даруга» сформировалась с самого начала формирования Казанского ханства [Исхаков 1998: 38]. Важно отметить то, что память о Бачман-хане сохранилась и в татарской эпической традиции. Бачман-хан фигурирует в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» как правитель земель в бассейне р. Яик [Госманов 1994: 237–238]. О значении кипчакского этнического компонента в этногенезе татарского народа говорят данные по их языку. Как показы-

вает Ю. Шамильоглу, формирование языка современных казанских татар происходило в результате смены языка волжских булгар вследствие произведенных монголами перемещений на Среднюю Волгу населения, говорившего именно на кипчакских языках [Schamiloglu 1990: 41].

4.4. Кипчаки орды Бачмана в составе киргизов

Если включение представителей кипчакского объединения Бачмана в состав башкирского и татарского народов объясняется географической близостью к их региону обитания в бассейне реки Волги, то значительный интерес представляет факт включения представителей этого объединения в состав киргизов Тянь-Шаня. В составе крупного киргизского племени *азык* выделяется подразделение *бычман*, которое можно сопоставить с именем Бачман-хана. Легендарный предок этого племени Азык считается приемным сыном одного из родоначальников «правого крыла» киргизов Тагай-бия.

Племя *азык* подразделяется на четыре рода — козугуна, бычман, байкучук и бёру [Абрамзон 1960: 56]. Они проживают в Чуйской долине, Нарынском регионе, а также частично на Иссык-Куле и в Джалал-Абадской области [Абрамзон 1960: 57–58]. Связь племени *азык*, а значит и подразделения *бычман*, именно с кипчаками фиксируется в их преданиях. Примечательные сведения приводятся Белеком Солтоноевым, согласно которым большинство аксакалов племени *азык* считают, что их предками являются киргизские кипчаки и, вместе с ними, азыки прибывают на Тянь-Шань из Алтая и Хангая. По другим сведениям, отцом Азыка является некий кипчак Куртук [Солтоноев 1993: 94]. Легенду о происхождении Азыка от некоего Домо-хан-кипчака, построившего селение Тёрё-Коргон рядом с Наманганом, приводит Тоголок Молдо. В легенде рассказывается о том, что в борьбе за власть Домо-хан-кипчак погибает от рук узбеков, а его сын Азык спасается бегством на Ала-Тоо [Тянь-Шань. — Р. А.], где он примыкает к Тагай-бию, который усыновляет его [Тоголок Молдо 1993: 21]. Исследователь генеалогий М. Ирсалиев упоминает легенду о родоначальнике азыков Алтынбешике.

По этой легенде, во время похода на Индию тимурида Бабура в его войске находился батыр Куртук со своей беременной женой. В горах Памира жена батыра родила сына, которого ради выживания оставили в золотой люльке в одном из горных мазаров. Впоследствии ребенка нашли проживавшие там кипчаки, которые воспитали его. Возмужав, Алтынбешик стал ханом этих кипчаков. Эту легенду М. Ирсалиеву рассказали аксакалы Абдыкалык Чоробаев и Нурбай уулу Усён, которые прямо утверждали о том, что отцом Азыка был «Хан Кипчак» (цит. по: [Исмаилов 2012: 27]). Согласно этой легенде, у Алтынбешика было трое сыновей — Темирлан, Жамгырлан и Машырлан. От Жамгырлана — Асылтёрё, Байтёрё и Абылтёрё. От Абылтере двое сыновей — Тёрёкан и Баракан. Терекан становится ханом, он строит вблизи Намангана город Тёрё-Коргон. Напавшие на город узбеки убивают его, а его малолетний сын Абдыракман, впоследствии названный Азыком, оказывается спасенным вследствие того, что его в люльке сплавляют по реке, где его и находит легендарный Тагай-бий [Исмаилов 2012: 28]. Очевидно, что сюжет этой легенды повторяет сведения, приведенные Тоголок Молдо, только вместо Домо-хан-кипчака отцом Азыка упомянут Тёрёкан, т. е. Тёрё-хан-кипчак. Более того, интересен сам сюжет с золотой люлькой, который повторяет известное предание о происхождении Алтынбешика — легендарного «сына» Захир ид-Дина Бабура и родоначальника династии кокандских ханов [Наливкин 1886: 49–51].

Примечательны другие подразделения азыков — *козугуна* и *бёру*. Первое из них соотносится с подразделением *козгун* / *кузгун* башкирского племени *катай* [Башкирские шежере 1960: 197; Кузеев 1974: 230]. Второе соотносится с башкирским подразделением *бөрө* в составе племени *сальют* [Кузеев 1974: 230].

Еще одним важным аргументом в пользу соотнесения башкирских бушман-кыпсаков и киргизских бычман-азыков является сравнение их тамговых знаков. По данным О. К. Каратаева, тамга бушман-кыпсаков «айры» идентична тамге бычман-азыков «жаа» [Каратаев 2003: 58]. Показательно

то, что тамга башкирских кипчакских подразделений *карагай* и *суун* именуется также «жаа» тамгой [Соколов 1904: 27].

5. Заключение

Монгольское завоевание XIII в. изменило этнополитическую ситуацию на обширных территориях от Китая до Европы. Одним из значимых последствий этого завоевания явилось уничтожение, покорение и расселение многочисленных кипчакских племен, кочевавших в пределах широкого степного коридора от Иртыша до Дуная. Монгольское нашествие прервало процесс этнической консолидации различных по происхождению кипчакских племен в единую народность. С этого времени кипчаки оказываются в качестве этнического компонента в составе многих народов Евразии. Как отмечает Б. Е. Кумеков, кипчакский фактор становится одним из «*существенных интегрирующих и консо-*

лидирующих элементов» тюркского мира, сыграв значительную роль «в формировании целого ряда тюркоязычных народов: киргизов, каракалпаков, башкир, татар, ногаев, кумыков, карачаев, балкар, узбеков, азербайджанцев, турок, алтайцев» [Кумеков 2013: 19]. Одним из примеров этого расселения кипчаков является история волжского кипчакского племенного объединения *эльбури* во главе с Бачманом. Оказав ожесточенное сопротивление, кипчаки во главе с Бачманом все же покоряются монголам. Часть кипчаков *эльбури* оказывается под властью новых хозяев волжских степей, другая их часть спасается бегством на север вдоль реки Волги и оказывается в составе башкирского и татарского народов. Одна из групп кипчаков *эльбури* проникает на Тянь-Шань и попадает в состав киргизского народа, приняв имя Бачман в качестве этнонима, а также сохранив предания о происхождении от кипчаков.

Литература

- Абдуманапов 2002 — Абдуманапов Р. А. К вопросу происхождения киргизского племени Азык // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Абакан, 6–12 октября 2001 г.). Абакан: ХГУ, 2002. С. 153–157.
- Абрамзон 1990 — Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
- Абрамзон 1960 — Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции / под ред. Г. Ф. Дебеца. Т. IV. М.: АН СССР, 1960. С. 3–137.
- Ахинджанов 1995 — Ахинджанов С. М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
- Башкирские шежере 1960 — Башкирские шежере / сост., пер. текстов, введение и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1960. 304 с.
- БНТ 1987 — Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды / пер. с башкирского. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1987. 576 с.

References

- Abdumanapov R. A. On the origin of the Kyrgyz tribe Azyk. In: Actual Problems of History of the Sayan-Altai and Adjacent Territories. Conference proceedings (Abakan, 6–12 October 2001). Abakan: Khakassian State University, 2002. Pp. 153–157. (In Russ.)
- Abramzon S. M. The Kyrgyz People, Their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties. Frunze: Kyrgyzstan, 1990. 480 p. (In Russ.)
- Abramzon S. M. Ethnic composition of the Kyrgyz in Northern Kyrgyzstan. In: Debets G. F. (ed.) Proceedings of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 4. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 3–137. (In Russ.)
- Akhinzhanov S. M. Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan. Almaty: Gylm, 1995. 296 p. (In Russ.)
- Kuzeev R. G. (comp.) Bashkir Shezhere. R. Kuzeev (transl., foreword, etc.). Ufa: Bashkiria Book Publ., 1960. 304 p. (In Russ.)
- Nadrshina F. A. (comp.) Bashkir Folklore. Vol. 2: Tales and Legends. Ufa: Bashkiria Book Publ., 1987. 576 p. (In Russ.)

- Бретшнейдер 2018 — *Бретшнейдер Э. В.* Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII веков. СПб.: Свое изд-во, 2018. 280 с.
- Востров, Муканов 1968 — *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
- Гальперин 2008 — *Гальперин Ч.* Кипчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время.* Донецк: Донецк. ун-т, 2008. С. 385–400.
- Госманов 1994 — *Госманов М. Г.* Каурый каләм эзеннен: археограф язмалары. (= По следам рукописей: записки археографа). Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 463 б.
- Джувейни 2004 — *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан. История Завоевателя Мира / пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. яз. Дж. Э. Бойла, с предисл. и библ. Д. О. Моргана; пер. текста с англ. на рус. яз. Е. Е. Харитоновой. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
- Закирова 2011 — *Закирова И. Г.* Сказание о Бачман-хане // *Вестник Чувашского университета.* 2011. № 1. С. 279–283.
- Исмаилов 2012 — *Исмаилов Б.* Ат-башылык азыктар. Бишкек: Бийиктик, 2012. 190 б.
- История первых 1829 — История первых четырех ханов из Дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. 441 с.
- Исхаков 1998 — *Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
- Исхаков 2012 — *Исхаков Д. М.* Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // *Степи северной Евразии: мат-лы VI междунар. семинара и VIII междунар. школы-семинара «Геоэкологические проблем степных регионов».* Оренбург: Газпромпечат, Оренбурггазпромсервис, 2012. С. 319–321.
- Казақ руларының 1991 — *Казақ руларының шежіресі: үш тараудан құралған жинақ* (= Генеалогия казахских кланов: сборник из трех томов). Целиноград: Қаламгер, 1991. 97 б.
- Bretschneider E. V. Asia and Europe in the Middle Ages: Comparative Studies of Sources on the Geography and History of Thirteenth–Seventeenth Century Central and Western Asia. St. Petersburg: Svooy Izdatelstvo, 2018. 280 p. (In Russ.)
- Vostrov V. V., Mukanov M. S. Tribal Composition and Nomadic Territories of the Kazakh, Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Alma-Ata: Nauka, 1968. 256 p. (In Russ.)
- Galperin Ch. The Kipchak factor: Ilkhans, Mamluks and Ain Jalut. In: *Steppes of Medieval Europe. Vol. 6: Golden Horde Era. Collected scholarly papers.* Donetsk: Donetsk State University, 2008. Pp. 385–400. (In Russ.)
- Usmanov M. G. The Guidance of Manuscripts: An Archeographer's Notes. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1994. 463 p. (In Tat.)
- Juvayni A.-M. Genghis Khan: History of the World Conqueror. J. Boyle (transl.); D. Morgan (preface, bibliogr.); E. Kharitonova (transl.). Moscow: Magistr-Press, 2004. 690 p. (In Russ.)
- Zakirova I. G. The Legend of Bachman Khan. *Bulletin of the Chuvash University.* 2011. No. 1. Pp. 279–283. (In Russ.)
- Ismailov B. Azyks from At-Bashi. Bishkek: Biyiktik, 2012. 190 p. (In Kyrg.)
- History of the First Four Khans from the House of Genghis [Khan]. Rev. Hyacinth (transl.). St. Petersburg: K. Kray, 1829. 441 p. (In Russ.)
- Iskhakov D. M. From Medieval to Modern Tatars: An Ethnological Insight into the History of the Fifteenth-Seventeenth Century Volga-Ural Tatars. Kazan: Master Line, 1998. 276 p. (In Russ.)
- Iskhakov D. M. Turkic historical legends about the Kipchak (Kimak) of Orenburg Region. In: *Steppes of Northern Eurasia. Training workshop and seminar proceedings.* Orenburg: Gazprompechat, Orenburggazpromservis, 2012. Pp. 319–321. (In Russ.)
- Genealogies of Kazakh Clans. In 3 pts. Tselinograd: Kalamger, 1991. 97 p. (In Kaz.)

- Каратаев 2003 — *Каратаев О.* Кыргыз этнонимдер сөздүгү (= Словарь киргизских этнонимов). Бишкек: Кыргыз-Түрк «Манас» университети, 2003. 265 б.
- Кузеев 1974 — *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.
- Кузембаев 2013 — *Кузембаев Н. Е.* Бачман (Бачимань) — кипчак из племени ольбурлик (ельборили) в мусульманских и китайских источниках // *Banatica* 23. 2013. Cluj-Napoca: Centrul de Studii Transilvane / ed. Academiei Române. Pp. 481–488.
- Кумеков 2013 — *Кумеков Б. Е.* Кипчаковедение — концептуальное научное направление евразийского масштаба // *Еуразия кыпшақтары: тарих, тіл және жазба ескерткіштері*: халықаралық ғылыми конференция. 29–30 мамыр 2013 жыл (= Кипчаки Евразии: памятники истории, языка и письменности: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Астана, 29–30 мая 2013 г.). Астана: Еуразия ұлттық университеті, 2013. Б. 12–21.
- Кычанов 2002 — *Кычанов Е. И.* О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // *Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие*. М.: Вост. лит., 2002. С. 75–83.
- Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общ. ред. акад. М. К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Материалы 1956 — Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV: Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова. М.: АН СССР, 1956. 494 с.
- Муқанов 1974 — *Муқанов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.
- Наливкин 1886 — *Наливкин В. П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1886. 215 с.
- Оллсен 2008 — *Оллсен Т. Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ. Донецк: Донецк. национ. ун-т, 2008. С. 351–363.
- Karataev O. Dictionary of Kyrgyz Ethnonyms. Bishkek: Kyrgyz-Turkish Manas University, 2003. 265 p. (In Kyrg.)
- Kuzeev R. G. Origins of the Bashkir. Ethnic Composition, History of Dissemination. Moscow: Nauka, 1974. 572 p. (In Russ.)
- Kuzembayev N. E. Bachman (Bachiman) — a Kipchak from Olburlik (Elborili) tribe in Muslim and Chinese sources. In: *Banatica*. Vol. 23. Cluj-Napoca: Center for Transylvanian Studies (Romanian Academy), 2013. Pp. 481–488. (In Russ.)
- Kumekov B. E. Kipchak studies as a conceptual scientific direction of Eurasian scale. In: *Kipchaks of Eurasia. Monuments of History, Language and Writing. Conference proceedings* (Astana, 29–30 May 2013). Astana: Eurasian National University, 2013. Pp. 12–21. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Mongol invasion of Europe: Some circumstances according to the Yuan Shi. In: *Turkological Collection 2001. The Golden Horde and Its Heritage*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. Pp. 75–83. (In Russ.)
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz Qazaq, or Kirghiz Kaisak, Hordes and Steppes. M. Kozymbayev (ed.). Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.)
- Demidova N. F. (comp.) Materials in the History of the Bashkir ASSR. Vol. 4: Socioeconomic Relations in Bashkiria and Governance over Orenburg Region, 1750s–1770s. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 494 p. (In Russ.)
- Mukanov M. S. Kazakhs of the Middle Zhuz: Ethnic Composition and Nomadic Territories. Alma-Ata: Nauka, 1974. 200 p. (In Russ.)
- Nalivkin V. P. A Brief History of the Kokand Khanate. Kazan: Kazan Imperial University, 1886. 215 p. (In Russ.)
- Allsen T. T. Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural region, 1217–1237. In: *Steppes of Medieval Europe*. Vol. 6: Golden Horde Era. Collected scholarly papers. Donetsk: Donetsk State University, 2008. Pp. 351–363. (In Russ.)

- Орбели 1941 — *Орбели И. А.* Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. Л.: Гос. Эрмитаж, 1941. 272 с.
- Плетнева 1990 — *Плетнева С. А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
- Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1960. 253 с.
- Руденко 1955 — *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: АН СССР, 1955. 394 с.
- Рычков 1896 — *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Типо-лит. Ив. Ив. Евфимоского-Мировицкаго, 1896. 95 с.
- Сабитов 2011 — *Сабитов Ж. М.* Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Вып. 1. Казань: ЯЗ, 2011. С. 63–69.
- Соколов 1904 — *Соколов Д. Н.* О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 13. Оренбург: Типо-лит. Н. А. Порхунова, 1904. 99 с.
- Солтоноев 1993 — *Солтоноев Б.* Кызыл кыргызы тарыхы (= История красных кыргызов). Бишкек: Учкун, 1993. 208 б.
- Тимохин, Тишин 2016 — *Тимохин Д., Тишин В.* Хорезм, восточные кипчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 25–40.
- Тоголок Молдо 1993 — *Тоголок Молдо.* Тарых. Тупку агалар // Кыргыздар: санжыра, тарых, мурас, салт (= Кыргызы: генеалогия, история, наследие, традиции). Т. 2. Бишкек: Кыргызстан, 1993. Б. 5–71.
- Усманов 1972 — *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Казанск. ун-т, 1972. 224 с.
- Хазанов 2002 — *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Хаутала 2020 — *Хаутала Р.* Ранние джучидские военные кампании и протолюидские письменные источники // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 4. С. 647–661.
- Храпачевский 2005 — *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, Люкс, 2005. 557 с.
- Orbeli I. A. Synchronistic Tables of Hijri and European Calendars. Leningrad: State Hermitage Museum, 1941. 272 p. (In Russ.)
- Pletneva S. A. Polovtsians. Moscow: Nauka, 1990. 208 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 2. L. Khetagurov (transl.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 253 p. (In Russ.)
- Rudenko S. I. The Bashkir: Historical and Ethnographic Essays. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1955. 394 p. (In Russ.)
- Rychkov P. I. History of Orenburg, 1730–1750. Orenburg: I. Evfimosky-Mirovitsky, 1896. 95 p. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M. Bashkir khans Bachman and Tura. In: Siberian Collection. Vol. 1. Kazan, 2011. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Sokolov D. N. More on Bashkir Tamgas (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission 13). Orenburg: N. Porkhunov, 1904. 99 p. (In Russ.)
- Soltonoev B. History of the Red Kyrgyz. Bishkek: Uchkun, 1993. 208 p. (In Kyrg.)
- Timokhin D., Tishin V. Khwarazm, Eastern Kipchaks and Volga Bulgaria in the late twelfth – early thirteenth centuries. In: The Golden Horde in World History. Joint monograph. Kazan: Märcani Institute of History, 2016. Pp. 25–40. (In Russ.)
- Togolok Moldo. The founders. In: The Kyrgyz. Genealogies, History, Heritage, Traditions. Vol. 2. Bishkek: Kyrgyzstan, 1993. Pp. 5–71. (In Kyrg.)
- Usmanov M. A. Seventeenth–Eighteenth Century Tatar Historical Sources. Kazan: Kazan State University, 1972. 224 p. (In Russ.)
- Khazanov A. M. Nomads and the Other World. Third ed., suppl. Almaty: Daik-Press, 2002. 604 p. (In Russ.)
- Khautala R. The early Jochid campaigns and the pro-Toluid written sources. *Golden Horde Review*. 2020. Vol. 8. No. 4. Pp. 647–661. (In Russ.)
- Khrapachevsky R. P. The Militarized Empire of Genghis Khan. Moscow: AST, Lux, 2005. 557 p. (In Russ.)

- Храпачевский 2011 — *Храпачевский Р. П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.
- Храпачевский 2013 — *Храпачевский Р. П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников). М.: ЦИВОИ, 2013. 128 с.
- Әхмәтжанов 1995 — *Әхмәтжанов М.* Татар шәжәрәләре (Беренче китап) (= Татарские генеалогии (Первая книга) Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1995. 128 б.
- Biran 2021a — *Biran M.* Forced Migrations and Slavery in the Mongol Empire (1206–1368) // Perry C., Eltis D., Engerman S. L., Richardson D. (eds.). *The Cambridge World History of Slavery. The Cambridge World History of Slavery. V. 2.* Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Pp. 76–99.
- Biran 2021b — *Biran M.* The Mongol Imperial Space: From Universalism to Glocalization // Pines Yu., Biran M., Rüpke J. (eds.). *The Limits of Universal Rule: Eurasian Empires Compared.* Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Pp. 220–256.
- Golden 1986 — *Golden P.* Cumanica II: The Ölberli (Ölperli). The fortunes and misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* Vol. VI. 1986. Pp. 5–29.
- Golden 2011 — *Golden P.* Ethnogenesis in the tribal zone: The shaping of the Turks // *Golden P. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes* / ed. by C. Hriban. București-Brăila: Editura Academiei Române — Muzeul Brăilei Editura Istros, 2011. Pp. 17–64.
- Favereau 2021 — *Favereau M.* The Horde: How the Mongols Changed the World. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2021. 377 p.
- Ivanics 2023 — *Ivanics M.* The book of the Činggis legend: A critical edition of a seventeenth-century Volga-Turki Source. Leiden: Brill, 2023. 395 p.
- Marquart 1914 — *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Abhandlungen phil.-hist. Klasse. 1914. Bd. 13. № 1. S. 25–238.
- May 2022 — *May T.* The conquest of the Dasht-i Qipchaq // *The Mongol world* / ed. by T. May, M. Hope. London, New York: Routledge, 2022. Pp. 150–164.
- Pelliot 1920 — *Pelliot P.* À propos des Comans // *Journal Asiatique* 15. II série. 15 (Avril-Juin) 1920. Pp. 125–185.
- Khrapachevsky R. P. The Mongol Army during the Conquest of Ancient Rus'. Moscow: Quadriga, 2011. 264 p. (In Russ.)
- Khrapachevsky R. P. Cuni-Polovtsians in the Volga-Ural Interfluvium: Analyzing Chinese Sources. Moscow: TsIVOI, 2013. 128 p. (In Russ.)
- Akhmetzyanov M. Tatar Genealogies. Vol. 1. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1995. 128 p. (In Russ.)
- Biran M. Forced migrations and slavery in the Mongol Empire (1206–1368). In: Perry C., Eltis D., Engerman S. L., Richardson D. (eds.) *The Cambridge World History of Slavery. Vol. 2.* Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Pp. 76–99. (In Eng.)
- Biran M. The Mongol imperial space: From universalism to glocalization. In: Pines Yu., Biran M., Rüpke J. (eds.) *The Limits of Universal Rule: Eurasian Empires Compared.* Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Pp. 220–256. (In Eng.)
- Golden P. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli). The fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 1986. Vol. 6. Pp. 5–29. (In Eng.)
- Golden P. Ethnogenesis in the tribal zone: The shaping of the Turks. In: *Golden P. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes.* C. Hriban (ed.). București-Brăila: Editura Academiei Române – Muzeul Brăilei Editura Istros, 2011. Pp. 17–64. (In Eng.)
- Favereau M. The Horde: How the Mongols Changed the World. Cambridge, MA: Harvard University Press (The Belknap Press), 2021. 377 p. (In Eng.)
- Ivanics M. The Book of the Činggis Legend: A Critical Edition of a Seventeenth-Century Volga-Turki Source. Leiden: Brill, 2023. 395 p. (In Eng.)
- Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. In: Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Abhandlungen phil.-hist. Klasse. 1914. Vol. 13. No. 1. Pp. 25–238. (In Germ.)
- May T. The conquest of the Dasht-i Qipchaq. In: May T., Hope M. (eds.) *The Mongol World.* London; New York: Routledge, 2022. Pp. 150–164. (In Eng.)
- Pelliot P. À propos des Comans. *Journal asiatique.* 1920. Vol. 15. No. 2 (April-June). Pp. 125–85. (In Fr.)

- Schamiloglu 1990 — *Schamiloglu U.* The formation of a Tatar historical consciousness: Şihabäddin Märcani and the image of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. Vol. 9. Is. 2. 1990. Pp. 39–49.
- Vásáry 2005 — *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.
- 全国人民代表大会 1955 — 全国人民代表大会. 关于撤销热河省的决定 [Z] (= Всеки-тайское собрание народных представителей. Решение об упразднении провинции Жэхэ [Z]) // 中华人民共和国国务院公报 (= Вестник Государственного совета Китайской Народной Республики). 1955. № 8. С. 3–5.
- Schamiloglu U. The formation of a Tatar historical consciousness: Şihabäddin Märcani and the image of the Golden Horde. *Central Asian Survey*. 1990. Vol. 9. No. 2. Pp. 39–49. (In Eng.)
- Vásáry I. Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p. (In Eng.)
- National People's Congress. Decision regarding the abolition of Rehe Province [Z]. *Bulletin of the State Council of the People's Republic of China*. 1955. No. 8. Pp. 3–5. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1270–1283, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 391.7

Нагрудное украшение *сүрэх*: *Sürekh* Pectoral Adornment: Symbols of Faith, Status and Memory

Капитолина Максимовна Яковлева¹,
 Александра Николаевна Прокопьева²,
 Лидия Федотовна Иванова³,
 Саина Андреевна Семенова⁴

*Kapitolina M. Yakovleva*¹,
*Aleksandra N. Prokopeva*²,
*Lidiya F. Ivanova*³,
*Saina A. Semenova*⁴

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

¹ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Scientific Secretary

 0000-0002-5381-8960. E-mail: [kapa1985\[at\]list.ru](mailto:kapa1985[at]list.ru)

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)

² Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

научный сотрудник

Research Associate

 0000-0002-8329-159X. E-mail: [sendiele\[at\]mail.ru](mailto:sendiele[at]mail.ru)

³ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)

³ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

лаборант

Laboratory Assistant

 0009-0008-0376-5144. E-mail: [choicedream686\[at\]mail.ru](mailto:choicedream686[at]mail.ru)

⁴ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)

⁴ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0002-8485-8631. E-mail: smkhlv[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Яковлева К. М., Прокопьева А. Н., Иванова Л. Ф., Семенова С. А., 2025

© Yakovleva K. M., Prokopeva A. N., Ivanova L. F., Semenova S. A., 2025

Аннотация. *Введение.* История распространения христианства (православия) является одной из актуальных тем научных изысканий. Особого внимания требует история процесса христианизации в Якутии, который способствовал интеграции края в состав Российского государства. Интересным свидетельством данного процесса, нашедшим выражение в материальной культуре, является нагрудный крест *сүрэх* (*сюрэх*). Несмотря на свою символическую значимость, он стал составным элементом женского традиционного якутского костюма. *Целью* исследования является комплексный анализ нагрудного украшения *сүрэх* (*сюрэх*). *Материалами* исследования выступили российские и региональные музейные коллекции, также использован полевой материал, собранный в районах Якутии и среди есеевских якутов Красноярского края. *Результаты.* В работе были применены методы историко-генетического и визуального анализа, сравнительно-типологический метод, метод интервьюирования. *Результаты.* В рамках исследования сделан вывод, что якутский нагрудный крест *сүрэх* (*сюрэх*) является наглядным примером синкретизма якутской культуры. Так, украшение сочетает в себе каноническую форму православного креста с традиционными элементами: ажурной цепью, пластиной с орнаментами, функциональными подвесками. В этнографический период крест, возможно, являлся не только символом принадлежности к определенной религии и церкви, но и альтернативным, более доступным вариантом нагрудного украшения, помимо *илин кэбиһэр* (*илин кэбисэр*). В советский период нагрудный крест *сүрэх* (*сюрэх*) подвергся трансформации в силу атеизации и господства государственной идеологии: он исчезает как основной элемент нагрудного украшения и хранится в качестве семейной реликвии. В наше время украшение воспринимается лишь с позиции эстетики костюма, оно менее распространено, чем нагрудное украшение *илин кэбиһэр* (*илин кэбисэр*), чаще всего они изготавливаются в результате частных заказов. Таким образом, нагрудное украшение *сүрэх* (*сюрэх*) имеет устойчивую двойственную природу, что является ярким примером культурного синкретизма.

Ключевые слова: якуты, украшения, нагрудный крест, *сүрэх*, *сюрэх*, православие, христианизация, синкретизм

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Символы изменений: металлические украшения якутского костюма в контексте социально-экономических трансформаций XIX–начала XX века» (№ 25-28-20423, <https://rscf.ru/project/25-28-20423/>).

Для цитирования: Яковлева К. М., Прокопьева А. Н., Иванова Л. Ф., Семенова С. А. Нагрудное украшение *сүрэх*: символы веры, статуса и памяти // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 6. С. 1270–1283. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1270-1283

Abstract. *Introduction.* The history of the spread of Christianity (Orthodox Christianity) is a topical area of scholarly research. Particular attention should be paid to the spread (process) of Christianization in Yakutia, since it contributed to the region's integration into the Russian state. One noteworthy evidence of this process in material culture is the *sürekh* (*syurekh*) pectoral cross which has become a component of the women's traditional Yakut costume. Despite its symbolic significance, this adornment remains a little-known element of material culture. *Goals.* The study attempts a comprehensive analysis of the pectoral decoration. To facilitate this, the work shall outline the history of the Yakut pectoral cross; identify its structural features, symbolic essentials; trace the transformation of its meaning and form in Soviet and post-Soviet periods. *Materials and methods.* The paper focuses on items contained in federal and regional museum collections, field data gathered from across Yakutia's districts and among Yessey Yakuts of Krasnoyarsk Krai. The employed methods include those of historical genetic and visual analyses, the comparative typological and interview ones. The study resumes the Yakut pectoral cross *sürekh* (*syurekh*) be a vivid example of syncretism in Yakut

culture. So, the adornment combines the canonical shape of an Orthodox cross and some traditional elements, such as chain, ornamented plate, and functional pendants. In the ethnographic period, the cross may have not only been a symbol of belonging to faith and church but also an alternative, more accessible pectoral decorating element — aside from *ilin kebiher* (*ilin kebiser*). In the Soviet atheist era, *sürekh* (*syurekh*) has experienced certain transformation: the cross disappears as key element of pectoral decorative patterns — to become a home-stored heirloom. Nowadays, the adornment is rather perceived from aesthetic perspectives and is less widespread than *ilin kebiher* (*ilin kebiser*). *Sürekhs* are basically made on private orders. So, the item acquired a dual nature, thus serving a vivid example of cultural syncretism.

Keywords: Yakuts, jewellery, pectoral cross, *sürekh*, Orthodox Christianity, Christianization, syncretism.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-28-20423 ‘Symbols of Change: Metal Decorations of Yakut Clothing in Nineteenth to Early Twentieth Century Socioeconomic Transformations’. Available at: <https://rscf.ru/project/25-28-20423>.

For citation: Yakovleva K. M., Prokopeva A. N., Ivanova L. F., Semenova S. A.. *Sürekh* Pectoral Adornment: Symbols of Faith, Status and Memory. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1270–1283. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1270-1283

1. Введение

История христианской, в частности, православной веры в современной России является объектом активного научного исследования, что свидетельствует о возросшем общественном интересе. Чем являлась Русская православная церковь в истории России: составной частью государства, отдельно стоящей структурой, тесно связанной с государством, самостоятельным социальным институтом — поиск ответов на эти вопросы актуален и обусловлен сменой отношения к православию со стороны государственной власти и общества, что, несомненно, в дальнейшем позволит сформулировать более глубокое понимание места и роли православия в истории Российского государства [Юрганова 2007: 34].

Христианизации населения Якутии является особой проблемой для изучения [Шишигин 1997; Николаев 2004; Юрганова 2021]. Присоединение Якутского края к российскому конфессиональному пространству, с одной стороны, способствовало укреплению позиций империи на ее дальних рубежах, с другой — предоставило доступ к культурному наследию христианского мира, а через него — европейской культуре и мировой цивилизации. Со временем факт принятия крещения стал важной частью обрядов жизненного цикла. Об этом можно

судить по якутскому названию этого таинства — *сүрэхтэнии*, что в дословном переводе означает «обретение сердца». Вероятно, исходя из этого и был так назван *сүрэх*, одно из самых распространенных якутских украшений XIX – начала XX в.

Большинство исследователей-якутоведов не причисляют нагрудные кресты к традиционному комплекту якутских украшений [Петрова 1999; Михайлова 2005]. А. И. Саввинов относит якутский *сүрэх* к группе наспинно-нагрудных украшений, сам христианский крест — к якутским амулетам *ымыы* [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 29. Л. 3]. Так что *сүрэх* пока остается малоизученным элементом материальной культуры якутов.

Первые упоминания о якутском *сүрэх* встречаются в трудах таких дореволюционных исследователей, как Р. К. Маак [Маак 1994: 577], В. Л. Серошевский [Серошевский 1993: 371], Е. Д. Стрелов [Стрелов 1937: 77].

Интерес представляет работа Ф. М. Зыкова. Согласно его типологии, кресты *сүрэх* относятся к предметам культового назначения. Первоначально крест являлся чисто религиозным атрибутом, позднее с усложнением декора он стал восприниматься как украшение. Поскольку крест напрямую связан с религиозным обрядом принятия

крещения, якутское название которого — *сүрэхтэнии*, то нателный крест стали называть *сүрэх*. Крест состоит из двух частей: из ажурной цепи (шириной 2–2,5 см) и, собственно, самого креста. Из предметов культового назначения самыми разнообразными и распространенными у якутов были кресты, тогда как остальные атрибуты христианства являли собой подражание привозным предметам [Зыков 1976: 57–58].

В постсоветских исследованиях тема крестов освещалась в трудах А. И. Саввинова [Саввинов 2001: 48–50], К. М. Яковлевой и А. Н. Прокопьевой [Яковлева, Прокопьева 2020: 52–53], В. С. Никифоровой [Никифорова 2010: 56], С. И. Петровой и З. М. Заболоцкой [Петрова, Заболоцкая 2013: 114], Л. Г. Кириллиной [Кириллина 2025: 229–232]. В последние годы были изданы каталоги музейных собраний, где представлены предметы традиционной материальной культуры якутов, в частности, ювелирные изделия XIX – начала XX в. [Блеск серебра 1999: 57; Ювелирное искусство 2001: 17–19; Коллекция 2011: 58–67; Материальная 2017: 176].

Согласно религиозным представлениям и жизненному опыту якутов, изначально украшения как элемент традиционного костюма выполняли защитную функцию. Изготовленные из серебра, они оберегали носителя своим звоном, отпугивая злых духов (*абаасы*). Также украшения, носимые на определенных частях тела, позволяли душе-кут человека оставаться в нем. В эту концепцию довольно быстро вписался крест — известный и понятный древний знак, и только со временем в якутской культуре он обрел христианский смысл. Но постепенно символ веры стал частью комплекта женских украшений, часто подчеркивая статус своего владельца.

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы выступили кресты-тельники и нагрудные кресты *сүрэх*, хранящиеся в российских музеях: Музее археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (г. Санкт-Петербург), Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург), Красноярском крае-

ведческом музее (г. Красноярск), Эвенкийском краеведческом музее (п. Тура), Якутском государственном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (далее — ЯГОМИиКНС) (г. Якутск), Музее археологии и этнографии СВФУ (г. Якутск), Историческом музее им. И. П. Готовцева (с. Танда). Изученные кресты атрибутированы как нагрудные украшения якуток и эвенков. Собран полевой материал в Верхневилуйском, Мегино-Кангаласском улусах республики и г. Якутске, а также среди есеевских якутов Красноярского края. Проведены анализ современной продукции якутских ювелирных компаний и беседы с покупателями ювелирных магазинов.

3. Результаты

3.1. Общая характеристика украшений

Сегодня в музейных собраниях и у частных лиц найдется немалое число нагрудных украшений *сүрэх*, разнообразие которых зависело от мастерства и творческого замысла ювелира. Все нагрудные кресты состоят из трех частей: канонический крест, орнаментированная пластина и цепь, выполненная в якутском стиле с различными подвесками [Саввинов 2001: 49].

Главной составляющей украшения *сүрэх* является наперсный крест, который крепится к пластине, декорированной лировидным и растительным узорами, солярными знаками, которые носили сакральное значение. Ли́ра напрямую связывала свою хозяйку с богинями *Айыыһым*, *Иэйэхсит* и *Аан Алахчын Хотун*, а солярные знаки символизировали принадлежность Срединному миру [ПМА 2014a]. Особую роль играет и материал изготовления — серебро — белый чистый металл. Звон и блеск серебра, считали якуты, отпугивали злых духов и оберегали свою хозяйку от сглаза [ПМА 2023; ПМА 2018].

По конструктивным особенностям нагрудные кресты *сүрэх* можно отнести к трем типам. Первый тип — наиболее архаичные нагрудные кресты на ожерелье. Такое украшение было найдено в захоронении из Атласовского погребения, оно хранится в фондах ЯГОМИиКНС (инв. № КП 49729). Изделие

датировано XVIII в. и представляет собой низку разноцветных бус (голубой, черный) и металлических трубочек на ровдужном ремешке. Сам крест привозной, выполнен в каноническом стиле.

Второй тип — традиционный *сурэх*, выполненный полностью из металла. Такие украшения имеют вышеописанную трехсоставную конструкцию, но без подвесок. Встречается нагрудный крест на обычной цепочке, как, например, экземпляр из Исторического музея им. И. П. Готовцева (с. Танда Усть-Алданского улуса).

Третий тип — украшение, отличающееся лишь тем, что к цепи подвешивали различные мелкие предметы женского туалета: ухочистку, щипчики и другие подвески, которые должны были находиться на поясе («кур») или нагрудном украшении. Бытование подвесок связывают с традиционным кроєм одежды тюрко-монгольских народов, которая не имела карманов [Саввинов 2001: 56].

3.2. XVII – начало XX вв.

Политика Российского государства поначалу не предусматривала применение насильственных методов при обращении в православие (в частности, в царском указе от 10 февраля 1644 г. говорилось, что «будет кто из ясачных людей захочет креститца своею волею, и тех людей велеть крестить, сыскав с них допряма, что своею волею ли они хотят креститца» [Шишигин 1991: 14]). В разные периоды методы распространения новой веры были различны — начиная со льгот и подарков и заканчивая репрессивными мерами против языческого культа и шаманства. В первое время значительную роль в принятии крещения якутами сыграло предоставление льготы в виде освобождения от уплаты ясака на несколько лет. Известно, что по указу 1710 г. «иноверцам» за крещение дарили «рубашки из казны», а в 1740 г. указом же подтверждалось, что, кроме льготных лет на ясак, будут выданы иконы, рубахи, кресты и другие предметы [Шишигин 1991: 20–21]. К началу XVIII в. для верхушки якутского общества принятие (пусть даже символическое) православия было показателем их высокого социального статуса.

К концу XIX столетия более 98 % населения Якутии были отнесены к исповедующим православную веру [Юрганова 2007: 34]. В действительности имел место синтез местных верований и элементов христианства. Синкретизм традиционных религиозных представлений у якутов отмечал и В. Л. Серошевский: «Когда гроб готов, тело укладывают в него и прикрывают белым коленкором; в левую руку вкладывают мертвецу *пасперт* (паспорт), чтобы душа, придя к *Аи-Тоену*, была принята в *ырэй* (рай), где она будет жить, как на земле» [Серошевский 1993: 597]. В архивных документах описывается, что, практикуя обряд с сопроводительным погребением коня, покойника покрывали саваном, на голову надевали бумажный венец [СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Ед. хр. 158. Л. 165–167]. Несмотря на дальние расстояния, отпевание покойника все же стремились провести, даже если приходилось ждать причта почти год [Якутские епархиальные 1891: 22–23], часто молитвы произносили машинально и коверкая слова [Майничева 2023: 23]. По сведениям информантов, в начале XX в. якуты принимали православие с большим почитанием, но при этом помня о своих традиционных языческих верованиях. Деды молились Христу, но и не забывали «покормить» огонь и землю [ПМА 2023].

А. И. Гоголев отмечал, что «православие не смогло оказать серьезного влияния на коренное изменение религиозного мировоззрения аборигенного населения» [Гоголев 2013: 92]. Подобные процессы переживали и другие коренные народы Сибири, что подтверждается предметами, обнаруженными в погребальных захоронениях, среди которых есть нательные кресты, церковные свечи, саваны и венцы. Явный синкретизм погребального обряда свидетельствует о том, что местное население по-своему трактовало православные обряды и внедряло его элементы в свою картину мира [Черная 2017: 74].

В этой новой религиозной реальности особую смысловую нагрузку получал главный символ христианства — крест. С конца XVIII в. крест становится символом статуса, просвещенности, близости к должностным лицам.

Как отмечалось выше, одним из ранних экземпляров нагрудного креста является украшение, которое хранится в фондах ЯГО-МИиКНС. Оно представляет собой ожерелье из синих и черных пастовых бусин и металлических низок, на которое подвешен литой ажурный крест. Изделие было обнаружено в женском погребении недалеко от Якутска и датируется XVIII в. [Стрелов 1937: 77]. Металлические кресты-тельники были обнаружены в женских погребениях начала XIX в. в Верхоянье, в которых прослеживается соблюдение и языческого обряда [Кириянов 2019: 136–140]. Крест как понятный и ранее известный символ солнца, вероятно, быстро вошел в обиход якутов. У. Йохансен связывала кресты с солярными знаками на основе параллелей с народами тюрко-монгольского мира [Йохансен 2012]. Дорусское бытование мотивов в виде креста подтверждают и археологические материалы. Например, в поселениях кулун-атахской культуры были обнаружены глиняные формочки для литья украшений в виде равнозначного стилизованного креста [Гоголев 2013: табл. XII, 11–12] и бронзовый крест-подвеска [Прокопьева, Пестерева 2017: 4]. Вариации крестов встречаются и среди материалов погребальных памятников, датированных XIV–XVI вв. [Мир древних 2012: 93].

Судя по фотографиям якутов конца XIX – начала XX в., к этому времени уже бытовали кресты-тельники — символы принятия крещения, а также женские нагрудные украшения *сүрэх*. Если первые носились всеми независимо от социального положения, то *сүрэх* являлись частью комплекта украшений зажиточных якуток разного возраста. На фото жены вилюйского богача *сүрэх* надет поверх традиционного нагрудного украшения *илин кэбиһэр* (МАЭ. Инв. № 4568-100). На других фото *сүрэх* является главным нагрудным украшением (МАЭ. Инв. № 2106-99). Нагрудный крест особенно любили молодые женщины (МАЭ. Инв. № 1418-5), но его можно увидеть и на фотографиях пожилых женщин (МАЭ. Инв. № 1471-8).

Образцы крестов *сүрэх* можно встретить в музейных собраниях на территории всей Якутии, что говорит о широком распростра-

нении этого вида украшений и среди других местных народов, например, населявших побережье реки Нижняя Тунгуска. В конце XIX – начале XX в. стоимость двух *сүрэх* варьировалась в пределах 9 руб., а цена такого украшения, как *илин кэбиһэр* (*илин кэбисэр*), варьировалась в пределах 50 руб. [Серошевский 1993: 392]. У В. Л. Приклонского отмечается, что крест «*сюряхъ*» по стоимости доходит до 30 руб. [Приклонский 1887: 40], и в сравнении с *илин-кэлин кэбиһэр* (*илин-кэлин кэбисэр*) стоимостью 72 руб., принадлежавшего голове Ботурусского улуса А. И. Слепцову, направлявшемуся на Нижегородскую ярмарку (1896 г.), цена разнилась почти в 2 раза [Саввинов 2001: 77]. Трудно сказать, откуда пошла популярность крестов — из городской среды или наслегов (фото 1, 2).

Исследователи полагают, что прототипом *сүрэх* стали не нательные крестики, а наперсные кресты, которые носили представители православного духовенства. Данное предположение подтверждают музейные экспонаты, например из коллекций Музея антропологии и этнографии (МАЭ. Инв. № 2039-49).

Быть приближенным к церкви или священнослужителю, вероятно, считалось престижным. Ткань для облачения священнослужителей использовалась для отделки парадных женских шуб *бууктаах сон* (РЭМ. Инв. № 313-3). А. И. Саввинов считает, что, вероятнее всего, нагрудный крест изначально носили состоятельные мужчины, приближенные к администрации, и только к середине XIX в. он трансформировался в женское украшение [Саввинов 2001: 48]. Что привело к этому и как это происходило, остается загадкой.

Нагрудные кресты работы якутских мастеров распространены у эвенов и долган, также они входили в комплекс традиционных украшений у татар-кряшен, чувашей, марийцев, мордвы, хакасов. Христианский крест носили вместе с языческими амулетами: костями, когтями, раковинами каури [Суслова, Мухамедова 2000: 236]. Представленные факты позволяют предположить, что нагрудные кресты связаны не только с христианскими воззрениями, но и с более древними религиозными представлениями.

Фото 1. Сүрэх (ЯГОМИиКНС, инв. № КП-35327 ИПа-440)

[Photo 1. Sürekh. Yaroslavsky Yakut State Consolidated Museum, inv. no. КП-35327 I Па – 440)]

Фото 2. Сүрэх (Тандинский Историко-архитектурный Музей им. И. П. Готовцева)

[Photo 2. Sürekh. Gotovtsev Tanda Museum of History and Architecture]

3.3. Советский период

С установлением советской власти отношение к крестам резко меняется. Повсеместное уничтожение символов веры и распространение антирелигиозной пропаганды привели к тому, что кресты сүрэх исчезли из повседневной жизни. Серебряные кресты были не только символами веры, но и знаком принадлежности к некогда богатым родам, ставшим в новом мире объектами классовой ненависти. Старинные украшения тщательно прятались или добровольно сдавались в создающиеся школьные и рай-

онные музеи. В годы Великой Отечественной войны население сдавало серебряные изделия на нужды фронта, в том числе и кресты сүрэх [ПМА 2023].

Советский период характеризуется как время атеизации и секуляризации. Национальный якутский праздник Ысыах приобрел в ту пору иной смысл, наполняясь идеологией, он лишился сакральности. Во время празднования происходило чествование ветеранов, ударников труда, участников войны и т. д. В Усть-Алданском улусе почти до конца XX в. праздник Ысыах проводился

как спартакиада. Примером идеологической направленности традиционного праздника стал проведенный в 1945 г. Ысыах в честь празднования победы в Великой Отечественной войне, вылившийся в демонстрацию консолидации и единства живущего в социалистическом обществе народа, эти трансформации нашли отражение и в элементах национального костюма, в частности эволюции нагрудного украшения *сүрэх*. Так, на фотографии с праздника Ысыах в честь Победы 1945 г. мы видим человека, у которого украшение уже не имеет массивного креста, являвшегося центральным его элементом. От первоначального варианта сохраняются лишь соединительная ажурная пластина и длинная ажурная шейная цепь. Данное изображение нагрудного украшения является вещественным свидетельством полной десакрализации материальной культуры в условиях господства советской идеологии.

По сведениям информанта Слепцовой Елены Спиридоновны (1909–2013), уроженки Усть-Янского улуса, ее *сүрэх* был спря-

тан вместе с отцовским поясом. Сейчас в семье хранится лишь цепь с подвесками, из которой пытались сделать *бастына* (головное украшение в виде начельника). Куда и как исчез сам крест, никто из родственников не может объяснить, они считают, что, возможно, бабушка забрала его с собой [ПМА 2012]. В п. Ессей у Мээри (Бети Христины Николаевны) также был зафиксирован *сүрэх* без креста, его она и носила в таком виде (фото 3). По данным информанта, это было украшение ее матери, а кресты с него были захоронены с ней [ПМА 20146].

У представительницы ессейских якутов Евдокии Филипповны Осогосток *сүрэх* хранится в полном виде, вместе с подвесками, как реликвия, доставшаяся от предков (фото 4). По словам информанта, многие украшения были сданы родными во время Великой Отечественной войны, но нагрудный крест они сохранили как семейную ценность [ПМА 20146].

Таким образом, в советское время нагрудный крест *сүрэх* являл собой важную семейную реликвию, его хранили как память о прошлом.

Фото 3. *Сүрэх* без креста, п. Ессей

[Photo 3. Sürekhs without cross. Yessey (Evenkiysky District, Krasnoyarsk Krai, Russia)]

Фото 4. Нагрудный крест Евдокии Филипповны Осогосток, п. Ессей, Красноярский край
[Photo 4. Pectoral cross of Evdokia Filippovna Osogostok. Yessey (Evenkiysky District, Krasnoyarsk Krai, Russia)]

Фото 5. Нагрудный крест семьи И. И. Яковлева. Республика Саха Якутия
[Photo 5. Family pectoral cross of I. I. Yakovlev. Sakha Republic (Yakutia)]

3.4. Современная ситуация

В наши дни эта традиция имеет продолжение. Например, по данным информанта Мыкытыа Дьаакыбылап Игорь Уйбаан Уола (1961 г. р.), *сурэх* семьи Яковлевых (фото 5) передается по наследству только от сына к сыну (носителю фамилии), хотя они не крещенные. Украшение принадлежало прабабушке и было ее приданым *энньэ*. Его свято хранят и даже не надевают на Ысыах [ПМА 2023].

По данным К. А. Пестеревой (1983 г. р.), *сурэх* ее бабушки достался ей по наследству. Украшение датируется XIX в., оно передается по женской линии. В семье сохранился сам крест, а цепь и подвески были проданы. Его бабушка бережно хранила его, хотя сама была коммунистом. Оказалось, что в детстве ее крестил беглый священник, это было после Революции 1917 г. Сейчас *сурэх* до-

полнен, отреставрирован и непременно надевается во время праздника Ысыах [ПМА 2025].

В современный комплект якутских украшений *сурэх* вернулся в связи с популяризацией национального праздника Ысыах (*Ыһыах*). Но такого широкого распространения, как нагрудное украшение *илин кэбиһэр*, он еще не получил. Большинство нагрудных крестов, которые можно увидеть на женщинах, являются семейными реликвиями или же реконструкциями мастеров-ювелиров по музейным экспонатам. В ювелирных магазинах спросом пользуются нагрудные украшения, «вдохновленные» образцами *сурэх* XIX – начала XX в. По сути, это массивные цепи с мелкими подвесками и крупной ажурной пластинкой. На нее вместо креста прикрепляют фантазийные ажурные подвески, часто с растительным или лировид-

ным узором. Видимо, советское непринятие креста как части традиционного украшения еще не изжито. На вопрос: почему вы не хотите носить традиционный крест *сүрэх*, люди отвечают, что не считают себя верующими. К тому же экономическая ситуация заставляет покупателей обращать внимание на более доступные по цене украшения, каковыми являются сами кресты *сүрэх* или их имитации. Из-за дороговизны серебра все чаще стали появляться украшения из цветных металлов, в том числе и *сүрэх*. Часто их отливают из латуни или мельхиора, и, как правило, это частные заказы. Ношение национального костюма предполагает наличие комплекта украшений. Кресты *сүрэх* чаще выбирают, чтобы выделиться, все же их носят редко.

Таким образом, в современном якутском обществе к *сүрэх* относятся преимущественно как к семейной ценности. Крест сохраняет свою религиозную символику, и это делает его редким украшением в составе современного народного костюма.

4. Заключение

Якутский нагрудный крест *сүрэх* интересен тем, что сочетает в себе синкретизм и полифункциональность. Этот тип украшений, судя по характерной цепи и кресту, был заимствован из православных символов, вероятнее всего старообрядческих. Разные способы инкрустации при изготовлении самого креста указывают как на следование

православным канонам, так и на привнесение местных ювелирных традиций, как например, элементы традиционного нагрудного украшения *илин кэбиһэр* в виде множества подвесок, ажурных и массивных литых элементов. Что касается смыслового наполнения, то изначально крест был одним из главных символов принадлежности к вере, знатной прослойке общества, показателем близости к новой администрации. Таким образом, как этапы трансформации украшения *сүрэх* можно выделить:

1) XVIII – начало XX в. — символ веры, статуса — нагрудные кресты 1–3 типов;

2) после 1917 г. – 90-е гг. XX в. — утрата значения символа — украшение без креста;

3) начало XXI в. — символ памяти — нагрудные кресты 2–3 типов.

Трансформация нагрудного украшения — креста *сүрэх* — показывает, как исторические эпохи отразились на конструктивных особенностях украшения и сказались на восприятии и принятии его населением. Якутские нагрудные кресты представляют собой ценный исторический источник, который свидетельствует о том, как якуты творчески подходили к освоению новой религии, религиозных символов, восприятию православия. Дальнейшее расширение источниковой базы более ранними образцами крестов и расширение сравнительного материала изделиями из других регионов позволит уточнить происхождение нагрудного украшения *сүрэх*.

Полевые материалы

- ПМА 2012 — Инф. 1. Слепцова Е. С. (1909–2013) (Республика Саха (Якутия), г. Якутск. Запись 2012 г.).
- ПМА 2014а — Инф. 1. Скрябин А. А., 1967 г. р. (Республика Саха (Якутия), Мегино-Кангаласский район, с. Тюнгюлю, Балыктах. Запись 2014 г.).
- ПМА 2014б — Инф. 1. Осогосток Е. Ф., 1931 г. р.; Инф. 2. — Бети Х. Н., 1926 г. р. (Красноярский край, Эвенкийский район, п. Ессей. Запись 2014 г.).
- ПМА 2018 — (Республика Саха (Якутия), Верхневилуйский район, с. Верхневилуйск. Запись 2018 г.).

Field Materials

- Informant: E. S. Sleptsova, 1909–2013. Rec. in Yakutsk (Sakha Republic (Yakutia), Russia), 2012. (In Yak. and Russ.)
- Informant: A. A. Skryabin, b. 1967. Rec. in Tyungyulyu, Balyktakh (Megino-Kangalassky District, Sakha Republic (Yakutia), Russia), 2014. (In Yak. and Russ.)
- Informant 1: E. F. Osogostok, b. 1931. Informant 2: Kh. N. Beti, b. 1926. Rec. in Yessey (Evenkiysky District, Krasnoyarsk Krai, Russia), 2014. (In Yak. and Russ.)
- Field data collected in Verkhnevilyuysk (Verkhnevilyuysky District, Sakha Republic (Yakutia), Russia), 2018. (In Yak. and Russ.)

ПМА 2023 — Инф. 1. Мыкытыа — Дьаагы-былап . И., 1961 г. р. (Республика Саха (Якутия), Верхневилуйский район. Запись 2023 г.).

ПМА 2025 — Инф. 1. Пестерева К. А., 1983 г. р. (Республика Саха (Якутия), г. Якутск).

Informant: I. I. Myktyya-Dyaakybylap, b. 1961. Rec. in Verkhnevilyuysky District (Sakha Republic (Yakutia), Russia), 2023. (In Yak. and Russ.)

Informant: K. A. Pestereva, b. 1983. Rec. in Yakutsk (Sakha Republic (Yakutia), Russia), 2025. (In Yak. and Russ.)

Источники

АЯНЦ СО РАН — Архив Якутского научного центра Сибирского Отделения РАН.

Sources

Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Литература

Белицер 1958 — *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми: XIX – нач. XX в. М.: АН СССР, 1958. 395 с.

Блеск серебра 1999 — Блеск серебра: альбом / сост. Б. Ф. Неустроев-Мандар Уус. Якутск: Кудук, 1999. 105 с.

Великолепие ювелирных украшений Якутии = The brilliance of the jewellery of Yakutia / сост. А. И. Саввинов. Якутск: Бичик, 2017. 168 с.

Гоголев 2013 — *Гоголев А. И.* История Якутии: уч. пособие для вузов. Якутск: СВФУ, 2013. 324 с.

Зыков 1976 — *Зыков Ф. М.* Ювелирные изделия якутов. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1976. 64 с.

Ионов 1918 — *Ионов В. М.* К вопросу об изучении дохристианских верований якутов // Сборник МАЭ. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 155–164.

Йохансен 2012 — *Йохансен У.* Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. Якутск: Дани Алмас, 2012. 184 с.

Кириллина 2025 — *Кириллина Л. Г.* Ювелирные украшения народа саха XVIII–XIX вв. Якутск: Ситим-Медиа, 2025. 368 с.

Кирьянов 2019 — *Кирьянов Н. С.* Погребальный обряд и материальная культура населения Яно-Индигирского нагорья в XVII–XIX вв. (по результатам археологических исследований): дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 337 с.

References

Belitser V. N. Essays in Komi Ethnography, Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 395 p. (In Russ.)

Neustroev-Mandar Uus B. F. (comp.) The Luster of Silver: An Album. Yakutsk: Kuduk, 1999. 105 p. (In Russ.)

Savvinov A. I. (comp.) The Brilliance of the Jewellery of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2017. 168 p. (In Russ.)

Gogolev A. I. History of Yakutia. Textbook for university students. Yakutsk: Ammosov North-Eastern Federal University, 2013. 324 p. (In Russ.)

Zykov F. M. Yakut Jewellery. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1976. 64 p. (In Russ.)

Ionov V. M. Further insights into pre-Christian beliefs of the Yakut. *Sbornik MAE*. 1918. Vol. 5. No. 1. Pp. 155–164. (In Russ.)

Johansen U. Yakut Ornamental Art: A Study in History and Ethnography. Yakutsk: Dani Almas, 2008. 184 p. (In Russ.)

Kirillina L. G. Jewellery of the Sakha, Eighteenth–Nineteenth Centuries. Yakutsk: Sitim-Media, 2025. 368 p. (In Russ.)

Kiryanov N. S. Funeral Rites and Material Culture of the Yana-Indigirka Upland, Seventeenth–Nineteenth Centuries: Summarizing Results of Archaeological Investigations. Cand. Sc. (history) thesis. Barnaul, 2019. 337 p. (In Russ.)

- Коллекция 2011 — Коллекция изделий из серебра и металла в собрании Национального художественного музея Республики Саха (Якутия). Якутск: Апрель, 2011. 308 с.
- Маак 1994 — *Маак Р. К.* Вилуйский округ. 2-е изд. М.: Яна, 1994. 592 с.
- Майничева 2023 — *Майничева А. Ю.* Трансформации в культуре якутов и чукчей в конце XIX – начале XX вв. в процессе христианизации (по материалам «Якутских епархиальных ведомостей») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 4(66). С. 19–29.
- Материальная 2017 — Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.): [альбом-каталог]. Т. 1. Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США. Кн. 1. Американский музей естественной истории, Нью-Йорк. Национальный музей естественной истории. Смитсоновский институт, Вашингтон. Якутск: Бичик, 2017. 781 с.
- Мир древних 2012 — Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. Якутск: СВФУ, 2012. 226 с.
- Михайлова 2005 — *Михайлова Е. А.* Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири (Сборник МАЭ). Т. LI. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–119.
- Никифорова 2010 — *Никифорова С. В.* Символика женских украшений: культурные коды традиционной повседневности саха (якутов). СПб.: Астерион, 2010. 219 с.
- Николаев 2004 — *Николаев А. П.* Христианизация народов Якутии в трудах Ф. Г. Сафронова // Якутский архив. 2004. № 1(12). С. 66–68.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. I. М.: АН СССР, 1959. 1280 стлб.
- Петрова 1999 — *Петрова С. И.* Традиционная одежда и мировоззрение наших предков. Якутск: Бичик, 1999. 79 с.
- Collection of Silver Jewellery and Metalwork at the National Art Museum of the Sakha Republic (Yakutia). Yakutsk: April' 2011. 308 p. (In Russ.)
- Maack R. K. Vilyuysky District. Second ed. Moscow: Yana, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Mainicheva A. Yu. Transformations in the culture of the Yakuts and Chukches in the late XIXth – early XXth centuries under Christianization (Based on the publications of Yakutsk Eparchial Bulletin). *Humanities Research in the Russian Far East*. 2023. No. 4 (66). Pp. 19–29. (In Russ.)
- Ivanova-Unarova Z. I. (comp.) Material and Spiritual Culture of the Peoples of Yakutia in World Museums (17th – Early 20th Centuries). Yakutsk: Bichik, 2017–2018. Vol. 1. Book 1: American Museum of Natural History, New York. National Museum of Natural History. Smithsonian Institution, Washington. 781 p. (In Russ.)
- Crubézy E., Alekseeva A. (eds.) The World of the Ancient Yakuts: A Transdisciplinary Approach from the French/Yakut Expedition. Yakutsk: Ammosov North-Eastern Federal University, 2012. 226 p. (In Russ.)
- Mikhailova E. A. Adornments of Siberian natives. In: Adornments of Siberia (MAE Collection 51). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2005. Pp. 12–119. (In Russ.)
- Nikiforova S. V. Symbolism of Female Adornments: Cultural Codes in Traditional Everyday Life of the Sakha. St. Petersburg: Asterion, 2010. 219 p. (In Russ.)
- Nikolaev A. P. Christianization of Yakutia in F. G. Safronov's writings. *Yakutskiy arkhiv*. 2004. No. 1 (12). Pp. 66–68. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of Yakut. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 1. 1280 cols. (In Yak. and Russ.)
- Petrova S. I. Traditional Clothing and Worldviews of Our Ancestors. Yakutsk: Bichik. 1999. 79 p. (In Russ.)

- Петрова, Заболоцкая 2013 — *Петрова С. И., Заболоцкая З. М.* Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 208 с.
- Приклонский 1887 — *Приклонский В. Л.* Материалы по этнографии якутов Якутской области. Иркутск: Сибирь, 1887. 43 с.
- Прокопьева, Пестерева 2017 — *Прокопьева А. Н., Пестерева К. А.* Бронзовые изделия из средневекового поселения Кердюген // Актуальные проблемы современной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 11 декабря 2017 г.). С. 3–5.
- Саввинов 2001 — *Саввинов А. И.* Традиционные металлические украшения якутов XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: [б. и.], 1993. 736 с.
- Стрелов 1937 — *Стрелов Е. Д.* Одежда и украшения якутки в половине XVII века // Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 75–99.
- Суслова, Мухамедова 2000 — *Суслова С. В., Мухамедова Р. Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 312 с.
- Черная 2017 — *Черная М. П.* Этнокультурное взаимодействие в эпоху колонизации Сибири: от археологического контекста к исторической интерпретации // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 71–77.
- Шишигин 1991 — *Шишигин Е. С.* Распространение христианства в Якутии. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1991. 116 с.
- Шишигин 1997 — *Шишигин Е. С.* Якутская епархия (краткий исторический очерк и проблемы возрождения). Мирный: Мирнин. гор. тип., 1997. 60 с.
- Ювелирное искусство 2001 — Ювелирное искусство народа саха: из коллекции музея / отв. ред. Р. И. Бравина. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. 48 с.
- Юрганова 2007 — *Юрганова И. И.* Православное христианство в Якутском крае // Тальцы. 2007. № 1(30). С. 34–42.
- Petrova S. I. Zabolotskaya Z. M. Yakut Folk Costume: A Study in Ethnography, Ethnic and Art History. Novosibirsk: Nauka, 2013. 208 p. (In Russ.)
- Priklonsky V. L. Yakuts of Yakutsk Oblast: Ethnographic Materials. Irkutsk: Sibir, 1887. 43 p. (In Russ.)
- Prokopyeva A. N., Pestereva K. A. Bronze items from the medieval settlement of Kerdyugen. In: Topical Issues of Contemporary Science. Conference proceedings (Chelyabinsk, 11 December 2017). Chelyabinsk, 2017. Pp. 3–5. (In Russ.)
- Savvinov A. I. Traditional Metal Jewellery of the Yakut, Nineteenth – Early Twentieth Centuries: A Study in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 2001. 171 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. The Yakut: An Ethnographic Study. Second ed. Moscow, 1993. 736 p. (In Russ.)
- Strelov E. D. Yakut women's clothing and jewellery in the mid-seventeenth century. *Sovetskaya etnografiya*. 1937. No. 2–3. Pp. 75–99. (In Russ.)
- Suslova S. V., Mukhammedova R. G. Volga and Ural Tatar Folk Costumes, Mid-Nineteenth – Twentieth Centuries: An Atlas of Tatar History and Ethnography. Kazan: Fän, 2000. 312 p. (In Russ.)
- Chernaya M. P. Ethnic and cultural interaction in the epoch of colonization of Siberia: From archaeological context to historical interpretation. *Tomsk State University Journal of History*. 2017. No. 49. Pp. 71–77. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/49/13
- Shishigin E. S. The Spread of Christianity in Yakutia. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1991. 116 p. (In Russ.)
- Shishigin E. S. Diocese of Yakutsk: A Brief Historical Essay and Problems of Revival. Mirny: Mirny City Press, 1997. 60 p. (In Russ.)
- Bravina R. I. (ed.) Jewellery of the Sakha: A Review of Museum Collections. Yakutsk: Sahapoligrafisdat, 2001. 48 p. (In Russ.)
- Yurganova I. I. Orthodox Christianity in Yakut lands. *Tal'tsy*. 2007. No. 1(30). Pp. 34–42. (In Russ.)

- Юрганова 2021 — *Юрганова И. И.* Деятельность Русской православной церкви на северо-востоке Сибири: инкорпорация в русскую государственность (XVII – начало XX века). Чита: ЗабГУ, 2021. 328 с.
- Яковлева, Прокопьева 2020 — *Яковлева К. М., Прокопьева А. Н.* Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв. Якутск: СВФУ, 2020. 80 с.
- Якутские епархиальные 1891 — Якутские епархиальные ведомости. 1891. № 2. С. 22–23.
- Yurganova I. I. Russian Orthodox Church in Northeast Siberia: Russian Incorporation, Seventeenth to Early Twentieth Centuries. Chita: Transbaikal State University, 2021. 328 p. (In Russ.)
- Yakovleva K. M., Prokopenva A. N. The Antiques: Fourteenth to Eighteenth Century Adornments of the Yakut. Yakutsk: Ammosov North-Eastern Federal University, 2020. 80 p. (In Russ.)
- Yakutskie eparkhial'nye vedomosti.* 1891. No. 2. Pp. 22–23. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1284–1292, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321

Учение о драгоценности человеческого рождения Чже Цонкапы

Жаргал Аюшиевна Аякова¹

Preciousness of Human Birth in Je Tsongkhapa's Teachings

Zhargal A. Aiakova¹

¹ Бурятская государственная сельскохозяйствен-
 ная академия им. В. Р. Филиппова (д. 8, ул. Пуш-
 кина, 670010 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор философских наук, доцент

¹ Filippov Buryat State Agricultural Academy (8,
 Pushkin St., 670010 Ulan-Ude, Russian Federa-
 tion)

Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0000-0002-7332-5952. E-mail: [azhargal\[at\]yandex.ru](mailto:azhargal[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Аякова Ж. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Aiakova Zh. A., 2025

Аннотация. *Введение.* В буддизме рождение человеком представляется редкой возможностью и наилучшим условием, открывающим перспективу прекращения новых рождений и реализации высших духовных целей. Относительно других миров обитания живых существ в сансаре (животные, *преты* и др.) человеческий мир называется «счастливым уделом», а рождение в человеческом теле — драгоценным (тиб. *rin chen*) рождением. *Цель работы* — рассмотреть концепцию драгоценности человеческого рождения в структуре «Ламрим Ченмо» в качестве мотивационного и методологического основания, актуального для практики на всех этапах «постепенного пути». *Материалы и методы.* Исследование основано на текстовальном анализе фундаментального труда школы гелуг «Ламрим Ченмо» («Большое руководство по этапам пути к Пробуждению») (тиб. *lam rim chen mo*) Чже Цонкапы. В работе применяется подход культурной антропологии, направленный на конструирование представлений о ценности и смысле человеческого рождения в буддийском мировоззрении. *Результаты.* Цонкапа рассматривает человеческое рождение не как случайность, а как редкий и благоприятный результат накопления заслуг (тиб. *bsod nams*) и кармической ответственности. Для осмысления драгоценности человеческого рождения Цонкапа подробно анализирует его причины и условия, обращает внимание на невероятную трудность его обретения. Практики размышления над природой непостоянства и неизбежности смерти способствуют не только осознанной жизни, но и осознанному умиранию, т. е. без страха и привязанности, основных препятствий для лучшего перерождения. В учении Цонкапы практика осмысления смерти — это активный, глубокий и преобразующий процесс и является критически важным элементом для духовной реализации. Отмечается, что Цонкапа, принимая концепцию *алаявиджняны* (сознания-хранилища) от школы читтаматра, адаптирует ее в контексте мадхьямаки для объяснения механизма перерождения и непрерывности кармы. Делается вывод, что концепция драгоценности человеческого

рождения функционирует не как изолированная доктрина на этапе подготовительных учений, а играет системообразующую роль во всем учении Ламрим.

Ключевые слова: Цонкапа, Ламрим Ченмо, рождение, смерть, карма, сознание, алаявиджняна
Для цитирования: Аякова Ж. А. Учение о драгоценности человеческого рождения Чже Цонкапы // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1284–1292. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1284-1292

Abstract. Introduction. In Buddhism, human birth is considered a rare opportunity and the best condition — to put an end to further births and attain the utmost spiritual goals. In comparison to other realms of existence in *samsāra* (animals, *pretas*, etc.), the human realm is referred to as ‘the fortunate one’ and birth in a human body is called ‘the precious (Tib. *rinchen*) birth’. **Goals.** The work seeks to examine the concept of the preciousness of human birth and its central role in Buddhist practice. **Materials and methods.** The study attempts a textual analysis of the fundamental treatise in the Gelug sect — Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment (Tib. *Lamrim Chenmo*) by Je Tsongkhapa. The study employs a cultural anthropological approach aimed at constructing ideas about the value and meaning of human birth in Buddhist worldviews. **Results.** Je Tsongkhapa deems human birth not a random event but rather a rare and auspicious result of the accumulation of merits (Tib. *sodnam*) and karmic responsibility. To understand the preciousness of human birth, Je Tsongkhapa analyzes its causes and conditions in detail, draws attention to the incredible difficulty of attaining the former. Practices of contemplating the nature of impermanence and the inevitability of death are to contribute not only to conscious living but also to conscious dying, i.e. without fear or attachment that serve key obstacles to a better rebirth. In Je Tsongkhapa’s teaching, the practice of contemplating death is an active, profound and transformative process, and is a crucial element for spiritual realization. The paper notes that Je Tsongkhapa takes the concept of *ālāyavijñāna* (storehouse-consciousness) from *Chittamatra* to adapt it within the contexts of *Madhyamaka* and, thus, explain the mechanism of rebirth and the continuity of karma. It is concluded that the concept of the preciousness of human birth functions not as an isolated doctrine at the stage of preparatory teachings but rather plays a system-forming role in the entire Lamrim teaching.

Keywords: Tsongkhapa, Lamrim Chenmo, birth, death, karma, consciousness, *ālāyavijñāna*.

For citation: Aiakova Zh. A. Preciousness of Human Birth in Je Tsongkhapa’s Teachings. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1284–1292. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1284-1292

1. Введение

Труды Чже Цонкапы, равно как и корпус текстов традиции Ламрим в целом, стали объектом научного анализа преимущественно в рамках отечественной буддологии. Как отмечает И. С. Урбанаева, в западной академической традиции недооценивали значение текстов Ламрим, считая их узкоспецифичными для тибето-монгольской традиции и не имеющими универсальной ценности для буддологии в целом. Немногочисленные исследования текстов Ламрим в основном касались разделов, посвященных практикам медитации [Урбанаева 2014б: 322].

Текст «Ламрим Ченмо» Чже Цонкапы представляет собой систематизированное изложение различных буддийских доктрин и практик для разных уровней личностей: низший или личности с малыми способно-

стями (те, кто стремятся к благоприятному перерождению в сансаре), средний (шраваки и пратьекабудды) и высший (будды и бодхисаттвы). Здесь термин «низшие» не имеет уничижительного оттенка, а служит для классификации практикующих согласно их актуальным целям и уровню их мотивации. Для низших личностей предлагаются начальные практики для развития нравственности и накопления заслуг. Их цель — обретение «драгоценного человеческого рождения»: т. е. не просто рождения в человеческом теле, а наличия всех «свобод и благоприятных условий» для практики буддийского учения [Цонкапа 1994: 130–133]. Хотя средняя и высшая личности имеют иные цели, но проходят в своем развитии и уровень низшей личности [Цонкапа 1994: 370].

Тема драгоценности человеческого рождения входит в «четыре предмета» размышления, рассматриваемые в Ламрим на этапе подготовительного учения для низших личностей, тех, кому рождение человеком в сансаре все еще кажется «счастливым уделом» [Цонкапа 1994: 135]. За размышлением о драгоценности человеческого рождения следуют размышления о смерти и непостоянстве, карме, формах существования в сансаре.

Целостному анализу «Ламрим Ченмо» Цонкапы как системного изложения пути к просветлению посвящены работы ряда отечественных исследователей [Урбанаева 2014а; Урбанаева 2014б; Урбанаева, Лощенков 2023; Эрендженова 2024; Гулгенова 2016; Дарибазарон 2015; Сизова 2014]. В данных исследованиях отражены доктринальные основания и этические измерения, однако тема драгоценности человеческого рождения не становится предметом специального исследования. Таким образом, целью настоящего исследования является выявление центральной роли концепции драгоценного человеческого рождения в структуре «Ламрим Ченмо» в качестве мотивационного и методологического основания, актуального для практика на всех этапах «постепенного пути». Концепция «драгоценного человеческого рождения» интерпретируется не через призму биологической или социальной исключительности, а как обладание оптимальной онтологической позицией для достижения высших целей буддийского учения.

2. Рождение человеком как драгоценность *ринчен*

В текстах Ламрим драгоценность человеческого рождения объясняется на этапе предварительных практик для мирян, которые мыслят себя сансарными существами и далеки от реализации высших духовных целей нирваны и просветления. Цонкапа их называет низшими личностями или людьми с малыми способностями. Согласно классификации Цонкапы, низшие личности подразделяются на два типа в зависимости от их устремлений: те, чьи усилия направлены исключительно на обустройство «этой жизни», и те, кто в большей степени озабочен «о будущей жизни больше, чем об этой», и чьи усилия направлены на создание условий для будущего благого рождения [Цонкапа 1994: 151].

Первым, по его мнению, учение не принесет пользы, а вторым предлагается подготовительное учение. Последние называются «особыми» низшими личностями, обладающими нравственным обязательством не совершать десять неблагих деяний телом, речью и умом. Это «не является обетом, но не является и распущенностью» [Цонкапа 1994: 148–150]. Поэтому на этом этапе особая низшая личность обладает достаточным потенциалом к овладению методами реализации своего духовного потенциала, свойственному «высокому», т. е. человеческому рождению.

Согласно учению, не всякое человеческое рождение считается драгоценным. Чтобы обрести статус «драгоценного рождения» (тиб. *rin chen*), оно должно обладать рядом специфических характеристик. Цонкапа выделяет восемнадцать условий, необходимых для этого: восемь «свобод» (например, свобода от рождений в мирах животных или голодных духов, свобода от рождения человеком с серьезными умственными или физическими недостатками и т. д.), десять «благоприятных условий», состоящих из пяти «субъективных благ» (рождение человеком, полноценные органы чувств и т. д.) и пяти «объективных благ» (приход Будды, преподавание Дхармы, пребывание Учения и т. д.) [Цонкапа 1994: 130–133].

В учении объясняется, что недостаточно просто родиться в мире людей, необходимо сознательно стремиться к рождению, наделенному всеми свободами и благоприятными условиями, способствующими постепенному духовному продвижению. Духовный путь может измеряться кальпами, а признаками его выступают благие качества человека, среди которых долголетие, приятная внешность, благородное рождение, благосостояние, мужской пол и др. [Цонкапа 1994: 318–319]. Глубокие размышления о причинах и следствиях, карме, деяниях и плодах в виде «созревающих достоинств» и соответствующие практики способствуют накоплению заслуг (тиб. *bsod nams*) для реализации

благих качеств в череде перерождений. Согласно закону кармы, последствия духовных практик и внутренних качеств личности не ограничиваются текущим существованием. Они создают кармические тенденции, которые переживают смерть физического тела и определяют вектор дальнейшего перерождения, приводя к благоприятному или неблагоприятному рождению в соответствии с заложенной в намерениях и поступках мотивацией.

Для осмысления драгоценности человеческого рождения Цонкапа в своем руководстве подробно анализирует причины рождения человеком и обращает особое внимание на редкость и невероятную трудность его обретения. Необходимы предпосылки для такого рождения: огромный запас благих заслуг и положительный кармический потенциал. Автор акцентирует, что множество живых существ в сансаре неизмеримо, и доля людей среди них крайне мала. Деятельность, порожаемая сознанием, воплотившимся в человеческой форме, формирует кармические следствия, которые могут созреть в виде благих или неблагих перерождений. Однако процесс этого созревания носит безличный характер, будучи подчиненным законам причинно-следственных связей. Поэтому Цонкапа объясняет, что число рождений в человеческом мире, т. е. в «счастливой участи», подобно числу «пылинок на кончике ногтя», тогда как рождение в низших мирах, т. е. в «дурной участи», равно числу «пылинок огромной земли» [Цонкапа 1994: 139].

В качестве иллюстрации трудности рождения в человеческом теле Цонкапа приводит пример со слепой черепахой, которая может случайно наткнуться на единственное ярмо в бескрайнем океане. Этот пример служит метафорой о редкой возможности рождения человеком, доступной лишь немногим, подобно этой черепахе [Цонкапа 1994: 140].

Драгоценность рождения человеком определяется прежде всего возможностью трансформации ума и развития качеств, позволяющих выйти из порочного круга привязанностей и клеш, в котором последние обладают решающим фактором [Цонкапа

2000: 47]. Однако, ввиду их системности и глубинной укорененности в психическую структуру индивида, духовная трансформация рассматривается невозможной вне контекста учения и руководства. Это обусловлено сложной иерархией клеш, где производные клеши (обида, зависть, скупость, обман (хитрость), лень и др.) генерируются базовыми клешами (страсть, злость, гордыня, неведение, сомнение и ошибочные воззрения) [Дымбрыл лама 2023: 29–67]. Борьба с клешами для мирянина предполагает комплексный подход, включающий как опору на духовного учителя («благого друга»), так и соблюдение дисциплины в повседневности. К последней относятся: обуздание чувств и эмоций, совершение осознанных действий, соблюдение умеренности в питании, поддержание практик бодрствования и внимательности, а также культивация навыков осознанного отдыха и сна [Цонкапа 1994: 101–115].

Таким образом, драгоценность человеческого рождения в учении Цонкапы обусловлена не только его редкостью и уникальностью, но и наличием специфических характеристик, способствующих реализации последовательной духовной практики. Только человек, в отличие от иных форм сансарического существования (животные, преты и др.), обладает способностью осознанного выбора и утверждения в духовном пути.

3. Старость и смерть. Страх смерти: «польза и вред»

В двенадцатизвенной цепи взаимозависимого возникновения старость и смерть образуют единое двенадцатое звено, что подчеркивает фундаментальную буддийскую мысль: все, что рождено, обречено на прекращение. Даже если биологический процесс старения не очевиден (как при внезапной смерти), происходит «старение» жизненной силы, обусловленного кармой. Буддийская традиция видит смерть не как одномоментное событие, а как сложный, растянутый во времени процесс растворения элементов, имеющий четкие внешние признаки и внутреннюю, кармически обусловленную логику.

Именно поэтому Цонкапа наставлял постоянно размышлять о смерти в трех ключевых аспектах: неизбежность смерти, непредсказуемость смерти и тот факт, что в момент смерти только Дхарма может принести пользу, тогда как все мирское становится бесполезным [Цонкапа 1994: 177–192]. Такая систематическая практика ослабляет глубинное чувство страха, естественное для непросветленного ума.

В буддизме страх смерти рассматривается как естественное, но ложное переживание, связанное с неведением и привязанностью к «я». Цонкапа учит, что осознание неизбежности смерти может стать мощным стимулом для неотложной духовной практики, при котором меняются жизненные приоритеты. При этом отмечается, что важно не подавлять страх смерти, а преобразовать его в мудрость путем глубоких размышлений над природой непостоянства.

Важно подчеркнуть, что практика осознания смерти имеет не деструктивный, а сугубо конструктивный характер. Ее цель — не погружение в уныние или подавленность, а генерация острого ощущения ценности человеческого рождения и ценности подготовки к смерти, избавляющей, прежде всего, от парализующего чувства страха смерти, главным препятствием в духовной практике. Как сказано в тексте: «...склонность верить, что не умрешь, — дверь всякого упадка, а ее противоположность — памятование о смерти — дверь всего благополучия» [Цонкапа 1994: 175]. Подробные описания в подготовительном учении Ламрим сансарических сфер нечеловеческих рождений отчасти решают эту проблему внушением религиозного страха, ориентирующего последователя в нравственном пространстве и кармической ответственности. Мирянин должен понять, что клеши лежат в основе порочных деяний и их последствий, а для их искоренения необходимы решительность и памятование, которые в свою очередь также сложно зародить.

Буддисты считают, что, в сущности, жизнь это и есть подготовка к смерти, так как рождение обуславливает смерть, и жить значит умирать. «Смерти бояться следует лишь тем, кто не подготовился к следую-

щей жизни — не покончил с причинами дурной участи и не сотворил причин высокого положения и подлинного блага» [Цонкапа 1994: 175]. В обыденном состоянии страх смерти является парализующей силой, влияющей на реакции и поведение индивида с негативными последствиями. «Смерти нужно бояться теперь, а умирая, надо быть спокойным. Мы же — наоборот: сейчас не боимся, а умирая, вонзаем в свою грудь ногти» [Цонкапа 1994: 179].

Размышления о неизбежности смерти призвано помочь осознанно относиться к повседневной жизни, его изменчивости и быстротечности, а время — это драгоценный ресурс для духовной практики. «Время проводят в сонливости, вялости, пустых разговорах, в еде, питье и прочих праздных занятиях, поэтому усердной, правильной практики не получается» [Цонкапа 1994: 172]. Далее: «Сон крадет половину [всей жизни]. Десять лет отнимается детством, также старость из жизни берет двадцать лет, а еще — горе, слезы, страдание, скорбь, смятение и сотни болезней» [Цонкапа 1994: 183].

Функция созерцания смерти заключается в пробуждении осознания непостоянства, что мотивирует к более осмысленному использованию времени как конечного ресурса. Данная практика прямо противопоставляется пассивному и рассеянному образу жизни, который Цонкапа описывает как трату времени на «сонливость, вялость, пустые разговоры... и прочие праздные занятия», что делает усердную практику невозможной [Цонкапа 1994: 172]. Подкрепляя этот тезис, автор указывает на объективные факторы, сокращающие период продуктивной деятельности: сон, незрелый возраст, старческую немощь, а также множество страданий и болезней [Цонкапа 1994: 183].

В Ламрим, в части о непредсказуемости смерти, говорится: «Условий смерти много; условий жизни мало...» [Цонкапа 1994: 190]. Время наступления смерти не определено и часто внезапно, люди умирают от болезней, несчастных случаев, аварий, убийств, самоубийств и т. д. Автор подчеркивает, что смерть предопределена самой жизнью, поэтому нет условий жизни, которые не стали

бы условиями смерти: *«если съедаем слишком много, слишком мало или неподходящие пищу и питье, если обваливается дом, изменяет друг и так далее, — все это становится условием смерти»* [Цонкапа 1994: 63–64, 190]. Эти размышления должны способствовать усердию мирян в духе неустанной практики «и днем, и ночью», разрушению иллюзии непостоянства, помочь не поддаваться лени и ценить каждое мгновение для практики учения.

Таким образом, практика памятования о смерти рассматривается как одна из основополагающих практик для буддиста. Цонкапа показывает методы размышления о непостоянстве и смерти, способствующие духовной практике и избавлению от страха. Перед лицом смерти любые мирские приобретения, включая богатство, власть, славу и даже близкие связи, утрачивают свою значимость, поскольку они бесполезны. Единственной значимой ценностью в этот момент выступает духовная практика и накопленные заслуги, поскольку лишь они обладают потенциалом повлиять на посмертное состояние сознания. В этом случае страх смерти — это мудрая уная (искусное средство), ведущая к просветлению, в противном случае он побуждает клеши, усиливающие привязанность.

4. Смерть как рождение. Карма

Смерть в цикле перерождений напрямую связана с кармой, сознанием в промежуточном состоянии *бардо* и «сотворением тела». При обсуждении концепции рождения или перерождения возникает необходимость определения некоего постоянного носителя свойств сознания в момент смерти и рождения. Вопрос поиска такого «постоянного носителя» свойств сознания представляет собой одну из ключевых и наиболее сложных проблем в буддийской мысли. У Цонкапы этим постоянным носителем является алаявиджняна, а перерождение — это вхождение сознания алаявиджняны в утробу матери [Цонкапа 2000: 72]. Алаявиджняна — это «очень тонкая виджняна, [которая] отлична по сущности от шести собраний [сознания] и клешиного ума, [обладает] прочным потоком и является основой запечатления васан всего благого и не благого»

(цит. по: [Донец 2008: 17]). Дымбрыл-лама объясняет, что алаявиджняна (санскр.), гунши (тиб.) — это «некий нейтральный (не добродетельный и не недобродетельный) вид сознания, пришедший из прошлого рождения, пребывающий в нынешнем и переходящий в будущее рождение» [Дымбрыл лама 2023: 176–177]¹.

Под рождением живого существа понимается момент оплодотворения, т. е. вхождение сознания в материнское лоно. В момент зачатия кармически обусловленное сознание притягивается в утробу, где начинают формироваться «имя и форма» в качестве зачатка ума и тела. Именно здесь возникает та самая целостность, которая затем и называется индивидуумом — человеком, личностью. Полным рождением считается формирование «индрии жизни», т. е. сердца [Урбанова 2014а: 231]. Цонкапа объясняет: «Сердце [эмбриона начинает] формироваться из той спермы-крови, в которую в начале [при зачатии] входило сознание. [Значит] в конце [жизни] сознание уходит именно из того места, в которое оно в самом начале вошло» [Цонкапа 2000: 67]. Интересно, что «сознание грешника покидает тело сверху и до сердца, поэтому вначале холодеет верхняя часть, а тело добродетельного — снизу, ... вначале холодеет нижняя часть. У обоих сознание уходит из сердца» [Цонкапа 2000: 67]. Такая «траектория» определяет первый миг посмертного состояния (бардо) и задает импульс для следующего рождения. Поэтому у буддистов важно не тревожить тело умершего несколько дней, чтобы не нарушить тонкий процесс ухода сознания.

Концепция всеобщности страдания (санскр. *dukha*, тиб. *dugngal*) в буддизме распространяется и на самую начальную стадию человеческого существования. Так, в ряде текстов утверждается, что существо в период от зачатия до рождения переживает нестерпимые мучения, образно сравниваемые с «варкой в большом медном котле», а процесс рождения уподобляется «мукам живого быка, с которого содрана шкура»

¹ Во всех буддийских школах, кроме Читтаматры, в качестве хранилища кармических отпечатков выделяется тиб. *yid-kyi rnam-shes* — ментальное сознание, которое не прекращает свой поток [Дымбрыл лама 2023: 135].

[Дэсрид 2014: 88, 98]. Цонкапа, развивая эту тему, детально анализирует страдания плода, опираясь на авторитетный трактат «Вхождение во чрево» [Цонкапа 2000: 17–20].

Существуют представления о кармических связях ребенка с будущими родителями, которые обуславливают его рождение в той или иной семье. Другими словами, кармические «сценарии жизни» будущего ребенка и его родителей схожи [Атлас 1994: 84]. Существует принципиально специфическое сходство между причиной и плодом, например, убийство — короткая жизнь, воровство — бедность и т. д. [Цонкапа 1994: 317–319]. Согласно антропологическим представлениям, изложенным в тибетских источниках, потенциальная продолжительность человеческой жизни составляет порядка ста лет. Утверждается, что тонкая анатомия человека состоит из 72 000 каналов, которые постепенно прекращают функционирование в течение приблизительно столетнего цикла, при условии благой кармы, соблюдения определенного образа жизни и умеренного питания [Ченагцанг 2020: 478–479].

Таким образом, в представленной буддийской традиции смерть и рождение — это не два отдельных события, а этапы единого, кармически обусловленного цикла сансары. Смерть и рождение понимаются как непрерывный процесс, начинающийся в момент зачатия, когда кармическое сознание (ала-виджняна) соединяется с материальными элементами в утробе матери, формируя новое психофизическое существо, обреченное на рождение и смерть в сансаре, но обладающее потенциалом для освобождения.

5. Заключение

«Ламрим Ченмо» Цонкапы представляет собой не только концептуальную идею,

но и безошибочное средство (упая), раскрывающее уникальный духовный потенциал человека. В основе этого учения лежит глубокое переосмысление человеческой жизни. Цонкапа рассматривает рождение человека не как случайность, а как редкий и благоприятный результат накопления заслуг, что возлагает на него особую кармическую ответственность. При этом драгоценность человеческого рождения раскрывается автором через призму феномена смерти. Смерть предстает не как финал, а как активный, глубоко преобразующий процесс, критически важный для духовной реализации. Осознание смертности и ценности жизни формирует устойчивую мотивацию для практики, дает уверенность на духовном пути и способность противостоять внутренним и внешним препятствиям.

Таким образом, учение «Ламрим Ченмо» Цонкапы формирует необходимый фундамент для всех высших целей. Оно постепенно, но неуклонно ведет практикующего по этапам пути: от глубоких размышлений о жизни и смерти к нравственной трансформации. В этом и заключается высшая ценность обладания человеческой жизнью, в связи с чем использование ее исключительно для достижения мирских целей можно уподобить «хранению мусора в золотой вазе». Только осознав уникальную возможность, данную «драгоценным человеческим рождением», последователь обретает прочную основу для искреннего устремления к освобождению от сансары и всеведению на благо всех существ. Поэтому на продвинутых этапах Цонкапа наставляет уже не просто стремиться к «лучшему перерождению», а полностью выйти из цикла сансары через постижение его природы и неуклонное следование постепенному пути к просветлению.

Литература

- Атлас 1994 — Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл» / отв. ред. Н. Д. Болсохоева, К. М. Герасимова и др. М.: Галарт, 1994. 592 с.

References

- Bolsokhoeva N. D., Gerasimova K. M. et al. (eds.) Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the Blue Beryl, a Seventeenth-Century Tibetan Medical Treatise. Moscow: Galart, 1994. 592 p. (In Russ.)

- Гулгенова 2016 — *Гулгенова А. Ц.* Ламрим в традиции тибетского буддизма // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 6. С. 74–80. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-6-74-80
- Дарибазарон 2015 — *Дарибазарон Д. Э.* Ламрим как жанр тибетской буддийской литературы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 8. С. 131–136. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-131-136
- Донец 2008 — *Донец А. М.* Проблемы базового сознания и реальности внешнего в дацанской философии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 168 с.
- Дымбрыл лама 2023 — *Дымбрыл лама.* Сэмжун. Ментальные факторы. Думта. Комментарий к труду «Драгоценное ожерелье учений философских школ». Улан-Удэ: Номад, 2023. 200 с.
- Дэсрид 2014 — *Дэсрид Санчжай-чжамцо.* Вайдурья-онбо (Гирлянда голубого берилла): комментарий к «Чжуд-ши» — украшению учения Царя медицины». М.: Наука, Вост. лит., 2014. 1286 с.
- Сизова 2014 — *Сизова А. А.* Учение ламрим в традиционном буддийском образовании на примере программы ламрим-дацана монастыря Гандэн Чойхорлин // Страны и народы Востока. Вып. 35. М.: Наука, Вост. лит., 2014. С. 316–322.
- Урбанаева 2014а — *Урбанаева И. С.* Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма) / ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. 376 с.
- Урбанаева 2014б — *Урбанаева И. С.* Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма / ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 364 с.
- Урбанаева, Лощенко 2023 — *Урбанаева И. С., Лощенко А. В.* Стадиальность как философия и Путь в индо-тибетской махаяне // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 2(58). С. 132–139. DOI: 10.53315/1995-0713-2023-58-2-132-139
- Gulgenova A. Ts. Lamrim in Tibetan Buddhist tradition. *Buryat State University Bulletin*. 2016. No. 6. Pp. 74–80. (In Russ.) DOI: 10.18101/1994-0866-2016-6-74-80
- Daribazaron D. E. Lamrim as a genre of Tibetan Buddhist literature. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 8. Pp. 131–136. (In Russ.) DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-131-136
- Donets A. M. Problems of Basic Consciousness and External Reality in Datsan Philosophy. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2008. 168 p. (In Russ.)
- Dymbryl Lama. Samzhun. Mental Factors. Dumta. Commentaries to the Precious Garland of Philosophical Teachings. Ulan-Ude: Nomad, 2023. 200 p. (In Russ.)
- Sangye Gyatso. Blue Beryl. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2014. 1286 p. (In Russ.)
- Sizova A. A. Lamrim teaching in traditional Buddhist education through the example of the Lamrim academic curriculum at the dGa' ldan chos 'khor gling Monastery. In: Countries and Peoples of the East. Vol. 35. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2014. Pp. 316–322. (In Russ.)
- Urbanaeva I. S. Buddhist Philosophy and Meditation in a Comparative Context (Based on the Indo-Tibetan Texts and Oral Traditions of Tibetan Buddhism). L. Yangutov (ed.). Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), 2014. 376 p. (In Russ.)
- Urbanaeva I. S. Formation of Tibetan and Chinese Mahayana: In the Context of Authentic Buddhism Problem. L. Yangutov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 364 p. (In Russ.)
- Urbanaeva I. S., Loshchenkov A. V. Stadias as a philosophy and the path to Indo-Tibetan Mahayana. *Bulletin of Kalmyk University*. 2023. No. 2 (58). Pp. 132–139. (In Russ.) DOI: 10.53315/1995-0713-2023-58-2-132-139

- Цонкапа 1994 — *Чже Цонкапа* Большое руководство к этапам пути пробуждения / пер. с тиб. А. Кугявичуса; под общ. ред. А. Терентьева. Кн. 1–5. Т. 1. СПб.: Нартанг, 1994. 386 с.
- Цонкапа 2000 — *Чже Цонкапа*. Большое руководство к этапам пути пробуждения. Кн. 1–5. Т. 2 / пер. А. Кугявичуса; под общ. ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2000. 275 с.
- Ченагцанг 2020 — *Ченагцанг Н.* Тонкая анатомия в тибетской медицине, йоге и медитации. Ключ к энергетической структуре человека/ пер. с англ. Т. Ульяновой; сост. и ред. Т. Ульянова. М.: Ганга, 2020. 884 с.
- Эрендженова 2024 — *Эрендженова Ю. Ю.* Буддийская идея «постепенного пути» в контексте традиционных религиозных представлений калмыков // Научная мысль Кавказа. 2024. № 1(117). С. 25–30. DOI: 10.18522/2072-0181-2024-117-25-30
- Tsongkhapa Je. Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment (Lamrim Chenmo). A. Kugyavichus (transl.); A. Terentyev (ed.). Vol. 1. Books 1–5. St. Petersburg: Narthang, 1994. 386 p. (In Russ)
- Tsongkhapa Je. Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment (Lamrim Chenmo). A. Kugyavichus (transl.); A. Terentyev (ed.). Vol. 2. Books 1–5. St. Petersburg: Narthang, 2000. 275 p. (In Russ)
- Chenagtsang N. Subtle Anatomy in Tibetan Medicine, Yoga and Meditation: A Key to the Human Energy Structure. T. Ulyanova (transl., comp., ed.). Moscow: Ganga, 2020. 884 p. (In Russ.)
- Erendzhenova Yu. Yu. Buddhist idea of “gradual path” in the context of traditional religious beliefs of Kalmyks. *Scientific Thought of Caucasus*. 2024. No. 1 (117). Pp. 25–30. (In Russ.) DOI: 10.18522/2072-0181-2024-117-25-30

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1293–1308, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930.2

UDC 930.2

Связи Казахского ханства и Сефевидского Ирана (письменные источники и музейные материалы Казахстана)

*Нурлан Адилбекулы Атыгаев^{1,2},
 Калиолла Саматулы Ахметжан³,
 Акмарал Госмановна Ибраева⁴*

Relations between the Kazakh Khanate and Safavid Iran: Analyzing Written Sources and Museum Materials of Kazakhstan

*Nurlan A. Atygayev^{1,2},
 Kaliolla S. Ahmetzhan³,
 Akmaral G. Ibrayeva⁴*

¹ Казахский национальный педагогический университет им. Абая (д. 13, пр. Достык, 050000 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

² Центральный государственный музей Республики Казахстан (д. 44, ул. Самал-1, 050051 Алматы, Республика Казахстан)

ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2696-1008. E-mail: [nuratygaev\[at\]mail.ru](mailto:nuratygaev[at]mail.ru)

¹ Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk Ave., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Professor, Head of Department

² Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (44, Samal-1, 050051 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leading Research Associate

³ Военно-исторический музей Вооруженных Сил Республики Казахстан (д. 2, пр. Республики, 010000 Астана, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0009-0007-9404-4758. E-mail: [kaliolla.akhmetzhan\[at\]mail.ru](mailto:kaliolla.akhmetzhan[at]mail.ru)

³ Military History Museum of the Armed Forces of Republic of Kazakhstan (2, Republic Ave., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Leading Researcher

⁴ Национальный музей Республики Казахстан (54, пр. Тауелсиздик, Астана 010000, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора

⁴ National Museum of the Republic of Kazakhstan (54, Tauyelsizdik Ave., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director

 0000-0002-3231-5141. E-mail: akmaral1971[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Атыгаев Н. А., Ахметжан К. С., Ибраева А. Г., 2025

© Atygayev N. A., Ahmetzhan K. S., Ibrayeva A. G., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена истории связей Казахского ханства и Сефевидского Ирана. Несмотря на то, что эти государства разделяли огромные просторы Мавераннахра, подчиненные сначала Шибанидам, позднее Аштарханидам, между ними были установлены политические, дипломатические и другие связи. *Цель* статьи — рассмотреть историю связей Казахского ханства и Сефевидского Ирана на основе письменных источников и материалов из музеев Казахстана. *Материалы и методы.* Авторы рассматривают историю связей Казахского ханства и Сефевидского Ирана на материалах письменных источников и музейных экспонатов Казахстана. В большей части использованы сведения нарративных персоязычных исторических трудов, относящихся к Сефевидской историографии. Это прежде всего исторические труды, посвященные шаху Исмаилу и его преемникам, — «Тарих-и шах Исмаил», «Алам-ара-йи Сефеви» и др. Привлечены также опубликованные сведения посольских материалов Русского государства. В исследовании применяются основные методы исторического исследования: описательный, историко-сравнительный и другие общепринятые научные методы и подходы. Основным описательный метод использовался для реконструкции событий и повествования о развитии событий, остальные использовались как дополнительные методы в научном исследовании. *Результаты.* Различные письменные источники показывают, что контакты населения Казахского ханства и Сефевидского государства начались еще в начале XVI в., когда шах Исмаил и его преемники стали проводить активную военно-политическую кампанию в Хорасане и Мавераннахре. Хотя в этот период казахские правители поддерживали правителей Бухарского ханства Шибанидов и совместно с ними противостояли Сефевидам, к концу того же столетия правители казахского и сефевидского государств уже были заинтересованы в союзнических отношениях, чтобы совместно воевать с Шибанидом Абдаллах-ханом. По письменным материалам следует, что правитель Казахского ханства Таукель-хан попытался установить связи с шахом Аббасом, однако их результаты не попали на страницы средневековых источников. Но все же можно предположить, что такой военно-политический союз казахов и Сефевидов существовал и что они сражались с узбекским ханом, координируя свои действия. Письменные материалы показывают о существовании активных связей Тауке-хана с Сефевидскими правителями во второй половине XVII в. *Выводы.* Эти длительные контакты Казахского ханства с Сефевидским Ираном, отраженные в письменных источниках, получают подтверждение музейными предметами Казахстана, которые являются материальными свидетельствами взаимодействия культур Казахского ханства и Сефевидского Ирана. Судя по данным разнообразных исторических источников, этот культурный процесс был наиболее активным именно в сефевидский период. Как показывают музейные материалы, влияние оружейной культуры Ирана наиболее заметно в традиционном вооружении Западного Казахстана, который был территориально ближе Ирану, чем другие регионы страны.

Ключевые слова: Казахское ханство, Иран, Сефеvidы, казахи, рукописи, музей, оружие

Благодарность. Статья была выполнена в рамках ПЦФ Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Жизнь в движении: культурный код казахской степной цивилизации» (BR22082508).

Для цитирования: Атыгаев Н. А., Ахметжан К. С., Ибраева А. Г. Связи Казахского ханства и Сефевидского Ирана (письменные источники и музейные материалы Казахстана) // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 6. С. 1293–1308. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1293-1308

Abstract. *Introduction.* The article deals with the history of relations between the Kazakh Khanate and Safavid Iran. Despite these states were separated by the vast lands of Transoxiana — first under the Shibanids and later under the Ashtarkhanids — they did have political, diplomatic and other ties. *Goals.* The work examines available written messages and museum collections of Kazakhstan for a comprehensive insight into Kazakh-Safavid relations. *Materials and methods.* The paper focuses on related written sources and museum exhibits of Kazakhstan. Particular attention is paid to Persian-language narrative writings of Safavid historiography. These basically include historical works

dedicated to Shah Ismail I and his successors, such as *Tarikh-i Shah Ismail*, *Alam-ara-yi Safavi* and others. Some published Russian ambassadorial materials have also been involved. The study employs key methods of historical research (descriptive, historical comparative methods and other generally accepted tools and approaches). The descriptive method proves central to reconstructing events and describing how they developed over time, while the rest have served as somewhat supplements to the former. *Results*. Various written sources indicate that contacts between the Kazakh Khanate's population and that of Safavid Iran began already in the early sixteenth century, when Shah Ismail I and his successors launched active military and political campaigns in Khorasan and Transoxiana. Although Kazakh rulers of the specified period had been supporting the Shibaniids of the Bukhara Khanate and opposing the Safavids together with the latter, in decades to come leaders of the Kazakh and Safavid states would become interested in forming an alliance to wage war against the Shibaniid Abdullah Khan. Written records suggest that Tauekel Khan of the Kazakh did attempt to establish ties with Shah Abbas but no results of these efforts were ever documented in medieval sources. Nevertheless, it can be assumed that such a military and political alliance between the Kazakh and the Safavid did exist, and that they did coordinate their military endeavors against the Khan of the Uzbek. Written sources also attest to some active contacts between Khan Tauke and Safavid rulers in the mid-to-late seventeenth century. *Conclusions*. These long-lived contacts between the Kazakh Khanate and Safavid Iran reflected in written sources are confirmed with Kazakhstan's museum artifacts that serve as material evidence of due cultural interaction. Various historical sources show it was during the Safavid period that this cultural exchange became particularly intense. Museum materials further demonstrate that the influence of Iranian weaponry culture is most evident in the traditional armament of Western Kazakhstan which is geographically closer to Iran.

Keywords: Kazakh Khanate, Iran, Safavids, Kazakhs, manuscripts, museum, weaponry

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Targeted Funding Program), project no. BR22082508 'Life in Motion: The Cultural Code of the Kazakh Steppe Civilization'.

For citation: Atygayev N. A., Ahmetzhan K. S., Ibrayeva A. G. Relations between the Kazakh Khanate and Safavid Iran: Analyzing Written Sources and Museum Materials of Kazakhstan. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1293–1308. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1293-1308

1. Введение

История взаимоотношений народов Казахстана и Ирана в позднесредневековый период — одна из интересных и одновременно слабоизученных тем казахской историографии, несмотря на ее значительный научный потенциал. Причиной тому служит, прежде всего, ограниченное количество письменных источников, содержащих достоверные сведения о данной теме. До недавнего времени вопрос казахско-иранских отношений практически не привлекал внимание исследователей. Однако научные изыскания современных историков свидетельствуют о взаимодействии между Казахским ханством и государством Сефевидов в XVI–XVIII вв. Эти сведения содержатся главным образом в исторических трудах, созданных в пределах Сефевидского государства (Даулат-е Сефевие) [Атыгаев, Джандосова 2013: 73–84].

Сефевидское государство было создано тюркскими племенами, получившими в источниках наименование «кызылбаш» — «красноголовые», по цвету тюрбанов с двенадцатью красными полосами. По этой причине в ряде средневековых текстов Сефевидское государство фигурирует под названием «государство кызылбашей» (Даулат-е Кызылбаш). Некоторые исследователи предпочитают называть его «Азербайджанское государство Сефевидов», хотя в его состав входили и земли современного Ирана. Кызылбашские племена в 1501 г. избрали своим правителем Исмаила Хатаи, одного из руководителей религиозного ордена Сефевие. Шаху Исмаилу удалось объединить разрозненный Иран и создать мощное государство, которое просуществовало до 1722 г. [Петрушевский 1949: 63; Эфендиев 1981: 3–7].

2. Материалы

История связей Казахского ханства и Сефевидского Ирана рассматривается на материалах письменных источников и музейных экспонатов Казахстана. В большей части использованы сведения нарративных персоязычных исторических трудов, относящихся к Сефевидской историографии. Это прежде всего исторические труды, посвященные шаху Исмаилу и его преемникам, — «Тарих-и шах Исмаил», «Алам-ара-йи Сефеви» и др. Привлечены также опубликованные сведения посольских материалов Русского государства.

3. Исторические источники о первых контактах

Согласно данным исторических письменных источников, первые взаимодействия между Казахским ханством и государством Сефевидов начались уже в самом начале XVI в., когда в регионе Хорасана и Мавераннахра пересеклись интересы двух государств — Сефевидов и Шибанидов. Последние, захватившие власть на территории Средней Азии, вступили в противостояние с Тимуридом Захир ад-Дином Бабуrom, которого поддерживали Сефевиды. В произошедшем между противниками сражении войска шаха Исмаила одержали победу над шибанидским войском. В ходе битвы был убит предводитель Шибанидов — Мухаммед Шейбани-хан (известный также как Шайбак-хан).

Тем не менее борьба с Сефевидами не прекратилась. Ее продолжили другие представители шибанидской династии во главе с Убайдаллах-ханом, племянником погибшего Шейбани-хана. В этом конфликте приняли участие и казахские войска, о чем упоминается в ряде исторических трудов, посвященных шаху Исмаилу, таких как «Тарих-и шах Исмаил», «Алам-ара-йи Сефеви» и других [Атыгаев, Джандосова 2013: 73–84]. В этих сочинениях сообщается, что в 919 г. по хиджре (1513–1514 гг. н. э.) Шибаниды обратились за поддержкой к верховному хану Казахского ханства — Касым-хану с просьбой о военной помощи против Сефевидов. Касым-хан согласился оказать содействие. При этом, как отмечается в источниках, он

руководствовался не только политическими соображениями, но и родственными чувствами с Шибанидами, которые, несмотря на соперничество с казахскими ханами, также происходили от Чингис-хана [Атыгаев, Джандосова 2013: 73–84].

Собрав значительное войско, Касым-хан поручил его командование своему сыну — Абу-л-Хайр-хану. Согласно источникам, численность войска якобы достигала 160 тыс. воинов — цифра, скорее всего, гиперболизирована, однако, тем не менее, может свидетельствовать о масштабах мобилизации. К этому войску присоединились и шибанидские отряды под предводительством Убайдаллах-хана, Мухаммед-Тимур-хана и Джанибек-султана, чья армия насчитывала около 60 тыс. чел. (эта цифра также вызывает сомнения относительно своей достоверности). Объединенное командование казахско-узбекскими силами было возложено на Абу-л-Хайр-хана. Однако в ожесточенной битве союзные войска потерпели поражение, а сам Абу-л-Хайр-хан погиб на поле боя [Атыгаев, Джандосова 2013: 73–84; Атыгаев, Джандосова 2014: 5–13].

Военно-политическое противостояние правителей Сефевидского Ирана и государства Шибанидов (Бухарского ханства) продолжалось и в последующие годы. Казахи активно участвовали в этом противостоянии. В 1528 г. войска Казахского ханства вновь участвовали в одном из сражений между Шибанидами и Сефевидами. В этот период шах Тахмасп, преемник Исмаила, предпринял очередную попытку восстановить полный контроль над регионом Хорасан. Для этого ему удалось мобилизовать значительные военные силы, а Убайдаллах-хан был вынужден искать поддержку у соседних правителей. Согласно хронике «Ахсан ат-таварих» Хасана-бека Румлу, в 935 г. хиджры (1528 г. н. э.) Шибаниды смогли собрать обширное войско, включавшее воинов из различных территорий (мамлакат) — «Мавара'-н-нахра и Кашгара, Туркестана, Андижана, Отрара, Сайрана, Комула, Турфана, Калмака, Казака и Дашт-и Кыбчака и Кыргыза» [Ahsan at-tavārikh 2, 1389: 1175]. Сведения о данном сражении имеют-

ся в труде другого сефевидского историка — Искандер-бека Мунши Туркмена. В своем известном сочинении «Тарих-и Алам-арайи Аббаси» он отмечает, что узбекский правитель получил военную поддержку со всех вилайетов «Мавара'-н-нахра, Туркестана, Ахси, Андижана, Отрара, Калмака, Кашгара, Кыргыза, Казака, до Дашт-и Кыбчака» [Tarīh-i 'ālam-ārā-yi Abbāsī (1387 год хиджры): 53]. Несмотря на такую поддержку, в произошедшем сражении войска Убайдаллах-хана потерпели поражение, а сам правитель Шибанидского государства получил ранение и спасся бегством [Эфендиев 1981: 101].

Об этом сражении сообщается еще в нескольких исторических рудах средневековья: в «Бабур-наме» Захир ад-Дин Бабура [Бабур-наме 1958: 404–405], в «Тарих-и Кипчаки» Ходжамкули-бека Балхи [Ходжамкули-бек Балхи 2014: 742], в «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси [Шараф-хан 1976: 12–13].

В письменных исторических источниках нет сведений, показывающих как развивались казахско-сефевидские отношения в 30–70-е гг. XVI в. Возможно, казахи участвовали в эти годы и в других сражениях Шибанидов и Сефевидов. Известно, что Шибанид Убайдаллах-хан предпринял 6 военных походов против Сефевидского государства [Рахмани 1960: 191].

В начале 80-х гг. XVI в. к власти в Казахском ханстве пришел Тауекель-хан, сын Шигай-хана. Ему пришлось вновь поднимать и укреплять устои государства, которое было ослаблено после смерти Хакк-Назар-хана, сына Касым-хана, когда стоял вопрос о существовании самого государства казахов [Абусейтова 1985: 104; Абусейтова 1998: 104]. В результате внутренней борьбы кызылбашей, развернувшейся после смерти Тахмасп-шаха в 1576 г., государство Сефевидов столкнулось с серьезными трудностями. Османские войска, воспользовавшись ослаблением Сефевидов, захватили значительные территории, ранее принадлежащие Сефевидскому государству. В это время другой соперник Сефевидов — Шибанид Абдаллах-хан, новый правитель Бухарского ханства, был занят укреплением своей

власти. В сложившейся непростой обстановке Сефевиды стремились поддерживать мирные отношения с другими соседними государствами региона. Об этом свидетельствует русская докладная грамота, датированная 1585 г., в которой изложена следующая информация о положении в регионе: «Царь бухарской, Турхестанской Царь, и Казахской царь, и Юргенской Царь, и Грузинской, и Изюрской, и Калмацкой, и шамахейской и Шевкальской, и те все ныне был с кизылбашским, и меж себя мирны...» [Памятники 1851: 923].

Интерес к установлению связей с Сефевидским государством проявился у правителей Казахского ханства в конце XVI в., когда Тауекель-хан стал искать себе союзников в борьбе с Бухарским ханством. Таким союзником могло стать государство Сефевидов, которое также было политическим соперником государства Шибанидов.

В 1595 г. в Московском государстве находилось казахское посольство, возглавляемое Кул-Мухаммедом. В это же время в Москве находились и послы шаха Аббаса I, во главе с Гадибеком (Адибеком). По поручению Тауекель-хана и получив разрешение русских властей, Кул-Мухаммед встретился с сефевидскими послами. Цель встречи казахский посол объяснял достаточно четко: «кызылбаскому [правителю] бухарской [правитель] недруг, чтоб нам с кызылбаским сослатца и стоять бы [вместе] с кызылбаским на бухарсково» [История Казахстана 2005: 193]. Сефевидские послы также были заинтересованы в установлении связей с Казахским ханством. Заключивший в 1590 г. очень тяжелый для Сефевидов мирный договор с Османской империей, Аббас-шах I готовился к реваншу и искал себе надежных союзников. В результате этого к Тауекель-хану вместе с Кул-Мухаммедом и русскими послами отправился «шахов человек Дервиш-Магмет» (Дарвиш-Магмет, Дервиш-Мамет). В свою очередь казахский посол Тогонаш отправился к Аббас-шаху.

К сожалению, до нашего времени не дошли материалы, которые прояснили бы результаты этих переговоров. Известно только то, что сефевидский посол Дервиш-Мухаммед встретился с Тауекель-ханом. После ау-

диенции у правителей казахов он возвратился в Москву, так как он не получил разрешения казахского хана на возвращение через казахские земли и Среднюю Азию [Казахско-русские отношения 1961: 3–14; История Казахстана 2005: 209].

Интересным обстоятельством является почти одновременное проведение военных походов Таукель-хана и Аббас-шаха против Бухарского ханства. В период 1598–1599 гг., когда войска Таукель-хана разгромили узбекские силы и включили в состав Казахского ханства такие города, как Туркестан, Ташкент и Фергана [Абусеитова 1985: 83–90; Абусеитова 1998: 110], Аббас-шах I одновременно закрепил свою власть практически над всеми ключевыми городами Хорасана — Нишапуром, Мешхедом, Гератом и Мервом [Рахмани 1960: 63; История Ирана 1977: 181; История Узбекистана 1993: 56].

Стоит также упомянуть, что в советское время в Центральном музее Казахстана (ныне — Центральный государственный музей Республики Казахстан) хранились изящно украшенные золотом и драгоценными камнями шашки, созданные мастерами при дворе персидского шаха Аббаса I [Жиренчин 1947: 60]. Возможно, что эти ценные предметы могли попасть на территорию Казахстана благодаря дипломатическим контактам между Казахским ханством и Сефевидским государством.

Есть сведения о контактах между Казахским ханством и Сефевидским государством во второй половине XVII в. В частности Г. А. Камбарбекова отмечает, что в своем труде «Аббас-наме» Мухаммед Тахир Казвини упоминает приезд казахского посла из Туркестанского вилайета ко двору Аббас-шаха II в Исфахане. Послу был оказан почетный прием, и он получил ценные подарки перед возвращением на родину. По мнению Г. А. Камбарбековой, эти послы, вероятно, представляли Жангир-хана и его сына Тауке [Камбарбекова 2012: 10].

Согласно данным иранского исследователя Ирадж Афшара, существовала переписка между Сефевидами и правителем Казахского ханства Тауке-ханом (в тексте Таваккул). Эти письма датируются концом XVII

в. В них, кроме Тауке-хана, упоминаются имена Турсун-хана, Фулад-султана (Болат-султана) [Īraj Afshār 1386–1387: 34], которые, согласно русским источникам, приходились сыновьями Тауке-хану [История Казахстана 2005: 404]. Письмо Аббас-шаха II к казахскому хану Тауке от 1072 г. х. (1661–1662 гг. н. э.) было уже опубликовано исследователями [Қари 2006 180–182; Атыгаев, Джандосова 2018: 656–663].

Эти сведения из письменных источников указывают на существование долговременных контактов (с 60-х гг. по 90-е гг. XVII в.) Тауке-хана с такими правителями Сефевидского государства, как Аббас-шах II (1641–1666), Сефи II Сулейман (1666–1694) и, возможно, Султан Хусейн (1694–1722). Отметим, что, согласно сведениям «Кисса дастан Чингиз хан», казахского письменного памятника начала XIX в., Тауке-хан получил в подарок от Сефевида шаха Сулеймана восемьдесят ружей, восемьдесят сабель, а также по две девятки породных лошадей [Кожа, Жандарбек 2016: 153–154].

О существовании связей Казахского ханства с Ираном уже после смены династии Сефевидов династией Афшаров говорит датированное 1740 г. письмо к Надир-шаху казахского хана, правителя Младшего жуза Абу-л-Хайр-хана [Эпистолярное наследие 2014: 139].

Тем самым письменные исторические источники указывают на то, что контакты населения Казахского ханства и Сефевидского Ирана начались еще в начале XVI в., когда шах Исмаил и его преемники стали проводить активную военно-политическую кампанию в Хорасане и Мавераннахре. В этот период казахские ханы оказали помощь Шибанидам и совместно с ними сражались с войсками Сефевидского государства, однако к концу того же столетия правители казахского и сефевидского государств уже были заинтересованы в союзнических отношениях, чтобы совместно воевать с Бухарским ханством. По письменным материалам следует, что правитель Казахского ханства Таукель-хан попытался установить связи с шахом Аббасом, однако их результаты не попали на страницы средневековых источников [Казахско-русские отношения 1961].

Но все же можно предположить, что такой военно-политический союз казахов и Сефевидов существовал, и они сражались с узбекским ханом, координируя свои действия. Письменные материалы показывают о существовании активных связей Тауке-хана с Сефевидскими правителями во второй половине XVII в. [Қамбарбекова 2012].

4. Предметы иранского вооружения, использовавшиеся казахами.

Эти длительные контакты Казахского ханства с Сефевидским Ираном, отраженные в письменных источниках, оказали свое заметное влияние на военную, оружейную культуру казахов, обусловили появление у казахов различных предметов вооружения иранского типа, проявились в применении некоторых иранских (персидских) названий оружия в традиционной казахской военной лексике. Например, названием копья на казахском языке является слово *найза*, которое является персидским [Ахметжан 2007: 109, 113, рис. 89; Manouchehr 2010: 253]. Слово *суңгі*, традиционное название колющего холодного оружия на казахском (тюркском) языке [источник], сохранилось как название пики — колющего оружия с узким наконечником, используемого против противника в доспехах [Ахметжан 2007: 110–113, рис. 89]. Иранское название меча, сабли *шамшир* / *шамшир* в измененном варианте как *семсер* у казахов используется как название меча [Ахметжан 2007: 98–100, рис. 74; Manouchehr 2010: 345], а исконно тюркское название клинкового оружия *кылыш* традиционно осталось за обозначением сабли [Ахметжан 2007: 100–103, рис. 75]. Зерцальный доспех также именуется персидским словом *шарайна* (перс. *чар-айне* [Ахметжан 2007: 142–144, рис. 124; Manouchehr 2010: 133]). Один из видов казахского ударного оружия — булава также называется персидским словом *гурзи* / *курзи* [Ахметжан 2007: 120, 127, рис. 108; Manouchehr 2010: 167]. Наравне с казахским названием закаленной стали *курыш*, благородной стали *алмас* [Ахметжан 2007: 160, 161, рис. 133], в казахский язык прочно вошло персидское слово *болат* (перс. *фулат* / *пулад*), означающее прочную сталь [Manouchehr 2010: 283].

В период правления династии Сефевидов в Иране оружейное производство достигает наивысшего расцвета. Возрождаются оружейные центры, главными из них были города Исфахан, Тебриз, Керман и Хорасан. Оружие было не только орудием войны, но становится и настоящим произведением искусства. На весь мусульманский Восток становятся известными имена прославленных иранских оружейников, таких как Асадуллах Исфахани, ведущего оружейника шаха Аббаса, правившего между 1588 г. и 1629 г. Его клеймо часто встречается на многих иранских клинках. Иранское оружие украшается общим для всего исламского мира орнаментом «ислими» — арабеской, представляющей собой причудливое сочетание геометрических и стилизованных растительных мотивов, построенной на бесконечном повторении одного или нескольких фрагментов узора. Эти предметы вооружения экспортируются в другие восточные страны и получают широкое распространение в Аравии, Индии, Турции, на Кавказе, в Средней Азии и Казахстане. Казахскими ханами, султанами, знатными батырами также использовались некоторые виды иранского наступательного оружия и защитного вооружения, которые поступали к ним в виде даров, покупались или добывались как военные трофеи. Некоторые такие образцы иранского оружия, использовавшиеся казахской знатью, хранятся в различных музеях Казахстана. Эти предметы относятся в основном XVII–XVIII вв., более ранние экземпляры, к сожалению, не сохранились. Это иранские шлемы «кулах-худ», щиты «сипар», наручи «базубанд», сабли «шамшир» и другие виды вооружения. Для примера приведем несколько таких интересных музейных экспонатов.

Шлемы типа кулах-худ. Данный тип шлемов сформировался в Иране в XVI в. и стал исключительно популярным не только в Иране, но и в Афганистане, Северной Индии и в государствах Центральной Азии. Один экземпляр парадного иранского шлема такого типа хранится в коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан: инв. № КП 10337/1. Работа иранских мастеров конца XVII – начала

XVIII вв. Поверхность купола шлема и его элементы — навершие, наконечник, наносник — богато украшены растительным орнаментом и аятами из Корана в технике золотой насечки. По периметру нижнего края шлема подвешена кольчужная бармица, сплетенная из мелких колец. Низ бармицы

оформлен мелкими и большими треугольными фестонами, на больших треугольных фестонах имеется полоса из медных колец (илл. 1: 1).

Другой образец такого шлема имеется в коллекции Историко-краеведческого музея Атырауской области Казахстана: инв.

Илл. 1. Иранское парадное защитное вооружение XVII–XVIII вв., применявшиеся казахскими воинами:

- 1 – шлем кулах-худ, XVII–XVIII вв. Из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан. Инв. № КП 10337/1 [Akhmetzhan 2019a: 85, Fig. 38, 1];
 - 2 – шлем кулах-худ из коллекции Атырауского историко-краеведческого музея. XVII–XVIII вв. Инв. № ОФ 21996 [Қару-жарактар коллекциясы 2020: 222–223];
 - 3 – парадный иранский щит, XVII–XVIII вв. Из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан. Инв. № КП 10337/3 [Akhmetzhan, 2019a: 136, Fig. 55, 4];
 - 4, 5 – изображения на медальонах щита. Прорисовка К.С. Ахметжан;
 - 6 – щит из коллекции Атырауского историко-краеведческого музея, XVII–XVIII в. Инв. № ОФ 21998 [Қару-жарактар коллекциясы 2020: 224–225];
 - 7 – наруч из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан. Инв. № КП 10337/2 [Ахметжан 2007: 150, рис. 129, 5].
- [Fig. 1. Seventeenth-eighteenth century Iranian ceremonial defensive weapons used by Kazakh warriors:
- 1 — kulah-khud helmet, seventeenth–eighteenth centuries. Central State Museum of Kazakhstan. Inv. no. КП 10337/1;
 - 2 — kulah-khud helmet, seventeenth–eighteenth centuries. Atyrau Museum of Local History and Lore. Inv. no. ОФ 21996;
 - 3 — ceremonial Iranian shield, seventeenth–eighteenth centuries. Central State Museum of Kazakhstan. Inv. no. КП 10337/3;
 - 4, 5 — images on the shield’s medallions. Drawings by K. Ahmetzhan;
 - 6 — shield, seventeenth–eighteenth centuries. Atyrau Museum of Local History and Lore. Inv. no. ОФ 21998;
 - 7 — arm shields. Central State Museum of Kazakhstan. Inv. no. КП 10337/2]

№ ОФ 21996. Время изготовления — XVII–XVIII вв. Поверхность этого шлема и его элементы — навершие, наконечник, наносник — также украшены растительным орнаментом в технике гравировки, золотой насечки, а также прорезным медальонами с аятами из Корана. По периметру нижнего края шлема также имеется кольчужная бармица (илл. 1: 2) [*Қару-жарақтар коллекциясы 2020: 223*].

Щиты. Персидский стальной щит «сипар» круглой формы, по краю имеет оковку. На его лицевой выпуклой поверхности — четыре или более умбонов, снабженных болтами и кольцами, к которым с внутренней стороны щита крепятся ременные петли.

Один образец такого щита хранится в коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан: инв. № КП 10337/3, XVII–XVIII вв. Наружная поверхность щита украшена гравировкой, образующей узоры растительного орнамента, арабской вязи и изображения в медальонах. В некоторых местах дополнены насечкой золотом (илл. 1: 3). В середине щита расположены 9 круглых медальонов (1 крупный в центре и 8 — по краям центрального), с сюжетными изображениями людей внутри архитектурных зданий. Возможно, эти изображения тематически связаны с историями из «Шахнаме» (илл. 1: 4–5). По кайме щита идет орнаментальный пояс с аятами Корана, написанными арабской вязью и выполненные гравировкой.

В середине щита на одинаковом расстоянии друг от друга закреплены полусферические бляшки (репейки). Края репейки оформлены в виде 8 лепестков, поверхность украшена гравировкой и золотой насечкой (илл. 1: 3).

Другой иранский щит XVII–XVIII вв. представлен в коллекции Историко-краеведческого музея Атырауской области: инв. № ОФ 21998. Поверхность щита украшена растительным орнаментом в технике серебряной и золотой насечки. В середине щита на одинаковом расстоянии друг от друга закреплены полусферические умбончики-репейки, их поверхность также украшена гравировкой и золотой насечкой.

Между умбончиками и в центре прорезные треугольные медальоны с надписями из Корана, насеченные золотом (илл. 1: 6).

Наручи Базубанд. В коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан имеется образец иранского наруча: инв. № КП 10337/2, XVII–XVIII вв. Наруч состоит из локотника и запястья. Локотник вогнутой формы, изготовлен из трех кусков железных пластин, соединенных между собой тонкой пластиной на заклепках. Запястье наручи сделан из двух небольших слегка вогнутых пластин, скрепленных 5 рядами кольчужных колец. На крайней пластине имеется две пряжки. Локотник и запястье наручи соединялись между собой и крепились на предплечье воина этими ремешками и пряжками. Локтевая и запястная части локотника и поверхности пластин запястья украшены в технике золотой насечки мелким растительным орнаментом и надписями из Корана (илл. 1: 7).

Сабли Шамшир. Иранские сабли шамширы, изготовленные в знаменитых оружейных центрах Ирана, высоко ценились казахскими воинами, особенно были популярны сабли исфаханских оружейников, которых казахи называли «асфахан кылыш» («исфаханская сабля»). «Асфахан кылыш» как лучшие сабли, которыми владели казахские ханы и батыры, часто упоминается в устной литературе казахов, в поэмах-дастанах о батырах.

В коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан имеется несколько сабель шамширов, использовавшиеся казахскими воинами (илл. 2: 1, 3–4). Клейма мастеров на этих клинках свидетельствуют, что они изготовлены иранскими оружейниками (илл. 2: 2, 5). О популярности и влиянии иранских сабель свидетельствует также и тот факт, что казахские сабли являются в основном саблями типа шамшир, с узким, без дола клинком.

5. Предметы казахского вооружения, являющиеся дериватами иранских типов оружия

Зерцальный доспех «шарайна». Результатом влияния иранского оружейного искусства на оружейное дело казахов стали

Илл. 2. Сабли типа «шамшир»: 1 — клеймо легендарного иранского оружейника Асадуллаха Исфахани [Manouchehr 2010: 492, cat. 13]; 2 — сабля с шамширным клинком из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан. Инв. № КП 1917; 3, 4 — сабля шамшир с ножнами. Из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан. Инв. № КП 1931; 2, 5 — клейма на клинках сабель [Fig. 2. Shamshir-type sabers: 1 — mark of the legendary Iranian bladesmith Asadullah Isfahani; 2 — saber with a shamshir-type blade, Central State Museum of Kazakhstan. Inv. no. КП 1917; 3, 4 — shamshir saber with scabbard. Central State Museum of Kazakhstan. Inv. no. КП 1931; 2, 5 — marks on saber blades]

подражания казахскими оружейниками отдельным видам иранского оружия и изготовления их дериватов — некоторых видов казахского оружия, производных от иранских. Такими является, например, зеркальный доспех «шарайна» правителя Младшего жуза — хана Абулхаира из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан, инв. № КП 2158 (илл. 3: 2). Время изготовления — XVII в. Зеркальный доспех является изделием казахских мастеров Западного Казахстана [Ахметжан 1999: 50]. Данный казахский зеркальный доспех является подражанием одному из типов иранской «чарайне» подобной формы (илл. 1: 1).

Зеркальный доспех состоит из 4 пластин (одна наспинная, две боковые и одна нагрудная), соединенных шарнирными петлями. Нагрудная пластина состоит из двух половинок, также соединенных шарнирными петлями, верхняя часть с полукруглым подшейным вырезом, края слегка загнуты наружу. Каждая половина нагрудной доски украшена гравированной арабской надписью — аятами из Корана в фигурной полурамке, которые, соединяясь, составляют единый узор. Аяты из Корана выполняли магическую защитную роль. В верхней части нагрудника приклепаны две пряжки для ремня. Боковые доски прямоугольные, с полукруглым подмышечным вырезом в верхней части, края слегка загнуты наружу. По бокам шарнирными петлями соединяются с нагрудной и наспинной досками. Украшены гравированным крестообразным растительным орнаментом в прямоугольной раме. Наспинная пластина внизу прямоугольная, кверху слегка расширяется и завершается округло-треугольной формой. По краям украшена полосой гравированного растительного орнамента в виде рамы, внутри рамы был выгравирован цветочный узор, который уже стерся (илл. 3: 3).

Зеркальные доспехи подобной конструкции и системой оформления использовали правители Передней и Средней Азии XVI–XVII вв. Данный зеркальный доспех также принадлежал хану Младшего жуза Абулхаиру, который был отважным воином и прославленным полководцем. «Шарайна»

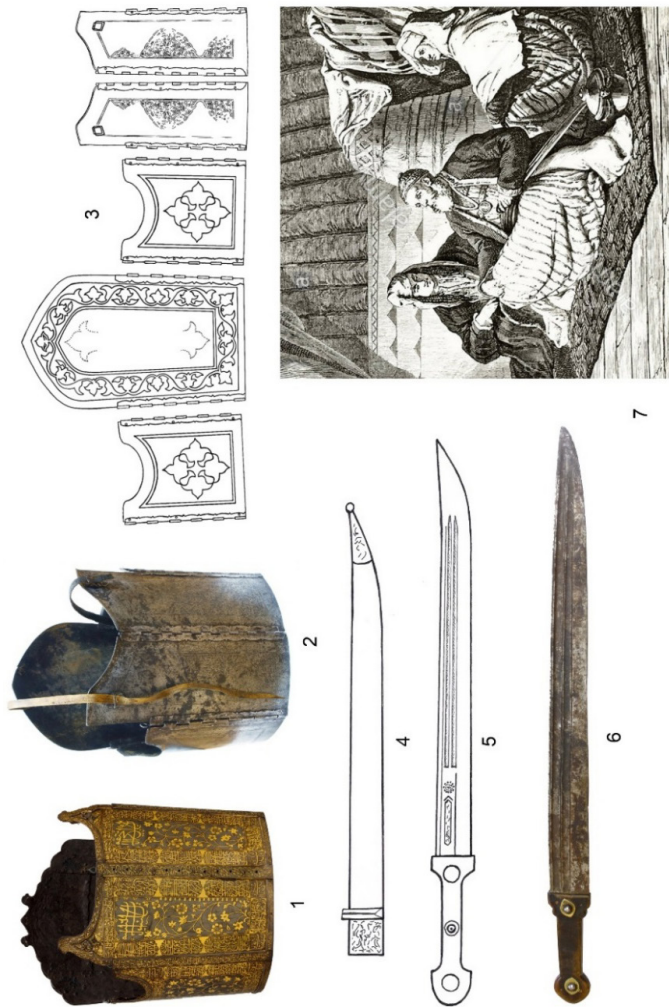
был приобретен у потомков хана [Ахметжан 1999: 52].

Кинжал «каддаре». В арсенале иранского холодного оружия есть узнаваемый из-за своего большого размера кинжал «каддаре». Это среднелинковое оружие с кинжальной рукоятью и прямым клинком с односторонней заточкой, предназначенный для рубящего удара (илл. 3: 4–5). Кочевые воины этим типом кинжала пользовались еще XVI в. В одном из персидских письменных источников упоминается применение каддаре / гаддара знатным воином (пехлеваном) из кочевников-узбеков [Manouchehr 2010: 293]. Казахский кинжал такого типа имеется в коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан: инв. № КП 24568, Западный Казахстан, XVIII–XIX вв. Общая длина 70 см, длина клинка 55,5 см, ширина 4,5 см. Данный тип кинжала появился у казахов под влиянием иранского кинжала [Ахметжан 2021: 387–388]. На старой гравюре, изображающей казахского султана Сабека со своей семьей, султан держит в руке кинжал типа каддаре, очень похожий на вышеописанный образец из музейной коллекции. Данная гравюра была выполнена по рисунку Т. Аткинсона, английского путешественника, посетившего в середине XIX в. Казахстан [Казахи 2015: 392].

Но казахи такой вид среднелинкового оружия называли «селебе». Данное селебе принадлежало Жанхожа батыру Нурмухамедулы, который в XIX в. возглавлял национально-освободительное движение казахов против Хивинского ханства. Сдал в Музей 19.08.1983 профессор, этнограф У. Х. Шалекенов [Ахметжан 2021: 387].

6. Заключение

Описанные выше музейные предметы являются материальными свидетельствами взаимодействия культур Казахского ханства и Сефевидского Ирана в процессе многовековых мирных и военных контактов. Судя по данным разнообразных исторических источников, этот культурный процесс был наиболее активным именно в сефевидский период. Как показывают музейные материалы, влияние оружейной культуры Ирана наиболее заметен в традиционном воору-

Илл. 3. Предметы казахского вооружения, изготовленные под влиянием иранского оружия: 1 — иранский зеркальный доспех «чар-айне». XVIII в. Из коллекции The Metropolitan Museum of Art (США). Музейный номер: 48.92.1 [Милосердов 2023: 62, рис. 3]; 2 — казахский зеркальный доспех «шарайна» хана Младшего жуза Абулхаира. Из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан. Инв. № КП 2158-1 [Ахметжан 2007: 146, рис. 126, 7]; 3 — развертка шарайны [Ахметжан 1999: 55, рис. II]; 4, 5 — иранский большой кинжал «каддаре» с ножнами [Manouchehr 2010: 393]. Прорисовка К. С. Ахметжана; 6 — казахский кинжал типа каддары из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан. XIX в. Инв. № КП 24568; 7 — казахский султан с кинжалом-каддарой. Гравюра по рисунку Т. Аткинсона, английского путешественника, посетившего Казахстан в середине XIX в. Фрагмент иллюстрации из французского издания «Le Tour du Monde». Париж, 1863 г. Источник: URL: <https://www.alamyimages.fr/>

[Fig. 3. Kazakh weaponry items manufactured under the Iranian influence: 1 — Iranian char-aina mirror armor, seventeenth century. The Metropolitan Museum of Art (USA). Museum item no. 48.92.1;

2 — Kazakh sharaina mirror armor once owned by Khan Abulkhair of the Junior Juz. Central State Museum of Kazakhstan. Inv. no. КП 2158-1;

3 — sharaina unfolded; 4, 5 — Iranian quaddara large dagger with scabbard. Drawing by K. Ahmetzhan; 6 — Kazakh quaddara-type dagger, nineteenth century. Central State Museum of Kazakhstan. Inv. no. КП 24568; 7 — Kazakh sultan with a quaddara dagger. Engraving based on a drawing by T. Atkinson, English traveler who visited Kazakhstan in the mid-nineteenth century. Fragment of an illustration from Le Tour du Monde (Paris, 1863). Available at: <https://www.alamyimages.fr/>]

жении Западного Казахстана, который был территориально ближе к Ирану, чем другие регионы страны. Данная статья только обозначает основные направления изучения

истории политических, военных и культурных связей Казахского ханства и Сефевидского Ирана, которые требуют в дальнейшем серьезного исследования.

Литература

Абусейтова 1985 — *Абусейтова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI в. Алма-Ата: Наука, 1985. 104 с.

Абусейтова 1998 — *Абусейтова М. Х.* Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-Пресс, 1998. 268 с.

Атыгаев, Джандосова 2013 — *Атыгаев Н. А., Джандосова З. А.* Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения «Алам-ара-йи шах Исмаил» // *Отан тарихы* (= Отечественная история). 2013. № 2. С. 73–84.

Атыгаев, Джандосова 2014 — *Атыгаев Н. А., Джандосова З. А.* Поход Абу-л-Хайра, сына Касим-хана, против Сефевидов (по данным «‘Ālam-ārā-yi Shāh Ismā‘īl») // *Отан тарихы* (= Отечественная история). 2014. № 2. С. 5–13.

Атыгаев, Джандосова 2018 — *Атыгаев Н. А., Джандосова З. А.* Письмо Сефевида Аббас-шаха II казахскому хану Тауке // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6. № 3. С. 656–663. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.656-663

Ахметжан 1999 — *Ахметжан К. С.* Зерцало султана Арыстана Айчувакова // *Экономические и политические мотивы расширения колониальной политики царизма в условиях утверждения капитализма в Казахском крае*. Межвуз. сб. науч. трудов. Алматы: АГУ им. Абая, 1999. С. 43–60.

Ахметжан 2007 — *Ахметжан К. С.* Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкітап, 2007. 216 с., ил.

Ахметжан 2021 — *Ахметжан К. С.* Казахские кинжалы и тесаки (исследование на основе музейных и иконографических материалов) // XIII Оразбаевские чтения. Мат-лы междунар. науч.-метод. конф. (г. Алматы, 20–21 мая 2021 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2021. С. 384–399.

Бабур-наме 1958 — *Бабур-наме*. Записки Бабур-наме / пер. М. А. Салье; отв. ред. и авт. предисл. С. А. Азимджанова. Ташкент: АН УзССР, 1958. 534 с.

References

Abuseitova M. Kh. *Kazakh Khanate in the Mid-to-Late Sixteenth Century*. Alma-Ata: Nauka, 1985. 104 p. (In Russ.)

Abuseitova M. Kh. *Kazakhstan and Central Asia, Fifteenth–Seventeenth Centuries: History, Politics, Diplomacy*. Almaty: Daik-Press, 1998. 268 p. (In Russ.)

Atygayev N. A., Dzhandosova Z. A. The new source on the history of Kazakhstan of the XVI century: The preliminary results of studying the ‘Ālam-ara-yi Shakh Ismail’. *History of the Homeland*. 2013. No. 2. Pp. 73–84. (In Russ.)

Atygayev N. A., Dzhandosova Z. A. The campaign of Abu-l-Khair, son of Kasim Khan, against the Safavids (Based on the Ālam-ārā-yi Shāh Ismā‘īl). *History of the Homeland*. 2014. No. 2. Pp. 5–13. (In Russ.)

Atygayev N. A., Dzhandosova Z. A. A letter from the Safavid Shah Abbas II to the Kazakh Khan Tauke. *Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. No. 3. Pp. 656–663. (In Russ.) DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.656-663

Ahmetzhan K. S. Mirror armor of Sultan Arystan Aychuvakov. In: *Economic and Political Motives behind the Expanded Tsarist Colonial Policy in the Emerging Capitalism across Kazakh-Inhabited Lands*. Collected scholarly papers. Almaty: Abai University, 1999. Pp. 43–60. (In Russ.)

Ahmetzhan K. S. *Ethnography of Traditional Kazakh Weapons and Armor*. Almaty: Almaty Kitap, 2007. 216 p. (In Russ.)

Ahmetzhan K. S. Kazakh daggers and choppers: A study of museum and iconographic materials. In: *Thirteenth Orazbayev Readings*. Conference proceedings. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2021. Pp. 384–399. (In Russ.)

[Babur] Baburnama. *Memoirs of Babur*. M. Salye (transl.), S. Azimdzhanov (ed., foreword). Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences, 1958. 534 p. (In Russ.)

- Жиренчин 1947 — *Жиренчин А. М.* Из истории Центрального музея Казахстана // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1947. № 8(24). С. 58–61
- История Ирана 1977 — *История Ирана* / отв. ред. М. С. Иванов. М.: МГУ, 1977. 488 с.
- История Казахстана 2005 — *История Казахстана в русских источниках. Т. I: Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.)* / сост., транскр. скорописи, спец. ред. текстов, вступ. ст., коммент., сост. словников, указателей А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
- История Узбекистана 1993 — *История Узбекистана. Т. III (XVI – первая половина XIX века)*. Ташкент: ФАН, АН Республики Узбекистан, 1993. 476 с.
- Казахи 2015 — *Казахи. История и культура* / науч. ред. К. З. Ускенбай. Алматы: АБДИ Компани, 2015. 656 с.
- Казахско-русские отношения 1961 — *Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.* Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 741 с.
- Кожа, Жандарбек 2016 — *Кожа М. Б., Жандарбек З. З.* Навершие знамени и рукопись хана Алиакбара // *Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. трудов / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: Ш. К. Ахметова, А. А. Ильина, И. В. Толпеко.* Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского; Павлодар: Павлодарск. гос. пед. ин-т, 2016. С. 150–154.
- Милосердов 2023 — *Милосердов Д. Ю.* Защитное вооружение в ханствах Средней Азии конца XVIII – начала XX вв. // *Ориенталистика.* 2023. № 1. (История Востока. Всеобщая история). С. 55–72.
- Памятники 1851 — *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: в 10 тт. (1851–1871).* Т. 1: *Памятники дипломатических сношений с империей Римской: (с 1488 по 1594 год)*. СПб.: II Отд-е Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851. 1620 с.
- Петрушевский 1949 — *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Л.: ЛГУ, 1949. 384 с.
- Рахмани 1960 — *Рахмани А. А.* «Тарих-и аламара-йи Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку: АН СССР, 1960. 192 с.
- Zhirenchin A. M. Central Museum of Kazakhstan: Glimpses of history. *Vestnik Akademii nauk Kazahskoy SSR.* 1947. No. 8 (24). Pp. 58–61. (In Russ.)
- Ivanov M. S. (ed.) *History of Iran.* Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1977. 488 p. (In Russ.)
- Isin A. (comp., ed.) *History of Kazakhstan from Russian Sources. Vol. 1: Tsardom of Russia and Its Ambassadorial Materials, Sixteenth–Seventeenth Centuries.* Almaty: Daik-Press, 2005. 704 p. (In Russ.)
- Askarov A. A. et al. *History of Uzbekistan. Vol. 3: Sixteenth to Mid-Nineteenth Centuries.* Tashkent: Fan, 1993. 476 p. (In Russ.)
- Kazkhs. *History and culture.* Q. Z. Uskenbay (ed.). Almaty: ABDI Company, 2015. 656 p. (In Russ.)
- Kireev F. N. et al. (comps.) *Kazakh-Russian Relations, Sixteenth–Eighteenth Centuries.* Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1961. 741 p. (In Russ.)
- Kozha M. B., Zhandarbek Z. Z. The banner finial and Aliakbar-Khan manuscript. In: Tomilov N. A. et al. (eds.) *Kazakh of Eurasia: History and Culture. Collected scholarly papers.* Omsk: Dostoevsky Omsk State University; Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute, 2016. Pp. 150–154. (In Russ.)
- Miloserdov D. Yu. Protective weapons in the khanates of Central Asia in the late 18th – early 20th centuries. *Orientalistica.* 2023. Vol. 6. No. 1. Pp. 55–72. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2023-6-1-055-072
- Ancient Russia and Foreign Powers: Diplomatic Documents. In 10 vols. Vol. 1: *Diplomatic Relations with the [Holy] Roman Empire, 1488–1594.* St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1851. 1620 p. (In Russ.)
- Petrushevsky I. P. *Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia, Sixteenth to Early Nineteenth Centuries: Historical Essays.* Leningrad: Leningrad State University, 1949. 384 p. (In Russ.)
- Rahmani A. A. *Tarikh-i Alamara-yi Abbasi as a Source in the History of Azerbaijan.* Baku: USSR Academy of Sciences, 1960. 192 p. (In Russ.)

- Шараф-хан 1976 — Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме / пер., предисл. и приложения Е. И. Васильевой. Т. II. М.: Наука, 1976. 351 с.
- Эфендиев 1981 — Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку: Элм, 1981. 306 с.
- Эпистолярное наследие 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: Сб. истор. док. в 2 тт. / автор проекта, введения, биографий ханов, науч. коммент., сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АБДИ-Компании, 2014. 696 с.
- Қамбарбекова 2012 — Қамбарбекова Ғ. Ә. Сефевидтер тұсындағы дипломатиялық хат алмасулар (= Дипломатические переписки в период Сефевидов) // Юдин оқулары: «Қазақстан және шығыс елдері тарихы мен бүгіні». (Алматы, 30 наурыз 2012 ж.). Алматы: Дайк-Пресс, 2012. Б. 5–13.
- Қожамқұли-бек Балхи 2014 — Қожамқұли-бек Балхи. Тарих-и Қыпшақи / Сөзбе-сөз аударған Ю. Пилтан, әдеби өңдеп, редакциялық жұмыстарын жүргізіп, қосымшаларын жазғандар: Т. Әлбеков, Н. Елесбай, А. Оралбек (= Қожамқұли-бек. Тарихи Қыпшақи / пер. на каз. яз. Ю. Пилтан, лит. обработка, ред. работы, написание приложений: Т. Албеков, Н. Елесбай, А. Оралбек). Алматы: Принт, 2017. 800 б.
- Қари 2006 — Қари Қ. Иран шахының Тәуке ханға хаты (= Письмо иранского шаха к хану Тауке) // Жұлдыз. 2006. № 3. Бб. 80–82.
- Қару-жарақтар коллекциясы 2020 — Қару-жарақтар коллекциясы. Ғылыми каталог. (Коллекция оружия. Научный каталог). Алматы: Балауса баспасы, 2020. 256 б.
- Akhmetzhan 2019a — Akhmetzhan K. S. Kazakh military armor (history, traditional terminology, classification). Astana: Global Ltd., 2019. 132 p.
- Akhmetzhan 2019b — Akhmetzhan K. S. Kazakh combat helmets (history, origins and traditions). Astana: Global Ltd., 2019. 96 p.
- Ahsan at-tavārīkh 1389 — Hasan Beg Rumlu. Ahsan at-tavārīkh ta'līf-i Hasan-bīg Rūmlū. Chāp-e dovvom. Tehrān, (2010). Jeld-e 1-3. 1728 s.
- Sharafkhan b. Shams al-Din Bidlisi. Sharafnama. E. Vasilyeva (transl., foreword, etc.). Vol. 2. Moscow: Nauka, 1976. 351 p. (In Russ.)
- Efendiev O. The Safavids in Azerbaijan. Baku: Elm, 1981. 306 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Heritage of Kazakh Elites, 1675–1821. Collected historical documents. In two vols. Vol. 1. Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Almaty: ABDI-Company, 2014. 696 p. (In Russ.)
- Kambarbekova G. A. Diplomatic correspondence from the Safavid era. In: Yudin Readings. Kazakhstan in the Past and Present of Eastern Nations. Conference proceedings (Almaty, 30 March 2012). Almaty: Daik-Press, 2012. Pp. 5–13. (In Kaz.)
- Khojam Quli Bek Balkhi. Tarikh-i Qipchaqi. Yu. Piltan (transl.); T. Albekov, N. Yelesbay, A. Oralbek (eds., suppl.). Almaty: Print, 2017. 800 p. (In Kaz.)
- Qari Q. Letter from the Shah of Iran to Khan Tauke. *Zhuldyz*. 2006. No. 3. Pp. 80–82. (In Kaz.)
- Kharipova R. (ed.) Collected Weapons: A Scholarly Catalogue. Almaty: Balausa, 2020. 256 p. (In Kaz.)
- Akhmetzhan K. S. Kazakh Military Armor (History, Traditional Terminology, Classification). Astana: Global Ltd., 2019. 132 p. (In Eng.)
- Akhmetzhan K. S. Kazakh Combat Helmets (History, Origins and Traditions). Astana: Global Ltd., 2019. 96 p. (In Eng.)
- Hasan Beg Rumlu. Ahsan al-tavarikh. Vol. 2. Tehran, 2010. Pts. 1–3. 1728 p. (In Pers.)

- Īraj Afshār 1386–1387 (2007–2008 гг. н. э.) —
 Īraj Afshār. Beyāzī-ye Safavī: ādābname
 negārī-ye pādshāhān-e Safavī be sarān-e
 sarzamīnhā-ye dīgar (qavāre, andāze, ārāye)
 // Nameh-ye Baharestan. 1386–1387 (2008)
 Majalle-ye bein al-milali-ye motāle‘āt va tah-
 qīqāt-e noskhehā-ye hattī. Sāl-e hashtom-o
 nohom. Daftar-e sizdahom-o chahārdahom,
 1386–1387. S. 23–74.
- Manouchehr 2010 — Manouchehr Moshtagh
 Khorasani. Lexicon of Arms and Armor from
 Iran: A Study of Symbols and Terminology.
 Tübingen: Legat Verlag, 560 p.
- Tarīh-i ‘ālam-ārā-yi Abbāsī 1387 — Hasan Beg
 Rumlu. Tarīh-i ‘ālam-ārā-yi Abbāsī ta’līf-i
 Iskandar bik Turkman. Chāp-e chahārom.
 Tehrān. Jeld-e 1. 1387 (2008–2009). 907 s.
- Afshar I. Beyāzī-ye Safavī: ādābname negārī-ye
 pādshāhān-e Safavī be sarān-e sarzamīnhā-
 ye dīgar (qavāre, andāze, ārāye). *Nameh-ye
 Baharestan*. 2008 (1386–1387 AH). Nos. 13–
 14. Pp. 23–74. (In Pers.)
- Khorasani M. M. Lexicon of Arms and Armor from
 Iran: A Study of Symbols and Terminology.
 Tübingen: Legat, 560 p. (In Eng.)
- Iskandar Beg Munshi. Tarikh-e Alam-ara-
 ye Abbasi. Vol. 4. Tehran, 2008–2009
 (1387 AH). Pt. 1. 907 p. (In Pers.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1309–1319, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51

К проблеме установления авторства ойратских текстов параллельного корпуса (на материале стихотворного намтара Цонкапы)

Деляш Николаевна Музраева¹,
Баир Луданович Тушинов²

More on Establishing Authorship of Oirat Texts Included in the Parallel Corpus: Analyzing the Poetic Namtar of Je Tsongkhapa

*Deliash N. Muzraeva*¹,
*Bair L. Tushinov*²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул.
им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская
Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник

 0000-0002-8619-9369. E-mail: [deliash\[at\]mail.ru](mailto:deliash[at]mail.ru)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin
St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул.
им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская
Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотруд-
ник

 0000-0002-6029-160X. E-mail: [nurushi\[at\]mail.ru](mailto:nurushi[at]mail.ru)

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin
St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Музраева Д. Н., Тушинов Б. Л., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Muzraeva D. N., Tushinov B. L., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются актуальные вопросы, имеющие отношение к составлению параллельного тибетско-ойратского корпуса. Среди них вопрос установления всего круга переведенных ойратских текстов, вопрос об авторстве переводов, выполненных Зая-пандитой Намкай Джамцо (XVII в.), представителями его школы, а также последователями. *Цель* статьи — на основе анализа переводных текстов раскрыть проблему установления их авторства, рассмотреть вопрос об установлении полных титулов сочинений, переведенных Зая-пандитой и его последователями, включаемых в корпус, а также на примере одного из образцов текстов решить вопрос с его авторством. *Материалом* исследования послужили тексты из состава переводов Зая-пандиты, содержание их колофонов (послесловий), а также тексты биографий Цонкапы на тибетском и ойратском языках. *Выводы.* Важным источником для установления авторства пере-

вода, а также датировки памятника, его полного титула, равно как и установления имен заказчиков, переписчиков и резчиков, являются колофоны. При этом к тексту могут быть составлены не одно, а два послесловия. При отсутствии послесловия требуется проведение текстологического анализа с учетом данных всех уровней языка, позволяющего установить правила и принципы перевода, которых придерживался переводчик, либо их отсутствие, т. е. всех тех вопросов, которые и призван решать параллельный тибетско-ойратский корпус. В вопросе установления авторства ойратского стихотворного намтара Цонкапы мы придерживаемся точки зрения Л. Тэрбиша и Х. Бямбажава, которые расценивают его как авторское произведение Эрдэни Жачун-хамбо хутугты, 14-го настоятеля монастыря Жачун в Амдо. Сопоставление данного сочинения с одним из образцов тибетских намтаров позволит в дальнейшем установить, какие из текстов могли послужить источником для создания стихотворной версии.

Ключевые слова: буддизм, Тибет, Цонкапа (Цзонхава), письменные источники, ойратские переводы, стихотворный намтар, проблема авторства

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Параллельный корпус текстов на тибетском языке и ойратском „тодо бичиг“ („ясном письме“): разработка инструментария и текстологические исследования» (№ 23-18-00978).

Для цитирования: Музраева Д. Н., Тушинов Б. Л. К проблеме установления авторства ойратских текстов, включаемых в параллельный корпус (на материале стихотворного намтара Цонкапы) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1309–1319. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1309-1319

Abstract. Introduction. The article examines current issues related to the compilation of a parallel Tibetan-Oirat corpus. These include identifying the full range of translated Oirat texts and authorship of translations by Zaya Pandita Namkhai Jamtso (17th century), representatives of his school, and their followers. **Goals.** The article aims to analyze the translated texts to uncover authorship, establish full titles of works translated by Zaya Pandita and his followers included in the Corpus, and resolve the issue of authorship using one sample text. **Materials.** The study focuses on texts from Zaya Pandita's translations, contents of their colophons (afterwords), and the biographies of Je Tsongkhapa in Tibetan and Oirat. **Conclusions.** Colophons are an important source for establishing authorship of a translation, dating a work, its full title, and revealing names of its commissioners, copyists, and carvers. A text may have not one but two colophons. In the absence of an afterword, a textual analysis is required that would take into account data from all levels of language. This analysis makes it possible to establish the rules and principles of translation adhered to by the translator (or their absence), i.e. all the issues that the parallel Tibetan-Oirat corpus aims to address. Regarding the authorship of Je Tsongkhapa's Oirat verse namtar, the study supports the view of L. Terbish and Kh. Byambazhav who consider it to be an original work of Erdeni Jachung Khambo Khutugtu, the 14th abbot of Jachung Monastery in Amdo. Comparison of this work to a sample of Tibetan namtars shall help determine which texts may have served as the source for the verse version.

Keywords: Buddhism, Tibet, Tsongkhapa, written sources, Oirat translations, poetic namtar, authorship problem.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00978 'The Parallel Corpus of Texts in Tibetan and Oirat (Todo Bičiq, or Clear Script): Tools Development and Textual Studies'.

For citation: Muzraeva D. N., Tushinov B. L. More on Establishing Authorship of Oirat Texts Included in the Parallel Corpus: Analyzing the Poetic Namtar of Je Tsongkhapa. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1309–1319. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1309-1319

1. Введение. О проблеме установления авторства оригинальных и переводных сочинений в тибето-монгольской письменной традиции

Проблема авторства в старописьменной монгольской и ойратской литературе пред-

ставляет важным моментом, поскольку проливает свет на деятельность и творчество создателя того или иного произведения. Этот вопрос не вызывает сомнения, поскольку в тибето-монгольской литературной традиции сложилось обыкновение

составлять к сочинениям (как оригинальным, так и переводным текстам) послесловия-колофоны. Как правило, эти колофоны сочинялись в прозаической форме, но была также практика составлять их в поэтической форме. Как отмечает калмыцкий литературовед А. В. Бадмаев, *«во всех известных сейчас переводах Зая-пандиты большая часть послесловий написана в стихах, либо ритмической прозой»* [ИКЛ 1981: 208]. Он также отмечает, что колофоны *«являются памятниками культуры, они важны, как всякий документ, повествующий о важных исторических событиях и сообщающий их точные даты. Иногда колофон помогает осветить неясные места, темные стороны событий прошлого, установить авторство сочинения, эпоху его составления или перевода»* [ИКЛ 1981: 208]. Помимо сказанного, А. В. Бадмаев указывает на такую разновидность послесловий, как колофоны издателей, *«в которых также содержатся интересные сведения»* [ИКЛ 1981: 208].

Непременным атрибутом колофонов являлось представление информации об имени автора или переводчика сочинения и времени его составления, как правило, по лунно-солнечному календарю, принятому в буддийской традиции. Кроме этого, в колофоне может содержаться информация об инициаторе создания того или иного труда, а также о писцах (переписчиках), если речь шла о рукописи. В тех случаях, когда колофон составлялся к тексту ксилографического издания, указывалось имя резчика, который переносил текст на доски-шаблоны, с которых в дальнейшем печатались (путем оттиска с клише) листы ксилографа [Кара 1972: 136–148].

Что касается текстов, переведенных Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662) с тибетского языка на ойратский, то, как правило, в них имеются колофоны, из которых мы узнаем важную информацию об авторе-переводчике, инициаторе перевода и писцах, а также о времени создания.

Примеры колофонов из трудов Зая-пандиты представлены в работе известного монгольского ученого Х. Лувсанбалдана *«„Ясное письмо“ и его памятники»*, ставшей классическим ойратоведческим трудом [Лувсанбалдан 1975: 256–305].

Из колофонов мы можем узнать много дополнительной информации. Так, к примеру, из послесловия сочинения *«Святое дхарани для полного успокоения всех болезней лошадей»* (ойр. *«Хутуqtu morini хамуq ебеѝ маѝ amurliulun üyiledüqѝ toqtöl»*) следует, что к сочинению составлено два колофона: в первом говорится об авторе перевода, а во втором — о том, что незавершенный Зая-пандитой перевод под руководством Эрх цорджи завершили совместно Гур Мэргэн-гавджи, Раджам Джамъян и Тарзан-гелюнг [Лувсанбалдан 1975: 240].

От времени, когда жил и творил Зая-пандита, нас отделяет 3,5 века, до наших дней дошли многочисленные списки и копии текстов, которые он переводил. При этом не каждый из переписчиков обладал хорошими знаниями *«тодо бичиг»* и разбирался в принципах перевода с тибетского на ойратский язык. Следствием этого были многочисленные отступления от классического *«тодо бичиг»*, по сути ошибочные написания в плане графики, орфографии, лексики, морфологии и синтаксиса ойратских текстов. Указанные недочеты в графическом оформлении рукописных текстов объяснялись не только этим. В ходе естественного развития ойратский (старо-калмыцкий) язык развивался, претерпевал изменения, которые неминуемо получали отражение на ойратском письме. На это обращали внимание известные монголоведы, изучавшие особенности исторического развития ойратской письменности на примере письменных памятников [Санжеев 1977: 57–134; Биткеев 2009].

Но еще одним моментом, усложнившим в дальнейшем установление авторства перевода (или оригинального сочинения), стало отсутствие колофонов. В таких случаях единственным способом остается проведение тщательного текстологического анализа с учетом данных всех уровней языка. Это позволяет установить частоту употребления терминов, подбор их эквивалентов, правила и принципы перевода, которых придерживался переводчик, либо их отсутствие. Другими словами, такая работа требует приложения усилий и времени. Подобные вопросы и призван решать параллельный тибетско-ойратский корпус текстов, пред-

полагающий проведение сопоставительного анализа ойратских переводов и их тибетских первоисточников.

2. Вопросы установления авторства переводных текстов с опорой на титулы сочинений

Исследователи письменного наследия Зая-пандиты не раз отмечали, что одним из непростых вопросов является подтверждение его авторства как переводчика. В этом вопросе важным моментом становится установление полного титула переводного сочинения. Как известно, основным источ-

ником, позволяющим определить полный перечень названий сочинений, переведенных Зая-пандитой, является текст его биографии, составленной его учеником Раднабхадрой [Biography 1967: 8–9, л. 9а–11б; Норбо 1999: 53–63]. Но следует оговорить, что титулы сочинений в этом перечне предельно лаконичны, а некоторые состоят лишь из имени божества, которому посвящен текст, вследствие этого остается под вопросом, каково же полное название сочинения, требуется его уточнение, детализация. Приведем примеры из биографии:

Титул сочинения из списка Раднабхадры	Полный титул сочинения
«Itegel» («Прибежище»)	«Itegel kemēküi sudur orošiboī» («Сутра под названием „Прибежище“»)
«Тарпа сенро» («Великий освободитель»)	«Xütuqtu yeke toniluqsani züqtü delgeröülüqçi gemšin yašuüдахүй-bēr kilince arıyan burxan-du бүтөкүй маши зокочүй кемөкү yeke күлгүни sudur» («Сутра махаяны, именуемая „Распространяющая в направлении Великого освободителя, раскаянием очищающая от грехов, в высшей степени подходящая для того, чтобы исполнить для Будды“»)
«Dorji zodba» («Дорджи Джодва»/ «Алмазная сутра»)	«Xütuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqçi oçir kemēkü yeke күлгүни sudur» («Сутра о совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии»)
«Dhara eke» («Дара Эхэ»/ «Тара»)	«Xütuqtu Däre eke kemekü yeke күлгүни sudur» («Святая сутра махаяны, именуемая „Тара“»)

[Biography 1967: 8–9]

Как видно из этих примеров, в кратких титулах сочинений Раднабхадрой может быть не указана их жанровая принадлежность. Иногда название сочинения сводится к имени одного из божеств буддийского пантеона. Если учесть, что одному и тому же божеству могут быть посвящены тексты разного жанра, поскольку они могут быть задействованы в проведении различных обрядов, то установление более полного названия текста из списка Раднабхадры в отдельных случаях представляется затруднительным. Но работа в этом плане была начата монгольскими учеными. Ц. Дамдинсүрэн в книге «Сто образцов монгольской литературы» приводит перечень переводов Зая-пандиты и его учеников на монгольском языке, снабжает их эквивалентами названий тибетских первоисточников [Damdinsüring

1959: 327–334]. Это вывело работу по изучению наследия Зая-пандиты на новый этап.

Большой вклад в решение вопроса идентификации текстов переводов Зая-пандиты был внесен монгольским ученым Х. Лувсанбалданом, который проделал большую работу по разысканию текстов переводов Зая-пандиты, а также установил полные титулы сочинений. В своей монографии он приводит краткий перечень переводных сочинений на «ясном письме» [Лувсанбалдан 1975: 79–122]. Среди них перечисляются не только переводы Зая-пандиты, но и переводы его учеников, а также других авторов. Как отмечает монгольский ойратовед, в отдельных случаях не вызывает сомнения, что авторство того или иного перевода принадлежит Зая-пандите, хотя в тексте может отсутствовать колофон. В списке Х. Лувсан-

балдана есть также примеры с четкой констатацией, что данный текст не является переводом Зая-пандиты [Лувсанбалдан 1975: 227 (№ 0197), 240 (№ 0262), 251 (№ 0374)]. Иногда Х. Лувсанбалдан с сожалением констатирует, что, несмотря на то, что, к примеру, текст «Восхваление Святой Тары» (ойр. «Dhara ekeyin maqtāl») представлен в списке Раднабхадры [Biography 1967: 9, л. 11a], в нем отсутствует колофон, в котором бы говорилось, что перевод выполнил Зая-пандита [Лувсанбалдан 1975: 236 (№ 0259)]. Х. Лувсанбалдан также приводит список титулов 65 ойратских сочинений из числа переведенных Зая-пандитой с указанием мест их хранения [Лувсанбалдан 1975: 125–128], перечисляет имена инициаторов переводов [Лувсанбалдан 1975: 129–131].

Таким образом, тексты колофонов ойратских переводов содержат важные сведения, подтверждающие авторство Зая-пандиты как переводчика, могут включать не менее значимую информацию об инициаторе (заказчике) составления перевода тибетского сочинения на ойратский язык, а также указывают имена переписчиков (резчиков). Помимо этого, в колофонах, как правило, приводятся полные названия сочинений, что также позволяет правильно идентифицировать текст, сопоставить его с хорошо известными сочинениями.

3. Стихотворный намтар Цонкапы на ойратском языке

В работе Х. Лувсанбалдана анализируемые ойратские тексты подразделяются и группируются по общей тематике (исторические сочинения, намтары и сочинения по истории распространения учения, восхваления, повести, тексты, связанные с историей письма, тексты воскурений и подношений, астрологические тексты и гадания, сочинения по медицине, буддийские сутры, а также ксилографы) [Лувсанбалдан 1975: 79–122]. Один из текстов в разделе намтаров, на который обратил внимание исследователь, представлен под титулом «История жизни Цонкапы, царя учения Манджушри» (ойр. «Manzušri nomiyin xān Zongkarayin tuuji») [Лувсанбалдан 1975: 87]. Текст отмечен как один из переводов Зая-пандиты.

Из его названия следует, что это биография Цонкапы (Цзонхавы) (1357–1419), великого реформатора тибетского буддизма. В перечне Раднабхадры, как известно, приводится краткое название намтара, переведенного Зая-пандитой, — «Жизнеописание Цонкапы» (ойр. «Zongkarayin tuuji») [Biography 1967: 8, л. 9b; Норбо 1999: 55]. На данный момент мы не располагаем списком этого текста, поэтому установить полное название этого сочинения представляется затруднительным.

Что касается Х. Лувсанбалдана, то он расценивает объемное сочинение, титул которого приведен выше, как биографию Цонкапы, составленную Зая-пандитой в стихотворной форме. Он приводит титул сочинения «Manzušri nomiyin xān Zongkarayin tuuji» и четверостишие из него, в котором выражается решимость автора произнести биографию Цонкапы в стихотворной форме:

maqtan takin mürgükü terigüteni urida ilgen:

Mañjušri nomiyin qān Zongkapa-yin touji xuriyan:

mayad sülüqlen ügüülümü: qamuq-yēr alixa xamtudxaḡi

masi ariun süzüg bisirel öüsken inaysi sonosoytun:

‘Совершив вначале восхваление, почтение и поклонение.

Собрав историю жизни Цонкапы — царя Дхармы Манджушри,

Стихами постараюсь произнести! Все, сложив ладони,

С очень чистой верой пробудив почтение, послушайте’

[Лувсанбалдан 1975: 87].

При этом исследователь отмечает важность дальнейшего изучения этого памятника с учетом его художественно-поэтических особенностей [Лувсанбалдан 1975: 87]. Сказанное побуждает затронуть вопрос об авторе-составителе этого стихотворного намтара. То, что это Зая-пандита, не вызывает сомнения у монгольского ученого. Возможно, потому, что хорошо известно о колофонах сочинений, которые переводил Зая-пандита, отличающихся поэтической формой. Как описывал колофоны Зая-пандиты А. В. Бадмаев, они «могут быть разного

объема: от нескольких строк до нескольких (иногда даже до десяти) четверостиший, если послесловие написано в стихах» [ИКЛ 1981: 208]. Но, как с сожалением подмечает калмыцкий ученый, собственных сочинений Зая-пандиты, за исключением ряда рукописей и фрагментов грамматических трактатов, кроме колофонных стихов, не сохранилось [ИКЛ 1981: 208].

Известно также, что не всегда ойратский переводчик передавал стихотворные тексты, фрагменты в них, а также фрагменты, предваряющие тексты, в такой же стихотворной форме. К примеру, предисловие-поклонение «Среднего Ламрима» Цонкапы, состоящее из девяти стихотворных строк, Зая-пандита передает дословным переводом [Корнеев 2017: 56]. Анализ текста перевода «Сутры о мудрости и глупости» в сопоставлении с тибетским первоисточником также показывает, что стихотворные вставки в прозаическом тексте Зая-пандитой переведены дословно [Музраева 2024: 457–458].

Если предположить, что автором стихотворного намтара Цонкапы является Зая-пандита, то тогда следует выявить первоисточник на тибетском языке, причем стихотворный первоисточник, ставший основой для ойратского перевода, что на сегодняшний день не представляется возможным. Как известно из тибетологической и монголоведной литератур, существует не один список, вариант, версия намтара Цонкапы.

Относительно авторства перевода стихотворного намтара Цонкапы на ойратском языке высказана и другая точка зрения. Так, монгольские ученые Л. Тэрбиш и Х. Бямбажав расценивают его как авторское произведение Эрдэни Жачун-хамбо хутугты Еше Дзамцо, 14-го настоятеля монастыря Жачун в Амдо (провинции на северо-востоке Китая, в настоящее время — провинция Цинхай). Хотя в источнике нет точной его датировки, по их мнению, на нее указывают следующие строки:

ödügēde altan širēdū teyin (25) ariluqsan očir kemēkü:

erdem bili/giyin muxur-tu kürtüqsen ene cos (27) rče ilete soumui:

ene šoroi takā (28) jil-ēce dēqši zongkapa yin töröq/sön jil:

eme takā jil kürtele yurban (30) zoun arban hoyor jil darubai::

‘Ныне на очищенном золотом троне тот, чье имя «Совершенно чистый ваджра (алмазный скипетр)»,

Владыка Дхармы, достигший вершин мудрости и достоинств, восседает.

От нынешнего года курицы–земли [в обратном отсчете] до года рождения Цонкапы,

Вплоть до женского года курицы миновало триста двенадцать лет’ [БЗТ 2022: 73, 40b].

Из данной цитаты следует, что рассматриваемый текст намтара был составлен спустя 312 лет от года рождения Цонкапы, т. е. в 1669 г., что, тем самым, исключает данную работу из списка трудов Зая-пандиты, поскольку известно, что период его «ойратского» творчества датируется 1650–1662 гг. [Лувсанбалдан 1972: 332].

В пользу авторства Жачун-хамбо хутугты свидетельствуют начальные строки биографии, в которых автор-составитель приводит имя своего гуру на санскрите, тибетском и монгольском языках (Вагишвара, Лобсанг Дзамцо и Хутугта Далай-лама) [БЗТ 2022: 11], что указывает на V Далай-ламу Лобсанг Дзамцо (1617–1682). Время создания намтара также соответствует тому времени, когда Жачун-хамбо, после прохождения обучения на факультете философии монастыря Дрепунг, стал одним из ближайших учеников V Далай-ламы [БЗТ 2022: 9].

Таким образом, все рассмотренные факты в совокупности (и данные колофона, и сам текст намтара) позволяют заключить, что авторство стихотворного намтара Цонкапы все же не принадлежит Зая-пандите. Мы можем согласиться с Л. Тэрбишем и Х. Бямбажавом, что автором стихотворного намтара является Жачун-хамбо [БЗТ 2022: 73, прим. 52].

4. О тибетских намтарах, которые могли послужить основой или источником для создания стихотворного намтара на ойратском языке

Ранее мы задавались вопросом: мог ли существовать намтар Цонкапы на тибетском языке, составленный в стихотворной форме, который, возможно, послужил источником

для перевода на ойратский язык? Ответ на этот вопрос, скорее, отрицательный, чем положительный, поскольку трудно представить, что сочинение жанра «намтар», как правило, отличающееся большим объемом, включающее огромное количество фактов, описаний, упоминаний исторических событий, имен исторических личностей, названий учений, посвящений в них, а также наименований текстов и проч., может быть составлено в стихотворной форме.

Поскольку мы придерживаемся мнения, что стихотворный намтар — это авторская работа Жачун-хамбо, то следует рассмотреть вопрос, на какие известные ему тибетские тексты намтаров он мог опираться, какие из имеющихся текстов могли послужить для него источником для создания своего оригинального сочинения? Решение

этой проблемы предполагает привлечение многочисленных тибетских текстов. Как известно, их насчитывается несколько десятков.

Далее приведем примеры из тибетского намтара в сравнении с ойратским стихотворным, в которых повествуется о сновидениях родителей Цонкапы, связанных с его рождением. Эти сновидения, наряду с пророчествами о нем, размещаются в начале намтаров и выполняют функцию подтверждения величия личности Цонкапы. Для этого мы обратились к тибетскому тексту «Дополнение к Большому намтару Дже Цонкапы: компендиум благих учений» (тиб. «rje tsong kha pa chen mo'i zur 'debs nam thar legs bshad kun 'dus») [ДБН 2015] автора Тогден Джампел Гьяцо (тиб. *rtogs ldan 'jam dpal rgya mtsho*, 1356–1428) (см. табл. 1).

Таблица 1. Фрагменты из тибетского текста
[Table 1. Fragments from Tibetan text]

Тибетский текст	Перевод
[11–12] spre'u lo'i mjug tu yab kyi mnal lam du/ rgya nag ri bo rtse lnga nas 'ongs zer ba'i btsun pa me tog gi 'phreng ba du ma sbrel ba'i chos gos dang/ sum cu rtsa gsum gyi shing lo yin zer ba dar ser po 'dra ba'i sham thabs can/ po ti khyer ba zhig byung nas/ nga khyed la gans shig g.yor ba yin zer nas khang thog na mchod khang zhig yod pa'i nang du song ba'i snang ba byung bas/ yab de mtshan brjod kho na zhal 'don mdzad cing yod pas/ 'jam dbyangs kyi nam sprul yin snyam pa byung skad/	‘В конце года обезьяны (1356 г.) отец увидел сон, в котором с Пяти горных вершин Китая (Утайшань) пришел монах, держащий книгу, одетый в дхармовые одежды, сотканые из гирлянд цветов, и в юбку из золотистого шелка, напоминающего листья деревьев мира тридцати трех божеств. Произнеся: «Я у тебя сниму место для пребывания», он поднялся в алтарную комнату для подношений буддам, расположенную на верхнем этаже дома. Поскольку отец постоянно начитывал «Манджушри-нама-сангити», он подумал, что тот монах был проявлением Манджушри» [ДБН 2015: 11–12].
/de nas bya lo zla ba dang po'i tshes bcu'i nub mo yum gyi mnal lam du dge 'dun la sogs pa'i pho mo bsam gyis mi khyab pa/ rgyal mtshan dang / rnga bo che la sogs pa rol mo'i bye brag mtha' yas pa bzung ste/ spyang ras gzigs 'byon pa la bsu ba byed zer gyin 'dug pas/ phyogs kun tu ngas bltas kyang ma mthong / rjes la bltas pas/ sprin gyi thad du gser sku ri bo tsam pa/ 'od zer nyi ma ltar phyogs thams cad du 'phro ba/ chos kyi sgra dbyangs dang bcas pa zhig lha'i bu dang bu mo yin zer ba'i cha lugs phun sum tshogs pa du mas bskor ba zhig mar mar babs byung bas/ gser sku de je chung je chung la song / spyi gt-sug gi thad tsam du sleb pa'i tshe mtho gang tsam	‘В год курицы в белый (1-й) месяц 10-го числа ночью матери приснилось, как во главе со множеством монахов-послушников неохватное множество мужчин и женщин, держа стяги победы, большие барабаны и бесчисленные музыкальные инструменты, говорят друг другу, что встречают Авалоки-тешвару. Мать, осмотревшись по сторонам и ничего не увидев, обратила взор к небу и

shin tu mdzes par gyur nas lus la thim/ de'i 'khor rnams dang/ bsu mi rnams kyang rang la thim par mthong rang la phyag dang skor ba dang / mchod pa bkra shis brjod pa sogs rmis pas/ phyi de nang par nas rig pa dwangs pa skyid snang che ba/ de phyin chad ma brtags ma dpyad pa'i dus na'ang nga'i lus 'di la brnyas bcas mi nyan snyam nas/ gces spras dang gtsang sbra la brtson pa sogs rang shugs kyis byung 'dug/	заметила среди облаков божество золотого цвета, величиной с гору, изливавшее свет, по- добно солнцу, и мелодичным голосом пропове- довавшего Дхарму. Его окружал большой круг сыновей и дочерей богов, чьи лики, одежда и украшения были совершенными. По мере того, как божество спускалось ниже, его тело умень- шалось в размере, и, приблизившись к макуш- ке матери, оно стало размером с пядь, и, став очень красивым, растворилось в теле матери. Увидев это, сопровождавшие божество девуш- ки и встречавшие люди стали совершать матери поклоны, обходы, подношения, говорить стихи с пожеланием счастья и т. д. После пробуждения ее ум стал очень ясным, а в теле ощущалось ве- ликое блаженство. Хотя она и не думала специально об этом, стала спонтанно усердствовать в чистоте и очищении, избегая совершения проступков, говоря себе: «Я не буду это тело принижать, и не годится загряз- нять его»' [ДБН 2015: 13].
--	---

Таблица 2. Фрагменты из ойратского текста
[Table 2. Fragments from Oirat text]

Ойратский стихотворный текст	Перевод
uruxui zügiyin kitadiyin (23) yazar tu: oyiro dorodu amdou (24) ulušiyyin: oron zongka yazar-tu (25) ekeyin umai-du oron zabduyui (26) tere caqtu:: uridu nigen söni (27) ečigeyin zöüdün-dü: ui tayisung/-ēce irebe kemēn podi bariqsan ud/pala cečigeyin nom-tu debel [3a:1] küdürüqsen üzeskülüng-tei nigen (2) bande irēd:: irou doü-bēr eyin (3) ögüülebei: inaqlan oro öqcönö (4) kemēn: ilete nigen süme bayixu doto/ro: ilyuna oron odxui zöüdü/lēd:: nasun ürgüljide tasural ügei (7) bi: namsangyadi imaqta ungšiqsan-yēr: (8) namai öröšön zöüdün-dü mañjuśri: (9) nasuda ibēküyin dokō buyu kemēn (10) sedki- bei::	‘Возле восточной земли Китая, В нижнем улусе Амдо, В провинции Цонка, перед Вхождением (Цонкапы) в утробу матери Одной ночью, ранее, отец видел сон. «Я пришел с Утайшаня» — произнеся, и держа в руках книгу, Одетый в дхармовые одежды из цветков утпалы, Явился некий прекрасный монах. Приятным голосом спросив: По-дружески сдашь мне комнату? Внутрь одной бывшей там молельни Войдя, прошествовал, — такой сон увидев: «Всю жизнь я всегда без перерыва, Усердно начитывал Намасангити, и за это Манджушри милостив ко мне. А этот сон — Знак его вечного покровительства» — подумал он’ [БЗТ 2022: 2b–3a].
xoyino nigen söni (18) basa ekeyin zöüdün-dü: xuvaraq (19) kigēd olon eres emešiyyin čuulyan (20) xoyor yartu ilayūqsan čimeq yeke (21) kenggerge terigüüteni barīd: xuran uqtu/ji yabuxui tedeni ezēd: xurduna (23) ta bügüde xamiyā odxu bui kemēn (24) asaqbai: xomšin bodhi-sadv-yi uqtu/müi kemēqsen-dü:	‘Позже, одной ночью снова мать видит сон: Монахи и множество мужчин и женщин, со- бравшись, Держа в руках стяги победы, барабаны и прочее, Вместе идут и кого-то встречают, увидев их, Спросила: «Куда вы все так спешно идете?». На ответ: «Встречаем Авалокитешвару».

xotolo züq büri (26) xaraba čü ese üzeqdebei: xoyino (27) öülen dotoro oulayin činēn yeke:: (28) oqtoruyi düüreng gereltei yeke (29) nigüülesüqčiyin altan beye: ulam ulam (30) doroqši buun bayaduqsār: oyirotun (31) ireküi-dü: nigen tōni tödüi bolun: [4a:1] oroi-bēr mini šingimeqce uqtuq/san tede ki- gēd: töüni kürilen ireq/sen maši γō üzesküleng-tü: tengge/riyin okid küböüd küq dou douris/xan: tede бүгүдәр nudui mürkün ergen (6) egešiqlēji: teyin ölzöi xutuq (7) orošiulxui zöüdülebei bi: manayar (8) noyir-ēce seribečü mini sedkil-dü (9) maši yeke bayasxulang öbörön törö/böi kemēn: maqtan ögüüleji zuryān (11) üzüq ungšiqsani adis- tid kigēd: (12) mayad yurban erdeniyin adistid mün (13) kemēn sedkiqsen bui::	Посмотрев во все стороны, никого не увидела: После из облака огромный, подобно горе, Наполняя небо светом золотое тело Великоми- лосердного, Спускаясь все ниже и ниже, Приблизилось и став размером с одну пядь, Растворилось во мне через макушку, и встречав- шие, А также окружавшие того (Авалокитешвару) очень красивые Дочери и сыновья богов пели песни и играли на музыкальных инструментах. Все они поклонялись мне, делали подношения и благозвучно Произносили стихи пожеланий счастья, — та- кой сон я увидела: На следующий день после пробуждения в моем уме Сама собой зародилась величайшая радость. Это благословение от чтения восхвалений и шести слогов, И совершенно точно благословение Трех Драго- ценностей, — подумала’ [БЗТ 2022: 3b–4a].
---	--

Сопоставление данных фрагментов с описаниями снов родителей Цонкапы свидетельствует об общей идентичности их содержания. Трудно определить, на какие именно тибетские тексты опирался Жачун-хамбо. Можно лишь предположить использование ранней по времени работы Тогден Джампел Гьяцо. Можно также предположить, что Жачун-хамбо мог использовать какие-то другие изустные передачи, отсюда некоторые различия, которые наблюдаются в тибетском тексте и стихотворном переводе на ойратском языке.

5. Выводы

При составлении параллельного тибетско-ойратского корпуса неминуемо приходится сталкиваться с проблемой установления авторства ойратского перевода. В первую очередь это касается круга текстов из числа переведенных ойратским просветителем XVII в. Зая-пандитой Намкай Джамцо, поскольку в основу корпуса закладываются его переводы с тибетского языка. Помимо этих текстов, в корпус включаются переводы, выполненные представителями школы Зая-пандиты, его ближайшими учениками и последователями, творившими в последую-

щие века, вплоть до XX в., т. е. до тех пор, пока «ясное письмо» имело хождение в среде калмыков.

Важным источником для установления авторства перевода, а также датировки памятника, равно как и установления имен заказчиков, переписчиков и резчиков (в случае, если речь идет о ксилографических изданиях), являются колофоны (послесловия) текстов. При этом к тексту могут быть составлены не один, а два колофона (в первом может быть указано имя переводчика, а во втором — имена тех, кто завершили начатый, но незавершенный перевод Зая-пандиты).

Отсутствие колофона, как в переводном, так и в оригинальном сочинении на ойратском «тодо бичиг», усложняет установление его авторства. В таких случаях единственным способом остается проведение тщательного текстологического анализа с учетом данных всех уровней языка, позволяющего установить частоту употребления терминов, подбор их эквивалентов, правила и принципы перевода, которых придерживался переводчик, либо их отсутствие, т. е. всех тех вопросов, которые и призван решать параллельный тибетско-ойратский корпус.

Особого внимания заслуживает вопрос об установлении полных титулов сочинений, переведенных Зая-падитой и его последователями, включаемых в корпус. Главный источник для установления всего круга переведенных ойратских текстов, каковым является биография Зая-пандиты, составленная Раднабхадрой, как известно, отличается своей предельной лаконичностью. Вследствие этого установление полного названия сочинений из перечня Раднабхадры остается одной из проблем, требующих решения. Важным вкладом в этом вопросе являются труды монгольских ученых Ц. Дамдинсурэна, Х. Лувсанбалдана и др.

В вопросе установления авторства ойратского стихотворного намтара (биографии) великого реформатора тибетского буддизма Цонкапы мы придерживаемся точки зрения Л. Тэрбиша и Х. Бямбажава, которые расценивают его как авторское

произведение 14-го настоятеля монастыря Жачун в Амдо, Эрдэни Жачун-хамбо хутугты. Что касается текста «Жизнеописание Цонкапы», которое упоминается в перечне Раднабхадры, то на данный момент мы им не располагаем, но работа по его обнаружению и определению соответствующего тибетского первоисточника будет продолжена. Тем не менее стихотворная биография Цонкапы, по нашему мнению, может быть включена в параллельный корпус как пример компилятивного монгольского (ойратского) произведения, созданного на основе тибетских сочинений. Начата работа по сопоставлению текста стихотворного намтара с одним из образцов биографических сочинений Цонкапы на тибетском языке, которая позволит в дальнейшем установить, какие из имеющихся текстов могли послужить источником для создания оригинального сочинения.

Источники

БЗТ 2022 — Эрдэнэ Жачун хамба хутагт Ишжамц, Хоердугаар Ялгуусан Номын хаан Богд Зонхавагийн тууж оршивой (= История жизни Второго Победоносного Царя учения Богдо Цонкапы) / пер. с «ясного письма», введение и примечания Х. Бямбажава; ред. Л. Тэрбиш. Улаанбаатар: Соёмбо, 2022. 140 p.

ДБН 2015 — rtogs ldan 'jam dpal rgya mtsho (Тогден Джампел Гьяцо). rje tsong kha pa chen mo'i zur 'debs rnam thar legs bshad kun 'dus (= Дополнение к Большому намтару Дже Цонкапы: компендиум благих учений). rje btsun tsong kha pa chen po'i rnam thar phyogs bsgrigs, Vol. 1 / Tsongkhapa Je. Pe cin: Krung go'i bod rigs pa'i dpe skrun khang, 2015. 645 p.

Biography 1967 — Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (Rabjamba Čay-a bandida-yin tuyūji saran-u genel kemekü ene metü bolai). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen (предисловие, транслитерация, издание текста Ж. Цолоо) // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1967. 101 x.

Sources

Erdene Zhachun Khamba Khutagt Ishzhamts. The Life Story of Bogdo Tsongkhapa, the Second Victorious King of the Teachings. Kh. Byambazhav (transl., foreword, etc.); L. Terbish (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2022. 140 p. (In Mong.)

Togden Jampel Gyatso. Supplement to Je Tsongkhapa's Great Namtar: A Compendium of Good Teachings. Vol. 1. Beijing: China Tibetology Publishing House, 2015. 645 p. (In Tib.)

Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (Corpus Scriptorum Mongolorum 5). Pts. 2–3. J. Tsooloo (preface, translit., ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1967. 101 p. (In Oir.)

Литература

- Биткеев 2009 — *Биткеев П. Ц.* Калмыцкий язык за 400 лет. Элиста: Джангар, 2009. 191 с.
- ИКЛ 1981 — История калмыцкой литературы: в 2 тт. Т. 1: Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 335 с.
- Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 229 с.
- Корнеев 2017 — *Корнеев Г. Б.* Стихотворное предисловие к Среднему Ламриму Цонкапы: тибетский оригинал и ойратский перевод // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 2. С. 55–62.
- Лувсанбалдан 1975 — *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд (= „Ясное письмо“ и его памятники) / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 р.
- Музраева 2024 — *Музраева Д. Н.* К сравнительному изучению разновременных ойратских переводов «Сутры о мудрости и глупости» (на материале параллельного корпуса текстов) // Новый филологический вестник. 2024. № 3(74). С. 451–459. DOI: 10.54770/20729316-2025-3-451
- Норбо 1999 — *Норбо Ш.* Зая-Пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописм. монг. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова; науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Санжеев 1977 — *Санжеев Г. Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1977. 161 с.
- Damdinsürüng 1959 — *Damdinsürüng Če.* Mongyol uran jökiyal-un degeji jayun bilig orušibai // Corpus Scriptorium Mongolorum. T. XIV. Ulaanbayatur: Bügüde nayiramdaqu mongyol arad ulus-un sinjilekü uqayan ba degedü bolbasural-un küriyeleng-ün keblel. 1959. 599 x.

References

- Bitkeev P. Ts. Kalmyk over the 400 Years. Elista: Dzhangar, 2009. 191 p. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I., Dzhambinova R. A. (eds.) History of Kalmyk Literature. In 2 vols. Vol. 1: The Pre-October Period. Elista: Kalmykia Book Publ., 1981. 335 p. (In Russ.)
- Kara D. Books of Mongolian Nomads: The Seven Centuries of Mongolian Writing. Moscow: Nauka — GRVL, 1972. 229 p. (In Russ.)
- Korneev G. B. The poetic foreword to Je Tsongkhapa's 'Middle Length Lam-Rim': The Tibetan original and its Oirat translation. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2017. Vol. 30. No. 2. Pp. 55–62. (In Russ.)
- Luvsanbaldan Kh. Clear Script and Its Monuments. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences. 1975. 356 p. (In Mong.)
- Muzraeva D. N. Towards a comparative study of different-time Oirat translations of “The Sutra of the Wise and the Fool” (Based on the material of a parallel corpus of texts). *The New Philological Bulletin*. 2024. No. 3 (74). Pp. 451–459. (In Russ.)
- Norbo Sh. Zaya Pandita: Biographical Materials. V. Sanchirov (ed.); D. Muzraeva, K. Orlova, V. Sanchirov (transl.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Studies in the History of Writing among Mongols: A Linguistic Introduction. Ulan-Ude. Buryatia Book Publ., 1977. 161 p. (In Russ.)
- Damdinsürüng Če. One Hundred Samples of Mongolian Literature (Corpus Scriptorium Mongolorum 14). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, Institute of Higher Education, 1959. 599 p. (In Mong.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1320–1328, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 281.9 (5)

Тибетоязычный рукописный Кангюр из Института монголо- ведения, буддологии и тибетоло- гии СО РАН

Андрей Александрович Базаров¹

Tibetan Manuscript Kangyur at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

Andrei A. Bazarov¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

 0000-0002-6837-7280. E-mail: [bazarow_andr\[at\]mail.ru](mailto:bazarow_andr[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Базаров А. А., 2025

© Bazarov A. A., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются структурное содержание и историко-источниковедческая значимость рукописного издания Кангюра, хранящегося в фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. *Цель* исследования — ввести в научный оборот комплект буддийского рукописного канона из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Методология.* Исследование базируется на методологическом фундаменте «когнитивной истории», интегрируя отдельные концепции исторической феноменологии. *Источниковедческий анализ* сборника способствовал пониманию исторической значимости данного канонического хранения, а также специфики функционирования книжных собраний буддийских сообществ в байкальском регионе в XVIII–XIX вв. Основная проблема исследования заключается в реконструкции исторических условий возникновения практики копирования буддийского канона в российских регионах с последующей задачей — определения места данной конкретной коллекции в книжных ресурсах страны. *Результаты.* Тибетоязычный рукописный Кангюр, хранящийся в фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, представляет собой тот фундаментальный материал, который становится источником для многочисленных исследований, прежде всего источниковедческих, но также исторических и социальных. Введение в научный оборот рукописного Кангюра демонстрирует факт того, что в бурятских монастырях существовала устойчивая практика копирования тибетоязычных Кангюров в период XVIII в. и первой половины XIX в. Она опиралась на доктринальные буддийские положения с сугубо социально-прагматической

целью — создать религиозный центр с авторитетным книжным собранием — Кангьюром в условиях ограниченных ресурсов и отсутствия устойчивых религиозных и деловых связей с Тибетом.

Ключевые слова: буддизм, история, Байкальский регион, буддийский канон, коллекция, рукопись, Кангюр, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Тибетский буддийский канон: комплексное археографическое изучение и создание базы данных» (№ 24-28-00275, <https://rscf.ru/project/24-28-00275>).

Для цитирования: Базаров А. А. Тибетоязычный рукописный Кангюр из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1320–1328. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1320-1328

Abstract. Introduction. The paper examines the historical significance and textual structure of a Tibetan manuscript Kangyur from the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). **Goals.** The work aims to introduce into scientific circulation the specified manuscript set of the Buddhist canon. **Methods.** Methodologically, the study rests on ‘cognitive history’ and some concepts of historical phenomenology. **Results.** The source analysis of the collection helps understand the historical significance of the Tibetan manuscript Kangyur and outlines some specifics of Buddhist book culture in the Baikal region throughout the eighteenth and nineteenth centuries. The main research problem is to reconstruct historical conditions for the emergence of practices of copying the Buddhist canon in Russia’s regions — to further determine the place of this collection in the present-day book system nationwide. **Conclusions.** The Tibetan manuscript Kangyur (IMBTS SB RAS) may serve a fundamental source for various researchers specializing in source, historical and social studies. The to-be-introduced manuscript Kangyur attests to Buryat monasteries established a consistent practice of copying Tibetan Kangyurs in the eighteenth to mid-nineteenth centuries. This practice was based on doctrinal Buddhist principles and served to pursue a socially pragmatic objective — establishment of a religious center with Kangyur canonical book collection — in contexts of limited resources and interrupted religious or commercial ties with Tibet.

Keywords: Buddhism, history, Baikal region, Buddhist canon, collection, manuscript, Kangyur, IMBT SB RAS.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00275 ‘Tibetan Buddhist Canon: Comprehensive Archaeographic Research and Database Creation’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00275/>.

For citation: Bazarov A. A. Tibetan Manuscript Kangyur at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1320–1328. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1320-1328

1. Введение

Тибетский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ИМБТ СО РАН) — одно из ведущих хранилищ восточной литературы в России. Организация хранения в фонде тибетских текстов базируется на системной иерархии, принятой в буддийских монастырях Внутренней Азии, во главе которой стоят канонические издания — Кангюр (тиб. «Вка ‘gyur’). Среди множества тибетоязычных собраний Кангюра, хранящихся в фонде, особо

выделяются рукописные. Данное книжное раритетное собрание является ярким свидетельством многовековой работы бурятских монастырей по распространению «Слов Будды». По ряду научных причин этот ценный документ до сих пор не был введен в научный оборот и не изучался. Поэтому исследование рукописного тибетоязычного собрания Кангюра из ИМБТ СО РАН имеет высокую актуальность, так как позволит не только проанализировать его как письменный памятник буддийской книжности, но и понять его историко-социальную значимость в буддийских общинах России.

2. Методы и материалы

Исследование базируется на методологическом фундаменте «когнитивной истории», интегрируя отдельные концепции исторической феноменологии [Каравашкин, Юрганов 2005: 11]. Приоритетное значение для настоящей работы имеет основополагающий принцип подхода, согласно которому собрания «текстов» выступают как объективированный продукт творческой деятельности индивида. Эти собрания коррелируют с формированием его интеллектуальных, читательских и коллекционных интересов, а также с его интерпретацией собственной общественной и религиозной деятельности. Материалом для исследования послужило собрание рукописного издания Кангьюра (далее — РИК) из тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН [Рукописный Кангьюр].

3. Результаты

3.1. Исторический и культурологический анализ

Наше исследование направлено на введение в научный оборот 201-томного РИК, который является уникальным образцом тибетоязычного книжного наследия России и находится в хранилище ИМБТ СО РАН. Особый научный интерес вызывает выяснение обстоятельств появления этого собрания как в фондах института, так и бурятской культуре.

Ответ на первую часть вопроса: предполагается, что по аналогии с другими Кангьюрами данный рукописный экземпляр был передан в ИМБТ СО РАН в 1958 г. из Краеведческого музея имени М. Н. Хангалова. До этого собрание хранилось в Антирелигиозном музее Бурят-Монгольской АССР (Одигитриевский собор). В 30–40-х гг. прошлого столетия этот музей являлся крупнейшим хранилищем тибетской литературы в регионе. В 50-х гг. XX в. Антирелигиозный музей стал частью краеведческого [Бальжурова, Бороноева 2019: 256]. Относительно «домузейного» — монастырского — периода хранения РИК задокументированных сведений найти не удалось. Ни на одном листе РИК не было найдено ка-

ких-либо свидетельств о его бывших «монастырских» владельцах.

Вторая часть вопроса связана с возникновением исторических и культурных причин для появления РИК в бурятском сообществе. Прежде всего это обусловлено общей историей распространения буддизма в Бурятии. В культуре бурят-монголов РИК появляется в XVIII–XX вв., когда тибето-монгольский буддийский канон Кангьюр (тиб. «Вка ‘gyur») становится доступным и известным в Бурятии. Необходимо подчеркнуть, что этому процессу предшествовали крупные социально-политические сдвиги, происходившие во Внутренней Азии на рубеже XVII–XVIII вв. В этот период тибетские и монгольские территории становятся окраинами двух крупнейших государственных образований — Цинской и Российской империй. Сравнительный анализ многочисленных сообществ, организуемых монголами и тибетцами, показал, что в XVII–XVIII вв. региональная политическая элита Монголии и Тибета, сталкиваясь с задачами собственной трансформации внутри как Цинской, так и Российской империй, опирается, прежде всего, на буддизм. В данном случае буддизм становится важнейшим социальным институтом, регулирующим взаимодействие центра и периферии, принося определенные выгоды обеим сторонам. Как известно, данный институт обладает разнообразными средствами для подобной регуляции, в число которых могут входить развитие религиозного образования, строительство монастырской структуры, формирование верноподданнической идеологии, книгоиздательская деятельность и многое другое. Какую роль в этих процессах играют канонические сборники? Их физическое наличие служит, прежде всего, для формирования региональных религиозно-политических центров и поддержки идентичности небольших этнически обособленных сообществ. Что касается байкальского региона, то в XVIII–XIX вв. по инициативе местных элит на этой территории формируется сеть буддийских монастырей [Галданова и др. 1983: 34–79], став новыми религиозными и этническими центрами. Во вновь образованных монастырях, чтобы сделать их на-

стоящими буддийскими храмами надлежало установить священные предметы — «три опоры» (*rten gsum*) буддийской религиозной практики, состоящие из олицетворений тела (статуй), речи (Кангьюров) и ума (ступ) Будды. Как свидетельствуют архивные данные, в связи с бурным строительством стационарных монастырей вокруг Байкала (Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область) в XVIII – начале XX вв. местные храмы в больших количествах приобретали комплекты Кангьюра¹ (покупка, копирование, дарение).

Для того времени характерен документ от 17 июля 1863 г., составленный Пандито хамбо ламой Восточной Сибири настоятелем Гусиноозерского дацана Галсан-Чойроп Ванчиковым (1816–1873) и утвержденный военным губернатором Забайкальского края К. Н. Шелашниковым (1820–1888). В тексте документа – разрешение о распродаже привезенных из цинского Китая буддийских культовых предметов, в том числе комплекта Кангьюра (108 томов, по 5 рублей за том) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. Л. 20]. Этому документу предшествовало прошение настоятеля Бургалтайского дацана Ламаева о приобретении комплекта Кангьюра. Кангьюры приобретались в основном за счет коллективных пожертвований [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. Л. 11–12]. В следующем документе за 1864 г. обнаружен реестр сумм пожертвований агинскими бурятами (от 10 до 300 рублей, всего 2750 рублей) на приобретение канона, «Амгалан Бородин, кубдутского рода — 300, Самдан Жигжитов, шарайтского рода — 300, Сыден Данба Су.ев, хосаитского рода — 150, заседатель Жигдын Зориктуев — 150, Сыден Доржи Урелтуев, харганатского рода — 150, заседатель Арсалан Тугулдунов — 100, староста Жамсаран Жамбулов — 60, Жамбал Сондолов бодонгутского рода — 10 и др.» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. Л. 27].

К началу XX в. обеспеченность бурятских монастырей Кангьюрами достигла пика². Необходимо подчеркнуть, что исто-

¹ Ходатайство о свободном пропуске из-за границы бурханов, книг и прочее [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. 26 л.].

² Согласно информации Г.-Д. Нацова, каждый бурятский монастырь имел до нескольких

рико-социальная направленность в изучении буддийской канонической литературы позволяет постигнуть некоторые аспекты взаимодействия имперского центра и буддийских региональных центров. Сложнейшая политическая игра противовесов внутри Российской империи в XVIII–XIX вв. требовала от региональных центров усиления своей значимости на местах. Для многочисленных бурятских монастырей массовое приобретение Кангьюров стало одним из ключевых инструментов их деятельности в этом направлении.

К началу XX в. в бурятских монастырях основной массив канонического хранения представляли ксилографические сборники, отпечатанные в типографиях Деге (1729–1733), Нартана (1730–1732), Пекин (XVII–XVIII вв.), Чоне (1721–1731), Урга (1908–1910). Свидетельство этому оставил Г.-Д. Нацов [Нацов 1998: 25–67]. Кроме ксилографических изданий, в монастырях хранились и рукописные экземпляры. О количественном соотношении ксилографических и рукописных собраний интересное историческое свидетельство оставил О. М. Ковалевский. Он, описывая свою встречу с экспедицией П. Л. Шиллинг фон Канштадта в Забайкалье, 8 августа 1831 г. оставил запись: «За Байкалом ныне 11 экземпляров Ганджура, из коих 4 печатные, прочие же в рукописях» [Успенский 2011: 293]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что до 30-х гг. XIX в. в бурятских монастырях рукописных изданий было намного больше, чем ксилографических. В дальнейшем ситуация начинает постепенно изменяться, во второй половине XIX в., ксилографических зарубежных изданий становится больше. Причинами этого могут быть разные обстоятельства: рост благосостояния бурятских монастырей, укрепление религиозных и торговых связей с Тибетом, усиление русского влияния во Внутренней Азии.

экземпляров Кангьюра. Например, в небольшом Ацагат-Челутаевском дацане имелся Кангюр в одном экземпляре [Нацов 1998: 40], в крупном дацане — Агинском — находилось семь экземпляров (1 местный рукописный, 2 нартанских, 2 чонеских, 1 дегеский, 1 на монгольском языке неизвестного издания) [Нацов 1998: 66–67].

Каково происхождение рукописных изданий Кангьюра? Большая часть, безусловно, была местного происхождения. У Г.-Д. Нацова и С. Д. Сыртыповой мы находим данные о том, что переписка буддийского канона осуществлялась в Агинском [Нацов 1998: 66], Джидинском (Атаганском) [Нацов 1998: 25], Кыренском [Нацов 1998: 112], Цугольском [Сыртыпова 2007: 244] дацанах. Необходимо отметить, что в Агинском монастыре образцом для переписки послужил нартанский ксилограф, взятый агинцами на время в Тамчинском дацане в первой половине XIX в. Что касается Кангюров из Джидинского (Атаганского), Кыренского и Цугольского дацанов, то здесь речь идет о так называемых «драгоценных Ганьжухах», написанных на черной бумаге 9-ю драгоценностями. Вероятно, переписка канонов была более распространенным явлением, чем указывается в доступных документах. Помимо переписки на местах, в Забайкалье завозились весьма ценные рукописные собрания из Монголии и Тибета. Свидетельством тому являются два уникальных экземпляра, сохранившихся до наших дней: «серебряный» Кангюр и рукописный монгольский¹. «Серебряный» являет собой чрезвычайную ценность не только из-за содержания и способа издания, но и как историко-культурный памятник. Об этом сборнике Г.-Д. Нацов пишет: «*Это был Ганчжур, подаренный Далай ламой Тринадцатым Агвану Доржиеву, который в свою очередь преподнес его Ацагатскому дацану*» [Нацов 1998: 154]. Не меньшую ценность представляет монгольский РИК [Alekseev et al. 2006: 241–269].

Как уже отмечалось, работа по переписке тибетоязычного Кангюра в бурятском обществе была широко распространенным явлением. На это указывает свидетельство О. М. Ковалевского, а также сохранившиеся экземпляры из фондов Института восточных рукописей РАН и ИМБТ СО РАН. Особое внимание обращает на себя ксилографическая разлинованная рамка, оттиск ко-

торой сохранился на экземплярах Кангюра из ИМБТ СО РАН². Она была изготовлена специально для переписки канона, и предполагалось регулярное ее использование. Вероятно, в XVIII – первой половине XX в. переписка канона носила систематический характер, а не единичный. Когда со второй половины XIX в. возможности закупки ксилографических экземпляров в Тибете и Монголии расширились, простая переписка текстов становится редкостью. Большее значение в переписке канонов стали придавать «драгоценным» экземплярам. Попытка изучить практику переписывания канонов у бурят может породить искушение свести эту работу к простым прагматическим мотивам, в которых первостепенное значение имели явные социально-практические соображения. Хотя эти мотивы, скорее всего, присутствовали, необходимо признать, что буддисты в переписке канонов действовали согласно собственному религиозному мировоззрению. Как писал А. Г. Сазыкин: «*Переписка буддийских канонических сочинений в соответствии с положением буддийской догматики, трактующим размножение священных текстов как в высшей степени добродетельный и многоспасительный акт, была причиной появления многочисленных списков широко распространенных, неоднократно издававшихся ксилографических изданий*» [Сазыкин 1988: 434]. Переписка является своеобразной религиозной практикой с элементами технологически регрессивного миропонимания, где запомненный и произнесенный текст имеет более высокий статус, чем записанный³, где «*по своей «магической» силе печатный текст <...> ценится ниже, чем рукописный*» [Кычанов, Савицкий 1975: 245]. В этой практике переписывания каждый элемент имел особое «ритуальное» значение. Польза от переписки возрастала в зависимости от того, на какой бумаге и какими чернилами была выполнена рукопись. Так, считалось, что пере-

² Оттиск рамки красного цвета с 8 линиями, с двойными знаками начала текста — *yig mgo*.

³ В истории буддизма существуют сведения, в которых утверждается, что буддисты очень поздно стали записывать «Слова Будды», отдавая предпочтение памяти [Философия буддизма 2011: 681].

¹ В настоящее время «серебряный» Кангюр хранится в Национальном музее Республики Бурятия, монгольский рукописный Кангюр — в ИМБТ СО РАН.

писка буддийского текста «драгоценными» чернилами на лакированной синей или черной бумаге значительно увеличивала силу исполненной буддистом добродетели.

Могли ли многочисленные тибетоязычные рукописные копии Кангьюра предшествовать ксилографическому изданию буддийского канона в Байкальском регионе. Бурятские монастыри в XIX – первой четверти XX вв. публиковали в виде ксилографов большое количество тибето-монгольских книг [Сыртыпова и др. 2006]. Практически все монастыри региона владели собственными типографиями, печатавшими разнообразнейшие буддийские тексты. Издательская деятельность бурятских монастырей была одной из крупнейших во Внутренней Азии в конце XIX – начале XX вв. Тем не менее местные монастырские типографии не решались публиковать комплектные буддийские издания: канон (Кангюр, Дангюр) и собрание сочинений (сумбум). Возможно, технически и экономически данная задача — публикация комплектных изданий в регионе, была решаемая, но в рамках социальных реалий тибето-монгольского буддийского мира это было трудновыполнимо. Поскольку для таких изданий требовался высокий религиозно-схоластический авторитет у данной региональной традиции, который скорей всего к данному периоду не имелся. Поэтому данные рукописные копии Кангьюра не могут рассматриваться в качестве основы для их последующих ксилографических изданий.

3.2. Археографическое изучение рукописного Кангюра из ИМБТ СО РАН

Основные параметры хранящегося в институте РИК: рукопись; бумага русская (XVIII–XIX вв.) в хорошем состоянии, цвет бумаги белый (с водяными знаками XIX в.) и синий (с водяными знаками XVIII в.), края без окраса; количество строк на страницу — 8; размер от 63,0 x 17,0 (54,0 x 10,5) см до 62,0 x 5,0 (54,0 x 10,0) см; оттиск основной черного цвета и красного цвета (рамка, первых два листа), читабельность хорошая; на обратной (*verso*) и лицевой (*recto*) сторонах листа — иллюстрации. Все тома обернуты в материю разных цветов (бур. *жаньши*, тиб. *dpe ras*), накладки (*gligs shing*) на томах

разные (картонные и деревянные). Практически на всех страницах РИК оттиск рамок красного цвета (8 линий, первая линия начинается с двойного знака «иг го» (тиб. *yig mgo*)), нарисованная рамка только на томах (TCMG-022; 077; 121; 127; 135, 166). Размер оттиска рамки: 54,0 x 10,5 см.

Первый раздел «виная» (*'dul ba*) состоит из 31 тома (4 *ka*; 2 *kha*; 2 *ga*; 3 *nga*; 4 *ca*; 2 *cha*; 2 *ja*; 2 *nya*; 3 *ta*; 1 *tha*; 2 *da*; 1 *na*; 3 *pa*). Инвентарная нумерация: TCMG-001 – TCMG-031 + TCMG-200 (1 *kha*).

Второй раздел «праджня-парамита, двадцатипяти тысячная» (*nyi shu lnga pa*) состоит из 6 томов (2 *ka*; 1 *kha*; 1 *ga*; 2 *nga*). Инвентарная нумерация: TCMG-032 – TCMG-037.

Третий раздел «праджня-парамита, восемнадцатитысячная» (*khri brgyad*) состоит из 6 томов (2 *ka*; 2 *kha*; 2 *ga*). Инвентарная нумерация: TCMG-038–TCMG-043.

Четвертый раздел «праджня-парамита, десяти тысячная» (*shes khri*) состоит из 2 томов (2 *ka*). Инвентарная нумерация: TCMG-044–TCMG-045.

Пятый раздел «праджня-парамита, различные (тексты)» (*sher phyin sna tshogs*) состоит из 2 томов (2 *ka*). Инвентарная нумерация: TCMG-046–TCMG-047.

Шестой раздел «ратнакута» (*dkon brtsegs*) состоит из 12 томов (4 *ka*; 2 *kha*; 1 *ga*; 2 *ca*, 3 *cha*). Инвентарная нумерация: TCMG-048–TCMG-059.

Седьмой раздел «аватамсака» (*phal chen*) состоит из 14 томов (4 *ka*; 2 *kha*; 2 *ga*; 2 *nga*; 1 *ca*, 3 *cha*). Инвентарная нумерация: TCMG-060–TCMG-073.

Восьмой раздел «сутр» (*mdo*) состоит из 71 тома (1 *ka*; 3 *kha*; 3 *ga*; 3 *nga*; 1 *ca*; 2 *cha*; 2 *ja*; 2 *nya*; 3 *ta*; 2 *tha*; 2 *da*; 2 *na*; 3 *pa*; 2 *pha*; 2 *ba*; 1 *ma*; 3 *tsa*; 3 *tsha*; 2 *dza*; 2 *wa*; 2 *zha*; 3 *za*; 3 *'a*; 3 *ya*; 3 *ra*; 2 *la*; 4 *sha*; 1 *sa*; 2 *ha*; 2 *aa*; 1 *ki*). Инвентарная нумерация: TCMG-0074–TCMG-144.

Девятый раздел «Махапаринирвана-сутра» (*myang 'das*) состоит из 4 томов (2 *ka*; 2 *kha*). Инвентарная нумерация в ИМБТ СО РАН: TCMG-145–TCMG-148.

Десятый раздел «тантра» (*rgyud 'bum*) состоит из 52 томов (2 *ka*; 2 *kha*; 2 *ga*; 3 *nga*; 2 *ca*; 2 *cha*; 2 *ja*; 3 *nya*; 3 *ta*; 3 *tha*; 1 *da*; 3 *na*;

2 *pa*; 2 *pha*; 1 *ba*; 3 *ba og*; 2 *ma*; 2 *tsa*; 3 *tsha*; 2 *dza*; 3 *wa*; 2 *zha*). Инвентарная нумерация: TCMG-149–CMG-199.

Одиннадцатый раздел «разное» (*sna tshogs*) состоит из 1 тома (*ka*). Инвентарная нумерация: TCMG-0201.

После первоначального изучения РИК из ИМБТ СО РАН можно утверждать, что в данном каноническом хранении представлены как минимум четыре неполных комплекта рукописного Кангюра. Все попытки сгруппировать их в отдельные собрания закончились неудачей. По непонятным причинам в РИК из ИМБТ СО РАН отсутствует важнейший раздел — «праджня-парамита, стотысячная» (*'bum*). Данные рукописные издания были выполнены в XVIII – первой половине XIX в. Структурно комплекты РИК тесно связаны с нартанским Кангюром, тем не менее утверждать об их полном сходстве невозможно, поскольку раздел «праджняпарамита» полностью коррелируется с пекинским аналогом. В связи с этим возникает предположение о специфическом бурятском структурировании разделов рукописного Кангюра.

4. Выводы

Уникальность хранения рукописного издания тибетского Кангюра в ИМБТ СО РАН для нашей страны заключается в том, что это собрание в своем роде единственное, обладающее социально-археографической ценностью, связанной с региональной спецификой. Необходимо подчеркнуть, что тибетоязычный рукописный Кангюр, хранящийся в фондах ИМБТ СО РАН, представляет собой тот фундаментальный мате-

риал, который становится источником для многочисленных исследований, прежде всего, историко-источниковедческих. Введение в научный оборот ранее неисследованного тибетоязычного рукописного Кангюра демонстрирует факт того, что тибетоязычные канонические собрания, созданные внутри бурятской культуры в XVIII–XX вв., составляют неотъемлемую часть раритетных книжных ресурсов страны и являются одним из факторов развития отечественного востоковедения.

Историко-источниковедческий анализ коллекции рукописного Кангюра показал, что в период XVIII – первой половины XIX в. бурятских монастырях существовала устойчивая практика копирования тибетоязычных Кангюров. Она формировалась как благодаря сугубо доктринальным буддийским положениям о благом воздаянии за переписывание канонических текстов, так и с сугубо социально-прагматической целью — создать религиозный центр во главе с авторитетным книжным собранием — Кангюром в условиях ограниченных ресурсов и отсутствия устойчивых религиозных и деловых связей с Тибетом. Когда во второй половине XIX – начале XX вв. социально-религиозная ситуация улучшилась, переписанные бурятами «простые» Кангюры стали не столь популярны, как «драгоценные» зарубежные ксилографические. В настоящее время все тибетоязычные Кангюры, написанные от руки бурятами, являются не только библиографической редкостью, но и ценными документами по истории буддизма в Бурятии.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Рукописный Кангюр — Неизвестное издание Кангюра: Рукопись. № TCMG(001) — № TCMG (201) // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Тибетский фонд. (201 том).

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

Manuscript Kangyur of Unknown Origin. Manuscript. Nos. TCMG (001) — TCMG (201). 201 vols. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS); Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Tibetan Collection. (In Tib.)

Литература

- Бальжурова, Бороноева 2019 — *Бальжурова А. Ж., Бороноева Т. А.* Иволгинский дацан: сохранение исторического памятника, создание музея // Искусство Евразии. 2019. № 4(15). С. 255–266.
- Галданова и др. 1983 — *Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц.* Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.
- Зорин и др. 2017 — *Зорин А. В., Митруев Б. Л., Сабрукова С. С., Сизова А. А.* Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИБР РАН. Вып. 1. Кагьюр и Тэнгьюр. СПб.: Вост. лит., 2017. 512 с.
- Каравашкин, Юрганов 2005 — *Каравашкин А. В., Юрганов А. Л.* Регион Докса: Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 210 с.
- Кычанов, Савицкий 1975 — *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. М.: Наука, 1975. 319 с.
- Нацов 1998 — *Нацов Г.-Д.* Материалы по ламаизму в Бурятии / предисл., пер., примеч. и глоссарий Г. Р. Галдановой. Ч. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. 186 с.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Рукописная книга в истории культуры монгольских народов // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга вторая. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 423–464.
- Сыртыпова и др. 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А.* Буддийское книгопечатание Бурятии XVIII – нач. XX в. Улан-Батор: Адмон, 2006. 222 с.
- Сыртыпова 2007 — *Сыртыпова С. Д.* Святыни кочевников Трансбайкаля (Традиционные культовые объекты как памятники истории и культуры). Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2007. 269 с.
- Цыремпилов 2013 — *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 338 с.

References

- Balzhirova A. Zh., Boronoeva T. A. Ivolginsky datsan: Preservation of the historical monument, creation of a museum. *The Art of Eurasia*. 2019. No. 4(15). Pp. 255–266. (In Russ.)
- Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B., Mitupov G. Ts. Lamaism in Buryatia, Eighteenth to Early Twentieth Centuries: Structure and Social Role of the Cult System. Novosibirsk: Nauka, 1983, 232 p. (In Russ.)
- Zorin A. V., Mitruiev B. L., Sabrukova S. S., Sizova A. A. (comps.) Institute of Oriental Manuscripts (RAS): A Catalogue of Texts from the Tibetan Buddhist Canon. Vol. 1: Bka' 'gyur and Bstan 'gyur. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. 512 p. (In Tib. and Russ.)
- Karavashkin A. V. Yurganov A. L. Doxa Region: Cultural Source Studies. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. 210 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I., Savitsky L. S. People and Gods in the Land of Snows. Moscow: Nauka, 1975. 319 p. (In Russ.)
- Natsov G.-D. Materials on Buryatia's Lamaism. G. Galdanova (foreword, transl., etc.). Pt. 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1998. 186 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Manuscript book in Mongol cultural histories. In: Manuscript Book in Eastern Cultures. Essays. Vol. 2. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. Pp. 423–464. (In Russ.)
- Syrtyanova S. D., Garmaeva Kh. Zh., Bazarov A. A. Buddhist Printing in Buryatia, Eighteenth to Twentieth Centuries. Ulaanbaatar: Admon, 2006. 222 p. (In Russ.)
- Syrtyanova S. D. Sacred Localities and Shrines of Transbaikalian Nomads: Traditional Cult Sites as Historical and Cultural Monuments. Ulan-Ude: Bazarov Buryat State University, 2007. 269 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. Buddhism and Empire, Eighteenth to Early Twentieth Centuries: Buryat Buddhist Community in Russia. Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), 2013. 338 p. (In Russ.)

- Успенский 2011 — *Успенский В. Л.* Экспедиция барона П. Л. Шиллинга фон Канштадта в Сибирь в 1830–1832 годы и ее значение для тибетологии и монголоведения // Рериховское наследие. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Т. VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2011. С. 292–294.
- Философия буддизма 2011 — Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011. 1045 с.
- Alekseev et al. 2016 — *Alekseev K., Tsyrempilov N., Badmatsyrenov T.* Ulan-Ude Manuscript Kanjur: An overview, analysis and brief catalogue // *Buddhist Studies Review*. 2016. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 241–269.
- Nourse 2014 — *Nourse B. J.* Canons in Context: A History of the Tibetan Buddhist Canon in the Eighteenth Century. A Dissertation. Charlottesville, VA: University of Virginia, 2014. 239 p.
- Uspensky V. L. The 1830–1832 expedition of Baron Pavel L. Schilling von Cannstadt to Siberia and its significance for Tibetan and Mongolian studies. In: *The Roerich Heritage. Conference proceedings*. Vol. 8: N. Roerich and His Contemporaries. Architects and Architecture. East in Westerners' Eyes. St. Petersburg: Roerich Family Museum and Institute, 2011. Pp. 292–294. (In Russ.)
- Stepanyants M. T. (ed.) *Philosophy of Buddhism: An Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 1045 p. (In Russ.)
- Alekseev K., Tsyrempilov N., Badmatsyrenov T. Ulan-Ude Manuscript Kanjur: An overview, analysis and brief catalogue. *Buddhist Studies Review*. 2016. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 241–269. (In Eng.)
- Nourse B. J. Canons in Context: A History of the Tibetan Buddhist Canon in the Eighteenth Century. PhD dissertation. Charlottesville, VA: University of Virginia, 2014. 239 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1329–1340, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47).08:636

**Прошение представителей
 калмыцкого народа министру
 государственных имуществ
 М. Н. Островскому: проблемы
 улучшения положения калмы-
 ков**

**A Petition of the Kalmyk People's
 Delegates to Minister of State
 Property M. N. Ostrovsky: Prob-
 lems of Improving Socioeconomic
 Conditions for Kalmyks**

*Наталья Петровна Мацакова¹,
 Даглара Владимировна Амаева²,
 Цаган Цереновна Колдаева³*

*Natalya P. Matsakova¹,
 Daglara V. Amaeva²,
 Tsagana Ts. Koldaeva³*

¹ Калмыцкий государственный университет им.
 Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-8586-1632. E-mail: matsakova_np[at]mail.ru

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11,
 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

² Калмыцкий государственный университет им.
 Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-0534-9554. E-mail: amaevadv[at]yandex.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11,
 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

³ Калмыцкий государственный университет им.
 Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)

старший преподаватель

 0009-0002-2348-3933. E-mail: tsagankoldaeva[at]mail.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11,
 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Senior Lecturer

© КалмНИЦ РАН, 2025

© Мацакова Н. П., Амаева Д. В., Колдаева Ц. Ц., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Matsakova N. P., Amaeva D. V., Koldaeva Ts. Ts.,
 2025

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотреть содержание прошения, которое было подано министру государственных имуществ М. Н. Островскому во время его визита в Калмыцкую степь представителями калмыцкого народа. *Материалом* для исследования послужили делопроизводственные документы фонда Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия, а также научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды. Фактический материал был выявлен и изучен с помощью источниковедческого *метода*. Собранная информация рассматривалась на основе общенаучных методов анализа, синтеза и обобщения. *Результаты.* В прошении выражалась просьба принять меры по изменению ситуации, сложившейся вокруг сложных вопросов землепользования и религии. Подача прошения была обусловлена тем, что в XIX столетии калмыцкое скотоводческое хозяйство испытывало большие трудности. Так, в нем одной из проблем, требующих решения, был вопрос об оброчных статьях и прогоне крестьянского скота через калмыцкие земли, что существенно влияло на площадь и качество пастбищ. В связи с нехваткой пастбищ калмыки из приморских улусов просили разрешения пользоваться землей в пределах морской береговой полосы, отведенной для кочевания, выпаса скота и сенокосения. Третья просьба, представленная в ходатайстве, касалась численности буддийских священнослужителей. Однако не все ходатайства и просьбы калмыцкого народа, высказанные в прошении, находили поддержку у чиновников. Оценить мнение и предложения министра дает возможность его Всеподданнейший доклад, составленный им по итогам поездки. Хотя и авторы прошения, и министр государственных имуществ ставили себе целью улучшение положения калмыцкого народа, они не сходились в определении путей и средств достижения этой цели. Поэтому можно смело утверждать, что рассматриваемое прошение не имело шансов на получение поддержки, поскольку не отвечало как основному правительственному курсу, так и позиции Министерства государственных имуществ.

Ключевые слова: Министерство государственных имуществ, министр, Астраханская область, Калмыцкая степь, природно-климатические условия, экстенсивное скотоводство, прошение, земельная проблема, буддистское духовенство, нойон

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019, <https://grant.rscf.ru/project/23-18-20019/>).

Для цитирования: Мацакова Н. П., Амаева Д. В., Колдаева Ц. Ц. Пршение представителей калмыцкого народа министру государственных имуществ М.Н. Островскому: проблемы улучшения положения калмыков // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 6. С. 1329–1340. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1329-1340

Abstract. *Goals.* The article aims to examine a petition submitted to State Property Minister M. N. Ostrovsky by Kalmyk representatives during his visit to Kalmyk Steppe. *Materials and methods.* The study is based on records management documents form Kalmykia's National Archive (coll. 'Kalmyk People's Governance Department'). Special attention has been paid to related scholarly publications of pre-revolutionary and contemporary eras. The source study method has proved central to identifying and analyzing the factual material. The data processing efforts rest on common scientific principles of analysis, synthesis and generalization. *Results.* The petition contained requests for land- and religion-related improvements, and was rooted in the severe difficulties experienced by Kalmyk livestock farming in the nineteenth century. One pressing issue was that of quitrent and peasant livestock driving through Kalmyk-inhabited lands which would significantly reduce the size and quality of pastures. Kalmyks from coastal uluses (districts) requested permission to use lands within the coastal strip for nomadizing, grazing, and haymaking. The third request dealt with the afforded number of Buddhist clerics. However, the examined document and subsequent events show that far not all such petitions and requests of Kalmyks found support from officials. The Most Humble Report as a summary of the visit is indicative of the Minister's actual opinions and proposals. Despite both the petition's authors and Minister proper were seeking to improve conditions for the Kalmyk people, the sides did disagree on determining to-be-selected ways and means. So, one can resume the petition in question was destined to lack any efficient support, since it was inconsistent with both the Government's core policies and the Ministry's attitudes of that period.

Keywords: Ministry of State Property, minister, Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, natural and climatic conditions, extensive livestock farming, petition, land problem, Buddhist clergy, Noyon

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 'Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia'. Available at: <https://grant.rscf.ru/project/23-18-20019>.

For citation: Matsakova N. P., Amaeva D. V., Koldaeva Ts. Ts. A Petition of the Kalmyk People's Delegates to Minister of State Property M. N. Ostrovsky: Problems of Improving Socioeconomic Conditions for Kalmyks. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1329–1340. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1329-1340

1. Введение

Калмыцкая степь Астраханской губернии, как и в настоящее время Республика Калмыкия, в дореволюционный период, относилась к регионам с крайне неблагоприятными условиями для ведения сельского хозяйства. Природно-климатические особенности этой местности издавна оказывали существенное влияние на ее экономическое развитие, что в свою очередь обуславливало благополучие проживавшего здесь населения. Расположение Калмыцкой степи в зоне степей, пустынь и полупустынь с характерным аридным климатом благоприятствовало основному типу хозяйственной деятельности калмыцкого населения — кочевому скотоводству. В XIX столетии калмыцкое скотоводческое хозяйство испытывало большие трудности, связанные с ограничением территории кочевания, злоупотреблениями в этом деле со стороны соседнего населения, стихийными бедствиями и эпизоотиями. Складывавшаяся ситуация вынуждала калмыков подавать прошения представителям власти разного уровня с просьбами принять меры по ее изменению, но, как показала история, не все ходатайства находили поддержку у чиновников. Подтверждением тому может служить прошение, поданное представителями калмыцкого народа министру государственных имуществ М. Н. Островскому в 1891 г.

2. Материалы и методы

В основу статьи легли делопроизводственные документы фонда Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф. И-9]. Были использованы также научные публикации по теме исследования, изданные в

дореволюционный и современный периоды. Фактический материал был выявлен и изучен с помощью источниковедческого метода. Собранный материал рассматривался на основе общенаучных методов анализа, синтеза и обобщения.

3. История изучения вопроса

Прошения калмыков еще не становились предметом отдельного исследования, но рассматривались в ряде работ в контексте изучаемых проблем.

Прежде всего, прошения необходимо рассмотреть как вид исторического источника. Особенности его оформления и содержания рассматриваются в работах А. В. Гусевой [Гусева 2012], О. В. Ванюшиной [Ванюшина 2018], Т. А. Быковой [Быкова 2021].

Другую группу работ составляют труды, посвященные изучению социально-экономического развития Калмыцкой степи в рассматриваемый период, так как в исследуемом прошении затрагиваются наиболее актуальные проблемы, такие как оброчные статьи, злоупотребления со стороны населения из соседних крестьянских сел. Среди второй группы работ следует обратить внимание на монографии У. Э. Эрдниева [Эрдниева 1985], А. Н. Команджаева [Команджаев 1999], С. С. Белоусова [Белоусов 2022].

Ряд работ исследователей посвящен деятельности чиновников по изучению положения дел в Калмыцкой степи и их предложениям по улучшению ситуации в регионе. Примерами могут служить статьи Д. В. Амаевой [Амаева 2014], И. В. Лиджиевой [Лиджиева 2017; Лиджиева 2021; Лиджиева 2022; Лиджиева 2023], Н. П. Мацаковой, Д. В. Амаевой, Л. В. Оконовой [Мацакова и др. 2018].

Основной целью данной статьи является изучение содержания прошения, поданного представителями калмыцкого народа министру государственных имуществ М. Н. Островскому в 1891 г.

4. Прощение калмыцкого народа

4.1. Прощения как исторический источник

Прощение — это источник, отличающийся специфическими особенностями содержания, выявления и анализа. Его появление как официальной просьбы связано с тем, что население всегда обращалось к вышестоящим лицам и чиновникам за помощью в решении тех или иных жизненных проблем. Постепенно были выработаны требования к оформлению обращений, созданы специальные органы для работы с ними. В XVI–XVII вв. просьбы жителей назывались «челобитная» (от выражения «челом бить»), в XVIII в. был введен термин «прошение» [Гусева 2012: 44].

Правилами была определена структура прошений, однако она часто дополнялась и изменялась. Так, предписывалось последовательное изложение просьбы: сначала указать причину составления документа, затем раскрыть содержание просьбы или жалобы, а в конце документа написать саму просьбу [Быкова 2021: 276].

В самом начале документа по центру указывался адрес. Адресат приводился в дательном падеже, примером могут быть такие обращения: «Его Превосходительству Господину Губернатору» или «Его Превосходительству Господину Министру Государственных Имуществ».

Фамилия, имя, отчество, звание и другие данные автора прошения указывались в правом верхнем углу документа. Во вступлении следовало кратко описать обстоятельства, а затем изложить суть прошения. Дабы усилить просьбу, использовали просительные слова: «осмеливаюсь обратиться к ... с просьбой», «покорнейше прошу ...», «всепокорнейше прошу вас ... не отказать в моей просьбе» и т. п. [Ванюшина 2018: 356].

В XIX в. насчитывалось до двенадцати видов просительных документов: жалобы, тяжёбые, встречные, мировые, исковые доносы и отзывы [Гусева 2012: 45].

В 1810 г. в рамках Государственного совета была создана специальная Комиссия прошений, работавшая с обращениями поданных, поступающими на имя императора. В 1884 г. она была преобразована в Канцелярию прошений. Если в начале XIX столетия прошений насчитывалось всего чуть более 6 тыс., то уже к середине века их количество удвоилось и продолжало расти. Из года в год примерно половину прошений составляли документы, содержавшие просьбы о получении материальной помощи [Худин 2009: 59].

Таким образом, прошения — это чрезвычайно информативный и ценный исторический источник, они являлись важным каналом взаимосвязи между властью и населением [Ванюшина 2018: 362].

Прощение как исторический источник дает возможность очертить и изучить перечень проблем, которые население просило решить, обращаясь в высшие инстанции. Несмотря на требования краткого и ясного изложения сути вопроса, тексты просительных документов были объемными и многословными.

Изучаемое в данной работе прошение представителей калмыцкого народа по внешним признакам является типичным образцом просительной документации: адресовано «Его Превосходительству Господину Министру государственных имуществ», подписано, что составлено от имени «представителей от калмыцкого народа». Отличительной его особенностью, думается, можно считать то обстоятельство, что прошение является не индивидуальным, т. е. представленным одним лицом, а коллективным ходатайством, поскольку затрагивались интересы всего калмыцкого народа. Прощение составлено и подписано представителями калмыцкой знати, людьми, относившимися к небольшой образованной прослойке калмыцкого общества. Но описываемые проблемы затрагивали и их интересы.

4.2. Содержание рассматриваемого прошения

Поводом к составлению и подаче изучаемого прошения послужил приезд «в места обитания калмыцкого народа» министра государственных имуществ Михаила Нико-

лаевича Островского, посетившего осенью 1891 г. Астраханскую губернию и калмыцкие кочевья. Это обстоятельство отмечено во вступлении документа. В этой же части прошения податели пишут, что осмелились «представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства некоторые вопросы, рассмотрение которых составляет жизненный интерес народа» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 746. Л. 1].

Они отмечают, что «все благосостояние калмыцкого народа составляет скотоводство; между тем оно находится на неправильном и рискованном пути, как показала минувшая зима, и никто не может поручиться, что в будущую зиму не лишится всего своего достояния. Наша калмыцкая степь, как всем известно, состоит исключительно из солонцев и песков, все лучшее взято от нас под крестьянские поселения, морскую одностороннюю полосу, оброчные статьи и др. Возможность делать запасы сена на зиму по плохому качеству почвы бывают в нашей степи исключительно в урожайные годы, но и тогда запасы не в состоянии обеспечить на зиму даже 1/5 части скотоводства степи — теперь же, в довершении всего, проектируется еще взять 10-ти верстную полосу из калмыцкой степи для приволжских жителей на протяжении почти 400 верст, в которую безусловно войдут в калмыцкой степи единственные покосные места. Неурожайные годы, подобно минувшему, были и в прежнее время, но калмыцкое скотоводство находило себе обеспечение в так называемых „черных землях“. В минувшую зиму, если и погибло калмыцкое скотоводство, то единственно потому, что черные земли были вытравлены еще до зимы. Потрава эта делается частью сопредельными скотоводами Эркетневского улуса, а главным образом скотоводами из русских поселений, которые, снимая участки на зиму в Ставропольской губернии и Терской области, берут за ничтожную цену свидетельства на прогон через черные земли скота, выпасывают его всю осень на калмыцких землях, употребляя на перегон по 3–5 верст в сутки и только к наступлению зимы достигают границы, переходят на аридные участки, вытравив

зимовья места калмыков». Таким образом, описанное положение калмыцких дел послужило причиной подачи данного прошения [НА РК. И-9. Оп. 4. Д. 746. Л. 1–1об.].

Далее авторы переходят к сути прошения, которое, согласно требованиям, разделено на пункты и подпункты. В первом пункте затрагивалась проблема развития калмыцкого хозяйства:

«а) безусловно воспретить прогон крестьянского скота через калмыцкую степь на зимовку в Ставропольскую губернию и Терскую область, так как существует для этого Царицынско-Ставропольский тракт более удобный и близкий на с. Приютное; в виду того, что прогон через калмыцкую степь, служа обеспечением для калмыцкого скота, в то же время служит бедствием для нашего скотоводства, безусловно также воспретить и скотоводам калмыкам кочевать в течение лета и осени на зимовых местах и вытравлять их;

б) изъять из оброчного пользования участки калмыцкой степи в пределах Яндыко-Мочажного и Багацохуровского улусов и передать их в пользование улусных обществ, так как образование оброчных статей, по самому смыслу, может быть сделано только из свободных и ненужных народу земель, в последние же малоурожайные годы сами калмыки крайне снижены в земельном пользовании;

в) приостановить отвод 10-ти верстной полосы приволжскому населению по положению 19 мая 1806 г. до разъяснения, потому что полоса эта должна отводиться уже в другой раз, и между тем в нее входят единственные во всей степи сенокосные лощины и отходы их постановит калмыцкое скотоводство совершенно в безвыходное положение и

г) хотя в 1890 г. указаны в натуре тракты для движения фуриков через калмыцкую степь, но это не исполняется, и фурики, по-прежнему, ходят по всем направлениям, уничтожая подножные корма и разнося по степи эпизоотию, почему необходимо безусловно ограничить произвол фуриков и обязать их совершать движение по указанному в натуре трактам» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 746. Л. 1об.–2об.].

Следует пояснить, что упомянутые «*оброчные статьи*» — это «*казенные недвижимые имущества, отдаваемые в оброчное, с публичных торгов*» [Энциклопедический словарь]. Калмыки жили на казенных землях, которые могли быть отданы в оброчное содержание. Согласно «Правилам об отдаче земель калмыцких в оброчное содержание» от 23 февраля 1837 г. «*излишняя, калмыцкому народу принадлежащие земли, в коих для собственного скотоводства, до времени размножения вновь такового, калмыки надобности не имеют, дозволяется отдавать в оброчное содержание всем инородцам, как-то: татарам и армянам, помещикам, казакам, крестьянам и прочим людям для скотоводства, хлебопашества и сенокосения*» [Правила 1837: 113].

В основном калмыцкие земли брали в аренду государственные крестьяне, мещане и купцы, проживавшие в данной местности. Согласно Правилам 1837 г. они должны были нанимать работников в основном из бедных калмыков, чтобы не только оказать им финансовую помощь, но и «*приучить и приохотить калмыков к сельскому хозяйству*» [Правила 1837: 114]. В свою очередь улусные попечители, владельцы и правители улусов и зайсанги обязаны были «*приохотить бедных калмыков к найму в сии работы, внушая им настоящую пользу и будущее чрез то благосостояние*» [Правила 1837: 114].

Вырученные от аренды земель средства считались общественной собственностью улусов и использовались на покупку рогатого скота в качестве помощи разоренным калмыкам. Сначала данная мера рассматривалась как временная, но впоследствии число и пределы оброчных земель только выросли, они возникли и в других улусах, рыболовные участки также стали сдаваться в оброчную аренду [Команджаев и др. 2018: 19].

По мнению У. Э. Эрдниева, данный процесс расширения и увеличения количества оброчных статей приводил к отрицательным результатам, таким, как сокращение пастбищ и разрушение кормовой базы калмыцкого скотоводства, а сами торги не исключали возможностей для злоупотреб-

лений со стороны аймачных и улусных чиновников царской администрации [Эрдниев 1985: 96–97].

В начале XIX в. появилась первая 10-верстная полоса, служившая границей между русским населением и калмыками. Это был первый акт правительства по отторжению огромной площади лучших калмыцких земель. Кочевья калмыков оказались отодвинутыми от Волги на 15–20 верст. Хотя изначально 10-верстная полоса предназначалась для совместного пользования калмыков и русских, впоследствии ее полностью заняло переселенческое русско-украинское население. В 60-е гг. XIX в. правительство решило выделить вторую 10-верстную полосу, в итоге в 80-е гг. калмыцкие кочевья во многих местах были отодвинуты от Волги уже на 30–40 верст. В 1892 г. общая площадь оброчной земли достигла 268 тыс. десятин [Бурчинова 1976: 68].

В целом 10-верстные полосы и оброчные земли стали важными факторами обострения земельного вопроса в регионе во второй половине XIX – начале XX в.

Второй пункт рассматриваемого прошения также касался экономической проблемы, но уже в отношении населения приморских улусов. В нем говорилось, что «*в 1866 году из приморской части калмыцкой степи отрезана в ведение Управления Рыбных и Тюленьих промыслов одноверстная морская береговая полоса. На основании Высочайшего повеления, морская береговая полоса предназначалась в одну версту, именно для устройства при водах промысловых заведений, пристанища ловцов, осушки снастей и временного устройства станков для посола и сушения рыбы; между тем, при приведении этой меры в исполнении, полоса взята на одну версту, так что верхняя грань этой полосы лежит в некоторых местах на 15 и более верст от берега моря. Во всем этом пространстве (23 958 десят.) действительно нужных и занятых для промысловых целей не более 1/20 части, остальное составляет не более как эксплуатацию промысловых заведений и первых встречных лиц; между тем, сами калмыки лишены единственных в мочажной местности покосных мест по берегам*

морских заливов. Как одноверстная береговая морская полоса есть тот же речной бичевник, а последний, по коренному значению его (полн. собр. зак. Рос. Империи 1838 г. № 10964) не мешает права владения, и представляет лишь вид временного пользования для пристанища, и потому мы честь имеем ходатайствовать перед Вашим Высочайшим Превосходительством о дозволении калмыкам приморских улусов пользоваться этою землею для кочевья, выпаса скота и сенокосения в пределах отведенной морской береговой полосы, за исключением, конечно, мест занятых уже промысловыми заведениями и временными станами для сушки снастей, посола и приготовления рыбы» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 746. Л. 2об.–3].

Данный пункт свидетельствует о том, что в приморских улусах вопрос о принадлежности прибрежных земель также стоял очень остро.

В третьем пункте, по сути, излагались два вопроса. По одному из них просители ходатайствовали о возврате им из Управления [калмыцким народом] отобранных в 1861 г. планов и межевых книг, составленных на земли каждого улуса. В 1831 г. Комиссией, которая занималась реализацией «Положения о наделении кочующих народов землями» от 19 мая 1806 г., они были выданы владельцам и правителям улусов. Затем в 1861 г. по распоряжению бывшей Астраханской Палаты государственных имуществ эти планы и книги были изъяты и еще не возвращены [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 746. Л. 3]. Важность этих документов в контексте изложенных выше проблем, на наш взгляд, несомненна. Очевидно, что представители калмыцкого народа надеялись с их помощью защитить права калмыков на земли, подвергавшиеся на протяжении XIX столетия постоянному сокращению.

Последняя просьба авторов ходатайства касалась религиозного вопроса. Они отмечали, что «по Положению об управлении калмыцким народом 1847 г., во всех калмыцких улусах положены хурулы: больших 25 и малых 42. При больших хурулах по штату положено духовенства по 36, а при малых по 18 человек. Убыль в штатном духовенстве, вследствие смерти и выхода из оногo,

пополнялась возведением из низших степеней по представлениям Ламы Калмыцкого Народа. Этот порядок существует издавна, и хотя не всегда был полный штат духовенства в хурулах, но было достаточно лишь для совершения богослужения. В последние годы, начиная с 1882 года, по всем представлениям как покойного Ламы, так и настоящего, не последовало ни одного утверждения духовных лиц в возводимых степенях, так что при некоторых хурулах осталось по несколько только лиц, почему богослужение, в особенности в большие праздники, когда требуется большая церемониальность, совершенно не производится. Как на основании § 12 Высочайше утвержденного 23 апреля 1847 г. Положения, калмыкам предоставлена свобода вероисповедания, между тем не утверждение со стороны Управления в течение почти 10 лет ни одного из представлений Ламы явно противоречит этому законоположению и Высочайше дарованным калмыцкому народу правам и привилегиям, а потому мы, представители калмыцкого народа, имеем честь ходатайствовать перед Вашим Высочайшим Превосходительством приказать Управлению калмыцким народом разрешить представления Ламы о принятии учеников в манджики и утвердить по штату» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 746. Л. 3–3об.].

В самом конце документа стоит подпись: «Подлинное подписали владелец Малодербетовского улуса нойон Тундутов и другие» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 746. Л. 3об.]. Кто эти другие — неизвестно, возможно, другие владельцы и представители буддийского духовенства, что также может служить объяснением, почему в прошение включен пункт о калмыцком духовенстве.

Что касается владельца Малодербетовского улуса, то нойон Церен-Давид Цанджинович Тундутов, несомненно, являлся одним из политических лидеров калмыцкого общества на рубеже XIX–XX вв. Он являлся депутатом I Государственной думы, входил в ее аграрную комиссию. Нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов занимал активную позицию в дебатах по актуальному на тот период религиозному вопросу. В 1905 г. он был в составе группы калмыцких буддистов, которая совместно с

бурятской группой представила председателю Совета Министров С. Ю. Витте докладную записку. В ней выдвигались требования не называть буддистов язычниками, вернуть процедуру избрания Ламы калмыцкого народа, усилить полномочия глав улусных священнослужителей, а также ввести в состав правительственной комиссии по разработке указа о веротерпимости выборных представителей от калмыков. Активное участие нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов принимал в работе съездов калмыков-скотоводов. Здесь он и его сторонники пытались определить правовой статус калмыцких земель в пользу калмыков [Команджаев и др. 2023: 196–197].

Уже после смерти Ц.-Д. Ц. Тундутова поверенные в земельных делах Малодербетовского улуса — Л. Б. Арлуев и Б. Ванькаев¹ подали министру земледелия и государственных имуществ ходатайство с просьбой не забирать у калмыков 10-верстную полосу вдоль правого берега Волги. В своем прошении они указали, что «*грамоты Павла I и Александра I хранятся в фамильных бумагах бывшего владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Цанджиновича Тундутова и в главном хуруле Малодербетовского улуса*» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1899. Л. 9].

Таким образом, прошение 1891 г. по своему содержанию перекликается с последующей деятельностью нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова и является свидетельством актуальности и остроты поднимаемых в нем проблем.

4.3. Доклад министра государственных имуществ

Важно отметить, что некоторые вопросы, поднятые в изучаемом ходатайстве, получили освещение во всеподданнейшем докладе министра, составленном им по итогам поездки и опубликованном в 1892 г.

В начале доклада министра содержатся краткое описание географического положения Калмыцкой степи и небольшой исторический очерк об истории калмыков с момента их прихода в волжские степи и до передачи в ведение Министерства государственных имуществ (далее — МГИ). Главной

задачей этого ведомства, по словам министра М. Н. Островского, было постепенное сближение калмыков с Россией, слияние калмыцкого народа с общим населением империи. При этом он ссылаясь на мнение П. Д. Киселева, первого руководителя МГИ, считавшего необходимым «*управление калмыцким народом, по возможности, сблизить в правилах и порядке с управлением государственными имуществами, чтобы, таким образом, водворяя между калмыками постепенно русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями подобно другим инородцам*» [Островский 1892: 11].

Первыми мерами министерства были усилия по «приучению» калмыков к оседлости. Для этого была составлена особая инструкция для заселения дорог, пролежавших через Калмыцкую степь, «*дабы, таким образом, показать калмыкам живой пример оседлой жизни и сблизить их с оседлым населением*» [Островский 1892: 12].

Но, как отмечает М. Н. Островский, надежды П. Д. Киселева, а затем усилия министра государственных имуществ А. А. Зеленого заселить дороги калмыками потерпели крах. Причины неудач обоседления калмыков министр М. Н. Островский связывает с почвенными и климатическими особенностями края. Он признал, что Калмыцкая степь «*неудобная для хлебопашества... пригодна для скотоводства, но только под условием постоянных передвижений для приискания свежего подножного корма скоту*» [Островский 1892: 18].

По мнению министра, задача министерства должна была заключаться не в искусственном заселении степи и «приучении» калмыков к оседлости, а лишь в содействии мирному процветанию вверенного его попечению калмыцкого народа, которое может быть достигнуто «*ограждением калмыков от неблагоприятных условий окружающей природы и от корыстных притеснений со стороны его владельческих классов, освобождением этого народа от нравственно-го порабощения его буддизмом, развитием в среде калмыков просвещения и, наконец, доставлением им возможности спокойно пользоваться теми землями, которые даро-*

¹ В источнике отчество не указано [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1899. Л. 9].

ваны им для поселений» [Островский 1892: 20]. Таким образом, им было выделено пять основных, на его взгляд, целей, на которые должна была быть направлена деятельность возглавляемого им ведомства в отношении калмыцкого народа.

Подробное рассмотрение всеподданнейшего доклада и предложений М. Н. Островского по улучшению состояния калмыцкого народа должно стать отдельным предметом изучения, но в данной работе можно отметить основные выводы и предложения министра по обозначенным направлениям:

- для борьбы с неблагоприятными условиями окружающей природы необходимо постепенное облесение и орошение, что позволит Калмыцкой степи стать более пригодной для прочного оседлого заселения;

- предполагаемые улучшения медицинской и ветеринарной частей (открытие новой лечебницы и определение восьми постоянных ветеринаров) приведут к благим последствиям, прежде всего, к «охранению скотоводства»;

- с уничтожением владельческого права, «имеющего свойства права крепостного», калмыки будут поставлены в прямые отношения к государственной власти, и исчезнет «пагубное» посредничество владельческих классов;

- с целью ослабления влияния буддийской религии упразднить должности ламы калмыцкого народа и института хурульных учеников, с «освобождением калмыков от нравственного гнета буддизма облегчится доступ к христианской проповеди»;

- открытие школ в самих степях и кочевьях калмыков «непременно отразится на поднятии их умственного уровня»;

- принять все меры к прекращению дальнейших захватов земли, осуществлению хозяйственной съемки Калмыцкой степи и закреплению песков; передать десятиверстную полосу в исключительное пользование оседлого населения «за оброчную подать, по оценке отведенных ему угодий, с предоставлением выкупа земель, на основании законоположения 12 июня 1886 года. Все же земли, не входящие в пределы вновь отмеренной десятиверстной полосы, в настоящее время также состоящие в со-

вместном пользовании, останутся исключительно в пользовании калмыков наравне с прочими улусными их землями» [Островский 1892: 69–71].

Следует отметить, что в 1891 г. на заключительном этапе обсуждения находился «Закон об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа», принятый в марте 1892 г. По этому закону калмыки-простолюдины, получившие права свободных сельских обывателей, были введены в общероссийскую социальную структуру. В целом это соответствовало курсу, проводимому в рассматриваемый период российским правительством Александра III и направленному на усиление христианизации инородцев, русификацию образования и делопроизводства, административную унификацию [Команджаев, Макакова 2011: 31].

Можно согласиться с мнением И. В. Лиджиевой о том, что сначала основной целью российского правительства в регионе являлось изменение способа хозяйствования калмыков, но в результате расширения знаний о Калмыцкой степи взгляды правительственных чиновников на перспективы ее хозяйственного развития изменились [Лиджиева 2022: 57]. Подтверждением тому является доклад министра М. Н. Островского.

5. Заключение

В целом прошение 1891 г. является ярким образцом просительной документации, поступавшей в высшие органы власти Российской империи, однако оно было составлено от имени всего калмыцкого народа, поскольку содержащиеся в нем просьбы отражали «жизненный интерес народа».

Следует отметить, что хотя и авторы прошения, и министр государственных имуществ ставили себе целью улучшение положения калмыцкого народа, они не были единодушны в выборе путей и средств достижения этой цели. Поэтому можно сделать вывод о том, что рассматриваемое прошение не имело шансов на получение поддержки и удовлетворительного ответа, поскольку не соответствовало ни основному правительственному курсу, ни позиции Министерства государственных имуществ.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Амаева 2014 — *Амаева Д. В.* Калмыцкая степь: переход на оседлость и крестьянская колонизация // *Science Time*. 2014. Вып. 11. С. 8–12.
- Белоусов 2022 — *Белоусов С. С.* Государственная переселенческая политика в Северном Прикаспии в XVIII – начале XX в. Элиста: КалМНЦ РАН, 2022. 368 с.
- Бурчинова 1976 — *Бурчинова Л. С.* К вопросу о земельной политике царизма в Калмыкии в XIX в. // *Вестник института*. № 15. Серия историческая. Элиста: КНИИИЯЛИ, 1976. С. 61–89.
- Быкова 2021 — *Быкова Т. А.* Особенности текста прошений в первой половине XIX века (на примере Томского Губернского Правления) // *Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: сб. мат-лов V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора Т. В. Кузнецовой (г. Москва, 15–16 сентября 2020 г.) / под ред. Ю. М. Кукариной*. Москва, 2021. С. 276–282.
- Ванюшина 2018 — *Ванюшина О. В.* Прошения как источник изучения истории административной высылки в Тверскую губернию в конце XIX — начале XX в. и повседневных практик поднадзорных // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 352–363.
- Гусева 2012 — *Гусева А. В.* Характеристика и типология прошений в XIX в. // *Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сб. мат-лов Всеросс. молодежн. науч. конф. (18–20 апреля 2012 г.) / под ред. П. П. Румянцева*. Вып. 8. Томск, 2012. С. 44–46.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. 262 с.
- Команджаев, Мацакова 2011 — *Команджаев А. Н., Мацакова Н. П.* Реформа 1892 года в Калмыкии. Элиста: КалМГУ, 2011. 240 с.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

References

- Amaeva D. V. Kalmyk Steppe: Sedentarization and peasant colonization. *Science Time*. 2014. No. 11. Pp.8–12. (In Russ.)
- Belousov S. S. State Resettlement Policy in the Northern Caspian, Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022. 368 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S. More on Tsarist land policies in nineteenth-century Kalmykia. In: *Proceedings of the Institute*. Vol. 15. Series: History. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 61–89. (In Russ.)
- Bykova T. A. Features of petitions' text in the first half of the XIX century (The example of the Tomsk provincial government). In: *Kukarina Yu. M. (ed.) Records Management: Past, Present, Future. Conference proceedings (Moscow, 15–16 September 2020)*. Moscow, 2021. Pp. 276–282. (In Russ.)
- Vanyushina O. V. Petitions as a source for studying history of the administrative exile in the Tver Gubernia in the late 19th – early 20th century and everyday practices of persons under surveillance. *Herald of an Archivist*. 2018. No. 2. Pp. 352–363. (In Russ.)
- Guseva A. V. Nineteenth-century petitions: Characteristics and typology. In: *Rumyantsev P. P. (ed.) Issues of History, International Relations and Documentation Science. Conference proceedings (18–20 April 2012)*. Vol. 8. Tomsk, 2012. Pp. 44–46. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Kalmykia's Economy and Social Relations in the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Past and Present. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Matsakova N. P. The 1892 Reform in Kalmykia. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2011. 240 p. (In Russ.)

- Команджаев и др. 2018 — Команджаев А. Н., Мацакова Н. П., Музраева Е. Ш. Оброчные статьи Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. по материалам отчетной документации региональных органов управления // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40(4). С. 16–23.
- Команджаев и др. 2023 — Команджаев А. Н., Очиров Б. В., Боваев Н. Б. Калмыцкая знать в начале XX в.: нойон Церен-Давид Цанджинович Тундатов // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 192–205.
- Лиджиева 2017 — Лиджиева И. В. Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 22–26.
- Лиджиева 2021 — Лиджиева И. В. Кочевые инородцы Юга России: восприятие в контексте «управленцы – управляемые» в XIX в. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 687–698.
- Лиджиева 2022 — Лиджиева И. В. Пути хозяйственного развития Калмыцкой степи в оценках столичных чиновников (последняя треть XIX — начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2022. № 4(74). С. 48–62.
- Лиджиева 2023 — Лиджиева И. В. «Приохотить к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2(75). С. 11–20.
- Мацакова и др. 2018 — Мацакова Н. П., Амаева Д. В., Оконова Л. В. Роль чиновничества в социально-экономическом развитии и управлении Калмыкии в XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4(57). С. 69–74.
- Островский 1892 — Островский М. Н. Всеподданнейший доклад Министра Государственных Имуществ по поездке в Калмыцкую степь в 1891 году. СПб.: [б. и.], 1892. 72 с.
- Правила 1837 — Правила об отдаче земель калмыцких в оброчное содержание // Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе. СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. Т. XII: 1838: [в 2-х отд.]. 1837. № 9962. Отделение первое. С. 111–114.
- Komandjaev A. N., Matsakova N. P., Muzraeva E. Sh. Taxes in Kalmyk Steppe of Astrakhan Province in the late XIX-th century. *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 40 (4). Pp. 16–23. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Ochirov B. V., Bovaev N. B. Kalmyk nobility in the early twentieth century: Noyon Tseren-David Ts. Tundutov. *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. No. 2. Pp. 192–205. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-192-205
- Lidzhieva I. V. Economy and environmental management in the activities of local self-government bodies of the Kalmyk Steppe in the XIXth and early XXth centuries. *Tomsk State University Journal of History*. 2017. No. 46. Pp. 22–26. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/46/3
- Lidzhieva I. V. Nomadic inorodtsy of the South of Russia: Perception in the 19th century in the context of “managers and managed”. *Herald of an Archivist*. 2021. No. 3. Pp. 687–698. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. The ways to the economic development of the Kalmyk Steppe in the estimation of the capital’s officials (The last third of the 19th – early 20th centuries). *The New Historical Bulletin*. 2022. No. 4(74). Pp. 48–62. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. “To look forward to settlement”: Imperial policy in foreign territories. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2023. No. 2 (75). Pp. 11–20. (In Russ.)
- Matsakova N. P., Amaeva D. V., Okonova L. V. The role of bureaucracy in socio-economic development and management of Kalmykia in 19th century. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2018. No. 4(57). Pp. 69–74. (In Russ.)
- Ostrovsky M. N. Most Faithful Report by the Minister of State Property on His 1891 Journey to Kalmyk Steppe. St. Petersburg, 1892. 72 p. (In Russ.)
- Land (Quitrent) Cession Guidelines in Kalmyk Steppe. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery, 1830–1885. Vol. 12: 1838. In 2 pts. Pt. 1: 1837. No. 9962. Pp. 111–114. (In Russ.)

- Худин 2009 — *Худин К. В.* Челом бьет всеподданнейший раб // *Власть*. 2009. № 36(840). С. 56–61.
- Энциклопедический словарь — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. [электронный ресурс] // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/73930 (дата обращения: 15.06.2025).
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.
- Khudin K. V. The most humble slave bows down. *Vlast'*. 2009. No. 36 (840). Pp. 56–61. (In Russ.)
- State-owned rentable property. In: Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. St. Petersburg: Brockhaus & Efron, 890–1907. On: Academic. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/73930 (accessed: 15 June 2025). (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyk: Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1341–1351, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 801.73

**Смеховое слово и его функции
 в романе Д. С. Сугралинова
 «Мета-игра. Пробуждение»**

Аннель Тлеумагамбетовна Бактыбаева^{1,2}

***Metagame. Awakening*
 by D. Sugralinov: Laughing
 Word and Its Functions**

Annel T. Baktybayeva^{1,2}

¹ Казахско-американский университет (д. 28, ул. Рыскулбекова, 050036 Алматы, Республика Казахстан)

¹ Kazakh American University (28, Ryskulbekov St., 050036 Almaty, Republic of Kazakhstan)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (д. 68/1, ул. Большевикская, 430005 Саранск, Российская Федерация)

² Ogarev National Research Mordovia State University (68/1, Bolshevistskaya St., 430005 Saransk, Russian Federation)

кандидат филологических наук, доцент

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-8980-0511. E-mail: [smile_1713\[at\]mail.ru](mailto:smile_1713[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Бактыбаева А. Т., 2025

© Baktybayeva A. T., 2025

Аннотация. Цель статьи — анализ смехового слова и его функций на разных уровнях художественного текста романа Д. С. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение» с учетом уже существующих на сегодняшний день мировоззренческих и эстетических теорий. Научная новизна статьи заключается в том, что впервые в казахстанский литературный и научный оборот вводится системный анализ функций смехового слова в тексте произведения казахстанского автора нового времени. **Результаты.** Смеховое слово используется в работе как неотъемлемая часть теории смеховой культуры, восходящей к исследованиям М. М. Бахтина, и осмысливается как универсальное средство художественного моделирования действительности. Это сложный художественно-эстетический комплекс. Он включает такие приемы выражения комического, как ирония, насмешка, улыбка, хихиканье и другие. Использование сравнительно-исторического, типологического, социокультурного *методов*, а также метода целостного анализа художественного произведения позволило установить истоки возникновения мотива смехового слова, определить его характер — постоянный или эпизодический — и выявить его эстетико-семантические функции в структуре художественного текста. Филологический анализ произведения показал, что, во-первых, смеховое слово в художественном тексте выступает не просто элементом комического, но и универсальным способом формирования мировидения героя и автора, выражающим особенности игрового, ироничного сознания

личности в цифровую эпоху. Во-вторых, формы проявления смехового слова — улыбка, ирония, сарказм, насмешка — элементы, выполняющие портретные, пейзажные, речевые и психологические функции. В-третьих, смеховое слово раскрывает внутренний мир главного героя — 19-летнего юноши, у которого до недавнего времени был ДЦП, Матвея Колесникова, чья самоирония и критическое восприятие реальности отражают специфику его латерального мышления. Смеховое слово у Д. С. Сугралинова приобретает карнавально-праздничный характер. Оно формирует особое мироощущение, в котором комическое не всегда бывает смешным, а становится способом философского осмысления жизни.

Ключевые слова: роман жанра LitRPG, смеховое слово, комическое, серьезность

Для цитирования: Бактыбаева А. Т. Смеховое слово и его функции в романе Д. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение» // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 6. С. 1341–1351. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1341-1351

Abstract. Goals. With due regard of the existing worldview and aesthetic theories, the article examines D. Sugralinov's *Metagame. Awakening* for an analysis into its laughing word and the latter's functions at various levels. In Kazakhstani literary and academic discourse, the article is first to comprehensively analyze functions of laughing word in a narrative by a modern Kazakhstani author. **Methods.** The comparative historical, typological, sociocultural methods and that of holistic analysis have proved instrumental in revealing sources for the emergence of laughing word's motif, determining its character (whether constant or episodic), identifying its aesthetic and semantic functions in fiction text structures. **Results.** The paper examines laughing word as integral to the theory of laughter culture rooted in M. Bakhtin's studies, and understands the former as a universal means of artistic modeling of reality. This is a complicated artistic and aesthetic pattern that includes such techniques of expressing the comic as irony, mockery, smiles, giggles, etc. The philological analysis has revealed that, firstly, laughing word in the literary text acts not simply as a comic element but also as a universal means of shaping the protagonist and author's world image, expressing features inherent to playful and ironic consciousness of an individual in the digital age. Secondly, the forms of laughing word's manifestation — smiles, irony, sarcasm and mockery — prove elements that fulfill portraying, landscape, speech and psychological functions. Thirdly, laughing word reveals the inner world of the protagonist — Matvey Kolesnikov, a nineteen-year-old boy who has until recently suffered from cerebral palsy. So, his self-irony and critical perceptions of reality reflect the specific nature of his lateral thinking. In D. Sugralinov's novel, laughing word takes carnival-like, festive forms. It shapes a unique world image in which the comic is not always funny but rather becomes a means of philosophical understanding of life.

Keywords: LitRPG novel, laughing word, comic, seriousness.

For citation: Baktybayeva A. T. *Metagame. Awakening* by D. Sugralinov: Laughing Word and Its Functions. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1341–1351. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1341-1351

1. Введение

Важная задача современного литературоведения — изучение своеобразия поэтики творчества писателя и его авторского стиля. Большим подспорьем в исследовании этих аспектов является анализ *смехового слова* как особого типа художественно-языкового высказывания. Как отмечает О. Е. Осовский, «смеховое слово», введенное М. М. Бахтиным, представляет собой не просто риторическую или стилистическую фигуру, а философско-эстетическую кате-

горию, уходящую своими корнями в народную «смеховую» (праздничную) традицию [Осовский, Дубровская 2014: 164]. Оно реализуется в тексте посредством авторской интонации, иронии, насмешки, гротеска, гиперболы, формируя многослойное смысловое пространство произведения.

Смеховое слово, по мысли исследователя, обладает принципиальной открытостью, рождается на стыке языков и культур, что делает его универсальным механизмом культурного диалога. В этом отношении оно

перекликается с современными концептами транскультурности и гибридности (Х. Бхабха, У. Эко), отражая способность культуры к самоиронии, саморазрушению и последующему обновлению [Bhabha 1994; Eco 1989]. Одновременно смеховое слово изменяет семантический масштаб высказывания, трансформируя внутренний мир персонажей и художественную структуру текста.

Такое понимание смехового слова открывает новые перспективы для анализа литературных явлений. В современном литературоведении сложилась разветвленная система исследований, посвященных феномену смехового слова.

Постоянный интерес современной гуманитарной науки Казахстана к проблемам диалогичности, интертекстуальности и комического дискурса обуславливает актуальность настоящего исследования. Обращение к комическому как важной составляющей универсального механизма художественного мышления позволяет выявить глубинные связи между народной праздничной традицией и литературным сознанием начала XXI в.

Рассматриваемый материал вносит вклад в разработку методологии анализа комического и смехового дискурса, соединяя бахтинскую теорию народной смеховой культуры с конкретным текстологическим материалом, что способствует уточнению понятийного аппарата литературоведения и расширяет границы исследования комического как категории эстетики.

Произведение современного казахстанского автора Данияра Сугралинова еще не было предметом целенаправленного изучения, и это определяет *научную новизну* нашей статьи.

Объектом изучения стал роман Д. С. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение». Предметом исследования является смеховое слово, которое стремится передать авторское мировидение и его восприятие в контексте литературных традиций. Цель статьи — анализ смехового слова и его функций на разных уровнях художественного текста романа с учетом уже существующих на сегодняшний день мировоззренческих и эстетических теорий.

Литература Казахстана за последние 30 лет заметно обновилась с точки зрения жанровости и тематики. Так, например, произведения Д. С. Сугралинова, сохраняя константные признаки структуры метажанра, стали отправной точкой для новых вариаций своего воплощения — жанрах LitRPG.

Жанр LitRPG — современный игровой жанр фантастической литературы. Впервые он появился в западноевропейской литературе, опираясь на традиции сказки, рыцарского романа, моделирующего новый миф борьбы Хаоса и Космоса, и имел развлекательную функцию. Разумеется, казахстанский жанр LitRPG вторичен по отношению к западноевропейскому, но, как отмечал М. Эпштейн, он *«расширяет границы оригинала, поскольку берется не как часть более обширной и сложной окружающей действительности, где он своеобразно переплетается с другими явлениями, а как выдернутый из контекста знак самого себя»* [Эпштейн 2000: 90]. Это объединяет Д. С. Сугралинова с представителями не только западноевропейского постмодернизма, но и других направлений массовой литературы. При этом, не повторяя друг друга, каждый из писателей *«буквально стремился сохранить, при всей его изменчивости, собственное тождество в фэнтези»* [Плотникова 2005: 272].

2. Материалы и методы

Как отмечалось выше, под смеховым словом мы понимаем такое слово, которое порождено смехом и которое одновременно само порождает смех, комическое. Свое начало это слово берет в народном празднике, поэтому оно амбивалентно и универсально.

М. М. Бахтин считал, что природа смехового слова *«...очень специфична, поскольку само слово по-особому относится и к автору, и к изображаемому предмету; оно своеобразно чувствует окружающий его контекст и соответственно отношение к общему языку и речевым нормам. Оно рвет все то, что есть в глубинном и безличном языковом мировоззрении»* [Бахтин 1965: 182–183].

Смех и смеховое слово в бахтинском понимании — элемент художественного со-

знания и механизм культурной коммуникации. Именно с опорой на данное положение М. М. Бахтина в своей работе «Марксизм и философия языка» В. Н. Волошинов исследовал социальную природу слова и многоголосие речи [Волошинов 2000; Бахтин 1973; Бахтин 1986]. Это стало отправной точкой для последующих интерпретаций смехового слова как социально диалогического феномена. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский рассматривали смех и его составляющие как семиотический механизм культуры, который раскрывает границы нормы и отклонения в тексте [Лотман, Успенский 1977]. А. С. Смирнов [Смирнов 2004], В. И. Тюпа [Тюпа 2003], М. Л. Гаспаров [Гаспаров 1979] акцентировали внимание на анализе эстетической и поэтической структуры комического слова в литературе Нового времени. Н. А. Ханзен-Леве и В. В. Бибихин опирались на философско-онтологический аспект смеха и смехового языка [Ханзен-Леве 2017; Бибихин 2008]. В трудах И. П. Ильина, В. А. Кожина, Г. Д. Гачева слово — это проявление национального типа мышления в русской литературе [Ильин 1996; Кожин 1991; Гачев 1999]. В современном литературоведении концепцию смехового слова разрабатывают В. И. Осовский [Осовский 2011], Т. В. Цивьян [Цивьян 2001], Н. Л. Лейдерман [Лейдерман 2010], А. Н. Архангельский [Архангельский 2015], Ю. В. Кравцова [Кравцова 2009], И. А. Кукулин [Кукулин 1997], М. Ю. Асанина [Асанина 2004], И. А. Обухова [Обухова 2012]. Эти исследователи связывают смеховое слово с постмодернистской иронической стратегией, карнавализацией и феноменом языковой игры.

В работах В. П. Киржаевой прослежены формы присутствия смехового слова в различных типах художественного и нехудожественного дискурсов — от древнерусской словесности до современной литературы [Киржаева 2006]. Особое внимание в работах С. П. Гудкова [Гудкова 2011], С. А. Дубровской [Дубровская 2009], Е. А. Федосеева [Федосеева 2007] уделено вариативности проявлений смехового слова в произведениях русской классики и новейшей прозы, а также в текстах авторов русской эмиграции, где оно приобретает новые смысловые ак-

центы, связанные с проблемой культурной памяти и самоидентификации.

Таким образом, исследование смехового слова сформировалось как междисциплинарное направление, объединяющее философию, семиотику, теорию литературы и культурологию, а его истоки и развитие прочно связаны с бахтинской школой и ее последователями.

3. Результаты и обсуждение

Большая часть смехового слова в романе «Мета-игра. Пробуждение» связана с главным героем — Матвеем Колесниковым. Это девятнадцатилетний студент, у которого с рождения ДЦП. После неудачного посещения молодежной вечеринки он попадает в больницу, и с ним начинают происходить странные события. По ночам к нему приходит доктор, которого никто не видит. И он вживляет Матвею фантастический гаджет, который позволяет заглянуть в будущее, наделяет его сверхспособностями и открывает путь к обратной стороне реальности, в глобальную Мета-игру, населенную загадочными, опасными монстрами и другими мета-игроками.

В ситуациях с Матвеем автор проецирует собственную творческую активность и объективирует свое авторское сознание. Именно этот персонаж становится носителем авторской интенции, выполняя функции инициатора действия и одновременно выступая создателем собственного «текста» — совокупности реплик, жестов, моделей поведения, обладающих семиотической значимостью. Внутри этих обстоятельств, подчиненных логике развития, выявляется и проверяется степень экзистенциальной состоятельности Матвея, т. е. его личные качества, интеллект и социальная адаптация, а также потенциал деструктивности его поступков по отношению к окружающим.

Другими словами, смеховое слово и его пространство выступают как испытательный контекст, где герой через игровое самопроявление демонстрирует не только особенности своего мировосприятия, но и уровень внутренней гармонии или кризиса, т. е. степень человеческой целостности в условиях смеховой проверки.

Подобная авторская стратегия, как отмечает С. А. Дубровская, связана с процессом саморефлексии художественного сознания, когда автор не только конструирует художественную реальность, но и встраивает в нее проекции собственного «я», что придает описываемым событиям черты метатекстуальности и интерсубъективного диалога [Дубровская 2012: 80]. Таким образом, главный герой становится медиатором авторского высказывания, превращаясь в организующий центр смыслового пространства романа. Герой, если он функционирует в сфере комического дискурса, становится активным конструктором ситуаций, в которых осознанно моделирует обстоятельства действия.

Постоянное балансирование между унынием (чувством подавленности и безысходности) и грустью (чувством печали), с одной стороны, радостью и весельем — с другой, подталкивает автора данного произведения уже с первых страниц романа находить иронично-саркастическое в повседнежном. «Смеховое слово» изначально формирует особую атмосферу «серьезно-смехового», задавая тон двойственности восприятия мира. Этот прием Д. С. Сугралинов использует для экспериментирования с различными ситуациями, придавая повествованию выразительность, динамику и художественную многоплановость. Смеховой элемент характеристики персонажей делает более объемной и колоритной, а также способствует расширению художественного пространства текста, где комическое и трагическое взаимодействуют в сложной системе смыслов.

Активное разыгрывание смехового слова героями, принадлежащими к разным социальным слоям, использование комических сюжетов и говорящих имен персонажей (например, Найт, Чуча, Скай и другие) позволяют автору выявить и отразить внутреннюю полярность не только общества, но и характера самого героя. Эти противоречия коренятся как в социальных конфликтах современности, так и в диалектической природе человеческой личности, в ее внутренней раздвоенности и борьбе противополо-

жных начал. Подобный подход органично соотносится с категорией неожиданности и функционирует как особый контекст — как исторически обусловленная, культурно закрепленная форма художественной деятельности [Витгенштейн 1985: 82]:

«— На следующем поедешь, пьянь! — Меня часто принимали за пьяного, так что я не обиделся — привык. ...Пиликнул кодовый замок подъезда... Судя по залиvistому смеху и болтовне, все были навеселе. Я обреченно вздохнул, не ожидая ничего хорошего...»

— Обкурился, — предположила девушка. — Лыбится чего-то...

Я не лыбился, просто слабо контролировал лицевые мышцы, из-за чего на моей физиономии вечно висела дурацкая ухмылка...

— Таки пьяный! — воскликнула другая...

— Не видите, болен? Дэцэпэшник...

Общими усилиями они подняли меня с заплеванного холодного пола, довели до лифта... За закрывшимися створками кабины раздался беззлобный смех. Уверен, что кто-то из них пошутил на мой счет, но я уже привык» [Сугралинов 2020: 6–7].

Смеховое слово в некомической ситуации — мимика лица — помогает писателю сделать акцент на особом его выражении, что в определенной степени роднит данный образ с образом шута. Наряду с этим подобное слово-высказывание — важный элемент романного языка и говорящего человека. «Смеховое слово» функционирует здесь по принципу контраста, выступая средством усиления и художественного обострения внутреннего трагизма эпизода, выявляя скрытые смыслы и усиливая эмоциональное напряжение повествования.

Улыбка / ухмылка — это портретная мимическая деталь, которая в определенный момент становится гримасой и в данном романе является лейтмотивной. Уже на первых страницах произведения она не только присутствует в описании внешности Матвея, но и стремится передать его мысли и чувства: «привык». Функция смехового слова — изобразительная. В приведенном отрывке писатель использует его при описания лица героя, и одновременно с этим про-

исходит как бы нанизывание на слово некоторых событий, предоставляющих героям возможность шутить и смеяться не только над окружающими, но и над собой.

Поведенческое состояние Матвея-дэцэ-пэшника напоминает клоуна, а цирк становится яркой метафорой человеческого существования. Именно здесь с наибольшей наглядностью раскрывается соединенность противоположностей — разума и инстинкта, порядка и хаоса, трезвости и неистовства, внешней покорности и внутреннего бунта. Цирк словно отражает саму жизнь, где смех и боль, игра и правда, гармония и безрассудство неразделимы и существуют в одном движении человеческой души.

«— А вот и Мотька! — обрадовалась Оля... Она улыбнулась, блеснув белоснежными зубами. Глядя на нее, и я заулыбался. Она мне всегда нравилась. Даже очень» [Сугралинов 2020: 12].

В этом отрывке улыбка — изобразительная деталь в поведении одной из героинь романа. Она передает не только ее внешний облик. «Обрадовалась», «улыбнулась» расширяют психологический образ, подчеркивая важную черту в ее характере и поведении — доброжелательное отношение к окружающим ее людям.

Иногда смеховое слово дополняет психологический образ героя, подчеркивая важную черту в его характере и поведении:

«— Понял, — осклабился тот. — А что, он уже жаловался, что его обидели? ... Сидящие вокруг пацаны с готовностью рассмеялись».

— Так это же Мотя-шмотя! — истошно заорал какой-то пацан. — Мотя-дурачок!

Он, кривя губы, изобразил мою старую манеру разговаривать, чем вызвал новый взрыв смеха. Я почувствовал, как сжимаются кулаки, но сдержался» [Сугралинов 2020: 52]. В данном фрагменте смех как реакция на сказанное подчеркивает мимику говорящего и одновременно с этим — деталь в его поведении. Смеховое слово амбивалентно, потому что сочетает в себе отрицательное и положительное. Здесь своего рода карнавальная ситуация. Как отмечает М. М. Бахтин, карнавализация имеет «важ-

ное отношение ко времени», потому что в ее основе находится конкретная концепция природного (биологического) или исторического времени. Оно связано с «кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека». Чаще всего это моменты «возрождения и смерти», «обновления и смены» [Бахтин 1965: 16–17]. Карнавализация дополняет внесударственный, противоположный взгляд на реальность, на человека и его отношения к тому, что его окружает, пародируя принятые в коллективе конкретные нормы — правила общественной жизни. Поэтому основными героями смеховой культуры являются шуты и дураки, на которых накладывается карнавальное начало.

Ухмылка и смех в данном примере — это далеко не дружеское расположение, веселье. Это, скорее всего, оскорбление и издевка над главным героем и его поступками. Эта портретная деталь — одно из средств противопоставления Матвея — главного героя романа, и дворовых пацанов — участников беседы.

Дворовый пацан, который обзывается, становится для автора инструментом художественного воплощения амбивалентности человеческого существования, позволяющим раскрыть внутренние противоречия сегодняшнего дня. Этот диссонанс проявляется не только на уровне социальных коллизий, но и в двойственности духовного мира героя-повествователя. Истошно закричавший пацан становится объектом смехового разоблачения и развенчания, потому что своим поведением причиняет страдания другим и в первую очередь Матвею. Он ограничивает его свободу, подавляет возможность его самореализации. Смеховое слово в этом случае выступает инструментом морального возмездия, способом восстановить нарушенное равновесие, вернуть чувство человеческого достоинства тому, кто оказался физически ущемлен. «Смеховое слово» выполняет многослойную функцию: оно усиливает иллюзию подлинности изображаемых событий, придает повествованию живость и динамику, формирует выразительные психологические характеристики персонажей, а также выполняет

эстетическую функцию контраста — снижая чрезмерную степень жестокости, оно тем самым усиливает трагедийное звучание текста, заставляя читателя глубже почувствовать драматизм молодого человека, имеющего диагноз ДЦП. И в данном случае смех — это способ переосмысления себя и окружающей действительности.

Знаменитое бахтинское «снижение», неизменно сопровождающее смех, служит способом сближения противоположных начал — великого и обыденного, высокого и приземленного, прославленного и ничтожного. Смех, который обычно выражает положительные эмоции, в данном случае приобретает характер отрицающего смеха. Он сопровождает разговор, в котором участники обсуждают события и героев романа, но направлен не столько на предмет обсуждения, сколько на самих говорящих. Таким образом, смех становится формой сарказма, когда, посмеиваясь над другими, персонажи невольно смеются над собой, создавая эффект внутреннего «снижения» и обнажения человеческой природы.

«Ярослав Исаевич ... тепло улыбнулся. Зубы у него были редкие, потемневшие, но улыбка все равно вышла теплой благодаря сеточке морщин вокруг живых выразительных глаз» [Сугралинов 2020: 27]. Здесь смеховое слово связано с улыбкой — портретной художественной деталью, выполняющей изобразительную функцию. Но при этом она представлена как вполне самостоятельное явление, не очень зависящее от того, кому она принадлежит. Улыбка — это не просто мимическое движение губ, обнажение зубов и т. п. Это выражение лица, что свидетельствует об искренности проявляемого чувства. Душа человека, который улыбается, открыто свидетельствует о его расположении. И здесь смеховое — это механизм интонации, когда обычное слово изменяет и подчеркивает смысловой акцент, становясь портретной деталью — своего рода показателем объединения героев, как и в следующем отрывке: *«А еще Оля. При мысли о девушке я непроизвольно улыбнулся, внутри что-то колыхнулось. Уже завтра ее снова увижу...»* [Сугралинов 2020: 126]. Улыбнулся — физиогномическая деталь в

описании внешности героя. Некоторое стеснение и вместе с тем большая надежда, которые испытывает герой, находят выражение в данной детали. Она призвана встроить визуальное представление о девушке, которой симпатизирует Матвей, равно как и заявить о его определенных чувствах.

Смеховое слово, по мнению С. А. Дубровской, появляется «на меже» языков и культур, что усиливает свободу и гибкость выражения [Дубровская 2012: 80], поэтому в данном произведении — это не только составная часть положительных героев романа: *«Хозяин визгливо рассмеялся. От звука его смеха меня уже выворачивало, но делить я теперь ничего не мог»* [Сугралинов 2020: 117]. Смех, рассмеялся, осклабился и т. п. — негативные характеристики этой эмоции чаще всего и связаны с отрицательными героями у Д. С. Сугралинова, что помогает ярче нарисовать героев «темного» мира. Для автора важно, что смех и смеховое слово становятся первыми признаками-характеристиками их речи. Деталь-эпитет «визгливо» и звук смеха, от которого появляется тошнота, передаются через восприятие главного героя и свидетельствуют о его противостоянии им.

«— Не ерунда, а креатив! — хихикнул в ответ Скрай» [Сугралинов 2020: 132]. В приведенной цитате «хихикнул» — изобразительная звуковая деталь, передающая степень интенсивности смеха. С одной стороны, она сообщает подавленное, неявное, скрытое отношение Скрая к главному герою — Матвею. С другой, этот звук создает впечатление-предостережение игрокам о возможном исходе игры для них — провал.

«Она ... покровительственно усмехнулась: — Да ты попробуй, попробуй, Найт. Расскажешь потом, что вышло... если сможешь» [Сугралинов 2020: 135]. Здесь усмешка — это деталь-маркер саркастического и немного недоверчивого отношения со стороны мета-игроков к новичку Найту (Матвею). Данное описание демонстрирует определенную неуверенность в себе главного героя, его душевные смятения по случаю первого серьезного сражения в Мета-игре.

«Когда дверь за ним закрылась, сидящий в кресле Артур Кан сдержанно улыбнулся.

— *Интересно, будешь ли ты благодарен мне, Матвей Колесников, когда узнаешь всю правду, или, наоборот, проклянешь меня?* — пробормотал он, задумчиво поглаживая бородку» [Сугралинов 2020: 254].

Г. Е. Крейдлин выделяет три семантических типа улыбок [Крейдлин 2002: 88]: улыбки-чувства, которые делятся на положительные и отрицательные; улыбки, передающие состояния / свойства; улыбки-отношения. Сюда же можно отнести те улыбки, которые стремятся передать эмоциональные, социальные, этикетные виды общения. В данном отрывке улыбка — изобразительная деталь, передающая хладнокровное отношение думающего к предмету своих мыслей, и в определенной степени высокомерность, которая продиктована межличностным взаимоотношением.

4. Выводы

Смеховое слово в произведении современного казахстанского автора Д. С. Сугралинова — это «глубокое мирозерцающее явление, одна из существеннейших форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир; видящая мир по-иному, но, тем не менее, существеннее, чем серьезность; поэтому смех так же допустим в большой литературе (притом ставящей универсальные проблемы), как и серьезность; какие-то очень существенные стороны доступны только смеху» [Бахтин 1965: 16–17].

Смеховое слово бывает выражено посредством улыбки, хихиканья, ухмылки,

смеха и т. п. Оно стремится показать отношение говорящего к окружающей его действительности, тем или иным героям романа и их взаимоотношения друг с другом. Оно используется для изображения внешности героев, характеристики их внутреннего мира, при передаче их эмоций и чувств.

Некоторый аскетизм в использовании смехового слова становится отличительной особенностью портретных характеристик героев данного произведения. В значительной степени они призваны предупредить о том, что мир, который окружает героев романа жанра LitRPG, существует как неизбежность. Это дает писателю возможность не только варьировать формы проявления «смехового слова» в речевом поведении различных персонажей, но и превращать его в действенный художественный инструмент, обеспечивающий эмоциональную насыщенность повествования и создающий эффект художественной достоверности происходящего. Автор показывает, что смеховое слово не сводится к сатирическому или пародийному приему: оно становится способом творческого постижения действительности, выражением духовной свободы и внутреннего диалога эпохи. Роман Д. С. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение» демонстрирует, что смеховая интонация в прозе выступает не как внешняя комическая окраска, а как глубинный принцип поэтики, соединяющий серьезное и смешное, высокое и низкое, трагическое и комическое. Тем самым смеховое слово оказывается связующим звеном между характером героев романа и авторским художественным самосознанием.

Источники

Сугралинов 2020 — Сугралинов Д. С. Мета-игра. Пробуждение. М.: T8RUGRAM. 2020. 256 с.

Литература

Архангельский 2015 — Архангельский А. Н. Эффект бабочки. М.: Издательские решения, 2015. 120 с.

Sources

Sugralinov D. Metagame. Awakening. Moscow: T8RUGRAM, 2020. 256 p. (In Russ.)

References

Arkhangelsky A. The Butterfly Effect. Moscow: Izdatelskie Resheniya. 2015. 120 p. (In Russ.)

- Асанина 2004 — *Асанина М. Ю.* «Смеховое слово» в художественной прозе У. Фолкнера второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. (на материале произведений «Йокнапатофского цикла»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 24 с.
- Бахтин 1965 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965. 545 с.
- Бахтин 1973 — *Бахтин М. М.* Фрейдизм // Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1973. С. 84–126
- Бахтин 1986 — *Бахтин М. М.* Формальный метод в литературоведении и эстетике // Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Марксизм и философия языка. М.: Прогресс, 1986. С. 31–79.
- Бибихин 2008 — *Бибихин В. В.* Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с.
- Витгенштейн 1985 — *Витгенштейн Л. С.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 79–97.
- Волошинов 2000 — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка // Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. С. 349–486.
- Гаспаров 1979 — *Гаспаров М. Л.* Бахтин в русской культуре XX века // Вторые моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111–114.
- Гачев 1999 — *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
- Гудкова 2011 — *Гудкова С. П.* Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980 – 2000-х годов: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2011. 41 с.
- Дубровская 2009 — *Дубровская С. А.* Смех и «смеховое слово» в творческом сознании Н. В. Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 3(5). СПб. Самара: ПГСГА, 2009. С. 8–17.
- Дубровская 2012 — *Дубровская Д. А.* «Смеховое слово» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Гуманитарные науки и образование. 2012. №3(11). С. 79–82.
- Asanina M. Yu. The Laughing Word of William C. Faulkner, Mid-1920s to Early 1930s: Analyzing Writings of the Yoknapatawpha Cycle. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Nizhny Novgorod, 2004. 24 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Rabelais and His World. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1965. 545 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Freudianism // Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1973. Pp. 84–126. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. The Formal Method in Literary Scholarship and Aesthetics // Voloshin V. N. (Bakhtin M. M.). Marxism and the Philosophy of Language. Moscow: Progress Publishers, 1986. Pp. 31–79. (In Russ.)
- Bibikhin V. Word and Its Inner Form. St. Petersburg: Nauka, 2008. 420 p. (In Russ.)
- Wittgenstein L. Philosophical Investigations. In: The New in Foreign Linguistics. Vol. 16: Linguistic Pragmatics. Moscow: Progress, 1985. Pp. 79–97. (In Russ.)
- Voloshin V. N. Marxism and Philosophy of Language. In: Voloshin V. N. (Bakhtin M. M.). Marxism and Philosophy of Language. Moscow: Labirint, 2000. Pp. 349–486. (In Russ.)
- Gasparov M. L. Bakhtin in twentieth-century Russian culture. In: Secondary Modelling Systems. Tartu, 1979. Pp. 111–114. (In Russ.)
- Gachev G. D. National Images of the World. Eurasia — the Universe of Nomad, Farmer, and Highlander. Moscow: Institut DI-DIK, 1999. 368 p. (In Russ.)
- Gudkova S. P. Major Genre Forms in Russian Poetry, Mid-1980s – 2000s. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Saransk, 2011. 41 p. (In Russ.)
- Dubrovskaya D. A. Laughter and 'laughing word' in N. Gogol's creative consciousness. In: The Gogol Collection. Vol. 3 (5). St. Petersburg, Samara: Volga State Academy for Social Sciences and the Humanities, 2009. Pp. 8–17. (In Russ.)
- Dubrovskaya D. A. "Laughter discourse" in A. S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter". *The Humanities and Education*. 2012. No. 3(11). Pp. 79–82. (In Russ.)

- Ильин 1996 — *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 255 с.
- Киржаева 2002 — *Киржаева В. П.* Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках М.М. Бахтина. Статья первая // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 1. Саранск: Респ. тип., 2002. С. 36–55.
- Киржаева 2006 — *Киржаева В. П.* Конструкция гибридная // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II–III. Саранск: Респ. тип., 2006. С. 141–142.
- Кожин 1991 — *Кожин В. В.* Размышления о русской литературе М.: Современник, 1991. 525 с.
- Кравцова 2009 — *Кравцова Ю. В.* Моделирование в лингвометафорологии // Культура народов Причерноморья. 2009. № 168. Т. 1. С. 396–398.
- Крейдлин 2002 — *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
- Кукулин 1997 — *Кукулин И. В.* Эволюция взаимодействия автора и текста в творчестве Д. И. Хармса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 22 с.
- Лейдерман 2010 — *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра. Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2010. 904 с.
- Лотман, Успенский 1977 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–167.
- Обухова 2012 — *Обухова И. А.* «Смеховое слово» в ранних рассказах Пантелеймона Романова // Комическое в русской литературе XX в.: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Москва, 13–15 ноября 2012 г.) М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 160–165.
- Осовский 2011 — *Осовский О. Е.* «Смеховое слово» в терминологическом пространстве рукописи М. М. Бахтина о Рабле [электронный ресурс] // Актуальная теория: кризис историзма?. Мат-лы науч. конф. теории литературы ИМЛИ РАН (г. Москва, 27–28 октября 2011 г.). Новые российские гуманитарные исследования. 2011. № 6. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/262/> (дата обращения: 23.04.2025).
- Ilyin I. P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow: Intrada, 1996. 255 p. (In Russ.)
- Kirzhaeva V. P. Hybrid construction. In: Mikhail M. Bakhtin in Saransk. Documents, materials, studies. Vols. 2–3. Saransk: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. Pp. 141–142. (In Russ.)
- Kirzhaeva V. P. Linguistic issues in M. Bakhtin's books, articles and sketches. In: Mikhail M. Bakhtin in Saransk. Documents, materials, studies. Vols. 1. Saransk: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. Pp. 36–55. (In Russ.)
- Kozhinov V. V. Reflections on Russian Literature. Moscow: Sovremennik, 1991. 525 p. (In Russ.)
- Kravtsova Yu. V. Modelling in metaphorology. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2009. Vol. 1. No. 168. Pp. 396–398. (In Russ.)
- Kreidlin G. E. Non-Verbal Semiotics. Body Language and Natural Language. Moscow: NLO, 2002. 581 p. (In Russ.)
- Kukulin I. V. Evolution of Author-Text Interaction in Works of Daniil I. Kharmas. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1997. 22 p. (In Russ.)
- Leiderman N. L. Theory of Genre. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2010. 904 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A. Culture of Ancient Rus: New research aspects. *Voprosy Literatury*. 1977. No. 3. Pp. 148–167. (In Russ.)
- Obukhova I. A. 'Laughing word' in early short stories of Panteleimon Romanov. In: The Comic in Twentieth-Century Russian Literature. Conference proceedings (Moscow, 13–15 November 2012). Moscow: Institute of World Literature (RAS), 2012. Pp. 160–165. (In Russ.)
- Osovsky O. E. 'Laughing word' in terminological contexts of M. Bakhtin's manuscript on Rabelais. In: Actual Theory — Crisis of Historicism? Conference proceedings (Moscow, 27–28 October 2011; New Russian Humanities Research 6). Moscow, 2011. On: New Russian Humanities Research (journal website). Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/262/> (accessed: 23 April 2025). (In Russ.)

- Осовский, Дубровская 2014 — *Осовский О. Е., Дубровская С. А.* Разработка концепции «Смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930–1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4(34): в 3-х ч. Ч. I. С. 163–167.
- Осовskii O. E., Dubrovskaya S. A. Developing of conception of ‘risorial word’ in the works of M. M. Bakhtin of the 1930s–1960s. *Philology. Theory & Practice*. 2014. No. 4(34). In 3 pts. Pt. 1. Pp. 163–167. (In Russ.)
- Плотникова 2005 — *Плотникова С. Н.* Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005. С. 262–272.
- Plotnikova S. N. Conceptual standard of fantasy. In: *Speech Genres. Collected papers. Vol. 4: Genre and Concept*. Saratov, 2005. Pp. 262–272. (In Russ.)
- Смирнов 2004 — *Смирнов А. С.* Романтическая ирония в русской литературе пер. пол. XIX века и творчество Н. В. Гоголя. Гродно: Гродненск. ун-т, 2004. 134 с.
- Smirnov A. S. Romantic Irony in Early-to-Mid Nineteenth Century Russian Literature and N. Gogol’s Works. Grodno: State University of Grodno, 2004. 134 p. (In Russ.)
- Тюпа 2003 — *Тюпа В. И.* Место Гоголя в истории русской сатиры // Гоголь как явление мировой литературы. Сб. ст. по мат-лам междунар. конф. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 73–78.
- Tyupa V. I. Gogol’s place in the history of Russian Satire. In: *Gogol as a Phenomenon of World Literature. Conference proceedings*. Moscow: Institute of World Literature (RAS), 2003. Pp. 73–78. (In Russ.)
- Федосеева 2007 — *Федосеева Е. А.* Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция: дисс. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2007. 444 с.
- Fedoseeva E. A. Book Forms of the Mordovian Heroic Epic: Emergence and Evolution. Dr. Sc. (philology) thesis. Saransk, 2007. 444 p. (In Russ.)
- Ханзен-Леве 2017 — *Ханзен-Леве Оге А.* Перспективы русского формализма: Логоцентризм вчера и сегодня // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М.: Новое литературное обозрение. 2017. С. 18–35.
- Hansen-Löve A. A. Prospects of Russian formalism: Logocentrism yesterday and today. In: *The Era of ‘Alienation’. Russian Formalism and the Contemporary Humanities*. Moscow: NLO, 2017. Pp. 18–35. (In Russ.)
- Цивьян 2001 — *Цивьян Т. В.* Семиотические путешествия. СПб.: Иван Лимбах, 2001. 248 с.
- Tsivyan T. V. Semiotic Travels. St. Petersburg: I. Limbakh, 2001. 248 p. (In Russ.)
- Эпштейн 2000 — *Эпштейн М.* Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.
- Epstein M. Postmodernism in Russia: Literature and Theory. Moscow: R. Elinin Publishing House, 2000. 368 p. (In Russ.)
- Bhabha 1994 — *Bhabha H. K.* The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 440 p.
- Bhabha H. K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 440 p. (In Eng.)
- Eco 1989 — *Eco U.* The Open Work. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 285 p.
- Eco U. The Open Work. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 285 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 6, Pp. 1352–1372, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.157

Фонетические и лексические особенности абыйского говора якутского языка (по полевым материалам)

*Нинель Васильевна Малышева¹,
Валерия Сергеевна Борисова²,
Нина Васильевна Турантаева³,
Алина Петровна Васильева⁴*

Phonetic and Lexical Features of Abyisky Yakut: Analyzing Field Data

*Ninel V. Malysheva¹,
Valeriya S. Borisova²,
Nina V. Turantaeva³,
Alina P. Vasileva⁴*

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6358-4256. E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

¹ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Doct. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher

² Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0009-0008-3094-6899. E-mail: Valerybo1402@gmail.com

² Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Junior Researcher

³ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-1776-5603. E-mail: [nv.turantaeva\[at\]svfu.ru](mailto:nv.turantaeva[at]svfu.ru)

³ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Junior Researcher

⁴ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0001-6748-8459. E-mail: alinavasileva88@gmail.com

⁴ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Researcher

© КалмНИЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Малышева Н. В., Борисова В. С.,
Турантаева Н. В., Васильева А. П., 2025© Malysheva N. V., Borisova V. S.,
Turantaeva N. V., Vasileva A. P., 2025

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу лексико-фонетических особенностей абыйского говора якутского языка — одного из наименее изученных говоров северо-восточной диалектной зоны. *Цель* работы — документирование и анализ языковых особенностей говора на основе полевых материалов, собранных в 2025 г. в Абыйском районе Республики Саха (Якутия). *Результаты.* Основное внимание уделено лексическим особенностям, сформировавшимся под влиянием длительных языковых контактов с эвенским и русским языками. В работе детально анализируются тунгусо-маньчжурские заимствования, связанные преимущественно с охотой и рыболовством, а также русизмы, адаптированные к фонетической системе якутского языка. Особый интерес представляют мотивационно обусловленные номинации, отражающие связь языка с традиционной культурой и хозяйственным укладом местного населения. Фонетический раздел исследования включает подробный анализ вокализма и консонантизма. Выявлены архаичные черты, такие, как аканье, укорочение долгих гласных, назализация согласных, а также процессы интерференции с литературной нормой. Установлено, что современное состояние говора характеризуется смешанным употреблением диалектных и литературных форм, что свидетельствует о его активной трансформации. Результаты исследования имеют значительную научную ценность для якутской диалектологии, ареальной лингвистики и компаративных исследований. Полученные данные важны для сохранения языкового разнообразия народов Севера и могут быть использованы в лексикографической и этнолингвистической практике. Работа открывает перспективы для создания мультимедийного диалектного атласа и дальнейшего изучения механизмов языкового контактирования в полиэтнических регионах. Проведенное исследование вносит существенный вклад в документацию исчезающих диалектов и расширяет представления о диалектном разнообразии якутского языка. Материалы статьи представляют интерес как для специалистов-лингвистов, так и для исследователей, занимающихся вопросами языковой политики и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: якутский язык, диалектология, абыйский говор, языковые контакты, тунгусо-маньчжурские заимствования, русизмы, полевая лингвистика, исчезающие диалекты, фонетика, лексика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (№ 25-78-30006).

Для цитирования: Малышева Н. В., Борисова В. С., Турантаева Н. В., Васильева А. П. Лексико-фонетические особенности абыйского говора якутского языка (по полевым материалам) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1352–1372. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1352-1372

Abstract. Introduction. The article examines lexical and phonetic features of Abyisky Yakut — a least studied dialect of the northeastern zone. *Goals.* The study seeks to document and analyze linguistic characteristics of the specified dialect traced in field data collected in 2025 across Abyisky District of the Sakha Republic (Yakutia). Special attention is paid to lexical particulars shaped by long-term language contact with Even and Russian. *Results.* The paper provides a detailed analysis of Tungus-Manchu loanwords, primarily ones related to hunting and fishing, as well as Russian borrowings phonetically adapted to Yakut. Of particular interest are motivationally driven nominations that reflect the connection between language, traditional culture, and subsistence practices of the local population. The phonetic section includes a thorough insight into the vowel and consonant systems. The study identifies some archaic features, such as akanye, shortening of long vowels, nasalization of consonants, and interference with literary norms. The work shows the present-day dialect is characterized by mixed use of both dialectal and literary patterns indicative of its active transformation. The obtained results are of significant value for Yakut dialectology, areal linguistics and comparative studies. The collected data shall contribute to the preservation of the linguistic diversity of Russia's North and may be used in lexicographic and ethnolinguistic practices. The study somewhat opens prospects for the creation of a multimedia dialect atlas and further investigation of language contact

mechanisms in multiethnic regions. The conducted research makes an essential contribution to the documentation of endangered dialects and broadens the understanding of Yakut dialectal diversity. The work can be of certain interest to both linguists proper and researchers engaged in language policies and preservation.

Keywords: Yakut language, dialectology, Abyisky dialect, language contact, Tungus-Manchu borrowings, Russian loanwords, field linguistics, endangered dialects, phonetics, vocabulary.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-78-30006 ‘Languages and Cultures of Russia’s North and Arctic: Comprehensive Socio-Humanitarian Studies (Big Data Analyses)’.

For citation: Malysheva N. V., Borisova V. S., Turantaeva N. V., Vasileva A. P. Phonetic and Lexical Features of Abyisky Yakut: Analyzing Field Data. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. No. 6. Pp. 1352–1372. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1352-1372

1. Введение

Изучение диалектов якутского языка является одной из ключевых задач современной якутской диалектологии. Несмотря на то, что диалектная система якутского языка в значительной степени описана и существуют издания диалектологического атласа якутского языка, значимость дальнейших исследований обусловлена тем, что мониторинг диалектной ситуации в Якутии фактически не проводился с начала 1990-х гг., в то же время некоторые говоры стремительно нивелируются, в связи с чем необходимой и неотложной задачей является сбор полевого диалектного материала современными методами и его научная интерпретация. Кроме того, в дальнейшем можно создать мультимедийный электронный атлас, в котором, в частности, вопросы фонетики будут изучены при помощи инструментальных методов.

Особый интерес представляет северо-восточная диалектная зона якутского языка, в пределах которой функционирует абыйский говор. Согласно архивным историческим документам и фольклорным источникам, заселение предками якутов северо-восточной территории Якутии началось в XVII в. до прихода русских в Якутский край. Территория распространения абыйского говора охватывает современный Абыйский район (бывший Эльгетский улус, входивший в Верхоянский округ). По данным переписи 1897 г., в Эльгетском улусе проживало 1 774 чел., а в Памятной книжке Якутской области за 1891 г. в улусах Верхо-

янского округа как аборигенное население северо-востока Якутского края отмечены 1 228 эвенов и 248 юкагиров. Данный ареал представляет собой устойчивую зону этнолингвистических контактов якутов и эвенов, что отразилось, прежде всего, в лексике абыйского говора, где фиксируются многочисленные заимствования тунгусо-маньчжурского происхождения.

Абыйский район, расположенный в среднем течении реки Индигирки, был образован 25 мая 1930 г. Южная его часть граничит с Момским районом, представляющим собой контактную территорию совместного проживания якутов и эвенов. Традиционные формы хозяйственной деятельности местного населения включают рыболовство, мясомолочное скотоводство и оленеводство, что обусловило сохранение в лексике абыйских якутов архаичных номинаций, связанных с природной средой и жизненным укладом.

Первые диалектологические исследования северо-восточной зоны якутского языка относятся к 1940-м гг. Самым ранним периодом собирания диалектного материала в Абыйском районе стали 1940–1941 гг., когда энтузиастами научного изучения якутского языка С. И. Дьячковским (*Сэһэн Боло*) и А. А. Саввиным были зафиксированы особенности абыйского говора в области фонетики, грамматики и лексики [[Коркина 1992: 7](#)]. Следующий этап изучения был проведен в 1956–1957 гг. в рамках диалектологической экспедиции Института языка и литера-

туры Якутского филиала СО АН СССР при участии Н. К. Антонова и Е. Н. Аммосова. На основе собранных материалов Н. К. Антоновым было выполнено первое системное описание языка абыйских якутов [Коркина 1992: 11].

Накопленный корпус диалектологических данных позволил приступить к классификации говоров якутского языка. Предложив в 1961 г. первую классификацию, П. П. Барашков выделил в ней три группы, взяв за основу ведущий фонетический признак — противопоставление аканья и оканья: 1) акающие говоры намско-усть-алданского типа; 2) окающие говоры кангаласско-вилюйского типа; 3) окающие говоры мегино-таттинского типа [Барашков 1961: 7–17]. Позднее М. С. Воронкиным была разработана более детализированная классификация, включающая: 1) северо-западную группу, состоящую из долганского диалекта и есейского говора якутского языка; 2) вилюйскую группу; 3) центральную группу говоров; 4) северо-восточную группу говоров [Воронкин 1980: 203].

Цель настоящей статьи состоит в описании результатов документирования и анализа абыйского говора с акцентом на его лексические и фонетические особенности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения абыйского говора в синхроническом и диахроническом аспектах, что позволяет уточнить и дополнить данные о характере языковых контактов и взаимовлияний на территории Севера и Арктической зоны Российской Федерации. Анализ лексико-фонетических особенностей способствует более глубокому пониманию современных процессов взаимодействия языков и культур, формированию научных оснований для языкового планирования, а также стимулирует проведение дальнейших исследований северных говоров и речевых практик в изучаемом ареале. Значимость работы определяется тем, что абыйский говор представляет собой уникальный лингвистический материал, на котором отчетливо проявляется взаимодействие экстралингвистических и интралингвистических факторов, определяющих специфику развития языков и диалектов.

2. Материалы и методы

Материалом исследования послужили порядка 2 000 диалектизмов, зафиксированных нами в рамках научной экспедиции в Абыйский район в 2025 г. [МНВ 2025; БВС 2025; ТНВ 2025; ВАП 2025]. Следует отметить, что часть собранных единиц впервые вводится в научный оборот, что усиливает значимость проведенного исследования. В опросах и полевых наблюдениях приняли участие около 100 респондентов — коренные жители Абыйского района, являющиеся носителями говора, типичного для северо-восточной диалектной зоны якутского языка. Значительная доля респондентов сохраняет традиционные формы хозяйственной деятельности, характерные для северных районов Якутии, где рыболовство, мясомолочное скотоводство и оленеводство продолжают играть важную роль в экономике и образе жизни населения. В ходе исследования был применен комплекс методов, обеспечивающих многоаспектное описание лексико-фонетических особенностей абыйского говора якутского языка:

- метод полевого опроса, использованный для собирания диалектного материала. Опросник, разработанный авторами статьи на основе ранних исследований северо-восточной диалектной зоны якутского языка, включал около 300 вопросов, направленных на выявление фонетических, лексических и грамматических особенностей говора абыйских якутов;

- сравнительно-исторический метод, примененный для установления генетической принадлежности лексических единиц. Данный подход позволил выявить в составе диалектной лексики заимствования тунгусо-маньчжурского происхождения (эвенкизмы и эвенизмы), а также русские элементы, адаптированные к фонетической системе якутского языка;

- методы ареальной и диалектной фонетики, использованные для анализа особенностей вокализма и консонантизма, а также для описания процессов звуковой адаптации в системе абыйского говора;

- словообразовательный и ономастический методы, примененные при анализе диалектизмов производного харак-

тера. Данный подход позволил установить мотивационные признаки в номинациях и выявить связь между языковыми единицами и культурно-хозяйственными реалиями, что дает возможность определить лингвокультурологические особенности лексики абыйского говора.

3. Некоторые особенности лексики абыйского говора

Лексика абыйского говора якутского языка характеризуется рядом устойчивых черт, сформировавшихся в условиях территориальной изоляции и длительных контактов абыйских якутов с носителями эвенского и русского языков. Собранный в ходе полевых исследований материал позволяет выделить несколько основных групп лексики, отражающих специфику языкового обихода местного населения. Во-первых, значительный пласт составляют заимствования из эвенского и эвенкийского языков, преимущественно связанные с природной средой, охотой, рыболовством и элементами традиционного быта. Во-вторых, в ответах респондентов широко представлены русизмы, обозначающие предметы повседневного обихода, административные и социальные реалии. Третью группу образуют лексемы, отражающие мотивационные признаки номинации.

Хозяйственный уклад абыйских якутов формировался в специфических природно-географических условиях северо-восточной части Якутии. Территория Абыйского улуса расположена в долине реки Индигирки, в зоне распространения многолетней мерзлоты, где имеется немало рек, протоков и озер. Наличие водных объектов определяет важную роль рыболовства в традиционном укладе жизни местного населения, и в этой связи лексика, связанная с рыбной ловлей, занимает заметное место. Помимо рыболовства, важное место в хозяйственной деятельности абыйских якутов занимает табунное коневодство. Специфика хозяйственного уклада обуславливает особенности лексического состава языка, оказывает непосредственное влияние на состав и тематическое распределение диалектной лексики. Так, например, лексика, связанная

с оленеводством и разведением крупного рогатого скота, у абыйских якутов представлена незначительно либо вовсе отсутствует. Учет особенностей хозяйственного уклада дает возможность точнее интерпретировать зафиксированные лексемы, выявлять локальные номинации и в дальнейшем сопоставлять полученные данные с материалами других северо-восточных говоров якутского языка.

3.1. Тунгусо-маньчжуризмы

Изучение лексического состава диалектов якутского языка позволяет выявить специфику историко-культурных и языковых контактов якутов с соседствующими этническими сообществами, прежде всего с эвенками. В этом отношении абыйский говор представляет особый интерес, поскольку сохраняет ряд архаичных и уникальных лексических единиц. По наблюдению М. С. Воронкина, «северо-восточная диалектная зона расположена в полосе влияния эвенского субстрата» [Воронкин 1999: 120]. Данный процесс особенно отчетливо прослеживается на примере Абыйского района, где основная часть эвенского населения сосредоточена в селе Куберганя (як. *Кэбэр-гэнэ*). Продолжительное сосуществование эвенков и якутов в рамках одного ареала способствовало активным процессам межязыкового взаимодействия. В результате интенсивных контактов наблюдается широкое распространение якутского языка среди эвенков, вплоть до перехода части носителей на его постоянное использование. Одновременно фиксируется и обратное влияние — проникновение отдельных эвенских лексических элементов в состав якутского языка.

Так, диалектная лексема *ньымаат* имеет значение 'дар, подарок охотника из своей добычи' [БТСЯЯ 2010: 173] и отражает культурно-бытовые реалии традиционного охотничьего уклада северных народов. В диалектологических источниках якутского языка основа интерпретируется как 'подарок, отдарок, гостинец от охотничьей добычи' [Коркина 1992: 170; ДСЯЯ 1976: 181]. Этимологически лексема восходит к эвен. *нимāt* '1) доля, пай (дарственный от охоты, часть добычи при дележе); 2) обычай отдавать добычу в дар старшему для распреде-

ления ее поровну между соседями»; эвенк. *нимāt* '1) доля, пай (дарственный от охоты, промысла, обычно половина шкуры убитого зверя); 2) передача части шкуры убитого зверя охотнику-пайщику или гостю (обряд) <...>' [ССТМЯ 1975: 593]. Наличие данной лексемы в абыйском говоре, ее семантическое соответствие эвенским и эвенкийским аналогам, а также устойчивая культурная практика перераспределения охотничьей добычи свидетельствуют об общности культурных и языковых традиций северных народов.

К охотничьей лексике относится также диалектизм *хабыйахаан* 'куропатка' [ДСЯЯ 1976: 275; ДСЯС 1995: 213; БТСЯЯ 2011: 164], являющийся диалектным вариантом общеякутской лексемы *хабдьы* 'куропатка' [БТСЯЯ 2012: 347]. По происхождению слово восходит к эвенк. *кавекāн* 'куропатка' [ССТМЯ 1975: 357; Мыреева 2001: 52] и относится к числу тунгусо-маньчжурских заимствований.

Диалектный ихтионим *сыанаан* 'налим' [ДСЯЯ 1976: 219], зафиксированный в абыйском говоре, представляет собой диалектную форму общеякутской лексемы *сыалһар* 'налим' [БТСЯЯ 2012: 347]. Этимологически восходит к эвенкийскому *сѣнāн* 'налим' [ССТМЯ 1977: 71]; эвенк. *сѣнан* 'налим' [Мыреева 2001: 60]. С точки зрения семантики наблюдается полное сохранение значения. На фонетическом уровне фиксируется дифтонгизация эвенкийского долгого [ē] и соответствие велярного носового /ŋ/ якутскому /н/, что отражает закономерные процессы адаптации тунгусо-маньчжурских заимствований.

Лексема *суорака* 'мозг (головной мозг)' [ДСЯЯ 1976: 215] также восходит к эвенк. *сурака* 'мозг' [ССТМЯ 1977: 353]. Семантическая структура заимствования сохраняется без изменений, что указывает на прямой характер переноса номинации. На фонетическом уровне наблюдается развитие эвенкийского гласного [у] в начальной позиции в дифтонг [уо] под влиянием вокалической системы якутского языка.

Интерес представляют также лексемы, образованные с помощью уменьшительно-ласкательного аффикса *-чаан*, обладаю-

щего высокой продуктивностью в северных говорах: *чукучаан* и вариации *тугачаан* / *тугаччаан* 'мелкая рыба, похожая на осетра (чукучан)' [ДСЯЯ 1976: 302]. Согласно данным «Грамматики современного якутского литературного языка», данный аффикс заимствован из тунгусских языков — эвенского и эвенкийского, и наибольшее распространение получил именно в северных говорах [ГСЯЛЯ 1982: 112]. По наблюдениям Н. В. Малышевой, аффиксы *-чаан* и *-чаан* восходят к общеалтайским морфемам, что позволяет предполагать более древнюю типологическую основу их формирования [Малышева 2024: 311].

3.2. Русизмы

В абыйском говоре отмечается значительное количество русских заимствований, что обусловлено длительными контактами якутов с русским населением, проживавшим в бассейне реки Индигирки. В первой половине XIX в. на этой территории существовало 8 русских поселений, крупнейшим из которых был Зашиверск — административный центр и форпост освоения русскими региона. После его упразднения в 1803 г. русское население сосредоточилось в низовьях Индигирки [Сафронов 1961: 104]. Продолжительное сосуществование двух этносов способствовало активному проникновению русизмов в диалектную лексику, прежде всего в бытовую и хозяйственную сферы. Особый интерес представляют единицы, отсутствующие в общеязыковом якутском лексиконе или представленные в иной форме, что позволяет рассматривать абыйский говор ценным источником для изучения региональной специфики лексической интерференции.

Одним из наиболее частотных примеров является лексема *хачымаас* 'вяленая рыба, разновидность юколы' [Коркина 1992: 167; ДСЯЯ 1976: 286; БТСЯЯ 2011: 492]. Данная единица представляет собой адаптированное заимствование из рус. *качемаз* 'провесная или вяленая рыба осенней заготовки, не столь сухая как юкола' [Даль 1989: 99]; *качемаз* [Коркина 1992: 167; ДСЯЯ 1976: 286]. Фонетическая адаптация заимствованных слов в якутском языке подчиняется ряду закономерных процессов, отражающих осо-

бенности его звуковой системы. В частности в ряде русизмов наблюдаются регулярные изменения: начальный [к] переходит в [х], гласный [е] заменяется на [ы], происходит удлинение [а], а звонкий согласный [з] заменяется на глухой [с]. Широкое распространение данной лексемы в говоре свидетельствует о прочном закреплении отдельных русизмов в тематической группе, связанной с традиционным питанием и заготовками, и отражает специфику хозяйственно-бытовой культуры северных якутов.

Во всех обследованных населенных пунктах респонденты употребляют вместо литературной лексемы *олуу* ‘часть, доля, достающаяся при дележе’ [БТСЯЯ 2010: 427] слово *эрээт*, восходящее к русскому *ряд*. Такая субституция указывает на активное вытеснение исконного слова заимствованием из русского языка.

Лексема *суокур* ‘сиг’ [БТСЯЯ 2012: 138]; ‘разновидность сига, щекур’ от рус. *щекур* [Коркина 1992: 168], представляет собой лексическое заимствование из рус. *щекур* / *шокур*, обозначающих разновидность рыбы сиг [Коркина 1992: 168; ДСЯЯ 1976: 215]. В ней реализованы типичные процессы фонетической адаптации: замена русских аффрикат [ш / щ] на [с], а также дифтонгизация гласного /е/ в /уо/, что соответствует фонологическим закономерностям якутского языка.

Интерес представляет также лексема *сииксэ*, зафиксированная в говоре в значении ‘водяника (шикша)’ [ДСЯЯ 1976: 206; БТСЯЯ 2011: 366]. Она восходит к рус. *шикша* ‘ягода и растение водяница’ [Даль 1991: 633]. Заимствование сопровождается регулярными адаптационными изменениями: заменой аффрикаты [ш] на [с], удлинением гласного /и/ и переходом финального гласного [а] в [э] под влиянием закона сингармонизма, регулирующего согласование гласных.

3.3. Лексические единицы, образованные по мотивационным признакам

Диалектная лексика якутского языка представляет собой богатый пласт, в котором ярко проявляются особенности народной номинации, обусловленной мотивационными признаками. В рамках данной моде-

ли номинации особое внимание привлекают лексемы, сформированные на основе характерных внешних, функциональных или поведенческих черт обозначаемых объектов. Такие образования зачастую основываются на метафорических переносах, звукоизобразительности, а также морфологической продуктивности, характерной для разговорного и диалектного уровней языка. Рассмотрим ряд диалектных номинаций, выявленных в ходе полевых исследований, отличающихся своеобразной семантической структурой и отражающих архаические черты народной языковой картины мира:

Одним из примеров является зооним *бөбө* ‘росомаха’ [ДСЯЯ 1976: 76; Иванов 2021: 193], восходящий к общеякутскому прилагательному *бөбө*, которое в буквальном значении трактуется как ‘неподдающийся быстрому разрушению; крепкий, прочный’ [ТСЯЯ 2005: 431]. Выбор данной лексемы для обозначения росомахи, очевидно, связан с ее физическими качествами — силой, выносливостью и наличием особо прочного, устойчивого к износу меха, что отражает оценочно-характеризующий тип народной номинации.

В абыйском говоре зафиксирована лексема *хаппыт* в значении ‘сушеная рыба’ [ДСЯЯ 1976: 280]. Словообразовательный анализ показывает, что она образована от глагольной основы *хат* ‘становиться сухим, терять влагу, засыхать, усыхать’ [БТСЯЯ 2011: 442] с присоединением аффикса причастия прошедшего времени *-быт*. Мотивационным признаком здесь выступает результат действия: значение отражает переход от процесса сушки к его завершеному результату — продукту, подвергнутому сушке, т. е. вяленой рыбе.

Фитоним *таас отон* [ДСЯЯ 1976: 232], функционирующий в абыйском говоре, соответствует литературной форме *уулаах отон* ‘брусника’. Диалектное наименование представляет собой описательное словосочетание, в котором компонент *таас* ‘камень, скала’ указывает на характерный ареал произрастания растения — каменистые участки. Как отмечает Н. В. Малышева, диалектное название *таас отон* фиксируется в Абыйском районе Республики Саха

(Якутия), расположенном в пределах горно-тундрового пояса, где брусника произрастает преимущественно на каменистых участках тундровой и лесной зон; таким образом, номинации в данном ареале мотивированы природными условиями среды произрастания растения [Малышева 2024: 108].

В абыйском говоре отмечено также семантическое расширение лексемы *тиит* 'лиственница', употребляемой в значении собирательного наименования *мас* 'дерево'. Здесь наименование конкретного вида дерева приобретает обобщенную референцию и используется для обозначения всей категории древесных растений. Как указывает Н. В. Малышева, диалектное переосмысление значения связано с ограниченным биоразнообразием: «диалектное развитие значения (сужение) обусловлено тем, что в данных регионах Якутии лиственница — практически единственное растущее дерево» [Малышева 2024: 408].

Таким образом, диалектные лексемы, формирующиеся по мотивационным признакам, демонстрируют тесную связь между языковым мышлением и природно-культурной средой. Их семантика отражает способы категоризации мира, характерные для традиционной языковой картины народа, и сохраняет архаические черты номинативного мышления.

Проведенный анализ лексики абыйского говора позволил выявить ряд закономерностей, отражающих особенности формирования и функционирования региональной диалектной системы в условиях интенсивных межъязыковых контактов и специфического природно-хозяйственного уклада. Во-первых, исследуемый лексический материал демонстрирует значительный пласт заимствований тунгусо-маньчжурского происхождения, охватывающих преимущественно сферы охоты, рыболовства, зоонимии и повседневного быта. Этимолого-семантический анализ данных единиц указывает на устойчивый характер лексической интерференции, обусловленной длительным сосуществованием якутов и тунгусских народов в пределах одного ареала. Во-вторых, в составе абыйского говора отчетливо выделяется слой русизмов, проникших в

лексику в результате контактов с русскоязычным населением, проживавшим в бассейне реки Индигирки. Лексемы, заимствованные из русского языка, преимущественно связаны с хозяйственно-бытовой сферой, общественными реалиями и материальной культурой. Их адаптация сопровождается регулярными фонетическими изменениями, отражающими особенности звуковой системы якутского языка. В-третьих, важную группу диалектной лексики составляют номинации, образованные по мотивационным признакам. Их формирование основано на восприятии и вербализации характерных внешних, поведенческих или функциональных свойств объектов. В этих лексемах реализуются метафорические и звукоизобразительные модели, а также активно функционируют словообразовательные аффиксы. Подобные единицы фиксируют особенности народной номинации и представляют значительный интерес для описания лексико-семантических процессов в диалектах якутского языка.

Наконец, выявленные лексические особенности напрямую коррелируют с хозяйственным укладом абыйских якутов, в котором ведущую роль традиционно занимают рыболовство, охота и табунное коневодство. Ограниченное развитие других отраслей, в частности оленеводства, находит отражение в неполной репрезентации соответствующей терминологии.

4. О специфике фонетического строя абыйского говора якутского языка

4.1. Особенности в области вокализма

Вокалическая система абыйского говора северо-восточной диалектной зоны имеет определенные отличия от литературного якутского языка, хотя строй их фонетической системы абсолютно идентичен. Рассматриваемые вокалистические особенности связаны, прежде всего, с нормами употребления некоторых гласных фонем. Проведенное нами анкетирование, направленное на выявление фонетических расхождений от норм литературного языка в области вокализма, позволило определить особенности употребления тех или иных

гласных фонем, сохранившихся в речи абыйских якутов по сегодняшний день.

4.1.1. Соответствия огубленных и неогубленных гласных [o] – [a]

Одной из устойчивых фонетических особенностей северо-восточного диалекта в области вокализма, в частности в абыйском говоре, является «аканье» или «неогубленное произношение гласных в основах вместо литературного огубленного» [Коркина 1992: 126]. «Аканье» является более архаичным типом вокализма по отношению к оканью [Иванов 1980: 130]. Якутские лингвисты и тюркологи природу данного фонетического явления объясняют близостью неогубленного варианта гласных к языку древнетюркских памятников и распространённостью «акающей» формы во многих тюркских языках, а также влиянием монгольского языка на процесс «аканья», а эвенкийского — на процесс «оканья» в якутском языке [Коркина 1992: 17]. Кроме того, по мнению П. П. Барашкова, «зона распространения аканья как раз совпадает с территорией, занятой эвенками <...>» [Очерк развития 1971: 26–27], а в Абыйском улусе преимущественно проживают этнические эвены, хотя С. А. Иванов оспаривал это утверждение, ссылаясь на архаичность данного фонетического явления [Коркина 1992: 17].

В результате анкетирования установлено, что около 75 % респондентов употребляют «акающий» вариант основ одновременно с «окающим», остальные 15 % опрошенных употребляют преимущественно «окающий» литературный вариант основ. Данное явление указывает на смешанный характер произношения слов у абыйских якутов: диалектного и литературного вариантов. Так, вариант як. *аргыый* (лит. *оргууй*) ‘тихо, не спеша’ является одним из самых часто употребляемых в речи абыйских якутов (45 % опрошенных). Встречаются и варианты як. *хатыыр* (лит. *хотуур*) ‘коса’ (17,5 % опрошенных), як. *сарый* (лит. *соруй*) ‘поручить’ (17,5 % опрошенных), як. *хамый* (лит. *хомуй*) ‘собирать, убирать’ (5 % опрошенных), як. *хадыһа* (лит. *ходуһа*) ‘сенокосное угодье’ (5 % опрошенных), як. *манчыык* (лит. *мончуук*) ‘манок’ (5 % опрошенных),

як. *дайды* (лит. *дойду*) ‘страна, земля’ (2,5 % опрошенных). Кроме того, прослеживается смешанное огубленное и неогубленное произношение поликомпонентных основ: *аабыый обус*, *аагыый обус* (10 % опрошенных). Систематическое употребление неогубленного варианта основ было выявлено у одного из респондентов из с. Куберганя Абыйского улуса, который, по его словам, имеет эвенское происхождение.

4.1.2. Соответствия переднеязычных огубленных и неогубленных гласных [ə] – [ɛ]

Варьирование гласных [ə] – [ɛ] тоже определяет особенность диалектной фонетической системы абыйского говора. Согласно Е. И. Коркиной, данная пара гласных является мягким вариантом пары [a] – [o] [Коркина 1992: 17–18] и соответствует границам «аканья» и «оканья», судя по «Лингвистической карте распространения акающих и окающих говоров якутского языка» [Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12]. Проведенное анкетирование показало, что 25 % респондентов употребляют нелабиализованные варианты основ як. *мэккиэр*, *мэккиһии* (лит. *мөккүөр*, *мөккүһүү*) ‘спор’. С. А. Иванов утверждал, что у двусложных и многосложных корневых основ данный переход наблюдается по большей части в монголизмах, иногда в тунгусизмах и русизмах, редко в исконно тюркских основах [Иванов 1980: 166–169]. Корень як. *мөккүс* ‘спорить’ в свою очередь восходит к эвенк. *мэккус-мии* ‘спорить, противоречить’ [БТСЯЯ 2009: 310–311]. Так, нелабиализованный вариант як. *мэккис* может быть результатом огласовки по гласной первого слога слова.

4.1.3. Соответствие заднеязычных и переднеязычных узких гласных [ɯ] – [ʏ]

На сегодняшний день в речи абыйских якутов сохраняется предпочтительное употребление заднеязычного узкого гласного [ɯ] вместо переднеязычного узкого [ʏ]. Согласно Е. И. Коркиной, переход основ як. *сирэй* на *сырай*, як. *һырэй* на *һырай* объясняется тем, что «в говоре в отличие от якутского литературного языка огласовка в этих заимствованных из

монгольского языка словах произведена по гласным не первых, а вторых слогов» [Коркина 1992: 128]. Так, заднеязычный широкий гласный [а] в монг. *чирай* ‘лицо’, монг. *нирай* ‘младенец, новый’ подверг ассимиляции переднеязычный гласный -и, который претерпел комбинаторные изменения, находясь в системе якутского языка. В результате проведенного опроса выявлено, что основы як. *сырай* (лит. *сирэй*) ‘лицо’, як. *кылабачый* (лит. *килэбэчий*) ‘сверкать, блестеть’ являются наиболее часто употребляемыми вариантами среди абыйского населения: як. *сырай* — 30 %, як. *кылабачый* — 50 % опрошенных.

В речи абыйских якутов имеет место и «обратный» переход заднеязычного гласного [ы] на переднеязычный [и], который наблюдался в ходе анкетирования в прошлом столетии. 7,5 % опрошенных употребляют форму *кирдьик* вместо литературного *кырдьик* ‘правда’. Данный вариант соответствует древнетюркской форме *кирчик*, *гэрчек* [БТСЯЯ 2008: 328] и, по сути, является более архаичным по отношению к литературному.

4.1.4. Соответствие переднеязычных и заднеязычных огубленных гласных [ү] – [у]

Зафиксировано несколько случаев перехода переднеязычного лабиализованного гласного [ү] в заднеязычный лабиализованный [у] у ограниченного количества респондентов: *курдьах* вместо лит. *курдьэх* ‘лопата’ (10 % респондентов), *курдьар* вместо лит. *курдьэр* ‘выгребают’ (5 % респондентов), *укчу* вместо лит. *укчү* ‘точь-в-точь’ (2,5 % респондентов). Однако диалектологическая экспедиция 1950-х гг. в северо-восточную зону Якутии выявила эту особенность в усть-янском говоре. Природу возникновения данного фонетического явления В. Д. Лебедев объясняет тем, что такая огласовка слов вызвана влиянием говора момских эвенков, переселившихся в Абыйский район [Лебедев 1978: 4], в фонетической системе которого отсутствует гласный [ү] и для которого характерно «уханье», «т. е. замена -ү заднерядным губным гласным верхнего подъема -у» [Коркина 1992: 222].

4.1.5. Соответствие узких огубленных и неогубленных гласных [ү] – [ы]

Анкетирование также выявило замену узкого лабиализованного гласного [ү] узким нелабиализованным гласным [ы] в речи респондентов. Такая фонетическая замена характерна для узкого круга слов: *кыччаа* вместо лит. *куччаа* ‘становиться маленьким’ (7,5 % опрошенных), *кыччыгый* вместо лит. *куччугуй* ‘маленький’ (10 % опрошенных), *һыбай* вместо лит. *субай* ‘свежая кровь’ (2,5 % опрошенных). В остальных основах сохранено произношение узкого лабиализованного гласного: *суһуох* ‘волосы, коса’, *умсаах* ‘утка-нырок’, *кумаабы* ‘бумага’, *дьураа* ‘полоска’, *умнаһыт* ‘попрошайка’. Однако замена [ү] на [ы] не была приведена в работе Е. И. Коркиной при разборе ею абыйского говора, и это позволяет нам сделать вывод о том, что поскольку рассматриваемое фонетическое явление носит незначительный характер, то до настоящего момента оно оставалось без внимания исследователей. Однако замена узкого лабиализованного гласного узким нелабиализованным гласным приводится в характеристиках усть-янского и верхоянского говоров. Е. И. Коркина объясняет данное фонетическое явление в усть-янском говоре так: «Возможно, в нашем говоре, кроме всего прочего, преломляется и фонетическое явление, отмечаемое в говорах соседнего эвенского языка под названием „ыkanie“» [Коркина 1992: 223]. Однако С. А. Иванов отметил, что корневой [ү] переходит в [ы], когда он «соседствует» с губными согласными [м] или [б] и широким гласным [а] / [аа] (*субай* → *һыбай*, *куччаа* → *кыччаа*), и делабиализация в данной позиции является весьма характерным для якутского языка явлением [Иванов 1993: 54–55].

4.1.6. Соответствие узких и широких гласных [ы] – [а], [ү] – [о]

Небольшому числу опрошенных также свойственно употребление як. *хара* вместо лит. *хары* ‘предплечье’ (7,5 % респондентов), як. *көлбүөрэ* вместо лит. *кулгэри* ‘ящерица’ (20 % респондентов). Здесь присутствует расширение узких гласных, что является характерной чертой для говоров северо-восточной диалектной зоны. Эти вариации узких-широких гласных проис-

ходят по соответствию [ы] – [а], [ү] – [ə]. С. А. Иванов указал, что такой переход является результатом «позиционного ослабления гласных в безударной позиции или аккомодации и ассимиляции» [Иванов 1993: 106]. По его мнению, неразличение или физическое совпадение данных гласных в слабых позициях является распространенным явлением для фонетической системы якутского языка, и поэтому специалистами в области фонетики переход узких гласных в широкие не всегда рассматривается как дифференциальный признак какого-то определенного говора [Иванов 1993: 127].

4.1.7. Дифтонгизация гласных в лексической единице *кулгэри* – *көлбүөрэ*

В речи абыйских якутов данное слово претерпело еще и дифтонгизацию гласных в своей основе, которая является чертой абыйского говора: *кулгэри* → *көлбүөрэ*, [э] // [үө]. Употребление «дифтонгизированного» варианта основы характерно для 20 % респондентов. Однако исследователи ранее отмечали дифтонгизацию в двух- и трехсложных глагольных основах и соответствие дифтонгов долгим гласным, тогда как дифтонгизация кратких гласных в именных основах является редким явлением в фонетической системе северо-восточного диалекта: «Необычное для других говоров (кроме центральных) употребление дифтонгов в именных основах: *өнчүөх* в.м. *өнчөх*, *дьэдьиэн* в.м. *дьэдьэн* ‘земляника’, *кулбүөрэ* в.м. *кулгэри*, *кулбэри* ‘ящерица’ <...>» [Диалектологический атлас 2010: 45]. В связи с этим нас интересует соответствие дифтонга краткому гласному, хотя оно не является «последовательно проходящим по всему говору» [Сборник диалектологических материалов 1961: 22]. Данная лексическая единица заимствована из монгольского языка: п.-монг. *гурбэл*, бур. *гүрбэл* [Воронкин 1999: 87]. В якутском языке она имеет несколько диалектных вариантов: *кулбэри*, *көлбөрү*, *көлбүөрэ*. Если брать «эволюцию» данного слова в таком порядке, то на огубление изначального гласного [э], судя по всему, повлияло его положение после губного [б]: «Однако в соседстве с губными <согласными> гласные подвергаются лабиализации» [Дьяч-

ковский 1971: 78]. Так, лабиализованный вариант *көлбөрү*, возможно, претерпел еще и дифтонгизацию по принципу: *өнчөх* > *өнчүөх*, *хомуһун* > *хомуоһун*, *дулба* > *дуолба* [Диалектологический атлас 2010: 45].

4.1.8. Долгость — краткость гласных

Для абыйского говора характерно употребление некоторых основ с краткими гласными вместо их литературных вариантов с долгими гласными. В ходе проведения опроса выяснилось, что 70 % респондентов в повседневной речи произносят некоторые основы с краткими гласными вместо их вариантов с долгими гласными, и набор этих основ оказался весьма устойчивым. Так, носители, которым свойственно «усечение» долгих гласных, произносят основу як. *куугэн* как як. *күгэн* ‘пена’ (65 %), як. *ойуун* как як. *ойун* ‘шаман’ (25 %), як. *тулаайах* как як. *тулайах* ‘сирота’ (22,5 %). Зафиксированы и другие примеры употребления основ с усеченным вариантом долгих гласных: як. *кыптыый* как як. *кыптый* ‘ножницы’ (5 %), як. *ангаар* как як. *ангар* ‘половина’ (5 %), як. *киэһээ* как як. *киэһэ* ‘вечер’ (5 %), як. *сынаах* как як. *сынах* ‘челюсть’ (2,5 %), як. *ообуй* как як. *обуй* ‘паук’ (2,5 %). Однако в употреблении вариантов с краткими или долгими гласными отсутствует какая-либо последовательность, тем не менее эта фонетическая особенность присутствует в речи большинства респондентов. Исследование диалектных особенностей абыйского говора в 50-е гг. прошлого столетия также показало, что употребление слов с недолгим и долгим гласным имеет разрозненный характер, но в целом «употребление вариантов с кратким гласным предпочтительнее, чем употребление тех же слов с долгим гласным» [Коркина 1992: 24].

Вариация кратких и долгих гласных отмечается в основном в первых и последних слогах, т. е. в любой позиции, и носит случайный характер. Природу возникновения таких расхождений Н. Д. Дьячковский объясняет: 1) частичной незавершенностью установления оппозиций между краткими и долгими гласными; 2) уязвимостью и предрасположенностью данной оппозиции к различным нарушениям [Дьячковский

1971: 36]. Он и другие исследователи фонетики утверждают об архаичности противопоставления кратких гласных долгим: «Система оппозиций кратких – долгих гласных является, по всей вероятности, одной из наиболее древних особенностей якутского языка» [Дьячковский 1971: 35]. С. А. Иванов тоже отмечает архаичность данной вариации, исходя из ее непоследовательного характера: «Случайность эта, быть может, в какой-то мере сигнализирует о былой фонетической закономерности, уходящей своими корнями в седую древность» [Иванов 1993: 137–138].

Настоящее анкетирование показало отсутствие в абыйском говоре таких диалектологических особенностей, как дифтонгизация в глаголах и дедифтонгизация в именах существительных и именах прилагательных, что отмечалось участниками прошлых экспедиций. Все респонденты произносили основы с сохранением всех гласных в дифтонгах, в соответствии с их литературными вариантами: *босхолоо* ‘освободить’, *бараа* ‘тратить’, *үлэлээ* ‘работать’, *төлөө* ‘платить’ (отсутствие дифтонгизации); *уот* ‘огонь’, *кыараҕас* ‘тесный’, *диэки* ‘на стороне чего-л.’, *сүөһү* ‘скот’ (отсутствие дедифтонгизации). Если в прошлом столетии данные фонетические явления были для абыйского говора характерны, то в настоящее время население стремительно переходит на употребление литературных вариантов слов.

Установленные диалектизмы в области вокализма позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Для абыйского говора характерны: в большей степени:

- разгубление лабиализованных гласных [o], [ə] и переход в нелабиализованные [a], [э] — 75 % респондентов;

- укорочение долгих гласных — 70 % респондентов;

- употребление заднеязычного узкого гласного [ы] вместо переднеязычного узкого [и] — 67,5 % респондентов;

в меньшей степени:

- замена узкого лабиализованного [у] узким нелабиализованным [ы] — 20 % респондентов;

- дифтонгизация некоторых именных основ типа [күлгэри] — [көлбүөрэ] — 20 % респондентов;

- переход переднеязычного лабиализованного гласного [ү] в заднеязычный лабиализованный [у] — 12,5 % респондентов;

- расширение узкого гласного [ы] и переход в широкий гласный [а] — 7,5 % респондентов.

2. На сегодняшний день для жителей Абыйского района свойственно смешанное употребление диалектного и литературного вариантов слов, большее тяготение отмечается к литературным нормам.

3. Некоторые диалектизмы в области фонетики, указанные в главе «Индибирский говор» монографии Е. И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка», и вовсе не отмечены.

В абыйском говоре прослеживаются древние характеристики основ, не сохранившиеся в их литературных вариантах, что представляет большой интерес для дальнейших диалектологических исследований. Так, изолированная жизнь северных якутов в дореволюционное время обусловила сохранение некоторых архаичных элементов якутского языка в северо-восточном диалекте [Сборник диалектологических материалов 1961: 18], в частности в абыйском говоре. При этом в нем отмечается влияние соседствующего эвенского языка, проявляющееся в заменах и «предпочтительном» употреблении тех или иных гласных фонем.

Возникновение вариаций гласных фонем в якутском языкознании связывают с их неустойчивым положением или слабой позицией в корневых основах и т. д., так они более подвержены всяческому комбинаторным изменениям [Иванов 1993: 106]. Нужно отметить, что отдельные вариации гласных — это результат позднего развития языка, а некоторые носят более архаичный характер и восходят к древним формам и особенностям основ [Дьячковский 1971: 35]. Ярко выраженный сингармонизм гласных в якутском языке также способствовал появлению различных вариаций фонем, относящихся к разным периодам развития языка [Дьячковский 1971: 18]. Также, кроме

внутриязыковых факторов, ученые называют еще внешние, связанные с проникновением иноязычной лексики (из монгольского, тунгусо-маньчжурского, русского языков) и с ее адаптацией в фонетической системе якутского языка [Иванов 1993: 17].

Таким образом, в абыйском говоре употребление диалектных вариантов в области вокализма носит разрозненный и непоследовательный характер. Проведенное анкетирование показало, что современная языковая ситуация в данном ареале существенно отличается от описанной в монографии Е. И. Коркиной. Наблюдается выраженная интерференция диалектных и литературных норм, что обусловлено почти полным переходом местного населения на литературный вариант языка. Непоследовательность употребления диалектных основ свидетельствует о постепенном ослаблении фонетических особенностей и размывании границ между диалектной и литературной подсистемами якутского языка.

4.2. Особенности в области консонантизмов

Изучение диалектов якутского языка важно для сохранения лингвистического разнообразия и реконструкции исторической фонетики. В контексте основной задачи по выявлению фонетических расхождений от норм литературного языка в абыйском говоре на материале полевых записей (40 респондентов) рассмотрены особенности в области консонантизмов. Как утверждает Е. И. Убрятова, «сама система согласных якутского языка весьма своеобразна и некоторые диалектные особенности обязаны своим происхождением своеобразию этой системы» [Убрятова 1960: 67]. Согласно М. С. Воронкину фонемный состав диалектов якутского языка полностью совпадает с литературным языком, не обнаруживая специфических согласных, отсутствующих в стандартном варианте [Воронкин 1999: 75].

В результате анализа собранного материала в абыйском говоре выявлено сохранение следующих фонетических особенностей (в скобках указан процент носителей из 40 опрошенных, у которых зафиксированы эти явления).

Соответствие согласных

– *ичигэстээ* — лит. *итигэстээ* ‘подбирать’ (у 10 % опрошенных); *үчэһэ* — лит. *үтэһэ* ‘вертел’ (10 % респондентов). У Э. К. Пекарского присутствуют оба варианта: *ičigästä* = *itigästä* ‘выбирать, собирать, поднимать по штучке, поодиночке’ [Пекарский 1958–1959: 988]; *үтэсэ, үтүсэ, үчэсэ* ‘заостренный деревянный или железный прут, рожон, вертел’ [Пекарский 1959: 3193]. С. А. Иванов предполагает, что явление возникло «в результате палатализирующего влияния переднеязычных гласных, что произошло на почве самого якутского языка» [Иванов 2021: 99]. Варианты с медиальным [ч] преобладают на севере и Виллюе [Воронкин 1999: 94];

– *чорохой* ‘маленькая щука’ — *борохой* ‘маленькая щука’ [Афанасьев 1965: 74], однако словарь Э. К. Пекарского приводит оба варианта: *борохой* ‘маленькая щука’ (ср. *чорохой, кумдью и сордон*) [Пекарский 1958: 503], *чорохой, чоробой* (ср. кирг. *шорабаты*, каз. *чурабай*, бур. *сурхай*, монг. *чурухай*) ‘щука’ [Пекарский 1959: 3651]; второй вариант — *дьорохой* ‘маленькая (молодая) щука’ [Пекарский 1958: 845]. Интересно, что слово *борохой* в Большом толковом словаре якутского языка дается как разговорное и означает ‘подросший щуренок, молодая щука’ [ТСЯЯ 2005: 398], *дьорохой* означает ‘детеныш щуки, щуренок’ [ТСЯЯ 2005: 413]. Можно предположить, что данные слова представляют собой разные лексемы, и идея соответствия [ч] – [б] в рассматриваемых вариантах предложена в силу схожести фонетического звучания слов. Лексема *борохой* по своему значению связана скорее с возрастной категорией, обозначая не совсем маленькую, а уже подростковую молодую щуку. По данным Диалектологического словаря якутского языка, вариант *чорохой* действительно предпочтителен для Абыйского, а также для Верхоянского и Усть-Янского районов [ДСЯЯ 1976: 300];

– *очоѳос* и *өчөс* — лит. *оѳоѳос* ‘кишка’ и *өһөс* ‘упрямый’ (30 % респондентов), *бычаѳас* — лит. *быһаѳас* ‘неполный’ (20 % респондентов). Данные варианты являются более близкими к древним этимонам и имеют широкое распространение [Иванов 2021:

98], встречаются в северных и вилуйских говорах [Воронкин 1999: 94];

– зафиксировано употребление вариации слова *чөмүйэ* — лит. *сөмүйэ* ‘указательный палец’ (10 % респондентов). Можно предположить, что это связано с эвенкийским влиянием, как и в «речи есейских, оленекских, анабарских якутов с безразличным употреблением [ч] и [с], прямым следствием которого является фонетическое соответствие ч ~ с // с ~ ч» [Иванов 2021: 97]. Сюда же можно отнести примеры С. А. Иванова: *чугас* ~ *сугас* ‘ближний, близкий’, *сэньийэ* ~ *чэньийэ* ‘подбородок’ и т. д. [Иванов 2021: 97];

– *барыбабарыма-ба*, *-мабарыма* → *барыба*: представляет сохранение в якутском языке древнетюркского аффикса отрицания *-ма*, однако форму *-ба* «следует рассматривать либо как рефлекс древнейшей формы отрицания *-ба-*, поскольку в истории тюркского консонантизма [б] считается первичным, [м] — вторичным, либо как более позднюю модификацию, приписываемое древнему кыргызскому влиянию» [Иванов 1993: 201]. Исследователь отмечает, что употребление глагольных основ с отрицательной формой *-(ы)ба* встречается крайне редко в северо-западных говорах [Иванов 1993: 203]. Согласно диалектологическому атласу якутского языка, форма типа *барыба* (*барба-*) ‘не идти’ устойчиво сохранилась от намско-борогонских, таттинско-батурусских говоров центральной диалектной зоны до верхоянских, абыйско-аллаиховских говоров северо-восточной диалектной зоны [ДАЯЯ 2004: 24].

Закономерность чередования согласных [б] и [м] является известным фонетическим явлением в тюркских языках. Как отмечает Е. И. Убрятова, данное соответствие проявляется как в сравнительном анализе различных тюркских языков, так и при исследовании диалектных вариаций внутри алтайского, казахского, каракалпакского и татарского языков [Убрятова 1960: 87]. Так, Е. И. Коркина отмечает употребление шумного губного [б], зафиксированного в колымском и оймяконском говорах в отрицательной форме глагола как «реликтивно-сохранившийся» [Коркина 1992: 180]. «В говорах северо-вос-

точной диалектной зоны наблюдается излюбленное употребление звука [б] вместо [м] не только в глагольных, но и других основах: в индигирских говорах *тиис билэтэ* в.м. *тиис миилэтэ* ‘десны зубов’» [Иванов 2021: 112]. Так, в ходе опроса нами зафиксировано употребление слова *биилэ* вместо литературного *миилэ* ‘десна’ (10 % респондентов). С. А. Иванов приводит примеры: бур. *мүйлэ* / *мылэ* ‘десны’, халх.-монг. *бүйл*, калм. *бүүл*, стп. монг. *бүйилэ* — ср. якут. *миилэ*, *муулэ*, *бүүлэ*;

– *чыһаас* — лит. *чычаас* ‘неглубокий’ (10 % респондентов);

– *симэччи* — лит. *чүмэчи* ‘свеча’ (2,5 %).

В данном примере представлен переход на глухой [м], более того долгота согласных — краткий переднеязычный [ч] заменяется долгим [чч]. В словаре Э. К. Пекарского представлены варианты: *чүбäчи*, *чүбäччи*, *чүмäчи*, *чүмäччи* (русс.) = *сибäчи*, *түмäчи*, *чибäчи* ‘свеча, свечка’ [Пекарский 1959: 3701]. Пример зафиксирован у информанта Слепцовой А. Д., 1944 г. р., по национальности эвенкой, она владеет родным языком и как вторым — якутским, родилась среди Момских гор в кочевой семье, для местных жителей характерным является употребление русизмов. У Е. И. Коркиной присутствует вариант данного слова из усть-янского говора — *сүбэччи* [Коркина 1992: 227], где наблюдается переход глухого среднеязычного [ч] на смычный звонкий губной [б], такой вариант также зафиксирован у информантов из с. Куберганя, однако у одних с варьированием гласных [ү]-[и] — *сибэччи* (5 % респондентов);

– *мэхчиргэ* — лит. *мэхчиргэ* ‘сова’ (2,5 % респондентов). Зафиксировано одно употребление данного слова в такой вариации. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского данное слово происходит от ср. бур. *бэкиһгэ* ‘сова’ [Пекарский 1959: 1547];

– чередование смычных [д] и [т]. В позиции между гласными отмечается тенденция к оглушению: *сыбытах* — лит. *сыбыдах* ‘без седла’ (13 % респондентов); *табай* — лит. *дабай* ‘касаться’ (10 % респондентов). Так, относительно варианта *сыбытах* ‘неоседланный’, стоит сказать, что данная основа восходит к древнетюркским основам

jabitaq ‘неоседланный’ [ДТС 1969: 222], «в языке якутов более распространенным и литературным считается вариант *сыбытах*» [Иванов 2021: 84]. В якутских говорах фонема [д] возникла вследствие позиционной вариативности исконного [т], близкого к ней по артикуляционным свойствам. Ее фонологизация произошла под влиянием экстралингвистических причин, речевой интерференции и тенденции к гармонизации оппозиции «глухость / звонкость» среди шумных согласных. По данным исследований, в ряде реконструкций [д] трактуется как аллофон [т], сохранившийся с доалтайского периода и представленный в современных диалектах [Иванов 1993: 172]. С. А. Иванов упоминает о выделении двух полярных ареалов использования слов отдельно с начальным и срединным [д] и [т], складывавшихся еще до появления первых русских землепроходцев (до XVII в.). Так, в якутских диалектах наблюдается интересная фонетическая динамика: глухой вариант [т] без четкого противопоставления звонкому [д] наиболее устойчив в верхоянских, момско-абыйских и колымских говорах, тогда как в амгино-ленских, оймьконских, саккырырских, усть-янских и аллаиховских говорах отмечается вариативное употребление обоих вариантов. По мнению исследователя, такая картина сложилась под влиянием двух факторов: экспансии звонкого варианта, поддержанной литературной нормой, и сокращения территории распространения глухого согласного [Иванов 1993: 176–177];

– назализация среднеязычного звонкого смычного [д̥]: здесь речь идет о соответствии [д̥] – [ч] – [нь], которое встречается в диалектах алтайского языка, но именно в «якутском языке этот согласный выступает как самостоятельная фонема, имеющая особое обозначение [нь] в современной якутской письменности» [Убрятова 1960: 115]. Так, в работе Е. И. Убрятовой по назализации [д̥] под влиянием последующих носовых приведен пример основы *дьаалбаан* — *ньаалбаан* — *чаалбаан* ‘жесть’. В нашем опроснике представлен пример *ньаалбаан*, из числа респондентов вариант с начальным [ч] произносят 5 % респондентов. У Е. И. Убрятовой, проводившей

сравнительное изучение фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР и представившей результаты в обширной монографии в 1960 г., наибольшее число записей с данной вариацией было зафиксировано в Вилюйском и Олекминском районах [Убрятова 1960: 116]. В свою очередь М. С. Воронкин приводит анализ данных слов, изучавшихся в трех зонах (на северо-западе, Вилюе и северо-востоке), и заключает, что форма *чаалбаан*, распространенная в западных и частично северо-восточных районах, представляет собой архаичный вариант тунгусо-маньчжурского происхождения, практически не имеющий вариаций, за исключением редкого *дьаалбаан* с переходом начального [ч] в [д̥]. При этом литературный стандарт *ньаалбаан*, утвердившийся в центральных говорах, возник в результате назализации, где исходный [ч] трансформировался в [нь] под воздействием последующего носового согласного [Воронкин 1999: 92]. Так, употребление варианта с начальным [ч] в абыйском говоре подтверждает, что оно действительно свойственно для северо-восточных говоров;

– *палатализация и ассимиляция*. В абыйском говоре прослеживается тенденция к палатализации согласных, особенно в позиции перед гласными переднего ряда. Можно отдельно отметить пример замены палатализованного [д̥] на [л̥]: *буульдьа* при литературной норме *буулдьа* ‘пуля’ (3 % респондентов), *ыалдьар* при литературной норме *ыалдьар* ‘болеть’ (3 % респондентов). Данное явление прогрессивной ассимиляции — перехода [л̥] на [л̥̥], [л̥̥̥] — особо отмечалось в оймьконском говоре во время экспедиций Е. И. Коркиной, однако процесс взаимной ассимиляции был выражен менее четко из-за сильного воздействия якутского языка центральных регионов и литературной нормы [Коркина 1992: 182]. По наблюдениям Е. И. Убрятовой, данный вид ассимиляции «имеет тенденцию в якутском языке стать нормой литературного произношения» [Убрятова 1960: 100];

– *вариативность по удвоению согласных*. Характерной чертой абыйского говора является удвоение согласных, известны как *геминация*, не свойственное литературной

норме. Примеры замены кратких согласных долгими зафиксированы в оймьяконском, верхоянском, колымском и индигирском говорах [Коркина 1992: 182]. По результатам проведенной экспедиции можно выделить следующие устойчивые черты в говоре абыйских якутов: замена краткого заднеязычного [х] долгим [хх]: *ыараххан* — лит. *ыарахан* ‘трудный’ (15 % респондентов), *улаххан* — лит. *улахан* ‘большой’ (8 % респондентов), *көххө* — лит. *көхө* ‘крючок’ (3 %); замена переднеязычного [л] долгим [лл]: *уларыйыы* — лит. *уларыйыы* ‘изменение’ (18 % респондентов); замена краткого среднеязычного [ч] долгим [чч]: *мээчик* — лит. *мээчик* ‘мяч’ (10 % респондентов), *чүмэчи* — лит. *чүмэчи* ‘свеча’ (5 % респондентов); геминия палатализованного [дь]: *эдьдйий* при литературном *эдьий* ‘старшая сестра’ (3 % респондентов). Замена рассматриваемых кратких долгими свойственна оймьяконскому, колымскому и индигирскому говорам [Коркина 1992: 182], что устойчиво сохраняется и в абыйском. По данным Диалектологического атласа якутского языка и согласно С. А. Иванову, удвоение увулярного [х] между гласными более характерно для борогонских, таттинско-томпонских и отчасти чурапчинских говоров центральных районов республики. Впоследствии данная фонетическая особенность распространилась на северо-восточные диалектные зоны, включая верхоянский, оймьяконский и абыйско-колымские говоры [ДАЯЯ 2004: 27];

– *выпадение согласных в середине слова*. Е. И. Коркиной отмечается опущение слога в середине слова у носителей индигирского говора в слове *собоостоо* ‘тащить, волочить’, т. е. респонденты произносят его как *сабаастаа* / *сыбаастаа* [Коркина 1992: 135]. В словаре Э. К. Пекарского присутствует вариант *сабаастаа* = *собоостоо* ‘волочь, влечь, тащить по земле’ [Пек. 1959: 2018], также *сособоостоо* = *сасабаастаа*, *сысабаастаа* ‘тащить, волочить, поволакивать’ [Пекарский 1959: 2290]. В Большом толковом словаре якутского языка слово *сабаастаа* означает ‘тащить, волочить по земле (что-то тяжелое, громоздкое)’ [БТСЯЯ 2011: 135]. В ходе опроса среди абыйских респондентов за-

фиксировано употребление слова *сабаастаа* (17 % опрошенных);

– *метатеза*. Следующая особенность абыйского говора заключается в перестановке согласных в сложных словах: наблюдается употребление варианта *хобохо* вместо литературного *хохобо* ‘перхоть’ (70 % респондентов); *тобохо* вместо лит. *тохобо* ‘гвоздь’ (65 % респондентов), *билиһэх* — лит. *биһилэх* (3 %), *тэлиэркэ* — лит. *тэриэлкэ* (3 %), *иһэнэ* — лит. *ингэнэ* (3 %). Согласно исследованиям Н. Д. Дьячковского, метатезы в якутском языке главным образом наблюдаются в заимствованной лексике, что объясняется сложностями фонетической адаптации русских слов и влиянием монгольских языковых моделей. Наиболее часто перестановки затрагивают сонорные и звонкие согласные, тогда как глухие участвуют в этом процессе значительно реже. В исконно якутских словах метатезы преимущественно связаны с фарингальным звуком [h], который представляет собой относительно позднее явление в системе якутского консонантизма по сравнению с другими фонемами, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры [Дьячковский 1982: 26–27].

Таким образом, рассматриваемые явления, частично наблюдавшиеся Е. И. Коркиной (в колымском, олекминском, усть-янском и саккырырском говорах) [Коркина 1992] и П. С. Афанасьевым (в верхоянском говоре) [Афанасьев 1965], могут свидетельствовать о влиянии субстратного языка или архаичных чертах, сохранившихся в говоре. Эти процессы, документированные в работах ведущих исследователей (Е. И. Убрятовой, М. С. Воронкина, С. А. Иванова), подчеркивают значение диалектных исследований для реконструкции прякутской фонетики и выявления языковых контактов. Консонантизм в абыйском говоре, сопоставленный с материалами Е. И. Коркиной (1950-е гг.), в основном сохраняет ряд архаичных черт, характерных для северо-восточных диалектов якутского языка (геминия, ослабление палатализации, метатеза), а также демонстрирует некоторую вариативность, вероятно, связанную с влиянием соседних говоров и контактами с эвенским

языком. Частичная утрата некоторых особенностей может отражать воздействие литературной нормы или языковой сдвиг.

5. Заключение

Проведенный анализ диалектизмов позволяет сделать вывод о том, что лексика абыйского говора характеризуется рядом устойчивых черт, сформировавшихся в условиях территориальной изоляции и длительных контактов с носителями эвенского и русского языков. На основе полевого материала (около 2 000 диалектизмов) выделяются три основные лексические группы: а) заимствования из эвенского и эвенкийского языков, преимущественно связанные с природной средой, охотой, рыболовством и традиционным бытом; б) русизмы, обозначающие предметы повседневного обихода, административные и социальные реалии; в) лексемы, образованные по мотивационным признакам номинации.

Этимолого-семантический анализ показывает устойчивый характер лексической интерференции, обусловленной длительным сосуществованием якутов и тунгусских народов в пределах одного ареала. В составе абыйского говора выделяется слой русизмов, проникших в лексику в результате контактов с русскоязычным населением, проживавшим в бассейне реки Индигирки и связанных с хозяйственно-бытовой сферой, общественными реалиями и материальной культурой. Их адаптация сопровождается регулярными фонетическими изменениями, отражающими особенности звуковой системы якутского языка. Важную группу диалектной лексики составляют номинации, образованные по мотивационным признакам. Их формирование основано на восприятии и вербализации характерных внешних, поведенческих или функциональных черт объектов. Подобные единицы фиксируют особенности народной номинации и коррелируют с хозяйственным укладом абыйских якутов, в котором ведущую роль занимает рыболовство, охота и табунное коневодство.

В фонетической системе абыйского говора, прежде всего в области вокализма, отмечается смешанное употребление «акающих» и «окающих» вариантов: около

75 % респондентов используют обе формы параллельно, в то время как около 15 % отдают предпочтение «окающим» вариантам, приближенным к литературной норме. Это свидетельствует о постепенной нивелировке диалектных признаков. В системе вокализма зафиксированы соответствия огубленных и неогубленных гласных [o] – [a], [ə] – [э], а также заднеязычных и переднеязычных узких гласных [ы] – [и]. Соответствие заднеязычных и переднеязычных узких гласных [и] – [ы] — один из показателей фонетической системы северо-восточной диалектной зоны якутского языка. Для абыйского говора характерно предпочтительное употребление заднеязычного узкого гласного [ы] вместо [и], при этом фиксируются отдельные случаи обратного перехода [ы] → [и], восходящие к древнетюркской форме. У ряда информантов отмечено изменение переднеязычного лабиализованного гласного [ү] в заднеязычный [у]. Природу возникновения данного фонетического явления можно объяснить влиянием говора момских эвенков, переселившихся в Абыйский район.

Незначительные фонетические процессы зафиксированы в области соответствия узких огубленных и неогубленных гласных [y] – [ы], соответствия узких и широких гласных [ы] – [a], [ү] – [ə], дифтонгизации гласных в лексической единице [күлгэри] – [көлбүөрэ], долготы ~ краткости гласных. Современная языковая ситуация характеризуется смешанным употреблением диалектных и литературных вариантов с заметным тяготением к литературной норме. В абыйском говоре прослеживаются древние характеристики основ, не сохранившиеся в их литературных вариантах, что представляет большой интерес для дальнейших диалектологических исследований.

Изолированное существование северных якутов в дореволюционный период способствовало сохранению древних элементов языка, в то время как соседство с эвенками обусловило отдельные случаи фонетического влияния. Нужно отметить, что отдельные вариации гласных — это результат позднего развития языка, а некоторые носят более архаичный характер и восходят к древним формам и особенностям основ.

Ярко выраженный сингармонизм гласных в якутском языке также способствовал появлению различных вариаций фонем, относящихся к разным периодам развития языка. Кроме внутриязыковых факторов, ученые называют еще внешние, связанные с проникновением иноязычной лексики (тунгусо-маньчжурского, русского языков) и с ее адаптацией в фонетической системе якутского языка.

В области консонантизма зафиксированы следующие закономерные процессы: переход смычного глухого переднеязычного [т] → в смычный глухой среднеязычный [ч] в интервокальной позиции; назализация среднеязычного звонкого смычного [дь]; переход смычного глухого заднеязычного [к]

→ в увулярный [х]; переход смычного глухого среднеязычного [ч] → в носовой губной [м]; переход смычного глухого среднеязычного [ч] → в фарингальный [h]; чередование согласных [б] и [м]; переход носового губного [м] → в смычный звонкий губной [б]; переход щелевого переднеязычного [с] → в смычный глухой среднеязычный [ч]; переход фарингального [h] → в смычный глухой среднеязычный [ч]; переход смычного звонкого губного [б] → всмычный глухой среднеязычный [ч]; чередование смычных [д] и [т]; назализация среднеязычного звонкого смычного [дь]; палатализация и ассимиляция; выпадение согласных в середине слова; вариативность по удвоению согласных; метатеза.

Полевые материалы

- БВС 2025 — Полевые материалы В. С. Борисовой, запись 2025 г.
 ВАП 2025 — Полевые материалы А. П. Васильева, запись 2025 г.
 МНВ 2025 — Полевые материалы Н. В. Малышевой, запись 2025 г.
 ТНВ 2025 — Полевые материалы Н. В. Турантаевой, запись 2025 г.

Authors' Field Data

- Field data of V. S. Borisova, 2025. (In Yak. and Russ.)
 Field data of A. P. Vasileva, 2025. (In Yak. and Russ.)
 Field data of N. V. Malysheva, 2025. (In Yak. and Russ.)
 Field data of N. V. Turantaeva, 2025. (In Yak. and Russ.)

Источники

- Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН — Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Sources

- Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (SB RAS), Manuscript Department.

Литература

- Афанасьев 1965 — *Афанасьев П. С.* Говор верховянского якутов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. 176 с.
 Барашков 1961 — *Барашков П. П.* К вопросу о классификации говоров якутского языка // Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. С. 7–18.
 БТСЯЯ 2008 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. А. Г. Нелунов, П. А. Слепцов, В. Г. Попов, Н. Н. Васильева, Н. Е. Петров. Т. 5: К. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.

References

- Afanasyev P. S. Verkhoyansk Yakut. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1965. 176 p. (In Russ.)
 Barashkov P. P. More on Yakut dialect classification. In: Collected Yakut Dialectal Materials. Yakutsk, 1961. Pp. 7–18. (In Russ.)
 Nelunov A. G. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 5: K. Novosibirsk: Nauka, 2008. 616 p. (In Yak. and Russ.)

- БТСЯЯ 2009 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, В. Д. Монастырев, Ф. Н. Дьячковский, Н. Е. Петров. Т. 6: Л, М, Н. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
- БТСЯЯ 2010 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, В. Д. Монастырев, Ф. Н. Дьячковский, Н. Е. Петров. Т. 7: Нь, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2010. 518 с.
- БТСЯЯ 2011 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, А. Г. Нелунов, Н. Н. Васильева. Т. 8: С. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
- БТСЯЯ 2012 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Н. Н. Васильева, Н. И. Данилова, В. Д. Монастырев, М. Д. Куличкина, Е. В. Семенова, И. В. Аммосова. Т. 9: С-һ. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.
- Воронкин 1980 — *Воронкин М. С.* Саха диалектологиятын очерката: Фонетика уонна морфология. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. 244 с.
- Воронкин 1999 — *Воронкин М. С.* Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука; СО РАН, 1999. 197 с.
- ГСЯЛЯ 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / под ред. Е. И. Коркиной, Е. И. Убрятовой и др. М.: Наука, 1982. 495 с.
- Даль 1989 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2: И–О. М.: Русский язык, 1989. 779 с.
- Даль 1991 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4: Р–В. М.: Русский язык, 1991. 683 с.
- ДАЯЯ 2004 — Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 1: Фонетика / отв. ред. И. Е. Алексеев, сост. С. А. Иванов. Якутск: ЯФ СО РАН, 2004. 124 с.
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 6: Л, М, Н. Novosibirsk: Nauka, 2009. 519 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 7: Нь, О, Ө, П. Novosibirsk: Nauka, 2010. 518 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 8: С. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p. (In Russ.)
- Vasilyeva N. N. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 9: С-һ. Novosibirsk: Nauka, 2012. 630 p. (In Yak. and Russ.)
- Voronkin M. S. An Essay in Sakha Dialectology: Phonetics and Morphology. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1980. 244 p. (In Yak.)
- Voronkin M. S. Sakha Dialect System: Education, Interaction with the Standard Language, and Characteristics. Novosibirsk: Nauka, 1999. 197 p. (In Russ.)
- Korkina E. I., Ubryatova E. I. et al. (eds.) Grammar of Modern Standard Yakut: Phonetics and Morphology. Moscow: Nauka, 1982. 495 p. (In Russ.)
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 2: И–О. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 779 p. (In Russ.)
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 4: Р–В. Moscow: Russkiy Yazyk, 1991. 683 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. (comp.) The Yakut Dialect Atlas: General Maps. Pt. 1: Phonetics. I. Alekseev (ed.). Yakutsk: Siberian Branch of the RAS (Yakutsk), 2004. 124 p. (In Russ.)

- Диалектологический атлас 2010 — Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 2: Морфология и лексика / сост. С. А. Иванов, отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2010. 177 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- ДСЯС 1995 — Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том : содержит около 5 000 слов / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 294 с.
- ДСЯЯ 1976 — Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8 500 слов / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, отв. ред.: П. С. Афанасьев, В. М. Наделяев. М.: Наука, 1976. 391 с.
- Дьячковский 1971 — *Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. 1: Вокализм / отв. ред. М. И. Матусевич. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 191 с.
- Дьячковский 1977 — *Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка: в 2-х ч. Ч. 2: Консонантизм. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1977. 256 с.
- Дьячковский 1982 — *Дьячковский Н. Д.* Консонантизм якутского языка: (экспериментальное, сравнительно-сопоставительное исследование): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Якутск, 1982. 45 с.
- Иванов 1980 — *Иванов С. А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. 184 с.
- Иванов 1993 — *Иванов С. А.* Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993. 348 с.
- Иванов 2021 — *Иванов С. А.* Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск: СО РАН, 2021. 256 с.
- Коркина 1992 — *Коркина Е. И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 268 с.
- Лебедев 1970 — *Лебедев В. Д.* Момский говор эвенского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1970. 20 с.
- Лебедев 1978 — *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 207 с.
- Ivanov S. A. (comp.) The Yakut Dialect Atlas: General Maps. Pt. 2: Morphology and Vocabulary. P. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2010. 177 p. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ. and Old Turk.)
- Voronkin M. S. et al. (comps.) Sakha Dialect Dictionary. Supplementary vol. Ca. 5,000 word entries. Novosibirsk: Nauka, 1995. 294 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Yakut Dialect Dictionary. Over 8,500 word entries. P. Afanasyev, V. Nadelyaev (eds.). Moscow: Nauka, 1976. 391 p. (In Russ.)
- Dyachkovsky N. D. Yakut Sound System. Pt. 1: Vowels. M. Matusevich (ed.). Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 191 p. (In Russ.)
- Dyachkovsky N. D. Yakut Sound System. In 2 pts. Pt. 2: Consonants. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1977. 256 p. (In Russ.)
- Dyachkovsky N. D. Yakut Consonant System: An Experimental Comparative Study. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Yakutsk, 1982. 45 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. Akanye and Okanye in Yakut Dialects. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1980. 184 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. Central Yakut Dialects: Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993. 348 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. Yakut Dialect System and Its Shaping. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. 256 p. (In Russ.)
- Korkina E. I. Northeastern Yakut Dialects. Novosibirsk: Nauka, 1992. 268 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. Moma Dialect of Even (Lamut, Ewen, Orich). Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Leningrad, 1970. 20 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. Language of Yakutia's Evens. Leningrad: Nauka, 1978. 207 p. (In Russ.)

- Малышева 2024 — *Малышева Н. В.* Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2024. 413 с.
- Мыреева 2001 — *Мыреева А. Н.* Лексика эвенкийского языка : растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001. 101 с.
- Очерк развития 1971 — Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 142 с.
- Пекарский 1958 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 тт. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1–4. М.: АН СССР, 1958. 1279 стб.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 тт. 2-е изд. Т. 2. Вып. 5–9. М.: АН СССР, 1959. 1227 стб.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 тт. 2-е изд. Т. 3. Вып. 10–13. М.: АН СССР, 1959. 1349 стб.
- Сафронов 1961 — *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XIX вв.) Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. 496 с.
- Сборник диалектологических материалов 1961 — Сборник диалектологических материалов якутского языка / отв. ред. Л. Н. Харитонов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. 130 с.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / под ред. В. И. Цинциус. Ч. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / под ред. В. И. Цинциус. В 2 тт. Т. 2: О–Э. Л.: Наука, 1977. 992 с.
- ТСЯЯ 2005 — Толковый словарь якутского языка / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Е. И. Оконешников, Л. А. Афанасьев, П. С. Афанасьев, Г. В. Попов, Н. Е. Петров. Т. 2: Б. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.
- Убрытова 1960 — *Убрытова Е. И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: АН СССР, 1960. 151 с.
- Malysheva N. V. Origins of Nature Vocabulary: Onomasiology and Etymology (Yakut and Its Dialects). Dr. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2024. 413 p. (In Russ.)
- Myreeva A. N. Evenki Vocabulary: Flora and Fauna. Novosibirsk: Nauka, 2001. 101 p. (In Ev. and Russ.)
- Petrov N. E. Development of Standard Yakut in the Soviet Era. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 142 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of Yakut. In 3 vols. Vol. 1. Pts. 1–4. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 1279 cols. (In Yak. and Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of Yakut. In 3 vols. Vol. 2. Pts. 5–9. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 1227 cols. (In Yak. and Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of Yakut. In 3 vols. Vol. 3. Pts. 10–13. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 1349 cols. (In Yak. and Russ.)
- Safronov F. G. Russian Peasants in Yakutia, Eighteenth – Early Nineteenth Centuries. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1961. 496 p. (In Russ.)
- Kharitonov L. N. (ed.) Collected Yakut Dialectal Materials. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1961. 130 p. (In Yak. and Russ.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for an Etymological Dictionary. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1975. 672 p. (In Manchu, Russ., etc.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for an Etymological Dictionary. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1977. 992 p. (In Manchu, Russ., etc.)
- Okoneshnikov E. I. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 2: Б. P. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2005. 912 p. (In Yak. and Russ.)
- Ubryatova E. I. Yakut Spoken in Some Districts of the Yakut ASSR: A Comparative Phonetic Study. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 151 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2025. Т. 18. № 6

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 29.12.2025.

Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 23,25.

Тираж 100 экз. Заказ 39-2025.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:

Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:

Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8